

ISSN 0131-6856

СМОНА

ЗИНОВЬЕВ, ТРОЦКИЙ — ПОРТРЕТЫ С НАТУРЫ

ЭД МАКБЕЙН. СПОСОБ УБИЙСТВА

АНДРЕЙ ШАРАПОВ. ВЕДЬМА

ПОЧЕМУ ЯПОНЦЫ НЕ СТРОЯТ КОММУНИЗМ

9'90

“Фермачи”

КВАСОВЫ

(ЧИТАЙТЕ СТР. 5)

9'90
СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
Основан в январе 1924 года.**

**Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ**

Редколлегия:

БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ
ИОСИФ ОРДЖОНИКИДЗЕ
СЕРГЕЙ ПОПОВ
(зам. главного редактора)
ЮРИЙ РАГОЗИН
РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
ЕВГЕНИЙ РЯБЧИКОВ
ВАДИМ САЮШЕВ
ВИТАЛИЙ СЕВАСТЬЯНОВ
ВЛАДИСЛАВ СЕРИКОВ
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
(главный художник)
ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ИГОРЯ КЛЮЧНИКОВА
АМАЛИИ АВДЮШИНОЙ
Технический редактор
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 27.06.90.
Подписано к печати 10.08.90.
Формат 84 × 108½.
Бумага газетная «Тампресс».
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54. Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 23,10. Отпечатано
1.895.912 экз. (из общего тиража
3 300 000 экз.).
Заказ № 2556. Цена 70 коп.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок
212-11-27 — отдел писем.
Ордена Ленина и ордена Ок-
тябрьской Революции типогра-
фия имени В. И. Ленина изда-
тельства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, ули-
ца «Правды», 24.
Рукописи, фото и рисунки не воз-
вращаются. Рукописи объемом
более 1 авторского листа (24 ма-
шинописные страницы) редакци-
ей не рассматриваются.

9 (1511) СЕНТЯБРЬ

© Издательство ЦК КПСС «Правда».
«Смена», 1990.

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

180

ЭД МАКБЕЙН. СПОСОБ УБИЙСТВА
Роман

71

АНДРЕЙ ШАРАПОВ. ВЕДЬМА
Рассказ

106

Е. ТАББ. ВАЗА МИНОВ
Фантастический рассказ

ПОЭЗИЯ

16

ВАЛЕНТИН ЛУКЬЯНОВ

138

ЕКАТЕРИНА КОЗЫРЕВА, МИХАИЛ МАМАЕВ

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

4

ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ. «ФЕРМАЧИ» КВАСОВЫ

34

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ. ПУСТОЙ «КАРМАН РОССИИ»

50

АЛЕКСАНДР НАГЛОВСКИЙ. ЗИНОВЬЕВ. ТРОЦКИЙ

63

СЕРГЕЙ СМОРОДКИН. ОСТРОВИТАНЕ

МОРАЛЬ И ПРАВО

22

ИЛЬЯ АРАНОВСКИЙ. УРОКИ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

КУЛЬТУРА, МУЗЫКА, ИСКУССТВО

89

ПЕТР БРЯНСКИЙ. БЫЛА ЛИ ЗИМА В СТРАНЕ
«ЛАСКОВОГО МАЯ»

98

АЛЕКСАНДР КНЯЖИНСКИЙ. «НЕ ЗНАЮ, ЧТО ТАКОЕ
ЭСТЕТИЧЕСТВО»

129

ИГОРЬ МИХЕЕВ
О ЛЕНИНГРАДСКОМ ХУДОЖНИКЕ
ВАСИЛИИ ГОЛУБЕВЕ

На нашей
обложке:
Фотоэтнод
ВИКТОРА
БРЕЛЯ.

140

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ. ПО ПУТИ ПАГАНИНИ

152

АЛЕКСАНДР МЕНЬ. СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

20,125

ВАШИ ПИСЬМА

282

ШАХМАТЫ. КРОССВОРДЫ

10•90

3

АНОНС:

■ **РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ.** «Меж двух миров»

Перу известного американского писателя-фантаста, лауреата самых престижных в области фантастики премий «Хьюго» и «Небьюла» принадлежат более 60 романов и 25 сборников рассказов.

Рассказ «Меж двух миров» вошел в один из новых сборников писателя.

Герой рассказа, преуспевающий бизнесмен, холостяк, неожиданно для себя оказывается в параллельном мире, где все почти так же, как и в его собственном, только в этом новом мире он женат...

■ **ИГОРЬ ЧКАЛОВ.** «Слепой полет»

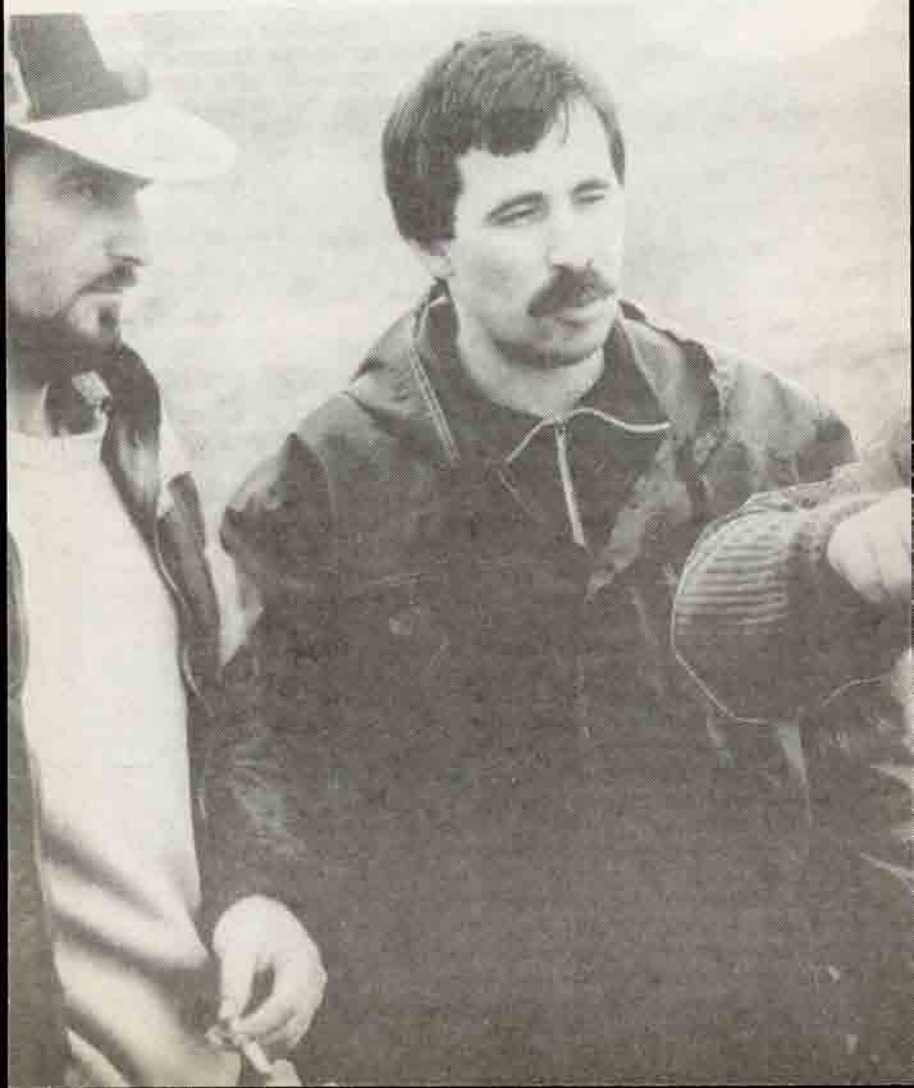
Сын знаменитого летчика выдвигает свою версию его трагической гибели...

■ **РАСУЛ ГАМЗАТОВ.** Новые стихи.

■ **ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ.** «Без Толстого»

Статья одного из самых влиятельных критиков русского зарубежья — первое знакомство отечественного читателя с его творчеством.

“Фермачу” КВА

ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ

**Фото
ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ**

СОВЫ

В середине нынешней весны братья Квасовы резко изменили свою жизнь.

— Да что вы делаете? — всплеснула руками мать. — Здесь вы на виду, заработки хорошие, и работа — дай Бог каждому, а там... завтра-то что будет?

Здесь — это значит в селе Мюд, что в Урицком районе Орловской области.

...Нет-нет, да и встречаются на истинно русских просторах такие необычные названия. Откуда они взялись и что собой выражают, располагаясь по соседству с какими-нибудь немудреными Погорельцем, Комаровцем, Колпачками, — многим и неведомо. Так вот, если МЮД написать в виде аббревиатуры и ее расшифровать, то получится «Международный юношеский день». Нынче про этот праздник мало кто знает. А в тридцатые годы был такой. В честь него и назвали возникший в годы коллективизации совхоз и село, что стало центральной усадьбой нового, советского хозяйства.

Оно, хозяйство это, специализирующееся на птицеводстве, существует по сию пору. В нем и работали братья Квасовы.

Оба они — и старший Валерий (ему 31 год), и Игорь (моложе на 5 лет) — зоотехники, после армей-

6

ской службы окончили Орловский сельскохозяйственный институт.

Старший, кстати, проходил практику у знаменитого тульского аграрника Василия Стародубцева. О том времени у Валерия воспоминания самые радужные:

— Нигде не видал такого порядка и дисциплины... Крепкий хозяин, как ни подступись. И люди у него живут получше, чем в других селах. Газ проведен. Дороги асфальтовые...

— А хотел бы фермерствовать под его началом?

— Боюсь, разругались бы скоро.

— Почему?

— Да он ведь все на себя взвалил. Проверяет и перепроверяет все и всех. А такое не по мне. Дали работу — так и не ходите по пятнам...

Характер Игоря показался мне более мягким, покладистым. Но именно Игорь первым всерьез за-

говорил об аренде. Характер тут, конечно, ни при чем. Просто младший Квасов, выйдя из стен института, которых не могли не коснуться страсти, кипящие в последние годы вокруг аграрной политики, и едва освоившись с должностью специалиста в хозяйстве, понял: разговоры о реформах, что ведутся на всех управленческих этапах, — пока что слова, не более. Выбор надо делать самому. И не откладывая. Иначе остается одно: ждать у моря погоды. Или, иначе говоря, жить «не высовываясь», довольствоваться тем, что дает рутинная, ничуть не изменившаяся, несмотря на перестроечную фразеологию, система. Сильным доводом в пользу такого логического построения был и опыт старшего брата.

...В одном из хозяйств соседней области, куда он попал по институтскому распределению, Валерий быстро «дорос» до главного зоо-

техника. Ему, казалось бы, и карты в руки — ан нет! Как был, так и остался исполнителем указаний и предписаний, исходивших от председателя колхоза до служивых из райагропрома. Вынужден был и «липу» гнать в статотчетности. Не выдержал — ушел...

Любит свою специальность, дело знает, а последнее время работал в Мюде заведующим Домом культуры — благо, к этому способности от природы: играет на музыкальных инструментах, дока по части отечественной и зарубежной эстрады. Создал в совхозе детский ансамбль. Родители на него, как говорится, молились. Но как бы то ни было — не к этому изначально стремился выпускник сельхозинститута Валерий Квасов. Не сбросишь со счета и такое соображение: чем лучше, интереснее работаешь в сельской культуре, тем больше на тебя кладут глаз районные культурные и идеологи-

ческие ведомства. А где глаз наложен, там и рука последует. Без опекунов и советчиков не обойдешься. Так что и здесь рано или поздно в поводе пойдешь...

Итак, идея была высказана. И в двадцатых числах нынешнего марта Валерий, Игорь с Татьяной (жена младшего Квасова — однокурсница, односельчанка...) и сыном Илюшей стали «фермачами».

Но, прежде чем описать ферму, надо сказать о тех сопутствующих обстоятельствах, о которых я упоминал. В этом повествовании они важны.

...Вряд ли кому сейчас нужно рассказывать, что такое в нынешнем виде русская деревня. Все мы слышаны о десятках тысяч умерших населенных пунктов, о селах, где доживают свой век полуживые родственниками и властями старики и старухи, где не звучит детский смех даже

в пору, когда горожане стремятся «на лоно природы».

Некогда благодатная и хлебообильная Орловщина полной мерой хлебнула этой горькой российской судьбы. В высоких областных инстанциях меня познакомили с некоторыми цифрами. Вдумайтесь в них, чтобы трезво и поделовому оценить положение, из которого нам всем приходится выбираться.

За последние двадцать лет с карты области стерто семьсот деревень и сел. Численность сельских жителей за это время уменьшилась на количество, превышающее людские потери, нанесенные двадцатью двумя военными месяцами, когда здесь хозяйничали оккупанты и огненным валом прокатилась битва на Орловско-Курской дуге.

В 1980 году 372 хозяйства (то есть 91 процент!) не смогли свети концы с концами. Каждый

вложенный рубль приносил 35 копеек убытка; в начале одиннадцатой пятилетки задолженность орловских хозяйств по ссудам составила в среднем по 3,4 миллиона рублей, что равняется стоимости всех основных фондов, созданных тут со дня организации колхозов и совхозов.

Такая «веселенькая» картинка... Как дальше быть? И вдруг начиная с 87-го на различных форумах и совещаниях по вопросам сельской экономики все чаще звучала Орловская область в качестве примера положительного.

Разумеется, не вдруг, неспроста... Реальные сдвиги к лучшему — результат реализации трех целевых программ...

Первая «Программа-100» предусматривала развитие ста самых «лежачих» хозяйств; строились жилье, школы, детские сады... И 18 тысяч человек, приехавших отовсюду и обосновавшихся в обновленных деревнях, — факт оптимистический.

Вслед за тем была введена в действие «Программа-60»: такому количеству наиболее крепких хозяйств была поставлена задача — увеличить рост производства продукции за пятилетку в полтора-два раза (в зависимости от потенциала каждого конкретного совхоза или колхоза). Наконец, третья «Программа-миллион» предусматривает рост (в ближайшее пятилетие!) численности крупного рогатого скота в области на одну треть, а поголовье свиней удвоится...

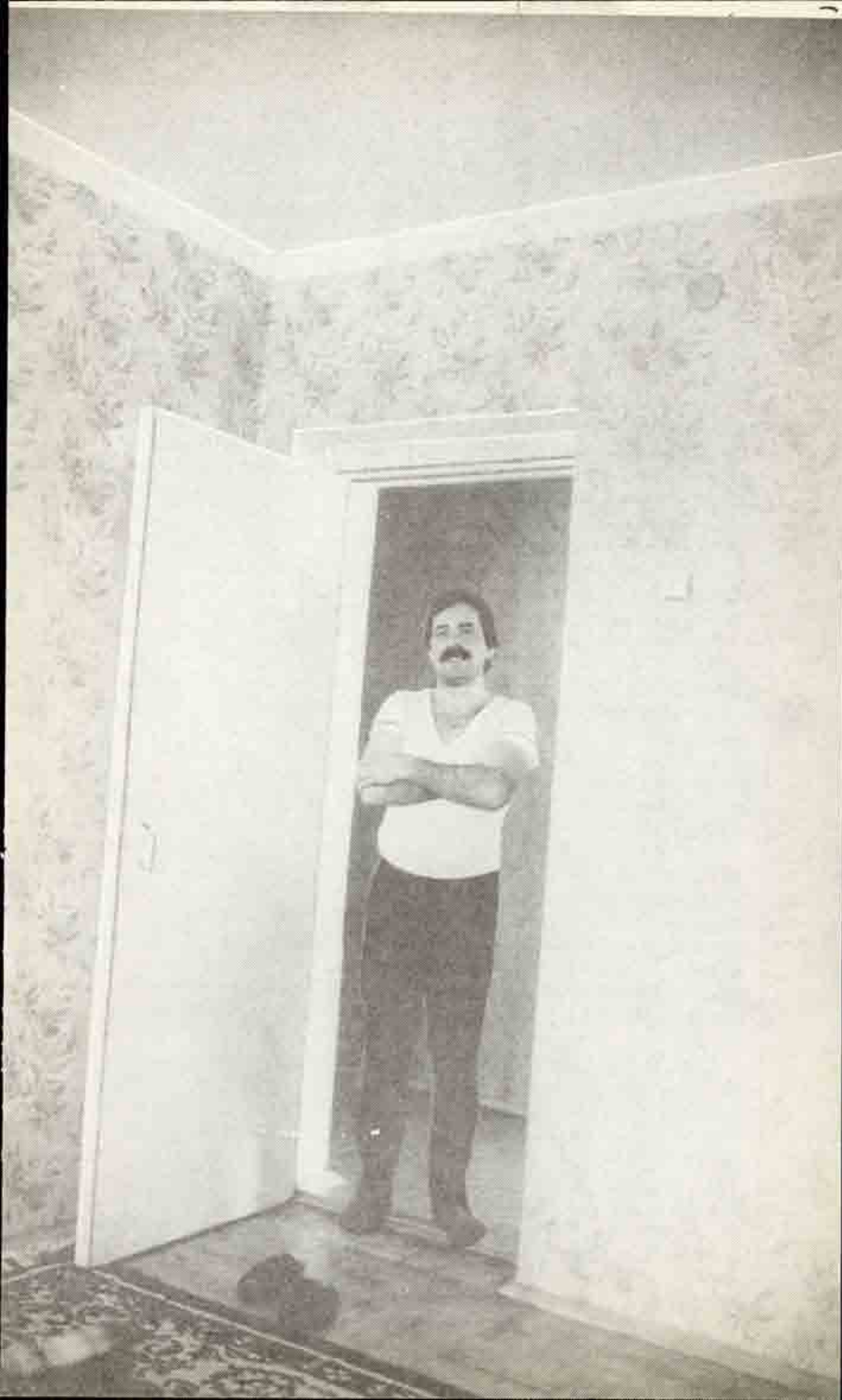
Читатель может резонно заметить: да мало ли в центре и на местах принималось самых хороших программ и решений. А прилавки как были пусты, так и пустыют. И цены на рынке растут, не дожидаясь правительственных дотаций и регулирования... Я солидарен с читателем. И если уж на

то пошло, несмотря на весь областной оптимизм, не верю, что подобные программы могут в корне изменить продовольственную ситуацию в стране. Какое-то временное облегчение реально. А потом снова все вернется на круги своя, и потребуются новые капиталовложения для очередного оздоровления...

Но положительного в программах этих хотя бы то, что с началом претворения их в жизнь областное руководство (к тому времени возглавил его Егор Строев, нынешний секретарь ЦК КПСС) поняло главный изъян: они (программы), базируясь все-таки на командно-административном, а не на экономическом факторе, не полностью учитывают интересы людей. На сей раз это горькое открытие уже просто не могло не подтолкнуть к тому, чтобы признать право на существование арендных, семейных, фермерских коллективов. И в этом Орловская область опередила многие другие... Благо, появились в руководящих слоях и люди, не зашоренные «незыблемыми принципами», реально оценивающие как «путь побед и достижений», так и конкретно сложившуюся действительность.

Один из таких — Владимир Соболев, председатель Урицкого райсовета (он же и первый секретарь РК КПСС). В этом районе, прилегающем к областному центру, работают более шестидесяти семейных ферм. Большинство располагаются в старых, привычных глазу постройках. Но есть и нечто необычное для российского пейзажа эпохи «развитого социализма»...

В прошлом году Соболев с группой руководителей хозяйств района (в нее входил и председатель колхоза «Заветы Ильича» Алексей Романов) побывал в Финляндии. Ездили не только изучать опыт,

что стало модным в нынешнее время (интересно, сколько валюты тратится и каков кпд этих поездок?), но и с конкретной целью: приобрести проекты фермерских хозяйств, новейшее оборудование для молочнотоварного производства.

— Когда прощались с финскими фермерами, — рассказывал мне Соболев, — вышло даже что-то вроде пари. Стройки по их проектам рассчитаны на полтора года. Мы им говорим: нас время поджимает, поставим фермы за полгода. Да ни за что! — говорят они нам. И «Катюшу» затягивают. Спели и мы. Друзьями расстались... А все шесть ферм мы поставили-таки в задуманный срок.

— Но в этом есть что-то показушное, — говорю я Соболеву.

— Не показушное, — поправляет меня Владимир Владимирович, — а рекламное. Мы на это сознательно шли. Пусть побыстрее народ увидит, в каких условиях можно жить и работать... Это же совсем другой уровень. Показать и доказать надо, что можем не хуже других.

Истинно так...

Отъехав от Больше-Сотниково, центральной усадьбы колхоза «Заветы Ильича», почти по курсу большака, перерезавшего поля, увидел вдали, у березового колка, строение, похожее на замок, сверкающее новой многоскатной крышей.

— Это ферма? — спросил я сидевшего за рулем «Нивы» Виктора Сотникова, первого секретаря Урицкого райкома комсомола.

Он кивнул.

Я уже знал, что ферма с жилыми и производственными помещениями, оборудованием для дойки коров, приготовления кормовых смесей, тремя тракторами, различ-

ным инвентарем стоит около 253 тысяч рублей. Сумму эту плюс различные ежегодные платы (страховые, в фонд социального развития хозяйства, за пользование 50 гектарами земли и др.) должны выплатить Квасовы в течение двадцати лет. Тогда все, предоставленное в кредит, станет их собственностью. Цифры для получателя ежемесячной зарплаты, согласитесь, умопомрачительные, и они «тукали» у меня в голове, пока гостеприимные хозяева знакомили с жильем, а потом с коровником, кормоцехом, подсобками, тракторным гаражом, которые помещаются в совмещенной постройке, неподалеку от дома...

Что тут говорить! Жилье — высший класс! Даже некоторые из многочисленных московских генералов могут мечтать о таком. Тут тебе и веранда крытая, и чердачный этаж, где не отказался бы разместить мастерскую любой столичный художник, и гараж на цокольном уровне, и просторный подвал, и комнаты на все случаи жизни... А производственные помещения! Хитрецы же, однако, эти финны — кнопки, ручки, рычажки... Повернул, нажал — и коровы зафиксированы вдоль кормушек и, как тренированные, заходят с открытием дверец в доильные станки, и аппарат сам отсоединяется от вымени и убирается в сторону, когда все молоко выдоено. Посмотрел, как ловко, слаженно, красиво работают братья и Таня, как умело справляется со шлангом, обмывая кафельный пол и стенки доильного отделения, смешливый Илюша, — и понял: да, действительно, совсем другой уровень. И дело не только в условиях труда и жизни. Если хотите, если по строгому гамбургскому счету судить, здесь уровень человеческой природы, сознания иной.

Мы так долго жили в условиях убогой нетребовательности, «зажатости» и зависимости, что, боюсь, не всем дано не то что почувствовать, но и хотя бы понять со стороны — что же это такое, когда ты подчиняешься не «указилвке», а лишь закону и здравому смыслу. Когда никто другой, точнее, ничто другое не может повлиять на твои поступки, заставить делать выгодное не тебе, а «вышестоящему». Например, заставить тебя работать семь-восемь часов, предусмотренных КЗоТом, а не двенадцать — четырнадцать, как того требуют земля, хозяйство, тот самый крестьянский здравый смысл...

Вот недавно Егор Кузьмич Лигачев побывал в Швеции, где, не изменяя своей кипучей энергии, изучал опыт работы тамошних фермеров и систему социальной защиты трудящихся. Перед отлетом на родину в телеинтервью программе «Время», отметив успехи скандинавов, не преминул упомянуть и про пресловутые двенадцать — четырнадцать рабочих часов, которые словно бы должны подчеркнуть эксплуататорскую сущность системы, обеспечивающей государству продовольственное (и иное) изобилие. Но спросил бы уважаемый товарищ Лигачев у Валерия, или у Игоря, или у Татьяны Квасовых, хотят ли они вернуться в условия нормированного рабочего дня, что имели в совхозе имени МЮД. И при том, что получали на руки «чистенькими» неизмеримо больше, чем ежемесячно по ссуде сейчас. Там оплата была гарантированной. А здесь поди знай, как повернется дело...

Но если так, то есть резон к мерилу свободы приложить и точную фермерскую бухгалтерию. Попробуем это сделать.

Две исходные цифры — кредитную стоимость фермерского хо-

зяйства и срок выплаты — я уже назвал. Вот некоторые другие, показывающие в срезе экономику фермы Квасовых. В этом году на сдаче молока они смогут выручить тысяч тридцать с небольшим. Колхозу надо выплатить 27 600 рублей. Чистыми на руки получат от 4 до 5 тысяч. Разделите на троих (и для наглядности на 12 месяцев), выходит более чем скромный «оклад».

И так — без выходных и профсоюзных отпусков — целых двадцать лет. То есть станут они полноправными и единственными владельцами фермы и по-настоящему богатыми людьми, когда Валерию будет уже за пятьдесят, а Игорь с Таней подойдут к этому рубежу.

Так стоит ли игра свеч?

Стоит! Они теперь сами себе хозяева! Могут развивать производственные мощности, увеличивать дойное стадо, внедрять новейшие достижения техники и науки!..

Да мало ли что может сделать не спутанный по рукам и ногам предприимчивый человек...

Во время своего второго наезда из Орла встретил у Квасовых двух ученых из сельхозинститута — кандидата сельхознаук Анатолия Пронузу и кандидата биологических наук Леонида Тучкова. Хотя Квасовы со своими бывшими педагогами заключить контракт на разработку технологии по выращиванию и приготовлению силосных кормов с высоким насыщением белка. Научные рекомендации Анатолия Пронузы по данной тематике высоко оценены специалистами. Но пока что ни одно отечественное хозяйство не проявило к ним интереса. Квасовы — первые.

Утренняя дойка в 6.00. Братья успевают следить за коровьей очередью (двадцать рогатых голов) к доильным станкам, задают све-

жий сенаж и комбикорм в лотки, чистят решетчатый пол коровника, поят теплым пойлом бычков (их на ферме четыре), выгоняют стадо пастись на участок, охраняемый «электронастухом».

Таня, отдоив коров и промыв доильные автоматы, идет готовить завтрак. Между делом, если накануне произошло что-то, достойное памяти, делает запись в толстом ширпотребовском «еженедельнике».

С ее позволения я полистал этот своеобразный дневник:

...«Мой день рождения. Выпал снег и ударил мороз. Вчера привезли телочек — пять голов».

«Корова 5235 пришла к окоту».

«Осеменили корову 5214».

«Приезжал т. Строев. Мы ему, кажется, понравились. Он тоже произвел хорошее впечатление... Вечером отметили пасху».

«Приезжали Володин (нынешний первый секретарь обкома партии. — В. М.), Соколов, с делегацией из Волгограда».

«Приезжали из Орла фотографировать к совещанию у Горбачева».

«А сегодня из Москвы приехали снимать на кинолентку. Опять гоняли коров туда-сюда...»

— Не мешают работать? — спрашиваю Татьяну.

— Да нет, каждому гостю рады. Мы-то от колхоза вдалеке живем. Сами по себе. А тут хоть накоротке пообщаемся. Да и потом, от посещения высокого начальства и пользу можно получить...

Трезвый, крестьянский подход. Хотя знаю, что некоторые моменты, связанные с приездом высоких гостей, крайне раздражали фермеров. Вот, скажем, перед «пасхальным» приездом секретаря ЦК КПСС Е. С. Строева по всем шести фермам финского образца, что имеются в Урицком районе,

пронесли гонцы от местной пошивочной индустрии. Сняли мерки с работающих членов фермерских семей, собрали по тридцать рублей с персоны и со скоростью срочного заказа изготовили спецкомбинезоны. Покрасовались в них фермеры перед начальством. А уехало оно — забросили куда подальше. В такой одежде хорошо на сцене выступать, а не крестьянским трудом заниматься...

А вот еще из той же «потемкинщины». Приехал к Квасовым секретарь парткома, самолично представил лестницу и под самым коньком высокой крыши коровника приладил красную вывеску: «Семейно-крестьянское хозяйство Квасовых по производству молока». Внутри коровника одна из стен украсилась стендом «Информация» — разграфлено четью по чести: состав семьи, договорные обязательства, итоги работы... Кому это нужно? (Фанера разве что может пригодиться...)

И видится такая сцена: выстраиваются Квасовы вечером перед крыльчком дома, и поднимает Илюша флажок в честь победителя семейного соцсоревнования...

Живучи старые представления. Помимо воли и сознания, внедряются они на новую почву, опутывают ростки перемен, придавая им свою устаревшую суть и свой облик. С удивительным феноменом столкнулся я в колхозе «Заветы Ильича», когда присутствовал в кабинете председателя, где собрались члены правления, чтобы обговорить с Квасовыми условия арендного договора (из-за длительности и объемности бухгалтерского обсчета он был заключен лишь в мае, во время моего приезда). Так вот, накануне того дня приходилось беседовать и с председателем и со специали-

стами хозяйства — чувствовалась доброжелательность по отношению к фермерам. Но вот все управленцы собрались вместе, рассевшись вокруг Валерия и Игоря, и словно какой-то злой дух «окопного коллективизма» начал витать в кабинете. Некое сплоченное неприятие **не себе подобных** то и дело проскальзывало в репликах, улыбках и даже в молчании...

По проекту договора, подготовленному в правлении, предусматривалось, например, что ежегодно Квасовы должны платить колхозу тысячу рублей за обслуживание их хозяйства колхозными специалистами. У фермеров этот пункт вызвал веские, на мой взгляд, возражения: а почему именно тысячу рублей? Из каких расчетов определена эта цифра? А если им не нужна помощь колхозных специалистов? Что касается зоотехники — так они сами с этим справятся. А по части кормовых трав или картофелеводства, которым они собираются заняться, зачем должны прибегать к помощи тех, кого как специалистов не знают, а не задействовать, скажем, знакомых ученых или аспирантов из института? Короче, они готовы платить любую сумму, но за реальное, конкретное дело, причем с обоюдной ответственностью за конечный результат. Разумно? Разумно! Но доводы эти — чувствовал я — вызывают у правленцев напряженное противление, в котором угадывался мотив: не хотите — как хотите, но вам же будет хуже.

И могут сделать хуже. Ведь кто арендодатель? Колхоз...

Так что, как видите, свобода фермеров, в честь которой я пропел небольшую оду, относительно...

...Соболев перед самым отъездом в Москву на памятную встречу арендаторов с Президентом го-

ворил мне в своем рабочем кабинете:

— У фермеров нет покамест полной самостоятельности — парадоксально, но в нашей уродливой экономической действительности это плюс. Представьте себе, что Квасовы завтра выйдут из-под опеки колхоза... Куда они молоко будут сдавать, если колхоз от него откажется? А ведь точно откажется, как план срежут... Ко всему прочему фермерам придется самостоятельно вести отношения с банком, с сельхозтехникой, сельхозхимией, ветслужбой, санэпидстанцией, землеустроителями. Да эти конторы в их нынешнем виде задавят фермеров как котят или разорят их своей неразберихой и некомпетентностью.

— Считаю, — продолжал Владимир Владимирович, — нужно еще несколько лет, чтоб в условиях рыночной экономики сложилась в аграрном секторе новая инфраструктура. Вот тогда фермеров можно безбоязненно отпустить «на волю». Тогда уж они не пропадут...

— Вы оптимист? — спросил я председателя райсовета, первого секретаря райкома КПСС.

— Во всяком случае, все силы положу на то, чтоб утверждалось новое.

Что ж, тем более выбор братьев Квасовых представляется мне верным. И для них самих, и что, может быть, куда важнее — для пятилетнего Илюши.

...Сделавшие выбор знают, на что пошли. Знают, с каким сопротивлением и непониманием придется еще столкнуться. Какие трудности пережить, перетерпеть. Верный же признак успеха — здравый смысл да умение и желание работать.

И то, что к Квасовым на ферму наконец-то решила переехать мать, — тоже добрый знак...

В предисловии к первой публикации стихов Валентина Лукьянова («Смена», 1973) Б. Слуцкий писал, что был поражен его переводами из Шелли — поэта сложного и труднопереводимого. Что ж, видимо, недалек тот день, когда эти переводы встанут в ряд лучших русскоязычных переводов мировой классики. А день узнавания и признания большого русского поэта Валентина Лукьянова — еще ближе: уже стоит в плане издательства «Советский писатель» его книга, которую он так и не увидел при жизни, готовятся публикации его стихов в журналах «Звезда» и «Новый мир».

В мировой классике немало совершенных образцов любовной лирики; таковы и стихи Шелли, которого Байрон называл «сердцем сердец», и тяга к ним В. Лукьянова станет понятной даже при первом знакомстве с его любовной лирикой: обнаженность мыслей и чувств, нежность души и чистота помыслов — все это делает его стихи удивительным гимном любви.

Предлагаем читателю несколько стихотворений В. Лукьянова из этого яркого и эмоционального цикла.

ВЛАДИМИР КАЗАРОВ

Нет, хмуриться не надо,
 Привыкнешь — станешь злой.
 В тебе таится радость,
 Как пламя под золой:
 То замерцает зыбко,
 То проникает тьму...
 И все ж чуть-чуть улыбкой
 Ты помогай ему.

1
 Как горсть ночных, нечаянных тайн,
 Ты руки тянешь — «Погадай!»
 И как же буду я гадать,
 Чтоб сердце отпустили боли? —
 Какие беды отметать?
 Какие радости неволить?
 Я руки к сердцу приложил.
 О рученьки твои худые,
 Необрученные, ручные,
 Ручьи прохладные... О жизнь,
 Которую дано испить,
 Изведать из таких ладоней!..
 И я, я ночь — мы разом тонем,
 Твою распутывая нить.

2
 О, звездный хаос женских рук,
 Куда затягивает вдруг,
 И раскрываются черты...
 И вновь неузнанная ты.
 И что распутывать, гадать,
 Коль ни крупницы не видать:
 Темно в ладонях, что белеют...
 Смелее, говоришь, смелее...

РАССВЕТНОЕ МГНОВЕНИЕ

Взмахнешь ресницами — весна!
 Свет ока в зыбкой глуби сна!
 Твои ресницы — веретена.
 Они слетают ранний миг,
 Что, робок, радужен, возник
 Нетронут, непробужденно.
 (Вся погруженная в свой миг,
 Меня не замечая рядом,
 Ты западаешь в этот мир,
 Как мы друг в друга и как радость,
 Душившая все тише, глуше
 Прошедшей ночью наши души.)

Пернатый щебет, росный свет...
Еще ты — там, еще ты — нет,
Еще свечение не жарко.
Скорее приходи в себя,
Мой лучик, светлый судия!
Дари, одаривай... Я жажду.

Только сейчас я понял,
Что потерял; я поднял
Вихрем в своей душе. —
Зимний глупыш, ужель?
Дай мне тебя поласкать,
Кровное имя, природное,
Горлом пополоскать.
Имя по телу шептать,
Слышать губами, как птах,
Вздрагивающую грудь
Дай же, пока не груб,
Милая, нежность пока
Нежит и низжет слога
Образа твоего...

Не знаю, милая,
Откуда отклик.
Должно быть, минуло
Все то, что облик
Твой так туманило
И искажало.
Осталось мало так —
Лишь нежность, жалость.

Они сейчас одни,
Но мне колдуют.
И, как небес огни,
Все поцелуи
Ко мне срываются
В летящем мраке.
И согреваюсь я,
Но стыну раньше

В невольном зрелище:
Сквозь расстоянья
Так озаряюще
Миг расставанья:
Безмолвный мокрый куст,
Надзвездный вечер
И поцелуя вкус
Прощальный, вечный.

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Здесь у озера
Пляж, как печь.
Вяжет отсветы
Птичья речь.

У простынной
У свод-воды
Так пустынно —
Лишь я да ты.

Ты лучишься,
И я учусь,—
Весь мальчишество,
Свечений, чувств

Переполнен.
И нет забот,
Нету боли.—
Лишь свет, любовь.

Солнца чаша
Не обойдет
Губы наши,
Что в свой черед

Эхом синим
Окликнут день,
Чтоб и в иное
Не скудел.

Что меж нами —
Не спрятать в горсть:
Обнимает,
Внимает вскользь

Чистым водам
(Весь век плескать),
Птичьим сводам,
Ничьим пескам.

Публикация
ИНГИ ЮДЕНИЧ.

ЧИТАТЕЛЬ·«СМЕНА»·ЧИТАТЕЛЬ

20

Вот пишу письмо, а сам думаю: для чего занимаюсь этим бесполезным делом? — совета никакого не дадут, помощи — тем более... Вот уже лет пять-шесть я качусь вниз, в яму. Медленно и уверенно опускаюсь на дно, а последние два-три года этот процесс приобрела ускорение. Мне 32 года, за эти годы я уже поменял не менее трех десятков мест работы, иногда в год по четыре-пять, с промежутками «отдыха» от недели до полутора-двух месяцев. В чем причина такой моей неустойчивости? Раньше, до перестройки, я мало задумывался над этим, тем более что недовольство плохим началом или плохой работой всегда можно было залить спиртным — благо с ним проблем не было.

Потом, в первые годы перестроечного процесса, когда в чем-то стали зажимать, а в чем-то дали свободу, я во всем стал винить себя, свой характер, так как часто напрямую критиковал бардак в организациях, начальников, иногда призывая к анархическим методам борьбы против них. Ну и мне поэтому частенько говорили: «Лучше сам увольняйся, мы тебе работать все равно не дадим. Нам такие правдолюбцы не нужны». В итоге приходилось

менять не только коллектив, где каждый берег свою шкуру, но и место жительства.

Потом, когда полным ходом в жизнь ворвались кооперативы, бросился и я за большими деньгами; надо было гасить задолженности по алиментам, да и самому хотелось жить не хуже других. Но, столкнувшись с кооператорами, я понял еще одну вещь: где начинаются большие деньги, там кончаются человеческие отношения и вступают в силу волчьи законы. Председатели кооперативов, их родственники, друзья друзей заняли лучшие места у кормушек и действительно получали деньги, я же оказывался в ряду тех, кто, как лошадь, вкалывал и кормился тем, что хозяева соизволят выделить. Здесь опять сказывался мой характер. Чтобы сбросить свои нервы или просто не попасть в тюрьму за увечье, нанесенное кому-нибудь из кооперативной элиты, я уходил из такого кооператива, но, как назло, следующий попадался не лучше, а иногда и еще глестче.

Со временем долг за алименты все возрастал, и выплачивать его становилось все труднее. Начались опасные игры в прятки с законом. В поисках нормальной зарплаты начал мо-

таться не только по республике, но и по стране, стал вляпываться в разные аферы, после которых вообще возвращался без копейки за душой, еще и с долгами, постоянно находясь в поисках хорошо оплачиваемой работы, в заторе, чтобы хоть сегодня-завтра не посадили, как «отца-невидимку». В общем, жизнь...

Иной раз думаешь: не прийти ли в нарсуд, в милицию и выложить все начистоту, попросить о помощи? Но этого ведь тоже не сделаешь, да и там не поймут.

А ведь у меня много специальностей, я работать умею. И не один я с такой судьбой, нас очень много сейчас в бегах, на сезонках, на временных шабашках.

Нет надежды, что вы напечатаете мое письмо и какая-нибудь серьезная организация предложит помощь. Уже ни на что нет надежды. Как я устал от всего! Многие нас таких видят в слабодушии, тунеядстве и еще во многих грехах. Обвинить легче всего, а вот понять, помочь...

**ПЕТР С.,
г. Фрунзе**

Мне 25 лет, всю жизнь живу в коммуналке. Всего в ней — пять семей. «Контингент» совершенно разнородный — врачи, педагоги, рабочие, пенсионеры. Макет общества, если так можно выразиться. И, конечно, на кухне случаются и митинги, и дискуссии. Например, как-то во «Взгляде» показали фильм «Команда» о работе министра иностранных дел Э. А. Шеварднадзе и его подчиненных. Бедный Эдуард Амвросиевич! На следующий день, в субботу, кухня бурлила. Возник стихийный ми-

тинг. Речи произносились следующего содержания: «Ах так! Значит, у него десять костюмов да еще полное гособеспечение!», «Хоть бы не показывали, как не стыдно! Я ишащу за станком всего за 250 рз.», «Педагог получает всего 300 рублей, а сколько вкладывает? А ему доклад на блюдечке несут, бесплатно кормят, да еще в его распоряжении самолет!».

Решение вынесли почти единогласно: пусть летает на обихих самолетах, имеет один костюм, сам пишет доклады. То есть будет как все. Напрасны были мои горячие речи про то, что так нужно, нужно для работы, для страны, для нашего общего блага, наконец.

Мои слова не пропали даром, теперь я — «защитница бюрократов», и по предложению соседей-педагогов мне объявлен бойкот. Что ж, ничего не поделаешь, с этим я смирилась, но самое печальное в том, что мои сокоммуналники далеко не одиноки. Работаю я в КБ, и там мало кто меня поддерживает. Отчего же у нас такое политическое недомыслие? Я обыкновенный тихий человек, чертежница, получаю сто тридцать рублей, но у меня нет такой ненависти ко всем вышестоящим без разбора.

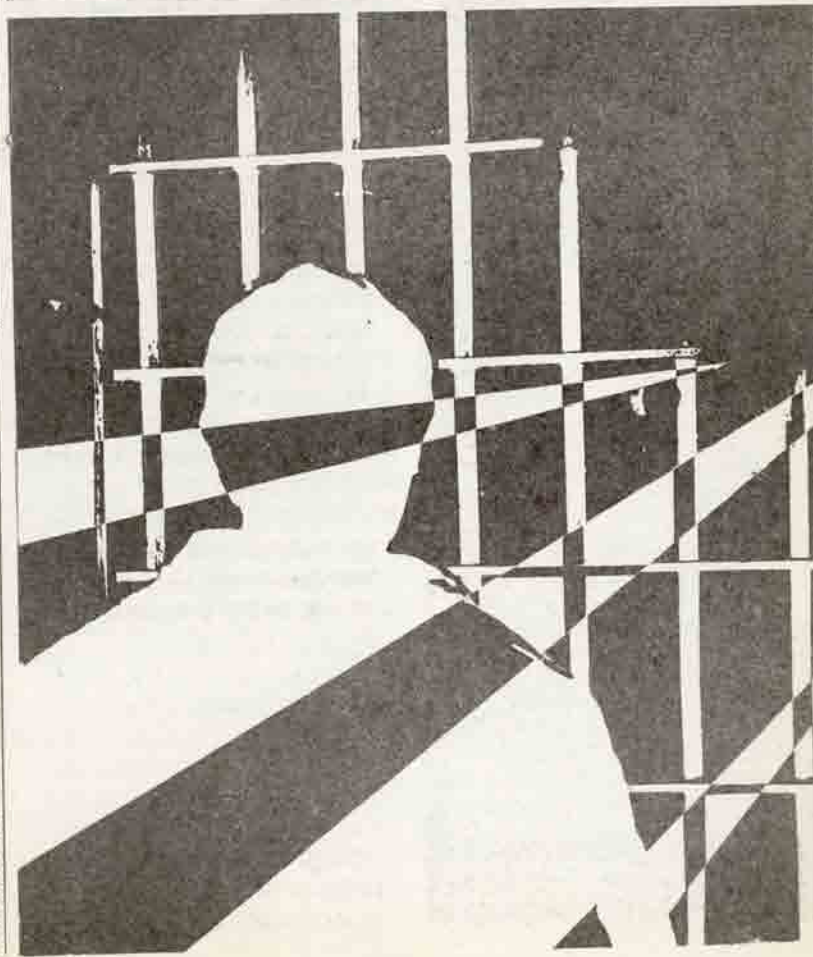
...Вчера кто-то из соседей бросил в чайник соли. Вот такие идут у нас «битвы за политику».

**ИРИНА СИДОРОВА,
Ижевск**

УРОКИ

22

Коллаж АЛЕКСЕЯ МЕРИНОВА

за колючей проволокой

ИЛЬЯ АРАНОВСКИЙ

Эта рукопись пришла в редакцию по почте — самотеком. В коротеньком сопроводительном письме сообщалось, что заметки написаны учителем русского языка и литературы, много лет проработавшим «на зоне»: уроки велись за колючей проволокой. Илья Борисович Арановский преподавал русскую словесность заключенным.

...В 18 лет он ушел на фронт. Воевал, выжил. Война осталась в нем не только ранениями, не только боевыми наградами — она стала школой. И уроки, полученные там, Арановский нес другим, людям с покоренной, порой неисправимо изуродованной судьбой. Много лет работая среди «ззков», он не очерствел душой, не озлобился на всех и вся. Кто знает, может быть, помогала в этом его вторая (или первая?) страсть — журналистика. Сотни газетных выступлений, десятки часов в эфире курского радио...

23

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

**Когда работа по подготовке
рукописи заканчивалась, мы
позвонили в Курск, просили
прислать фотографию. И узнали,
что Ильи Борисовича не стало.
Догнала-таки его война...
Умер солдат, журналист,
учитель.
Но не ушел совсем, бесследно.
Вы прочтете его
бесхитrostные, правдивые
рассказы и, надеемся,
убедитесь в этом...**

ДВА ИВАНА

Иван Николаевич Синенко, директор, на педсовете однажды сказал нам:

— Давайте все вместе и с песней — за колючую проволоку. Создадим школу по обучению и перевоспитанию граждан жуликов, насильников и бандитов.

Мы подумали, что он, как обычно, шутит, но прошло не так уж много времени, и наши классы из вечерней школы стали перекочевывать в исправительно-трудовую колонию усиленного режима.

Иван Дмитриевич Сысоев — завуч школы, из русских аристократов. Сдержанный и немногословный человек. Он научил нас говорить так, чтобы тебя слышал только собеседник. Он был тем волнорезом, о который разбивались любые страсти. А как это помогало, когда мы только начи-

нали работать в столь необычных условиях!

...Школа постепенно оживала. В классы пошли эзки, и это было начало успеха двух Иванов. Они сумели создать обстановку доброжелательности. Иван Николаевич не признавал докладных записок по поводу нарушений дисциплины. Возник конфликт — виноват учитель. Эта точка зрения спланивала нас, на свои поступки мы учились смотреть со стороны.

Ну, а контингент учащихся, как говорится, из ряда вон... Судите сами — у нас учились люди, совершившие тяжкие преступления и отбывавшие наказание в исправительно-трудовом учреждении усиленного режима. Были и такие, перед которыми педагогика выглядит беспомощной старушкой. Я расскажу и о них, и о тех, над которыми судьба сыграла злую шутку. Они имели прекрасные семьи, материальную обеспе-

ченность, уважение, но в один миг, поймите — в один миг! — потеряли все. Как? По-разному.

Но сначала о парне, глаза которого я так и не рассмотрел.

«ЧИТАТЕЛЬ»

Обычный школьный класс: два высоких окна, в три ряда стоят ученические столы. Сегодня на уроке присутствуют 15 человек. Стриженные головы, робы с нашивками на рукавах, натруженные руки — близнецы, да и только. Но посмотрите в глаза этим людям — и вы увидите тоску и безразличие, презрение и любопытство, хитрость и самоуверенность, жестокость и коварство. А что в глазах у этого парня, который сидит за последним столом в правом ряду?

Он безотрывно читает. Заставить, чтобы поднял голову, невозможно. Я требую: надо писать, слушать, внимать. И вот его взгляд; снисходительная улыбка в глазах: «Ну что тебе надо, овечка?». И вновь голова опущена, он снова занят своим, будто и нет никого рядом.

Во время перемены ко мне подходит «пахан» и отзывает в сторону. Он хорошо знает, о чем говорит.

— Борисыч, повремени. Пока не трогай, не тереби. Мы сами разберемся, что за фраер на зону пришел...

Читаю его уголовное дело. В Курске изнасиловал женщину и задушил ее. Заметая следы, удрал далеко на восток и там вскоре проделал то же самое. По «почерку» нашли и взяли. «Добрый» суд определил ему 15 лет лишения свободы. А знаете ли вы, сколько у нас «добрых» судов?! Правда, доброта их ущербная...

ПАНТЕРА

Загорелое лицо, чуть вздернутый курносый нос, в поведении какое-то необъяснимое спокойствие. Но больше всего поразила меня его улыбка: открытая, какая-то стеснительно-добрая.

Почему поразила? Да потому что я знал: этот мой ученик — убийца по кличке «Пантера». На зоне клички дают, что называется, не в бровь, а в глаз. Так что же натворил ты, Пантера с улыбкой ребенка?! Спешить не стал, на зоне все надо делать неторопливо, солидно, обдуманно.

Помог случай. Уж очень я старался на уроке по драме А. Островского «Гроза» бичевать Кабаниху. А после урока он ко мне сам подошел:

— А ведь это я угрожал Кабаниху...

И я узнал историю.

Женился парень по любви. Уж так мила ему была молодая жена, что слова громкого боялся сказать. Но теща и медового месяца не дала прожить спокойно, упрекала по делу и без дела. А в тот роковой день словно озверела: кричит, с кулаками кидается.

И пошел парень в магазин. Домой вернулся в основательном подпитии. А Кабаниха опять тут как тут...

— Верите, сам не знаю, что со мной случилось. Озверел, кинулся на старуху и перегрыз ей горло...

— Не зря тебя Пантерой прозвали.

— Тут не ошибутся...

— И не жалко тебе ее?

— Жену жалко. — И пошел прочь, не желая продолжать тяжкий разговор.

Мы много раз встречались потом с этим парнем.

— Здравствуйте, учитель, — чуть склонив голову, говорил он.

— Скажи, Толик, за ворота готов выйти?

— Вот не знаю я этого. Но думаю. Даже ночью, когда не спится...

МАЛОЛЕТКИ

Какие же они действительно разные! И сколько там, в камерах тюрем и за колочей проволокой зон, справедливо осужденных ребят.

Я смотрю на паренька, и мне становится жутко. Боже мой, сколько неизбывной тоски в этих детских глазах!

Позже я узнал, что своего отца он никогда не видел, а мать, когда он совершил преступление, в порыве гнева отказалась от него.

И пошел я разыскивать эту несчастную женщину. Мы встретились в маленьком домике на окраине Курска. Короткий был разговор, долгой была истерика, а потом эта не по годам постаревшая женщина стала умолять:

— Помогите, спасите мальчонку! Я всего несколько слов...

— Но ведь записки передавать нельзя.

— Нет же, нет! Никаких сведений, никаких вопросов. Несколько слов. Понимаете — от сердца матери...

Вот эти слова: «Сыночек, родной, единственный мой. Нет у меня жизни без тебя. Вижу тебя днем и ночью. Жду. И дождусь!»

И все.

Не так уж много слов, но какой великой оказалась их сила! Прочитав записку, он резко отвернулся от меня, и его угловатые плечи стали вздрагивать. На уроке он не работал, сосредоточенно думал о чем-то. Я украдкой смотрел на него, и мне показалось: мысленно он рисует картины, светлые, в ко-

торых слились мечта и реальность.

...В школе рабочей молодежи, когда мы работали еще на воле, был класс, в котором за одной партией сидели мать и сын. Она была беременна, пришлось даже плотника просить, чтобы поудобнее устроил ей местечко. Я понимал: какое ей дело до имени существительного или, скажем, до закона Ома... Она вступила в нелегкую схватку с улицей за своего сына и была в этой борьбе непоколебима.

У нее хватало такта не быть назойливой на переменах. Но когда заканчивались уроки и зимний вечер уже хозяйничал на опустевших улицах, они вместе шли домой. Не знаю, может, женская хитрость сработала, но он бережно, осторожно вел ее под руку, не обращая внимания на симпатичных девчонок из нашего класса, которые откровенно заглядывались на него.

Так и получили мать с сыном среднее образование. А спустя много лет я встретил его на улице. Высокий, подтянутый подполковник как-то легко, пружинисто вышагивал вверх по улице.

Другая картина... У парня, о котором я хочу рассказать, была очаровательная улыбка. Этот круглолицый блондин улыбался очень часто. Он так же мило улыбался и тогда, когда рассказывал мне о том, как убивал. В рассказе этом, в мимике — ни капли сожаления, ни малейших признаков раскаяния. Нет, он искренне считал, что иначе просто нельзя было поступить.

— Что ж нам с брательником, пропадать? Она ж наверняка потом стукнула бы ментам. Вот мы и надумали.

Что же надумали они с «брательником»? Вдвоем изнасиловав женщину, решили ее убить. Сдела-

ли это жесточайшим способом, припрятали труп и побежали... к маме. Раскаяться? Ничего подобного. Залыхавшись, попросили совета, как замести следы. Многоопытная мамаша тут же подсказала: труп занести в хату, а хату поджечь.

— Огонь, — рассуждала мамаша, — он сильный. И стерву эту сожжет, и хатенку. А там ищи ветра в поле...

Мы, случалось, работали с малолетками и в камерах следственного изолятора. Продолговатое помещение, полумрак, под высоким потолком тускло мерцает маленькая электрическая лампочка. В глубине, там, где крошечное за решетчатое окошко, — двухэтажные железные кровати. Чуть ближе к выходу — длинный стол, по обе стороны скамейки. Здесь мы и занимаемся.

Старший по камере показывает мне взглядом на худого мальчишку. Он добренько смотрит на меня, он готов живописать и даже шутить. Так вот, именно шуткой, каламбуром завершился невероятно тяжкий для меня разговор.

Схематично суть дела выглядит так: подросток у подростка взял в долг 10 рублей. Своевременно не отдал. Подросток подростка за это убил.

Убийца в отстойнике топил свою жертву. Топил долго, наслаждаясь невероятными страданиями паренька.

— Как же ты выдержал все это?

— А чего? Он выдерживал — не я. Я держал его за волосы и опускал под воду. Как начнет дрыгаться, вытаскиваю наверх, пусть воздушка хлебнет.

— А потом?

— Потом наши пути разошлись, — улыбается палач. — Я пошел домой, и он «пошел»...

«ПОМОЩНИЧКИ»

Во второй половине сырого и холодного марта я должен был провести два последних урока в 7-м классе. Начальства в этот вечер не было, сам себе хозяин.

В кабинет вошли ученики, и я сразу заметил, что какие-то они злые, агрессивные. Это были расконвоированные эски. И хотя они чуть-чуть видели свободу, вкалывать им приходилось по самую завязку. Их не жалели, использовали как рабочий скот. И вот один из них говорит:

— Будьте человеком, учитель. Мы даже поесть не успели, промокли до костей. Неужели мы станем слушать что-то о глаголах? Мы хотим жрать и согреться. Отпусти-те!

И я отпустил. А на следующий день меня вызвал к себе замполит. Он пригласил сесть около стола и подвинул ко мне листок тетрадной бумаги. На нем неровным почерком было написано: «Учитель Илья Борисович самовольно отпустил с двух последних уроков 7-й класс». Ниже стояли дата и два непонятных знака. Я спросил, что они означают, и в ответ услышал:

— Теперь нам точно известно, кто проявил бдительность.

— Бдительность?! Да это же мразь проявляет худшие свои черты! Вы воспитываете потенциальных предателей да еще освобождаете их досрочно!..

— Вообще-то это не мой штат, а «кума» (оперуполномоченного). Но и в наше положение войдите. Перестанут работать «стукачи» — в общежитиях появятся заточки, наркотики, могут и массовые беспорядки возникнуть.

— Итак, цель оправдывает средства?

Мы еще долго спорили, а потом речь зашла об иной категории по-

донков, негласно состоящих в штате «кума». Их тщательно оберегают от посторонних глаз, они надежно законспирированы. Кто же это? Провокаторы. В отличие от «стукачей», которые ловят случай, чтобы отличиться, эти «работают» по конкретному заданию.

Меня убеждали: это нужно, без этого не обойтись, иначе... Но мое отношение к подонкам всех мастей не изменилось: искалеченные души молодых людей никогда не воспрянут. Это как СПИД: заразился — погиб. Разница лишь в том, что смерть бывает физическая и моральная.

А можно ли эку воспрянуть духом? Готовых рецептов нет и не будет...

ВСТРЕЧА

...Меня кто-то окликнул на улице. Я обернулся и глазами своим не поверил: следом шел тот самый худенький и бледный мальчишка, которого я когда-то пожалел. Сейчас он выглядел куда более солидно, поглубел голос, стоявшая рядом жена смотрела на него покорно и уважительно. У него на руках удобно устроилась крошечная девчушка, а рядом с матерью нетерпеливо топтался на месте мальчуган лет пяти.

— Да ты уже успел детьми обзавестись?!

— Тут ума не надо.

— А про «колеса» помнишь? — спросил я.

— Да вы что! Я теперь другой человек.

Он повернулся лицом к церкви, около которой мы стояли, поклонился и привычно осенил себя крестным знамением.

— Неужели в религию ударился? — удивился я.

— В религию не ударяются, в нее входят — раз и навсегда.

И не ногами, а душой, — поучал он своего учителя.

Мы поговорили еще в том же духе и расстались. Я вынужден был признать, что духовно он неузнаваем. И вспомнились мне уроки литературы, когда я обратил внимание на скорбно молчавшего мальчишку, худенького и бледного. Жалко стало, решил пригреть, помочь. Но как? Оказалось, он очень любит читать исторические книги. И я стал их носить ему.

Чуть позже мне предстояло узнать, что блатной мир уже наделил его своими порочными привычками. После одного из уроков он попросил меня задержаться в коридоре.

— У меня в субботу день рождения, — как-то неуверенно сказал он.

— Поздравляю! Только чем тебя одарить? Книг хороших нет.

— На этот раз без книг. — В его голосе появились стальные нотки. — «Колеса» (наркотические таблетки. — И. А.) нужны, вот что!

— Решим так, — ответил я. — Ты меня не просил, я тебе не отказывал. Говорили нос к носу (там это означало, что никто не слышал нас).

Он меня понял, значит, я не донесу на него. Кстати, за 28 лет я ни разу не позволил себе этого.

И много лет спустя эта наша встреча на улице...

Что ж, святые отцы, в добрый час! И дай вам Бог посеять в нашем обществе нравственность — великий дефицит современности.

А я продолжу свой рассказ. На сей раз о трагедии, потрясшей души даже самых отпетых головорезов.

КОЛЮНЬКА

Мы вышли из следственного изолятора, где проводили занятия с хозяйкой (повара, раздат-

чки пищи, посудомойщики, кубовщики...).

По дороге нам навстречу медленно двигался автомобиль. В крошечной тьме фары высвечивали дождевую пыль и плавно покачивались на выбоинах. Поравнявшись с нами, шофер притормозил и открыл дверцу кабины.

— Как попасть в тюрьму?

— Очень просто, — попытался состричь я, а потом пожалел. Он выскочил из кабины и с укоризной сказал мне:

— Зря смеешься, мужик. Нам не до шуток! — И откинул борт грузовика. В пустом кузове стоял гроб.

— За умершим едете?

— Его сынишку забираем, — кивнул он в сторону сидевшего в кабине человека, который так и не поднял головы.

Мы объяснили водителю, куда и как надо ехать, и грузовик, с трудом развернувшись, направился в сторону исправительно-трудовой колонии, где находилась больница и все ее службы, в том числе и morg.

На следующий день у меня были уроки в колонии, и, войдя в класс, я сразу же спросил у ребят, что случилось. Обычно на такие вопросы зэки отвечали с присущей им бравадой: «Да ничего, Мишка тапочки откинул».

На этот раз мой вопрос повис в воздухе, все молчали и старались не смотреть на меня. Наконец, кто-то сказал вполголоса:

— Колюнька умер.

И тут же передо мной возник образ паренька, о котором все учителя говорили, что он должен был родиться девочкой. Поражали его глаза: какие-то не просто голубые, а словно отразившие в себе голубизну деревенских озер и полевых цветов.

Учителя Колюньку уважали за какую-то природную кротость,

но... упустили. И попал мальчишка в руки кофлы, где царствовала наркомания. Начал с таблеток, а потом «сел на иглу». Так докатился до больницы, где я и узнал о последних его днях.

Он умирал необычайно тяжело. Молодой организм еще боролся с болезнью, но это лишь продлевало его невероятные страдания. А когда перестал действовать промедол (более сильных наркотиков в больнице не было), Колюнька начал умолять смерть, чтобы она его забрала. Его надрывные мольбы не могли переносить даже самые заскорузлые души тех, кто пришел на зону, совершив убийство. Медицинские сестры, смерти в глаза смотревшие не раз, не выдерживали, выбегали в маленький больничный дворик и по-бабьи выли. Глотали таблетки и вновь шли на свой скорбный пост. Зэки, находившиеся на излечении, не могли быть в больнице, они одевались и часами расхаживали по больничному дворику.

За полтора-два часа до смерти Колюнька притих, успокоился. Он безотрывно смотрел в потолок, ни на что не реагировал, он уже был «там»... Умер на рассвете, когда начинался еще один день жизни. Как рассказали мне медсестры, на его лице застыло какое-то удивительное выражение, словно он был благодарен смерти за то, что она услышала его мольбы.

СВАДЬБА

Пришел парень из армии в свою родную деревеньку. Ходит по улице в военной форме и прямо-таки чувствует, как подолгу смотрят ему вслед местные девчата. А смотрели они не зря: знали, что парень трезвый, сильный. С таким и семью можно создать крепкую, на всю жизнь.

А в деревеньке той давно уже

сложилась традиция проводить запойные свадьбы. И не как-нибудь, а в два этапа. На первом этапе соревновались устроители свадеб — кто больше выставит на стол самогона. На втором этапе в соревнование включались гости — кто больше воьет в себя этого зелья.

Вот на такую свадьбу и пригласили нашего солдата.

— А меня какая-то злость захватила, — рассказывал он мне. — Не буду напиваться, даже если заставлять станут. Это я решил твердо. Понимаете, учитель, там главное — первый этап проскочить, а потом, когда перепьются, море по колено.

Так и пришел на свадьбу в военной форме наш солдат. Пока гости рассаживались, он умудрился налить в свой бокал отменного деревенского кваса. Так и преодолел первый тост. А когда крикнули «горько!» и гости, повернувшись к молодоженам, стали отсчитывать продолжительность поцелуя, солдат опять налил себе квасу.

Ну а дальше было проще: пару раз выходил покурить и совсем успокоился, когда дядя Петя опустил свою седую головушку в большую тарелку со всякими пищевыми отходами. Запойная свадьба вышла на финишную прямую.

Затем он обратил внимание на то, что жениха Гришку двое дюжих баб тащат на улицу. Посмотрел вслед этой процессии и улыбнулся, ибо жених Гришка ноги не поднимал, они ползли сами по себе.

Запойная подошла к финишу. Женщины в силе тащили мертвецки пьяных своих мужей домой, других решили не трогать, валялись они и под столом и вповалку поперек дивана. А Гришкин след и вовсе простыл...

Солдат прошелся по комнатам, заглянул в спальню и увидел: пьяная невеста никак не могла взобраться на высоко застланную постель. Она даже прыгала на нее, но каждый раз сползала вниз. Вот тут-то и попутал черт солдата. Он легко подсадил Настю и сам устроился рядом с ней.

...Рассвет только начался, когда они оба проснулись словно по команде. Настя стеснялась повернуться в сторону мужа, ее одолевали нежные чувства, и она решила погладить Гришу по пушистому и очень мягкому чубу. Протянула руку и с ужасом ощутила колкий солдатский ежик.

Настя обезумела. Она орала что есть мочи, но никто не проснулся. Солдат не растерялся. Он влепил ей звонкую пощечину и, мобилизовав всю силу голосовых связок, перекричал Настю:

— Дура, раньше кричать надо было, все перепутала, пьяная рожа! — Спрыгнул с постели и уже на выходе из дому услышал, как воеет, протяжно и безнадежно, обманутая им чужая невеста.

В районной прокуратуре, куда он явился в новом гражданском костюме, от души посмеялись, но уголовное дело завели.

— Вот так же и на суде себя веди, не криви душой, тогда получишь срок ниже низшего предела, — успокоил солдата прокурор. А у того прошел холодок по спине.

— И вот я здесь. Не знал, что любовь с криком (так на зоне называют 117-ю статью) может закончиться тюрьмой.

— А что же настоящий жених? — поинтересовался я.

— Гришку нашли в свинарнике, дрыхал он по всем правилам. Рядом с ним лежала большущая свиноматка, облепленная поросятами, и оба они одинаково хрюкали. Но свиноматку хоть понять можно, она с поросятами

лежала, а почему так радостно хрюкал Гришка во сне, вот это загадка...

В КАМЕРЕ СМЕРТНИКА

Редакция курской молодежной газеты поручила мне написать статью о тяжком преступлении, совершенном в Курске. Двое ранее судимых зверски убили старшего лейтенанта милиции. Разоблачили их немедленно, по горячим следам. Состоялся суд. Приговор — исключительная мера наказания. И вот сидят они в разных камерах, каждый раз вздрагивая, когда открывается массивная, обитая железом дверь.

Я захожу в камеру вместе с контролером, на которого узник не обращает никакого внимания. Он ждет чего-нибудь хорошего от человека в гражданской одежде.

— Здравствуйте.

Он поднимает голову, и сразу же я узнаю его. Да, сомнений нет, это тот, из троллейбуса.

...Шел по улице троллейбус. Народу было немного, все сидели. И вот входит в салон здоровенный мужчина с физиономией, вызывающей содрогание. Железными своими лапами он держится за поручни и, изобразив на лице снисходительную улыбку, обращается к пассажирам:

— Ну, кто сегодня еще по мордасам не получал?

— Экстремист! — взвизгнула какая-то смелая женщина.

— А это теперь почетная должность, — миролюбиво ответил хулиган.

А потом все, кто отваживался выходить через среднюю дверь, буквально вылетали из троллейбуса на тротуар. Одним движением плеча он выталкивал пассажиров, но больше всех досталось той смелой женщине, которая назвала его экстремистом. Она так стреми-

тельно вылетела из этой чертовой двери, что растянулась на асфальте. Но самое интересное, что поднял ее милиционер, он даже помог ей отряхнуться...

Итак, я вошел в камеру и присел у небольшого столика. Узник, сидевший на краю железной кровати, подался вперед.

— Ну скажи, отец, ты же грамотный, все должен знать. Говорят, у нас не расстреливают? Посылают на рудники урановую руду добывать...

А потом закричал, как бы утверждая свою надежду: «Землю грызть буду!»

И в это мгновение я вспомнил одного ээка из Ленинграда. Это был юноша, краснощекий, крепкий, жизнерадостный. В порыве ревности он убил двоюродного брата и получил высшую меру наказания. Написал прошение о помиловании и с трепетом ждал решения.

Однажды перед сном загремели ключи в камерной двери. Вошел человек в форме с погонами сержанта.

— Ну, волк, завтра на рассвете кокнут. — И ушел.

Всю ночь он ходил по камере, даже не присел. А когда рано утром открылась дверь и он увидел двух офицеров у входа в камеру, сердце его так сжалось, что ему показалось, будто стало оно плоским. А те двое смотрели на него расширенными глазами: перед ними стоял седой как лунь юноша. Они поспешили сообщить ему, что «вышка» заменена 15 годами лишения свободы и, протянув пачку сигарет, ушли.

...Я не стал добывать своего камерного собеседника, и он услышал от меня то, что хотел услышать. А месяца через два произошло неминуемое: по отношению к обоим убийцам приговор был приведен в исполнение.

Когда я узнал об этом, вспомнил дрожащие губы убийцы и его огромные руки, которые он отчаянно прижимал к коленям, чтобы не видно было, как они дрожат.

ГОСТИ ОТПУДА

Они не первый раз у меня. Особенно часто стали приходиться, когда узнали, что я остался без обеих ног: фронтовой «подарок» не прошел бесследно. Они бывали и в моей больничной палате и на руках носили в столовую, чтобы я мог нормально поесть.

Один из них, великий спорщик, на уроках «сражался» со мной по любой проблеме. Лицо у него злое, уголки губ опущены.

Он старше того, с кем пришел, ему палец в рот не клади. Второй (назову его Володей) талантливый парень, молчаливый мечтатель. На зоне пытался писать стихи, но столкнулся с моей резкой отповедью: мол, это вообще не стихи, а блатное рифмоплетство. Ко мне больше не обращался, но, по слухам, завел общую тетрадь и продолжал сочинять стихи.

По его же словам, какой-то перелом у него наступил после бурной встречи в колониистском клубе. Дело было так. Вызвал меня как-то замполит и вручил толстую тетрадь.

— На, прочитай и оцени, ты же литератор.

Это оказалась тетрадь блатных стихов, была там даже поэма под названием «Серый крест». Я добросовестно все прочитал и однозначно оценил: бред и колоссальная безграмотность.

— А ты знаешь, сколько человек этот «бред» переписывают? — спросил замполит. — Вот и займись этим.

— Каким образом?

— А вот таким. Я соберу всю зону, а ты выступи и докажи, что

эту гадость надо просто выбросить.

Как же это сделать? Я надолго задумался. И решил, что действовать надо по принципу противопоставления. Пусть читают свои стихи, а я им Есенина и Некрасова. Долго подбирал самые проникновенные стихотворения.

О том, как шло это идеологическое «сражение», я судил по реакции зала. Сначала откровенно мешали говорить, с мест выкрикивали «свои» стихи.

*«Брось-ка вешать мне лапшу на уши,
Лучше — откровенный разговор.
Ты уймись, меня сейчас послушай,
Друг мой лучший в мире,
прокурор».*

А я не спорю, я им — другие стихи.

Смотрю — притих зал, что-то уразумели. Вот тогда я и выложил свой главный козырь. Мне доподлинно было известно, что на зоне тема матери, которая страдает, оставшись в одиночестве, воспринимается с глубоким пониманием. И я начал:

*«Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я, привет тебе, привет...»*

Я был поражен: на глазах некоторых ребят блеснули слезы. А потом моя библиотека пошла в расход, в школу шли и те, кто не учился, просили книги. Не знаю почему, но больше интересовались Н. А. Некрасовым.

А между тем мои гости стали рассказывать о себе, а старший (назовем его Андреем) успел шепнуть мне, что Володя принес новые стихи.

— Здорово написал, — заключил он.

— Знаете, учитель, — заговорил Володя, — если бы не школа, мы на свободе или хрюкали бы, или рычали. Помните наших прапорщиков? Я помню их по сей день.

...Небольшой пятачок земли пе-

ред входом в столовую. Громовой голос «воспитателя» с погонами старшины:

— Ну ты, козел, рви на цырлах!

Примерный перевод: ну ты, педераст, бегом сюда!.. Да, прав Володька, видимо, все-таки хрюкали бы на воле.

— А вообще,— продолжал он,— жизнь ни к черту. Вы же знаете, я женился, удочерил ее ребенка. В сердце удочерил, и малышка моя почувствовала это. Лынет ко мне. С женой живем лучше и не придумашь. Но гложет душу обида. Огромная обида.

— В чем дело?

— Никак не могу понять, кто виноват в том, что человеку, который хочет жить радостно и честно, не дают так жить.

Володя начал горячиться.

— Вы же помните меня на зоне. Ни перед кем не кланялся. А сейчас боюсь выйти на улицу, когда стемнеет. Боюсь встретиться с теми, с кем срок отбывал. Совесть моя перед ними чиста, но встречу с ними могу представить до мелочей.

Увидят, поговорят о том, о сем, а потом на «дело» позовут: взять магазин или дамочку какую от золотишка освободить. Я же наверняка откажусь, а они скажут: «Ах ты, падла, ментам проданся!» И искалечат, а то и убьют. Вот так-то.

— Он вам самого главного не сказал,— вмешивается в разговор Андрей.— Я вчерашний зэк, а в обстановке разобрался лучше, чем ваши ученые.

— Не хвастай, расскажи по порядку.

— Вот слушайте... Чего больше всего боялось начальство на зоне? Блатного мира. Сложившийся блатной мир пугал начальство. А вы знаете: там и паханы свои, и группировки, и живые законы. Почему говорю «живые»? Да пото-

му что сегодня многие официальные законы дохлые, не работают, бумажные законы. А там попробуй в долг попасть и не вернуть его. Получишь приказ страшнее страшного. Не выполнишь — утром на подъеме не встанешь, и найдут тебя холодным. А кто приговор привел в исполнение, будет знать только Бог.

Сейчас на воле жулье называют «несунами». А попробуй на зоне укради у своего товарища что-нибудь. Сразу же получишь кличку «крысятник», а это значит, что ты вне закона: бить будут все, везде, бить будут смертным боем... А нынче и на воле блатной мир направляет, карает. И поверьте — есть руководство... Вот почему Володька страшится темноты, когда на охоту выходят матерые волки. Они-то ничего и никого не боятся, потому что за спиной гарантированная, как говорят на зоне, отмазка...

Я слушал бывшего своего ученика и все больше убеждался, что на сей раз он дает мне урок.

— Помните, Борисыч, вы читали нам Грибоедова? Там один чудак все боялся, что скажет о нем княгиня Марья Алексевна. Вот и некоторые руководители наши похожи на того чудака. В них стреляют экстремисты, а они — не моги. Их режут, поднимают против них народ, а они боятся, что их осудит «Марья Алексевна», и оружие ставят на предохранители.

Андрей в сердцах поднялся и стал прощаться. А потом они оба вернулись, и старший сказал:

— Чего ты мнешься. Отдай стихи, на этот раз у тебя что-то получилось...

**Публикация
АННЫ АРАНОВСКОЙ.**

ПУСТОЙ "КАРМАН РОССИИ"

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ

Фото ЕВГЕНИЯ СТЕЦКО

*— А я, брат, с ярмарки.
Поздравь: продулся в пух!
(Ноздрев)*

...А нам «продуться в пух» не удалось. Мы возвращались в Москву голодные, с пустыми руками, не потратив на ярмарке и пятака.

Не пожадничали, отдали бы тот пятак хоть за кружку кваса, да как посмотрели на очередь к единственной на всю ярмарочную площадь бочке...

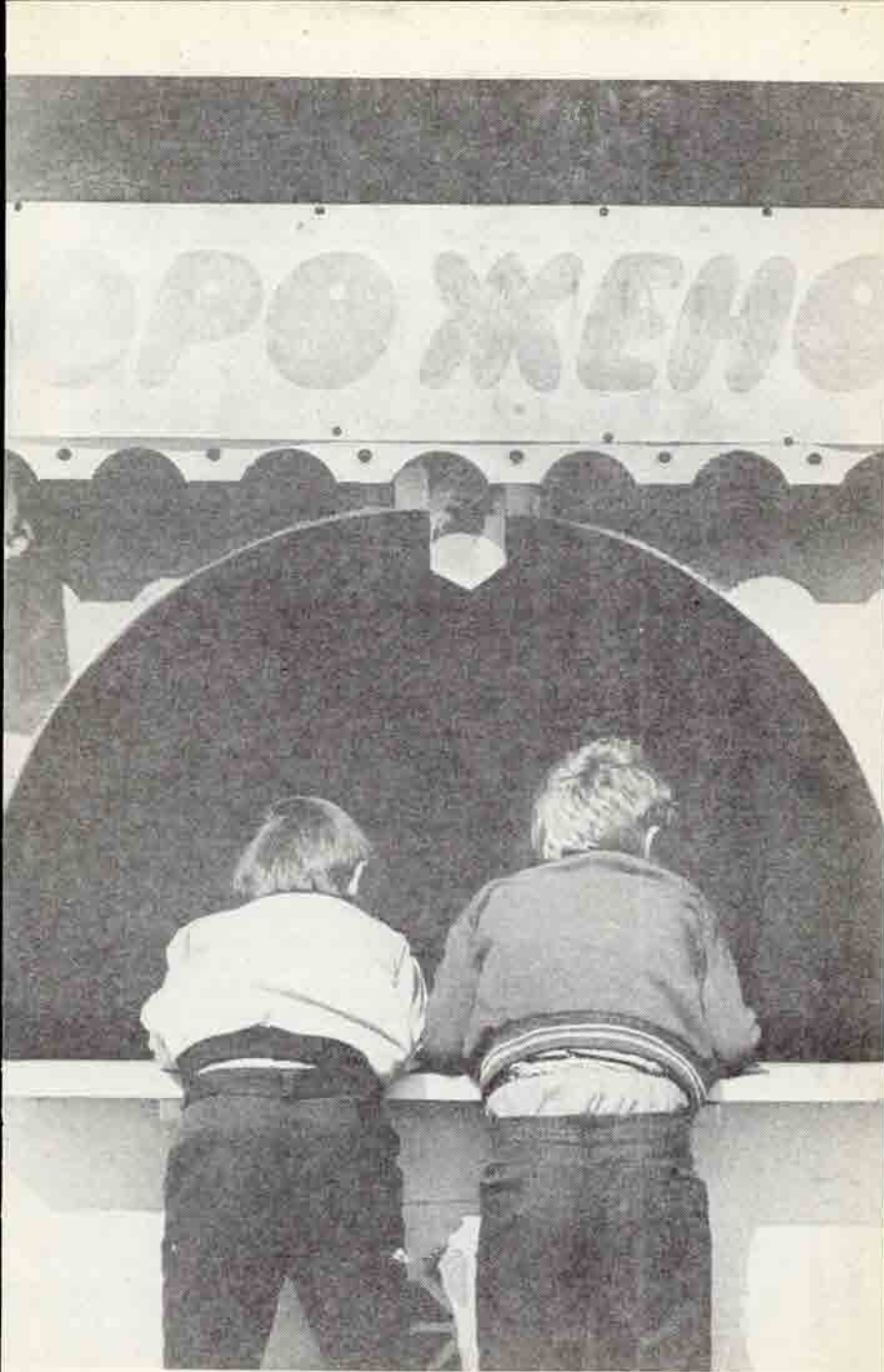
Дело было жарким днем между Горьким и Нижним Новгородом. А как еще сказать? Горсовет вернул городу прежнее имя, но Верховный Совет республики это решение к открытию ярмарки еще не утвердил. И вообще то была не ярмарка, а нечто вроде генеральной репетиции. Или, как сообщали афиши и газеты, — «Пролог». Именно так, с «ятем», чтоб совсем было похоже на прежние времена.

Если бы еще и товаров, как прежде...

Вспомним полузабытое.

Петербург, говорили, — голова, Москва — сердце, а Нижний Новгород — карман России. Мировую славу городу принесла знаменитая ярмарка. Каждый год в одно и то же время — 15 июля — открывалась она крестным ходом и молебствием. А затем начинались великие торги. Историки предполагают, что за один день через ярмарку «проходило» от 150 до 200 тысяч человек.

Торговали оптом и в розницу. Китайским чаем и голландским полотном, бухарскими и персидскими коврами, хлопком, железом, хлебом, медью, рыбой, пушиной, оружием, фарфором, кожей, мылом, льном и шерстью, лошадьми... э-э, да что там перечислять! Именно здесь устанавливались внутрироссийские цены на многие

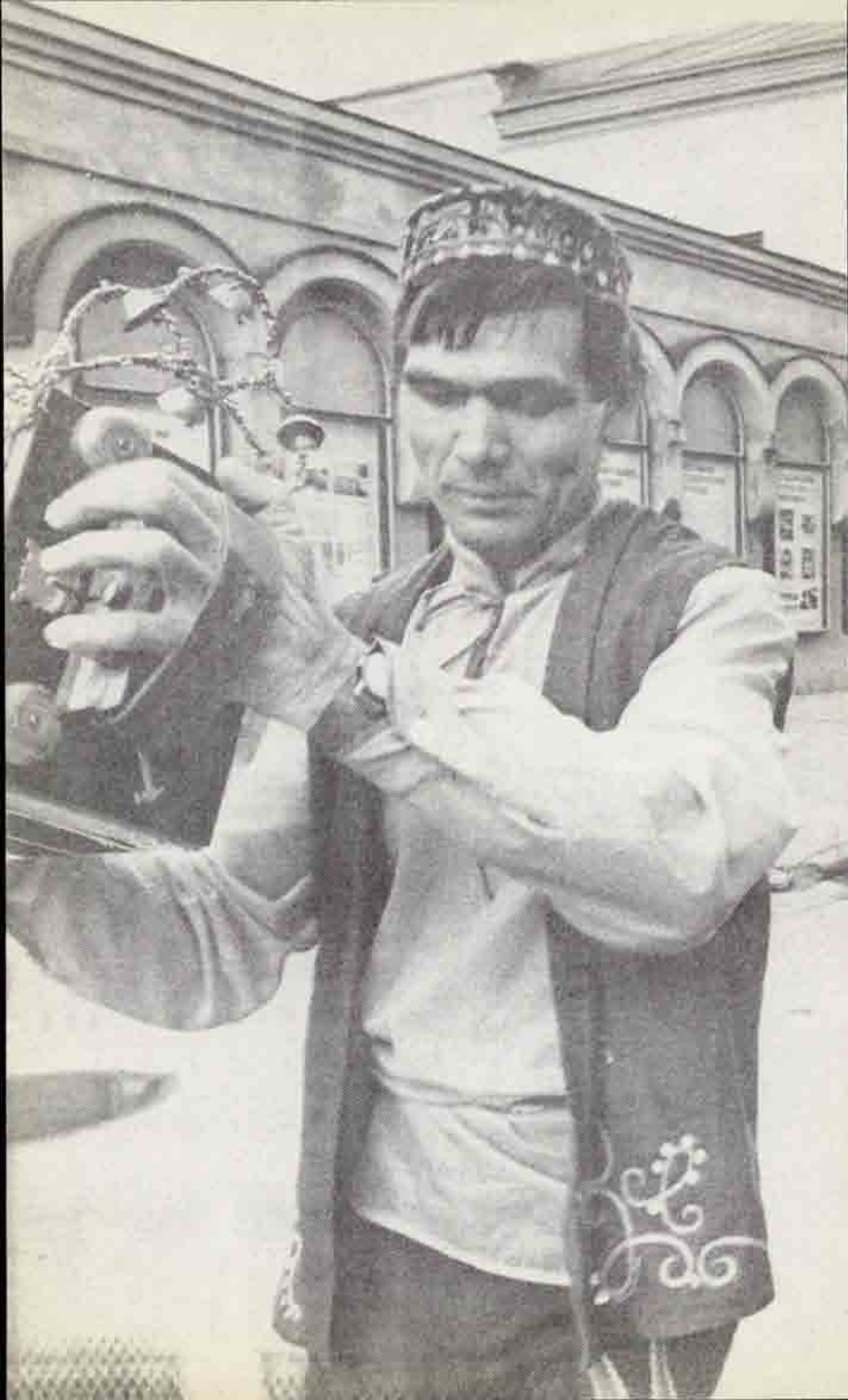

Я МАТЬ ВОИНА
АФГАНЦА, ДОВЕДЕННАЯ
ОТЧАЙНЫМ РЕШЕНИЕМ
НА КРАЙНЮЮ МЕРУ
- ГОЛОДОВКУ

ПРЯЖСКИЙ ТРЕСТ СТОЛОВЫХ
ПРИГЛАШАЕТ
НА КУЛИНАРНУЮ ЯРМАРКУ!

товары, а на пушнину — и мировые.

Работала тут и Всероссийская торгово-промышленная и художественная выставка, где представлялись достижения великой империи в технике, промышленности, строительстве, культуре, ВДНХ, по-нашему, Ярмарка демонстрировала национальный достаток, изобилие, развитие ремесел, международных связей. Средний ярмарочный оборот оценивался в 100 миллионов рублей серебром. Конвертируемых! Словом, серьезная рыночная экономика.

Ну, а в час потехи — цирк, театры, балаганы, зверинцы, спектакли, трактиры... Только к середине сентября затихала ярмарка. И было так сто лет, до 1917 года.

Правда, новая экономическая политика реанимировала всероссийское торжище, но ненадолго. 16 марта 1930 года Совет Труда и Оборона постановляет:

«Упразднить Нижегородскую и Бакинскую ярмарки». Кому и чем они помешали? А той самой, тогда еще зарождавшейся административно-командной системе, которую мы теперь дружно клянем. Система и рынок (начинаем сегодня понимать!) не могли ужиться вместе. И вот логичный финал — постановление СТО: «Ввиду того, что плановое начало в товарообороте страны усилилось...». Незадолго до того Г. М. Кржижановский говорил о несостоятельности возражений противников рынка. Но его доводы противоречили системе — и она репрессировала неугодные ярмарки.

Спустя шестьдесят лет сделана попытка возродить Нижегородскую, пока, как сказано, в виде «Пролога». Думаю, городские власти отлично понимали: время для возрождения не самое благоприятное. Система еще вовсе не сломлена, а рыночной экономики нет (и

какой она будет — всяк по-своему понимает). А главный вопрос — чем торговать, если в стране, как сказал один известный экономист, не хватает всего-всего и еще чего-то? Кроме того, всеохватывающий госзаказ, жесткая плановая дисциплина поставок по договорам, спад производства... Можно было бы пригласить иностранных коммерсантов. Они-то с удовольствием продали бы нам свои «неликвиды», а мы их с радостью расхватали бы. Но чем расплачиваться? Автомобиль «Волга» капиталисту ни к чему, валюты в городе кот наплакал, серебряных рублей, увы, нет, а бумажные — кто возьмет? (К слову, на падение курса бумажных денег обращал внимание еще М. Е. Салтыков-Щедрин: нынче, писал он, в Европе за рубль дают вполону, а скоро будут давать в морду. Он почти угадал...) А если капиталист вдруг и взял бы рубли —

у богатых свои причуды — кто же его пустит в «закрытый» Горький?!

Но так или иначе первая попытка сделана. Есть смысл подумать об уроках «Пролога», тем более что очередная, «настоящая» ярмарка не за горами. С моей точки зрения, бесспорно удалась культурно-спортивная часть программы. За ту неделю горьковчане и туристы увидели: конкурс красавиц, спортивное шоу, московский атлетический «Театр силы», множество фольклорных и эстрадных ансамблей, уличные театры...

Должен оговориться, сами горьковчане к шумному празднику искусств на улицах и площадях города отнеслись неоднозначно.

— В городе лимит уже и на спички, чай по талонам, есть нечего, — говорили скептики, — а нам тут устраивают пир во время чумы!

— Что же,— отвечали оптимисты,— если нет мяса, так и сдохнуть в убожестве, обливая друг друга слезами? Лучше — с музыкой! И если вы сегодня послушали солиста оперы, поглазели на красавиц, чем плохо?

Но на ярмарку, как мы помним, деловые люди приходили не только развлекаться. Торговая часть «Пролога» менее впечатляюща.

Каким-то образом в Горький все же проникли иностранцы. Поль-

ское предприятие «Амортекс» привезло образцы ширпотреба, может продать его за восточноевропейскую валюту или индийские рупии. Горьковский автозавод заключил договор с торговой фирмой «Сервиком» из ГДР, покупает для своих работников обувь, одежду, другие изделия на 4 миллиона инвалютных рублей...

Эта сделка — а о ней широко известили газеты — тоже вызвала противоречивые мнения. Не каж-

дый горьковчанин работает на заводе, имеющем валюту. Естественно, кто-то обиделся: выходит, автозаводец — человек первого сорта, а другой, безвалютный, — второго? Но, во-первых, если мой сосед купит штаны и ботинки у себя на заводе, то в магазине для меня больше останется. Во-вторых, подобные сделки должны стать стимулом для многих предприятий. Может, прекратится «борьба» за качество продукции и начнется

нормальная качественная работа, поскольку впереди реально забрезжил мировой рынок, торговля за твердую валюту.

Понимаю шаткость, двойственность собственной аргументации. Получится какая-то феодальная раздробленность: каждый будет стараться только для себя. В принципе это и неплохо. Если я — директор автозавода, то обязан думать о благоденствии автозаводцев, а не, скажем, кон-

дитеров. Всем нам будет лучше, если каждый позаботится о процветании родного предприятия. Однако есть и веселое «но». Машиностроители, предположим, поднапрягутся, повысят качество и продадут часть продукции за валюту. А что делать учителям, врачам, строителям, которым продать-то нечего? Не пойдут ли стенкой на «валютчиков»? Допускаю, неравенство в этом плане обострит социальную напряженность. И все-таки надо учесть: чем больше предприятий выйдет на мировой рынок, тем богаче станет рынок внутренний, рублевый, хотя, конечно, полное решение проблемы в конвертируемости рубля.

Да, устроители ярмарки не хуже нас знали, что в этом году, в условиях «закрытости» города, жесточайшего дефицита, лимитов, карточек нормальной рыночной торговли быть не может. Они стояли перед выбором: сидеть сложа руки, ожидая, пока правительство придет и устроит изобилие, или попытаться самим что-то предпринять, сделать шаг к рынку. Есть поговорка: «Первый шаг — уже дорога». Пусть пока незначительны масштабы сделок с иностранными и советскими предприятиями, приобретен первый опыт, а также стали виднее ухабы на предстоящей дороге.

Прежде всего ярмарка никогда не вернет мировой славы, если город останется «закрытым». Но «открыть» его — мизерная часть дела. Я на минуту представил, как «все флаги» съехались в Нижний Новгород, и ужаснулся. Это будет катастрофа и вселенский позор. Город совершенно не готов принять, разместить, обиходить большое количество гостей. Значит, предстоит строительство целой сети гостиниц. Это одно. Другое — напрочь утрачена культура торгов-

ли, обслуживания. Попросту — город негостеприимен.

Возможно, иностранному гостю не нахамят так, как нахамили нам с коллегой в ресторане гостиницы «Нижегородская», ноотрез отказавшись кормить за полчаса до начала санитарного часа при пустом зале. (У молодой официантки мы еле вырвали признание, что и после пяти нас, постояльцев этого отеля, в зал не пустят, потому как — спецобслуживание.) Но как рестораторы объяснят иностранцу, что такое санитарный час на предприятии общепита? Интересно, кстати, бывал ли такой час в трактирах или чистоту там умели поддерживать в процессе работы?

В последний день «Пролога» развернули широкую розничную торговлю. Мы приехали на ярмарочную площадь, что на берегу Оки, в начале двенадцатого.

На временной эстраде плясали артисты. Звуки музыки заглушал режущий вой металлических качелей, единственного, если не считать карусели, развлечения для малышей. Фанерные «Театр» и «Балагань» пока пустовали.

Мы не узнали, что «выкинули» в массивном Доме торговли. Мужественные женщины за чем-то пробивались, а нас духота и давка выгнали на улицу мгновенно. Потолкались меж фанерных ларьков. Что дают? По сколько в руки? Не пробиться, не узнать. Подхожу к ближайшей, человек на полтора, очереди:

— За чем стоите-то?

— За конфетами.

— А какие конфеты?

— Не знаем, еще разгружают...

В соседней очереди то же самое, слово в слово. Давали, наверно, и еще что-то, кроме конфет, но нам было уже все равно, ноги сами несли к выходу. Мимо

длинной очереди к единственной бочке с квасом.

И вдруг увидели довольные, смеющиеся лица, резко контрастирующие с хмуро озабоченной толпой. Хохочущие люди вылезали из огромной брезентовой палатки. Мы переглянулись: «Забавный аттракцион? Комната ужасов?» Я откинул полог и проник внутрь. В палатке... не было абсолютно ничего! Голая пустота! Что это значило, не представляю. Но срабатывало безотказно...

Пишу все это не с умыслом позлословить и очернить. Но хоть какие-то уроки извлечь надо! Ярмарочные покупки превратились в пытку для горьковчан не только из-за дефицита товаров, в большей степени — «благодаря» беспотолковой организации распродажи. Впрочем, «беспотолковой» — не то слово... Точного не подберу. Лучше расскажу напоследок эпизод, который очень наглядно демонстрирует потустороннюю логику нашей торговли.

В гостинице обращаюсь к дежурной по этажу:

— Пожалуйста, две бутылки «Пепси-колы» (накануне она буквально уговаривала нас купить сей напиток).

— Не могу. У меня передача смены. Спросите на шестом этаже.

Не понимаю, в чем заключается передача, если человек в одиночестве сидит за столом, но покорно (как мы привыкли, встречая отворот поворот) поднимаюсь на шестой. Там такая же история.

Спускаюсь. Сдерживаясь, прошу дежурную объяснить, почему я в данный момент не могу отдать свой рубль в обмен на товар? Какой в этом высший, не подвластный моему бедному разуму, смысл?

— Ну, ладно, — отвечает она. — Давайте.

Нет, умом Россию не понять...

На старинной литографии я видел панораму бывшей Нижегородской ярмарки, привольно раскинувшейся на стрелке меж Волгой и Окой.

Нынче процентов восемьдесят ее территории «съели» порт, жилые массивы. На оставшейся малой площадке невозможно разместить полноценную ярмарку. Искать ли другое место под строительство постоянных павильонов, переносить ли порт, не знаю. Ясно одно: наплыва гостей нынешний «пяточок» не выдерживает. Создан постоянно действующий ярмарочный комитет — будем надеяться, что он предложит решение этой и других проблем.

Как знать, может, на следующей ярмарке мы все-таки «продуемся в пух»...

АЛЕКСАНДР НАГЛОВСКИЙ

ЗИНОВЬЕВ

50

ИСТОРИЯ: ПОШЫКА ПОНЯТЬ

В 30-е годы читателей парижского журнала «Современные записки» вряд ли удивило, что напечатанные там интереснейшие воспоминания о крупнейших деятелях Советской России не были подписаны, а их автор укрылся под инициалами М.М. Понятно было, что не излишняя авторская скромность или недооценка своей работы были причиной этого безличного «М. М.». Речь шла об обстоятельствах чрезвычайных и обусловленных труднообразимыми сейчас нравами времени — сталинская машина рубила коотмашь и захватывала далеко.

Авантюрные похищения, таинственные исчезновения, загадочные смерти представителей русской эмиграции стали в Европе какой-то эпидемией. Сталинский террор достигал апогея не только на родине, а за рубежом

не одни эмигранты его чувствовали. Из советских посольств, торгпредств, различных миссий уходили, растворялись в неизвестности люди с советскими паспортами, понимавшие, что рано или поздно придет и их час угодить в ненасытную мясорубку. Одни делали это гласно, громко, как Федор Раскольников, другие открытому вызову предпочитали осторожность. Вряд ли есть у нас право за это их осуждать. Такую судьбу избрал и автор воспоминаний, напечатанных в «Современных записках». Быть может, это и послужило причиной, что жизненный свой путь завершил он уже в годы войны в Париже своей смертью. А спустя еще несколько лет пришло время расшифровать инициалы М.М. Как оказалось, под ними скрывался некто Александр Дмитриевич Нагловский.

Поистине неисповедимы пути человеческие, особенно в Рос-

В первый раз я увидел Зиновьева в 1917 году в Совете Рабочих Депутатов, когда он произносил речь. Среднего роста, плотный, ожирелый, с откинутой назад выходящей восточной шевелюрой, Зиновьев не говорил, а кричал необычайно пронзительным фальцетом. Легкость речи его была удивительна. Казалось, Зиновьев может так говорить часами, днями, неделями.

Охваченный ораторским жаром, иногда он казался на трибуне даже эффектным. Во всяком случае, производил впечатление и темпераментного, и убежденного человека.

Позднее, когда мне пришлось встречать Зиновьева в кругу видных питерских большевиков, я замечал, что очень многие (например, Стучка, Крестинский, Коллон-

тай) к этому «убежденному большевику» относятся не только без всякого пиетета, но с плохо скрываемым неуважением. При разговорах с этими людьми о Зиновьеве часто приходилось видеть брезгливое пожимание плечами, иногда с добавлением «нечистый человек».

Но таково отношение к Зиновьеву было только в головке питерских большевиков, в широких же слоях партии и среди революционно настроенных рабочих Зиновьев пользовался тогда несомненным большим влиянием, и все его выступления проходили неизменно с шумным успехом.

Речи Зиновьева были совсем непохожи на речи Ленина и Троцкого. Ленин вообще не обладал ораторским дарованием, к тому же Ленину всегда была нужна аудито-

сии: сын генерала, игравший с детьми великих князей, Нагловский рано увлекся марксизмом, задолго до Октября 1917 года вступил в партию, что, впрочем, не помешало ему получить образование сначала в александровском Лицее, затем в Институте инженеров путей сообщения. Образованный, профессиональные знания вкупе с партийным стажем сразу и четко определили судьбу Александра Дмитриевича Нагловского: после Октября он назначается «комиссаром путей сообщения» в Петрокоммуне и работает под началом Зиновьева, затем — в НКПС у Троцкого (к этому периоду и относятся предлагаемые ниже воспоминания). Как крупного специалиста и человека, свободно владевшего основными европейскими языками, вскоре Нагловского назначают торгпредом в Италию. По времени это совпадает с разгулом сталинско-

го террора, а потому во многом объясняет и пути дальнейшей его судьбы.

После настоятельного предложения явиться в Москву «для консультаций» Нагловский понял, чем чреват этот вызов... Короче, на родине торгпреда объявили «вне закона». Так началась жизнь в подполье, тем более тревожная и опасная, что принадлежал Нагловский к людям, посвященным в «тайны двора» и знавшим слишком много. За ним началась форменная охота: близость руки «кремлевского горца» он чувствовал постоянно. Об остальном сказано выше. Добавим только, что нам удалось восстановить купюры, которые в целях осторожности были сделаны при публикации рукописи в «Современных записках». Таким образом, мы предлагаем читателям первоначальную — авторскую — редакцию воспоминаний Александра Нагловского.

рия, которая к его идеям была хотя бы минимально подготовлена. Не рассчитаны на самые последние ряды галерки бывали и речи Троцкого. Речи же Зиновьева были как раз для галерки. Зиновьев был демагогом черни.

Рассказывают, когда Ленин задало до революции на эмигрантском собрании впервые услышал визгливый фальцет произносившего речь Зиновьева, он сразу же обратил внимание на экспансивного молодого человека и приблизил его к себе, как могущего стать первоклассным агитатором. С тех пор близость Зиновьева к Ленину никогда не порывалась. А после Октябрьской революции именно Ленин выдвинул Зиновьева на руководящий пост в Петербурге, где, с отъездом Совнаркома в Москву, Зиновьев стал полновластным диктатором Петрокоммуны.

Зиновьев был председателем Питерского Комитета партии, являясь таким образом абсолютным диктатором Петрограда и Петроградской области.

В Смольном в кабинете Зиновьева сосредоточивалось все. Окружали Зиновьева следующие лица. Комиссаром народного хозяйства был Молотов. Этому небольшому, безликому человеку с плоским, невзрачным лицом в то время никто бы не предсказал его головокружительной карьеры. На больших собраниях сильно заикавшийся Молотов не выступал. Собственных идей не имел, за исключением одной. Молотов носился тогда с идеей «всеучета». И надо сказать, в этой гениальной идее было что-то от «идей» капитана Лебядкина. Молотов хотел учесть в России решительно все — от запасов, сырья, оборудования

Познакомив читателя с необычной судьбой автора, возможно, не стоило бы предварять особыми замечаниями сами воспоминания, но о персонажах их — в контексте нашего времени — сказать все-таки необходимо.

По поводу двух этих фигур ломают сегодня копыя, возжигают страсти: одни говорят о них с нескрываемой неприязнью, другие видят в них чуть ли не потенциальных избавителей от того страшного сталинского пути, на который ступила наша история, третьи считают, что сапог Троцкого или Зиновьева (выйди они победителями) все равно не мог бы поворотить на другую историческую дорогу. Но вопрос в чем: стоит ли вообще гадать, если ни то, ни другое, ни третье сегодня уже недоказуемо? Дело же, однако, в том, что сегодня наше общество довольно устойчиво разделилось не

только на «правых» и «левых», но и тех, кто предпочитает середину. Мы не считаем уместным причислять себя ни к «правым», ни к «левым», как, впрочем, и затесываться где-то между ними, а потому и печатаем воспоминания современника без комментариев, но в полном доверии к нашему читателю, полагая, что он найдет в них достаточно живых черт, материала из первых, так сказать, рук, чтобы составить об этих персонажах нашей истории собственное мнение. В конце концов перед нами документ, и в этом его ценность.

фабрик, транспорта, военного снаряжения до площади квартир и всей подвижности, имеющейся на руках всего населения. В его предложениях идея «всеучета» приобретала настолько юмористический характер, что Зиновьев всегда снимал ее с обсуждения.

Комиссариат внутренних дел Зиновьев отдал одной из своих жен — г-же Равич. Говорят, в частной жизни Зиновьев был хорошим семьянином. Во всяком случае, придя к власти, Зиновьев сразу же позаботился о постах для своих обеих жен. Правда, г-жа Равич делами своего комиссариата почти не занималась, да, вероятно, и не имела к этому данных, зато большую роль она играла в Питерском Комитете партии, где была секретарем и, так сказать, верным оком своего мужа.

Своей первой жене, престарелой Лилиной, Зиновьев отдал комиссариат социального обеспечения. Лилина была антипатичной, увядшей женщиной лет 55, чрезвычайно желчной и раздражительной. Административных дарований у нее было не больше, чем у второй жены, но она была старым партийным работником, а потому имела вес и сама по себе, и в особенности как жена Зиновьева.

Комиссаром городского хозяйства (должность в те времена глубоко номинальная) был М. И. Калинин. В Совете комиссаров, в Совете депутатов, в Комитете партии — везде Калинин был абсолютно безгласен. Крайне невзрачного мужичка не замечал никто, и не по какой-нибудь злонамеренности, а просто потому, что его действительно нельзя было заметить, настолько сер и даже как-то несчастен был будущий Президент Советского Союза. Зиновьев третиrowал Калинина как хотел и употреблял его только на единственное амплуа: если где-нибудь в го-

роде возникал какой-нибудь конфликт, Калинин посылался туда и опять-таки не из-за дипломатических способностей Калинина, а всецело из-за его декоративной крестьянской внешности. На него, Калинин, как известно, и сделал карьеру.

Зато человеком совсем другого склада был комиссар печати Володарский. Разбитной, наглый парень из портных. Володарский был весьма энергичен и к тому же недурной оратор. Среди своих он был всегда любитель анекдота и «душа общества», во внешнем же мире появлялся, как фигура крайне свирепая, и Зиновьев выбрал его, чтобы задушить печать.

Володарский создал «трибунал по делам печати», председателем которого был назначен рабочий Зорин. Между Зориным, рабочим от станка, вовсе не желавшим никакого удушения печати, и Володарским, действительно душившим печать, вспыхивали частые раздоры и всегда по одному и тому же поводу. Зорин ни за что не хотел соглашаться с предерженностью приговоров трибунала. В Зорине жил еще призрак свободы, и на безапелляционные указания Володарского закрыть такую-то газету Зорин вспыхивал и кричал: «Не буду закрывать! Если хочешь все закрыть, так и объяви, что все закрываешь!» Но в такие моменты в спор вмешивался Зиновьев, и все кончалось все-таки тем, что в трибунале Зорин объявлял очередной приговор о закрытии той или другой газеты.

Остальное окружение Зиновьева составляли: Урицкий, Председатель ЧК, в распоряжении которого была так называемая «волчья сотня Урицкого», с бору да с сосенки набранный охлос, действовавший не только в столице, но и в прилегающих к Питеру районах; Луначарский, Залуцкий, Мар-

ков, Позерн, Бадаев и три левых социал-революционера. Из всех этих «министров» революционного Петрограда диктатор Зиновьев был самой колоритной фигурой.

Иногда, глядя на Зиновьева, мне казалось, что в этом разжиревшем человеке с лицом провинциального тенора и длинной гривой выющихся волос воплотился какой-то древний восточный са-трап. В периоды опасности (Октябрьская революция, восстание Кронштадта, наступление Юденича) Зиновьев превращался в растерянного, панического, но необычайно кровожадного труса. В периоды же спокойного властвования Зиновьев был неврастеничен, безалаберен и в противоположность многим старым большевикам с большим удовольствием предавался всем земным радостям. Хорошо выпить, вкусно поесть, сладко полежать, съездить в театр к красивым актрисам, разыграть из себя вельможу и мецената — все это Зиновьев чрезвычайно любил и прodelывал с большим аппетитом.

В то время, как при Ленине в Петербурге частная сторона жизни комиссаров в Смольном была в полном небрежении, при Зиновьеве на нее сразу было обращено сугубое внимание. По его личному распоряжению в Смольном стали даваться так называемые комиссарские обеды, которые не только уже на фоне революционного всеобщего недостатка, но и в мирное время могли бы считаться лукулловскими. Только когда в столице голод принял чрезвычайно сильные размеры, Зиновьев приказал перенести комиссарские обеды в «Асторию» — гостиницу, целиком занятую коммунистической знатью, где подобные «отдыхи» могли проходить более незаметно.

В Смольном Зиновьев ввел необычайную охрану. У входа

в Смольный сидели бесшумно пулеметчики за двумя пулеметами. Пропуска всех контролировались не только при входе в здание, но еще на каждом этаже. В смысле охраны был образцовый порядок. Зато на заседаниях комиссаров у Зиновьева беспорядок достигал апогея. Как организатор Зиновьев был очень слаб. Заседания Совета в Смольном происходили в бывших институтских классах, где попало, не имелось даже определенной комнаты. На заседаниях Зиновьев говорил очень мало, вел заседания безалаберно, протоколы составлялись уже после заседания секретаршей Крастинской (у Сталина попавшей в тюрьму). Одним словом, с педантичной аккуратностью Ленина у Зиновьева не было ничего общего. Зиновьев был «на коне» только в демагогических выступлениях и в темноте интриг. От природы необычайно хитрый и ловкий, Зиновьев тут возвышался до большого мастерства. Особенно памятна мне игра Зиновьева с левыми эсерами накануне их восстания, когда на областном съезде большевиков и левых эсеров Зиновьев, ненавидевший левых эсеров и ждавший только случая перегрызть им горло, вдруг выступил с предложением увеличить число мест левых эсеров в Совете комиссаров и, в частности, назначить левого эсера Лапиера на место комиссара путей сообщения.

Этому предложению все комиссары-большевики были крайне удивлены. И на ближайшем заседании Совета комиссаров несколько из них подошли к Зиновьеву, спрашивая, что сей сон означает. Хитро улыбаясь, Зиновьев увел спрашивавших в свой кабинет, сообщив под величайшим секретом, что у него имеются все сведения о готовящемся восстании левых эсеров, но что меры им уже при-

няты и он хочет только своим предложением усыпить их бдительность.

Действительно, назначенное левыми эсерами выступление Зиновьев предупредил полным разгромом их штаба. В этот день ранним утром правая рука Зиновьева, комендант Петрограда, приехавший в Россию из Америки, полубандит-полуанархист, действовавший под псевдонимом «Владимир Шатов», во главе отряда большевиков взял штурмом Пажеский корпус, где помещался штаб левых эсеров. Штейнберг, Лапиер и другие засевшие в корпусе левые эсеры бежали. Зиновьев потирал от удовольствия руки.

Но не только в отношении к врагам Зиновьев был беспощаден. В отношении к людям вообще в характере Зиновьева была преувеличенная подозрительность и недоверчивость. Зиновьев доверял только своим двум женам. Всех же других он мог выдвигать на видные места, но тут же и сбрасывал в неизвестность. В отношении же врагов Зиновьев проявлял исключительную жестокость.

Разумеется, никто из вождей коммунизма не отличался ангельской добротой к человеку. Но жестокость их была разная. Троцкий был жесток для жеста, для позы. В Зиновьеве же было что-то эмоционально-жестокое, я бы сказал даже, садистское. В Петрограде именно он был вдохновителем террора.

Помню два случая. Однажды в августе 1919 года по делам службы я был в кабинете Зиновьева, когда туда пришел председатель пограничной ЧК Бакаев. Бакаев заговорил о деле, сильно волновавшем тогда всю головку питерских большевиков. Дело было в следующем. Одна пожилая женщина, старая большевич-

ка, была арестована ЧК за то, что при свидании с знакомой арестованной «белогвардейкой» взяла от нее письмо, чтобы передать на волю. Письмо было перехвачено чекистами. Дело рассматривалось в ЧК, и вся коллегия во главе с Бакаевым высказалась против расстрела большевички, в прошлом имевшей тюрьму и ссылку. Но дело дошло до Зиновьева, и он категорически высказался за расстрел.

В моем присутствии в кабинете Зиновьева между ним и Бакаевым произошел крупный разговор. Бакаев говорил, что если Зиновьев будет настаивать на расстреле, то вся коллегия заявляет об отставке. Зиновьев взъерепенился, как никогда, он визжал, кричал, нервно бегал по кабинету и на угрозу Бакаева отставкой заявил, что если расстрела не будет, то Зиновьев прикажет расстрелять всю коллегия ЧК. Спор кончился победой Зиновьева и расстрелом арестованной женщины на Охтинском полигоне, где обычно расстреливали добровольцы-железнодорожники Ириновской дороги.

Другой случай таков. В дни наступления Юденича на Петроград в моем присутствии Зиновьеву однажды доложил начальник внутренней обороны Петрограда Петерс, что чекистами пойман человек, вероятно белый, перешедший границу с целью шпионажа. У Зиновьева вдруг как-то странно загорелись глаза, и он заговорил отворотительной скороговоркой:

— Это прекрасно, прекрасно, вы его, товарищ Петерс, пытните как следует, все жилы ему вымотайте, все, все из него вытяните.

В этот момент Зиновьев был необычайно отворотителен.

Но при всей хитрости, ловкости и мастерстве интриги что-то все-таки помешало Зиновьеву вовремя разглядеть сложный клубок

партийных интриг, ведшихся в Москве вокруг заболевшего, сдававшего Ленина. Зиновьев промахнулся, недооценив силы Сталина. Мне запомнилась одна встреча этих людей.

Летом 1919 года, между первым и вторым наступлениями Юденича, в Смольный к Зиновьеву приехал из Москвы член реввоенсовета Сталин для обсуждения вопросов, связанных с эвакуацией Петрограда. На это совещание я был вызван Зиновьевым, ибо вопросы эвакуации непосредственно касались моего ведомства.

Барственно и небрежно развляясь, Зиновьев сидел в массивном кресле, громко и резко говорил, страшно нервничал, то и дело откидывая со лба космы длинных волос. Сталин ходил по кабинету легкой кавказской походкой, не говоря ни слова. Его желтоватое, чуть тронутое оспой лицо выражало какую-то необычайную скуку,

словно этому человеку все на свете давно опротивело. Только изредка он задавал односложные вопросы, и эта односложность и неясность позиции самого Сталина в вопросе об эвакуации Петрограда, на которой настаивал Зиновьев, последнего еще больше нервировала и горячила. Но Сталин так и промолчал все заседание, закончив его односложной репликой: — Обдумаю и скажу, — и вышел от Зиновьева.

После ухода Сталина Зиновьев пришел в совершенно необузданное бешенство. Человек неврастенический, Зиновьев ругал ЦК, который не мог прислать к нему никого другого, кроме «этого ишачка!». Зиновьев не видел, что именно этот «ишак» после смерти Ленина окажется самым сильным человеком в партии и через пятнадцать лет посадит его, Зиновьева, в тюрьму, как «белогвардейца» и «контрреволюционера».

56 ТРОЦКИЙ

Приехавшего из Америки в 1917 году Троцкого я встречал в Таврическом Дворце на заседаниях Совета рабочих депутатов. У него имелась все разрешающая теория перманентной революции: японская война, 1905-й год — первый удар; мировая война, 1917-й год — второй удар. И Троцкий выскочил на русскую землю эдаким туристом — прямо с корабля на бал.

Возвестив о совпадении своих позиций с позициями Ленина, он пошел в атаку на Временное правительство, и их роли распределились соответственно их характе-

рам. Приманивая массы на червя большевизма, Ленин, как свинцовый груз, тянул леску вглубь, а поплавок-Троцкий моментально поплыл по поверхности. Новый свет рампы, речи, аплодисменты, интервью, словом, те же подмостки Совета рабочих депутатов, что и в 1905 году, только тут уже приходилось из задних рядов протискиваться в завоеватели Совета.

Не будет преувеличением сказать, что в 1917 году в массах Троцкий был известнее Ленина. Но то, что было незаметно для зрителей извне, было очевидно всякому более или менее крупному пар-

тийцу; как только Троцкий менял роль «поплавка» и уходил в глубь большевистской партии, членом которой он стал, он неизменно в ее теле оказывался чужероден.

С 1917 года по 1920-й мне часто приходилось встречаться и с Троцким, и с его противниками, и могу засвидетельствовать, что крайняя неприязненность к нему Зиновьева, Крестинского, Сталина, Стучки, Стасовой, Дзержинского, Крыленко и многих других правоверных ленинцев существовала всегда и редко чем-нибудь прикрывалась. Все эти люди только терпели бывшего меньшевика Троцкого потому, что он был нужен большевистской революции, и потому, что Ильич заключил с ним некое «джентльменское соглашение». Эта владычная рука Ленина, поддерживающая Троцкого, всегда была ощутима, и без этой руки падение Троцкого могло быть ежедневным. В рамки большевистской организации Троцкий не вкладывался, он, как резиновый чертик, неизменно из нее выскакивал. Стать нечужеродным мешали некоторая психологическая разность с ленинцами и болезненное честолюбие Троцкого, сознание, что если он и не Ленин, то почти Ленин. Думаю, что в глубине души Троцкий ценил себя куда выше Ленина.

После октябрьского переворота я видел Троцкого в роли наркоминдела. Тут мне казалось, что на короткое время о Троцком в партии как-то забыли. Дали наркоминдел — «делай, мол, там, что хочешь!» Он бросился в секретные архивы, ими зачитываясь, писать ноты и лозунги, дал волю своей революционной фантазии. На первой же министерской должности Троцкий стал приближать к себе специалистов. В противоположность Ленину, у которого «партиец все мог понимать и все

делать», Троцкий искал и брал людей дела, как, например, племянника бывшего военного министра Поливанова, сына бывшего министра Муравьева и других. Троцкий хотел быть окружен настоящим «министерством», настоящими чиновниками, а не большевистскими импровизаторами, к которым в ответ на недоверие относился с презрением.

Но фантазии Троцкого в роли революционного дипломата кончились Брестом. На этом дипломатическая карьера оборвалась, и Ленин назначил Троцкого наркомвоенном.

Этому шумному назначению Троцкого предшествовало не лишнее интереса событие. В марте 1918 года, когда Совнарком решил переезжать из Петрограда в Москву, Ленин заявил в Смольном, что хочет оставить Троцкого в Петрограде главой питерского Совнаркома, а Зиновьева взять с собой в Москву.

Вопрос этот обсуждался на собрании актива петербургских большевиков, где вызвал взрыв возражений, демонстрировавших открытый отказ в кредите Троцкому со стороны ведущей головки большевиков. Из питерских большевиков Троцкого не поддержал никто, тогда как кандидатура Зиновьева в председатели петербургского Совнаркома выставлялась как самоочевидная. И Ленин с этим вынужден был согласиться.

В результате в марте 1918 года Зиновьев взял Петроград своей вотчиной, а Троцкий стал наркомвоенном. С Зиновьевым в 1918—1919 гг. я виделся почти ежедневно. Отношение его к Троцкому было самое отвратительное, причем и Троцкий платил Зиновьеву той же монетой.

Причина этой обоюдной ненависти была ясна. Зиновьев требовал себе как раз ту самую роль, на

которую претендовал Троцкий: — дублера Ленина. И чистокровный большевик, старый наперсник Ленина, Зиновьев пытался всеми силами отпихнуть Троцкого от попытки дублировать Ильича. Троцкий, разумеется, не оставался в долгу. В своей драке они забыли только о Сталине, который одинаково ненавидел их обоих.

В 1918—1919 гг. взаимная враждебность Зиновьева и Троцкого не оставалась только в сердцах двух вельмож, борьба их явственно реализовалась и в жизни. В то время, как Троцкий начал организовывать военное ведомство, подбирая опять-таки «настоящих военных», генералов, полковников и комиссаров, долженствующих быть ему преданными, Зиновьев не желал выпускать из рук военную организацию Петрограда. Игра Зиновьева опиралась на то, что «полубольшевик» Троцкий подбирает людей политически ненадежных, в то время как Зиновьев создаст надежную организацию.

Парируя эту игру, Троцкий в 1918 году стал привлекать к себе чекистов, организовав при себе чекистский отряд во главе с Павлуновским. Привлек он и видного чекиста Берзина. Из этого чекистско-коммунистического аппарата впоследствии и выросла, в сущности, оппозиция троцкистов. Тогда же, в ведомственной борьбе Троцкого (с Зиновьевым в Петрограде, со Сталиным в центре, с Ворошиловым на юге), этот аппарат играл большую роль, спасая часто положение Троцкого и поддерживая его у власти.

Троцкий был очень властолюбив и тщеславен, подчас даже мелочно. В психологии его было что-то от нувориша. Так, помню приезд его в Петроград весной 1919 года. Из Москвы в Петроград Ленин обычно ездил в купе 1-го класса. Троцкий — в комфорта-

бельном поезде. В этот приезд я был вызван к нему на Николаевский вокзал. На Николаевском вокзале — поезд из вагонов бывших царских поездов, оборудованный по последнему слову комфорта, тут и типография, и отдельный вагон для свиты, и первоклассная кухня, и ванны, словом, «царский» поезд. Чтобы дойти до поезда, мне пришлось пройти сквозь две цепи солдат. В поезде меня принял адъютант, бывший царский офицер, который и доложил обо мне наркомвоену.

Троцкий принял меня в салон-вагоне, сидя за столом. Следов былого «молодого Лассалья» в Троцком тогда уже не было. Необыкновенная надменность человека, привыкшего к безграничной власти, — вот каков был тон Троцкого. Его окружение из офицеров перед ним держалось необычайно подтянуто. Ни перед Лениным, ни перед Зиновьевым никто бы так не стоял. Тут пахло настоящим арачевским фрунтом.

Пока я ждал, Троцкий тут же принимал какой-то доклад, высокомерным тоном министра задавая вопросы, и, как только ответы ему казались неудовлетворительными, он тут же обращался к секретарю, говоря коротко:

— Запишите, что было сейчас сказано!

Иногда такие записи означали вызов Павлуновского и расстрел на месте. Это был стиль Троцкого.

В небрежном постукивании карандашом по столу, во взгляде свысока, в позе нога на ногу, в повелительном обращении со своим окружением из бывших офицеров — во всем у Троцкого чувствовалось, что этот человек упивается властью. Царские поезда, свита, pompa, расстрелы — в Троцком очень даже теплился «стиль Бонапарта». Но в то время как извне иностранцам, белым ар-

миям, обывателям Троцкий казался необычайно властным, на самом деле властность Троцкого наталкивалась на партийный аппарат, вглубь не шла. Ленинцы только давали Троцкому резвиться. Победно воевавшему на фронтах Троцкому приходилось жестоко огрызаться внутри партии, где его хватили за икры со всех сторон.

Именно благодаря этому Троцкий и создавал вокруг своего поезда «государство в государстве», подбирая и обласкивая нужных ему людей, хотя надо сказать, что критические моменты гражданской войны иногда выносили Троцкого наверх и с этого верха Троцкий презрительно тыкал сагогом Зиновьева и его товарищей.

Таким моментом для Троцкого было наступление генерала Юденича на Петроград. Эти мрачные, страшные дни конца октября 1919 года заслуживали бы отдельных воспоминаний. Юденич под Петроградом занял Царское, подошел к Пулковской горке и угрожает Тосно и Ораниенбауму. Головка питерских большевиков переживала подлинную панику. Красные войска разбежались куда глаза глядят. Зиновьев, панически трусливый в моменты опасности, теперь только и делал, что по прямому проводу требовал из Москвы директив по эвакуации Петрограда, заявляя, что «держаться больше не может!».

Попытки организовать наскоро сбитые рабочие дружины ни к чему не привели, под нажимом Юденича подступы к столице обнажались, и с часу на час ожидалось занятие города белыми. Предавшийся панике Зиновьев почему-то еще был убежден, что и Финляндия выступит против Петрограда.

Вот в этот-то момент, когда в Смольном Зиновьев собрал всех петербургских наркомов и истерически кричал: «Вы все останетесь

тут! Хоть три дня! Я никуда никогда отсюда не выпущу!» — из Москвы сообщили, что в Петербург выехал Троцкий. Для Зиновьева — конфуз. Для Троцкого — триумф, кратковременный, но несомненный.

Троцкий приехал в Петроград поздно вечером. С той же помпой пришли два царских поезда. С Троцким большая свита двух сортов: военные во главе с генералом Надежным и чекисты во главе с Павлуновским. Окруженный этой свитой, Троцкий с вокзала проехал прямо в Смольный и вошел в кабинет Зиновьева (прежний кабинет Ленина), где вокруг Зиновьева собрались питерские комиссары. С места в карьер, обращая к Зиновьеву, Троцкий проговорил:

— Здравствуйте, товарищ Зиновьев! На ваш запрос об эвакуации заявляю, что Петроград сдан не будет! Я приехал от Совнаркома с неограниченными полномочиями. А засим созовите собрание партийного актива Петрограда!

И когда Зиновьев еще не успел произнести слова, Троцкий повернулся к Павлуновскому и резко, металлически, с резонансом, рассчитанным на всех присутствующих, проговорил:

— Товарищ Павлуновский, приказываю немедленно арестовать и расстрелять весь штаб защиты Петрограда! А вам, — обратился к генералу Надежному, — немедленно принять на себя командование 7-й армией и организацию штаба защиты!

Минута «бонапартовская». При полном молчании Надежный и Павлуновский, окруженные помощниками, вышли из кабинета. В эту же ночь Павлуновский расстрелял совершенно ни в чем не повинный штаб защиты Петрограда во главе с бывшим офицером генерального штаба Линденквистом. Защита перешла в руки генерала

Надежного, а расстрелы — к чекисту Павлуновскому, этому обер-палачу при Троцком, вызывавшему во всяком человеке бесконечное отвращение: высокий, худой, с жуткими глазами убийцы, одетый в «лихую» кавалерийскую шинель до пят, с рукой на перевязи, Павлуновский со своим отрядом по мановению руки Льва Давыдовича расстреливал бесчисленное количество людей.

Когда Павлуновский и Надежный вышли и в кабинете остались Зиновьев и человек пять питерских комиссаров, Троцкий сразу же как-то «размяк». «Железный жест» был сделан и в ожидании нового жеста на собрании петербургского актива, Троцкий похаживал по большому кабинету Зиновьева, подшучивал над тем, что «Зиновьев, кажется, осунулся», брал с полки книги, перелистывал, читал наугад какие-то цитаты и по поводу их острил, потом снова клал книгу на полку и снова подшучивал над Зиновьевым и телефоном с громкоговорителем, стоявшим у него на столе.

На эти остроты Зиновьев реагировал слабо. В это время по приказу Троцкого происходила смена всей охраны Смольного. Прежнюю охрану сменяли приехавшие с Троцким какие-то такие морды, что на них смотреть было жутко. Эта смена, вероятно, должна была подчеркнуть окончательную победу Троцкого над Зиновьевым: не оставалось камня на камне.

Когда в зал Смольного собрался актив петербургских большевиков (это было красочное, «историческое» заседание, занятия Петрограда белыми ждали с минуты на минуту), Троцкий выступил с речью. Тут снова из посмеивающегося журналиста Троцкий превращался в «железного вожда». Гремела речь о постыдности поведения коммунистов, о психологии

дезертирства, о беспощадности мер, которые он примет, всем и всему Троцкий грозил расстрелом.

Ночь в Смольном прошла в лихорадочной работе. Сюда привезли арестованный штаб бригады, действовавшей под Ораниенбаумом. Этой же ночью Троцкий в сопровождении генерала Надежного выехал на фронт, а в Смольный из Москвы приехал Красин, на которого было возложено поручение в случае сдачи Петрограда подготовить приведение петербургских заводов в полную негодность. Этим Красин и занялся.

Наутро я застал Троцкого в Смольном. Обсуждался вопрос о переброске на фронт подходивших из Москвы и с Мурманского фронта подкреплений. Троцкий стоял посредине кабинета Зиновьева, у двери — двое чекистов, Павлуновский в своей кавалерийской шинели и начальник особого отдела петроградской ЧК Комаров. За столом — секретарь Троцкого с неизменным блокнотом, а перед Троцким — перепуганный начальник военных сообщений Петрограда Араратов.

— Сколько времени нужно, чтобы перебросить войска с Финляндского вокзала на Балтийский? — кричал Троцкий Араратову.

— 24 часа, по-моему.

— Что?! Саботаж! Запишите сказанное! — кричит Троцкий и тут же Павлуновскому. — Арррррррррр!

Павлуновский и Комаров уже двинулись к потерявшему всякое присутствие духа Араратову, и, если бы за него не вступились все присутствовавшие, Араратов был бы немедленно расстрелян, как было уже расстреляно множество людей. Троцкому объяснили, что перебрасывать войска по железной дороге с вокзала на вокзал не

нужно, гораздо быстрее войска пройдут в пешем строю.

В этот день под руководством Троцкого Петроград спешно делится на три зоны, из которых две могли быть сданы, а третья должна была защищаться до последнего. В деле обороны Петрограда Троцкий, конечно, сыграл роль, но все же чудес не бывает, и Троцкий ничего бы не сделал, если бы ему не помог... сам генерал Юденич.

Уверенность в том, что если Юденич будет продолжать наступление, то город будет взят, была абсолютная, а сдача Петрограда грозила самыми серьезными последствиями и для центральной власти. Но генерал Юденич в это время три дня простоял перед беззащитным Петроградом в полном бездействии. Бездействие генерала Юденича было непонятно. Оно и создало триумф Троцкого: в течение трех дней все время ходили красные подкрепления.

Под Петроград были переброшены уже довольно значительные части, и для подъема духа войск Троцкий сам выехал на автомобиле в Гатчину. Я сопровождал его. Это был решительный момент, когда красные перешли в наступление, а белые дрогнули.

О Троцком коммунисты-военные частенько говорили как о человеке трусливом. Придерживаясь объективности, должен сказать, что в Гатчине Троцкий держал себя вполне соответственно своей роли. Может быть, у него и дрожали поджилки, когда автомобиль под обстрелом белых влетел в еще не занятую Гатчину. Но трусости Троцкий не проявил. Напротив, несмотря на предостережения окружающих, он вылез из автомобиля, шел под обстрелом, вообще все было именно так, как подобает «полководцу».

Об энтузиазме красных войск при защите Петрограда говорить,

конечно, не приходится. Этот энтузиазм создали чекистские и курсантские отряды, шедшие с пулеметами сзади войск, расстреливая на месте всех дрогнувших или пытавшихся дезертировать.

В гражданской войне защита Петрограда была моментом большого ведомственного успеха Троцкого и поражения Зиновьева.

Но насколько Троцкий был непопулярен в партии, показывает хотя бы тот факт, что, несмотря на такие «головокружительные» заслуги, он уже в следующем году под давлением головки партийцев ушел с поста наркомвоена и стал Народным комиссаром путей сообщения.

Тут, в Москве, на Ново-Басманной, в здании НКПС, я не раз видел Троцкого. Привыкший ко всему «военному», он и тут действовал на военный манер: часовые в коридорах, часовые у кабинета.

В мае 1920 года я был вызван Троцким по поводу назначения на работу по железнодорожному ведомству. Разговор ничем особым замечателен не был. Но от этого визита осталось ощущение, что снятый с поста наркомвоена Троцкий уже на ущербе, затерт и поражен ленинцами.

Изменился и вид Троцкого: он сильно постарел, лицо бледно-желтое, пробилась сильная седина, было ясно, что сивку укатывали крутые горки. Популярностью на посту Наркома путей сообщения Троцкий не пользовался. Видные коммунисты-железнодорожники, как всегда, считали его не своим, а спецы и низший технический персонал ненавидели за вводимые дикие террористические методы, за военнизацию железных дорог. На железных дорогах Троцкий ввел подлинную арахчевщину. Его чекисты, перешедшие сюда вместе с ним из военного ведом-

ства, в смысле бессудных расстрелов творили нечто неопишное. Военизация приводила к невероятному самоуправству местных властей.

Но в роли наркома путей сообщения Троцкий уже явно падал свою лебединую песню. Он падал медленно, но верно. Подпорка в виде руки больного Ленина уже слабела, а самостоятельной силы удержать власть не было.

В то время как за Лениным стояла вся партия, за Дзержинским вся ВЧК, за Сталиным — сильная часть партии, и даже за Зиновьевым в Петербурге была довольно крепкая группа лично ему преданных «зиновьевцев», за Троцким была пустота. Дара водительства у Троцкого не было.

В недрах большевиков Троцкий не свой, у него нет ни друзей, ни последователей. В массах, где когда-то Троцкий имел популярность, он ее сам давно потопил в крови расстрелов. В партии за Троцкого была лишь часть интеллигенции и одиночные военные, лично им выдвинутые, да группа чекистов, подобных Павлуновскому. Чтобы сыграть роль, этих сил было слишком мало. И в итоге оказалось, что все свои рулады Троцкий пропел соло, с закрытыми глазами, как глухарь на току.

Так, пролетев по большевистскому небу фейерверочной ракетой, с шумом, треском, пальбой, Троцкий все снижался и потухал. Наконец, перелетев границы России, ракета с шипением упала на воды у Принцевых Островов и потухла.

**Предисловие и публикация
АЛЕКСЕЯ КАРЕТНИКОВА.**

ОСТРОВИТЯНЕ

СЕРГЕЙ СМОРОДКИН

Фото АЛЬБЕРТА ЛЕХМУСА

Тихое серебряное утро...

Рождается оно из мягких туманных сумерек, словно неспешно поднимается дымчатый занавес, открывая мерцающую даль Тихого океана, а над ним — пепельный конус вулкана Менделеева с затившимся на склонах лесом, с восковыми пятнами зарослей бамбука.

Кунашир — самый южный остров Курильской гряды. Край нашей земли. Через неширокий пролив синеват японский остров Хоккайдо. А на восток, на тысячи и тысячи морских миль до самых Гавзйев — ни клочка суши.

Иду по берегу на встречу с Федором Ивановичем Пыжьяновым, преподавателем истории в местной школе, археологом, краеведом. Он давно живет на Курилах, обошел, объехал не один остров, отыскивая следы освоения архипелага российскими землепроходцами.

Русские поселения на Курильской гряде существовали где-то до середины прошлого века, пока архипелаг не отошел к Японии: по трактату, заключенному между Россией и Японией в 1875 году, остров Сахалин стал принадлежать Российской Империи, а взамен Японской империи передавались Курилы. Коренное население островов — айны — долго хранило добрую память о русских поселенцах. Айны переняли религию, обычаи, одежду, свободно говорили по-русски, и японские исследователи с удивлением отмечали, что айны продолжают упорно носить русские имена и фамилии...

Сегодня Пыжьянов собрался показать место, где, по его предположениям, двести пятьдесят лет назад впервые высадились на «Кынасыре» — так тогда называли Кунашир — русские моряки. Экспедицию возглавлял капитан Мартын Шпанберг. В вахтенном журнале экспедиции отмечено, что Кунашир — остров большой и для глаз «отрадный», что имеется на нем «великое изобилие в преизрядном сосняке, листовяке и ельнике», что диких зверей, «особливо же медведей, водится довольно, которых кожи употребляются от жителей на праздничное платье».

Медведей, по словам работников заповедника «Курильский», и сейчас на острове в достатке. Что же касается отрады для глаз... Берег, по которому иду, на километры завален металлоломом, старыми покрывками, битым стеклом, пластиковыми мешками. Ржавеют вытащенные на сушу, отслужившие срок рыбацкие суда. Торчат из песка автомобильные мосты, бочки, арматура. Куда ни посмотришь, везде натыкаешься на следы разрушительного пребывания людей. Будто главная их цель пребывания на земле —

оставить после себя запустение.

...Поворачивает берег — и опять все тот же заваленныйхламом пляж. Поневоле отводишь взгляд, смотришь на бухту, на дом, стоящий на крутом откосе. Рядом с черными, покосившимися бараками, построенными, судя по их ветхости, после войны, деревянный дом этот кажется едва ли не дворцом. Резные балясины мезонина, изукрашенные наличники, крыльцо, напоминающее вход в терем, а главное — место, выбранное для дома: редкостной красоты вид открывается из его окон. Увидев дом впервые, стал подниматься по лестнице к этому чуду. Ближе, ближе, наконец, подошел, и стало мне не по себе. Мертв был дом, заколочены его окна, давно не открывалась разбухшая дверь, и зеленел мох на крыльце.

Дом без хозяина.

Судьба этого сооружения странна и едва ли не символична. Строил его человек с любовью и тщанием не один год. Пока строил — жил рядом, в подслеповатой лачуге. И вот выстроил, жить бы ему да жить в новом, удобно устроенном доме, а он вдруг продал его, уехал на материк.

Остался дом сиротой. Хотя владелец есть — местный рыбокол, купивший его. Но никто не живет тут; для одной семьи, посчитали кооператоры, дом роскошен, жалко отдать. А две семьи не идут, не рассчитан дом на две семьи, перестраивать надо. Решили было приспособить под общежитие, но и с общежитием ничего не получилось. Теперь поговаривают, что надо бы его снести: не на том месте построен. Будет мешать районному ДК, что воздвигается (который уж год!) неподалеку.

...Черными глазницами смотрит мертвый дом на синеющий внизу океан. Место райское, что и гово-

речь. Но если по совести, давно уже не обольщают меня подобные места. Приедешь, поживешь, поговоришь с людьми, и столько проблем обступит, столько человеческих изломанных судеб, обид, несчастий обрушится, что не до прелестей пейзажа, не до открыточных глянцевиных красот.

Навстречу мне высагивает Федор Иванович Пыжьянов, улыбается в небольшую седую бородку:

— Запаздываете. Вон и солнце встает,

Глядит на восток, ждет той единственной минуты, когда из-за моря-океана появится солнце. Сначала у горизонта выплывает золотистая, легкая полоса. С каждым мгновением вытягивается, набухает малиновым жаром, превращаясь в темно-вишневую, потом в рубиновую дугу, охватывающую полнеба. Удивительной чистоты свет заливают океан, небо, землю. Не выдержишь этого пронзительного космического сияния, прикрываешь глаза ладонями, а оторваться от океана и солнца не можешь...

— Океан-море всем морям матери. Окинуло то море весь белый свет, обошло то море около всей земли, всей подвселенной. — негромко говорит Федор Иванович. — Знаете, откуда это? Из старинной книги, написанной архангельскими поморами. Они-то понимали — чувствовали, что такое море. Да-а-а, море... Я ведь вырос далеко от него, на Южном Урале. В сорок пятом мимо нашего села двигались воинские эшелоны на восток. Смотрел, смотрел да и решил махнуть с ними. Боялся, что не поспею, что без меня война с Японией кончится. Влез, значит, тайком, еду сутки, другие. Ночью на край платформы сядешь, натянешь телогрейку — от земли тепло, поезд мчит. Звезды,

Искры от паровоза. В конце концов сняли меня, мальчишку, отправили обратно. Видите, как получается: еще подростком хотел попасть на Курилы. И вот все-таки попал. Значит, жило во мне что-то...

Замолкает, прикуривает...

— Та-а-ак, вернемся в век восемнадцатый. Примерно в этом месте, где стоим, и высадились наши предки. Командовал небольшой русской эскадрой Мартын Шпанберг. Мореплаватель опытный, организатор неплохой. После смерти Витуса Беринга некоторое время возглавлял вторую Камчатскую экспедицию. Между прочим, после ее расформирования Шпанберг без разрешения начальства вернулся в Петербург и едва не поплатился головой за самовольство. Однако смилостивились: смертную казнь заменили разжалованием в поручики. Но все это случится позже. А тогда, летом 1739 года, возвращаясь из удачного плавания в Японию, капитан Шпанберг побывал и на Южных Курилах. Известие об этом достигло Европы довольно быстро: зимой 1740 года парижане читали в газетах, что русский морской офицер плывал в Японию, открыл 34 острова в Курильской гряде...

Слушаю Пыжьянова, а сам разглядываю места, где впервые сошли на берег русские мореходы. Кажется, ничего нет в здешней природе привычного, среднерусского. Пышная растительность напоминает о юге. Над целебными горячими ключами стоит призрачное таинственное марево. Песок на пляже тоже ранее не виданный — черно-серый, крупнозернистый, тяжелый. И пахнет здесь осень иначе: рыбой, водорослями, солью, мокрым деревом, незнакомыми доцветающими цветами, запах которых доносит ветер с ближайших луговин. По ним ходят

коровы, забредая время от времени в океан.

Но что-то же здесь присутствует? Какая-то притягивающая сила чувствуется в этой земле? Сколько историй рассказывается здесь о тех, кто уезжал с Курил навсегда, а, пожив на материке, возвращался снова. Пыжьянов однажды тоже распрощался с островом, переехал с семьей под Сочи, работал там директором школы, и все складывалось как будто неплохо, а вот вернулся. Спрашиваю Федора Ивановича о причине возвращения. Пожимает плечами:

— Не знаю, право. Может, потому, что мой дом здесь?

Сколько же поколений русских людей — тех, кто пешком пробирался из России-матушки да за Урал-камень, — шли и шли на восток, пока не дошли до края — Тихого океана. Что у них было с собой? Топор, котелок, кресало на поясе, рыболовная снасть да береженное пуще глаза зерно в мешочке — надо же обогреть и засеять эту большую холодную землю.

И прошли, и обогрели, и засеяли!

На тех же Курилах занимались российские поселенцы хлебопашеством, выращивали потребные для пропитания овощи. Арбузы и виноград пытались разводить. А нынче, до недавнего времени, на том же Кунашире не давали островитянам землю даже для огорода, чтобы картошку посадить. И захирело, пошло под откос то, что было накоплено долгим опытом, стараниями поколений русских крестьян, обживавших Курилы.

Но вернусь к землепроходцам... Мне кажется, есть один только способ, который помогает понять, что вынесли русские люди, упрямо рвавшиеся на восток — «встречь солнцу». Способ про-

стой — представить себя на их месте. Представить, что сам шагаешь по бесконечным сибирским просторам, пробираешься сквозь черные леса, карабкаешься по горам, переплываешь бурные реки, сам ночуешь в снежных ямах, плывешь на утлых судах по студенному морю — и тогда в какой-то мере можно оценить неистовость духа наших щуров и пращуров, прошедших Сибирь, умывшихся на Курилах, Камчатке, Сахалине злой от соли тихоокеанской водой.

«...В команде по такому зимнему времени, как уже был январь месяц, — доносили русские мореходы, исследовавшие Курилы в XVIII веке, — от стужи, худых погод, притом не имея пресной воды и дров, так больных умножилось, что и трети не было, кои б на ногах ходить могли, и те все слабые. Того ради, созвав, которые еще хотя мало сил имели, и с коими, не имея надежды притти к камчатским берегам, с общего письменного согласия положили иттить к какой ни есть земле для спасения людей прямо на берег... А 9 числа ввечеру увидели в густом воздухе землю не более как в кабельтове, и у оной верх был покрыт туманом. И не было времени, чтобы хотя усмотреть какую ущелину или сколько-нибудь низменной земли; течением и ветром принесло к утесам и поставило галлиот на камень, где единым только божеским милосердием 13 человек спаслося, а прочие потонули... Спасшиеся люди на оном острове зимовали, который называется по-курильски Сияж Кута, седьмой остров».

И сегодня, когда знаем многие, поражающее воображение примеры мужества, стойкости нашего народа, все равно изумляет закаленность, терпеливость, скромность русских землепроходцев. А как составлены челобитные, от-

писки, донесения того времени. Буднично, словно о само собой разумеющемся пишут первопродолжатели о смертельных опасностях. Нет и тени бахвальства, стремления показать свою жертвенность или вызвать жалость к нелегкой доле. И вместе с тем сколько достоинства, внутреннего напряжения в этой, как мы сказали бы сейчас, деловой информации.

Федор Иванович называет имена тех, кто принимал участие в нелегком плавании 1739 года на Южные Курилы и в Японию. Мореход Николай Треска, матросы Сидор Рыбаков, Иван Емельянов, Агафон Назаров, плотник Логик Курганов, парусный мастер Степан Курочкин, конопатчик Игнатий Носов... Вернулись ли они домой? Увидели ли близких? Обняли ли матерей и жен? В том плавании погибло двадцать два человека...

А те, кто счастливо избежал смертной доли, наверно, скупое, негромко рассказывали домашним, товарищам о пройденном пути, о тех, кто сгинул в море, остался в земле «за переливами». Всякое дело делается, в сущности, незаметно, скромно. Ни пахать, ни строить, ни пасти скотину, ни ходить в море, ни лечить людей, даже писать эти заметки, наконец, невозможно при громе и треске.

Сколько же пустого, казенного шума на нашей памяти? Сколько дутых «патриотических» починов? Кажется, уж давно можно было оглохнуть от фанфар, маршей и призывов, махнуть рукой и смотреть на все со стороны. Ан нет. Как показывают исследования социологов, сегодня в общественной жизни наиболее активно проявляют себя два поколения: люди совсем молодые и те, кто намного старше, кого называли, быть может, не совсем точно, «ше-

стидесятниками», — поколение, помнящее хрущевскую оттепель.

Федор Иванович Пыжьянов как раз человек поколения «шестидесятников». Не случайно именно он был одним из организаторов общества «Фрегат» — неформального объединения, целью которого, как записано в уставе, является «воспитание любви к родному краю, стремление сохранить и приумножить природные, материальные и духовные богатства островов, укрепление глубокой убежденности в русском приоритете на право владения Курильской грядой». Общество выступает за всяческое укрепление добрососедских отношений с Японией. Стараются способствовать развитию научных, культурных и туристских связей между гражданами двух соседних государств, других стран Тихоокеанского бассейна.

Одним словом, организаторы общества как бы говорят: давайте же оглянемся вокруг себя, задумаемся над тем, кто мы такие, чем владеем, где живем, к чему стремимся? Кто мы, наконец, на этих островах — хозяева или временщики? Если хозяева, то нам нужно знание истории этих мест, знание деяний наших предков, далеких и близких, потому что без этого мы не сможем ни строить, ни переживать нашу сегодняшнюю жизнь.

В уставе также специально подчеркнуто: членство в обществе закрепляется только практическими делами. Не случайно те, кто работает во «Фрегате», пользуются авторитетом среди островитян. Опрос, проведенный районной газетой «На рубеже», показал, что курильчане хотели бы видеть депутатами местного Совета тех, кто сегодня защищает их интересы, объединившись во «Фрегате».

По инициативе общества прошедшим летом отмечалось 250-ле-

тие первого плавания к Южным Курилам русских мореходов. Торжественно открыли памятный знак в честь первопроходцев. Подготовили театрализованное представление, а вечером — факельное шествие, танцы, чаепитие на площади. Каждый житель поселка старался хоть что-то сделать для того, чтобы праздник действительно был праздником: интересным, веселым, искренним. До сих пор с удовольствием вспоминают островитяне об этом дне.

Готовит «Фрегат» к открытию районный краеведческий музей. Создается он на базе музея школьного, которому уже давно тесно в школе, и райисполком выделил новое помещение. Отбираются экспонаты из многих тысяч придирчиво, формируется нестандартная экспозиция. Первые помощники в создании музея — ребята из археологического кружка, которым руководит Пыжьянов. Федор Иванович преподает историю. Но разве только историю? Может ли он не учить детей тому доброму, что носит в своей душе?

Я был на одном из уроков, который он проводил. Тема: сражение под Сталинградом! И, рассказывая о кровопролитнейшем, жестоком сражении второй мировой войны, Федор Иванович говорил: в жизни, отданной на благо Отечества, в подвиге защитников города — высокий смысл, высокое терпение, мужество. Будьте же мужественны и терпеливы в жизни.

Корреспонденты японской газеты «Хоккайдо симбун», которые впервые за все послевоенные годы вместе с другими зарубежными журналистами побывали на Кунашире, писали, в частности: «Ученица Светлана родилась в деревне Головино, на южном побережье острова Кунашир, прямо через пролив от мыса Ноцукэ. Вместе с ней учатся, живут в интернате

еще восемь детей из этой деревни, поэтому им не скучно. «Я думаю, а не могли бы мы установить связи со школьниками «Хоккайдо», — говорит Светлана. Затем мы спросили, что думают дети о проблеме «северных территорий»? (Так в Японии называют южную часть Курильской гряды, принадлежащую нашей стране и на которую незаконно претендуют поборники так называемого «движения за возвращение северных территорий» — Ред.)

И тут раздалось с мест: «Острова не возвращать!», «Шикотан истари русский! Открыт Шпанбергом 250 лет назад!» — вот такие ответы. «Острова — наша родина»... Мы поняли, что это глубоко проникло даже в детские умы»...

Побывали в прошлом году на Южных Курилах и японцы, чьи родственники похоронены на островах. После войны это тоже первая поездка граждан Японии на Кунашир, на Малую Курильскую гряду. «Фрегатовцы» встречали гостей, приехавших поклониться могилам предков, приводили в порядок японские захоронения.

По примеру кунаширцев на соседнем Шикотане тоже организовано историко-краеведческое общество, носящее имя Шпанберга. Впереди, по мысли правления «Фрегата», создание Ассоциации Курильских островов — неформального регионального союза, объединенного общностью убеждений и взглядов на историческое прошлое и будущее архипелага. «Курилы — навсегда советские!» — вот один из девизов будущей ассоциации.

...Справедливости ради скажу, что среди курильчан есть и другие точки зрения. Одни, например, пренебрежительно машут рукой, когда заходит разговор о будущем острове: «Нам все одно, чьи они

будут: советские, японские... Дадут хорошую квартиру на материке, лучше всего в Москве или в Подмосковье, мы и уедем». Другие готовы остаться на островах даже в том случае, если они будут передаваться Японии. Третьи пока не имеют четкой позиции: поживем — увидим.

Один из членов общества «Фрегат», заместитель директора заповедника «Курильский» по научной работе, Михаил Дыхан, заметил:

— Такой разнобой во мнениях понятен: люди не чувствуют себя хозяевами на островах. Ведь по сей день Курилы, в сущности, ничьи. Каждое союзное или республиканское ведомство правит здесь бал по-своему. Ведомствам некогда и незачем беречь гряды. Им надо действовать: брать, брать и брать. И десятилетиями только брали, почти ничего не вкладывая в социально-экономическое развитие региона. Вычерпывали рыбу, выдирали водоросли, косили лес. У Советов же как не было, так и сейчас нет ни материальных, ни финансовых средств. Судите сами: годовой бюджет района — чуть больше семи миллионов. Вся же выпускаемая продукция — промышленностью, сельским хозяйством — составляет свыше ста миллионов рублей. Есть ли здесь социальная справедливость? Конечно, люди же все это видят. Кроме того, через пролив — Япония. Телепрограммы принимаются на Кунашире, и курильчане сравнивают уровень жизни у соседей и у нас... Одна из задач «Фрегата» — помочь островитянам вернуть веру в себя, в свои силы. Сделать жизнь на Курилах лучше, достойнее, человечнее. Как? Нужен нестандартный подход.

Мой собеседник — молодой специалист, коренной курильчанин. Учился в школе на Шикотане.

Оттуда уехал поступать в университет. Закончил его, вернулся, работает в заповеднике, который создан и его стараниями. Теперь вместе с коллегами разрабатывает концепцию и принципы организации на острове национального парка. И в этой идее тоже виден свой подход к непростой проблеме. Создание парка (в нашей стране такие структуры еще не развиты, тогда как, например, в Японии их более пятидесяти), не задевая интересов промышленности, сельского и лесного хозяйства, не ограничивая охотничий и рыбный промысел, ставит заслон перед потребителями природы, берет под защиту ее памятники, экологические тропы. Действует парк на хозяйственном расчете, причем большая часть денежных поступлений остается в бюджете района. Ведь республиканский и областной советы по туризму, получая львиную долю средств от продажи путевок, ничего не делают ни для охраны хрупкой островной природы, ни для улучшения туристской базы. Надо ли говорить, что путешествие на Курилы не поездка в черноморский санаторий. Далеко не каждый может жить в палатке, заливаемой потоками воды во время прохождения очередного циклона...

Поддерживает «Фрегат» и концепцию социально-экономического развития района: суть ее — в создании кооперативно-государственного объединения «Южные Курилы», которое стало бы настоящим хозяином региона. Природные ресурсы островов, по мысли авторов концепции, должны принадлежать не министерствам и ведомствам, а жителям архипелага. Они, и только они, должны решать, как распоряжаться богатствами местных вод и земель. Решать в интересах будущих поколений островитян, которым жить на этой гряде...

АНДРЕЙ ШАРАПОВ

71

Водяная

Мелюзга не чувствовала голода, потому что не помнила настоящей сытости — все война да неурожай, а вот у Генки каждый вечер плавала перед глазами та краюха хлеба с осколками сахара, которую мать когда-то совала ему перед сном, приговаривая:

— Нельзя, Генуш, пустым ложиться — бабай будет сниться!

Да еще, известное дело, в пятнадцать лет такой жор на человека нападает — спасу нет; поэтому, когда мать перед сном начинала просвеживать воздух и ругать лесозаводовское начальство, Генка мотал на чердак, где с нетерпением и ужасом, зажав в ручонках недоеденные горбушки, ждала его международная делегация со всего Острова.

— Подрастающему поколению, — презрительно кивал Генка

и неторопливо устраивался на почетном месте — ящике возле теплой дымовой тяги; татарва Загидка, оставшийся Острову от разбомбленного мурманского детдома, — безродный, а потому самый отчаянный, — радостно приплясывал и бубнил:

— Генкса, холос тянуть, давай скажи!..

Генка жадно съедал все горбушки и, отвалившись к тяге, недовольно спрашивал:

— Вам про разведчиков, граждане-товарищи, или про страшное? — И хотя Генкины рассказы про разведчика дядю Витю, чуть не взявшего в плен самого Гитлера, были безумно интересны, все, даже крошечный и трусливый Васятка, помучившись немного, шептали:

— Про страшное, Геннадий Никодимыч... Про бабушку Лукерью, пожалуйста...

И Генка, почернев от волнения, начинал...

Лукерья с Генкиной матерью были попервоначально подружка-ми, но из-за Федьки Рожнова рассорились: обоим он глянулся, да Лукерья оказалась побойчее, поигривее, вот и сладилась у нее любовь с ягодкой — Федором, а Генкиной матери осталось лишь, глотая слезы, жалиться Богу на повети да проситься у деда Силантия Корнеича на постриг... С детства Федор был ей сужен, меж родителей их был уговор, и бабы упреждали Лукерью — не сувайся, не порть чужого счастья, да куда там — влюбилась Луша, потеряла и память, и стыд... Перед свадьбой, как водится, пошла Лукерья к старухе Кутейковой, сводной сестре Силантия Корнеича, узнать про свою судьбу, Кутейкова долго кряхтела, отнекивалась от прямых предсказаний и все юлила:

— Ох, чегой-то не видать ничво — совсема я слепа стала!.. Но за Федьку не ходи, слышь? Те-омно там!

— Да чего ж темнит-то? — недоверчиво спрашивала Лукерья, вглядываясь в корытце с заговоренной водой. — Вона, ясно ведь!.. Небось за родню захаровскую хлопочешь, мне свадьбу расстраиваешь!

Старуха печально покачала головой.

— Что тебе, девка, ясно, то сведущему человеку — знаки судьбы черной... Скажу уж, раз пристала, — мужа-то схоронишь, дитю и того не смож, сама век могилы не сышшеш! Верь мне, девка, моя вода не врет!

— Дура твоя вода! — закричала Лукерья и опрокинула корытце на пол. — На-ка!.. Все одно пойду я за Феденьку, не запужаете — и моя будет воля, не ваша!

Старуха испуганно перекрестилась и накинула на разлитую воду чистую простыню.

— То не наша, то Божья воля, — сурово сказала она. — Ступай, девка, да помни — упредили тебя...

Правду ли вещала старая, нет ли, но только через год родилось у Лукерьи дите скукоженное и хворое. Когда его спешно, пока не преставился, крестили у Силантия Корнеича, служившего тайно на повети взамен расстрелянного попа, сострижен-

ные волосики потонули в купели, что значило: Бог дал, Бог скоро и приборет... Уж как только ни выхаживала Лукерья сыночка — и шепотками, и козьим молоком, гретым с сон-травой, и примазками, и притирками — ему становилось все хуже, и фелшер с Турдеева, виновато вздохнув, вынес приговор: не жилец. Ночью Лукерья металась по избе, то молилась, то царапала в злобе лик Спасителя на иконе — не могла она смириться с тем, что должна отдать свою кровиночку непонятному и равнодушному Богу, который, видать, отвлекся на какие иные дела и решил не тратить на Лукерью своей милости или наказывает ее за неведомо какие проступки... В чем был ее грех? Неужто лишь в том, что полюбила она красавца Федора да венчалась с ним по христианскому закону, но сколько ж тогда таких виноватых ходит по земле? За что же злыдень Бог карает ее так жестоко?.. Когда ребеночек уж совсем помирал, вспомнила Лукерья колдовскую силу старухи Кутейковой, исчезнувшей в ночь на Преображение, и поняла: только нечистая и даст ей защиту от Божьего гнева, а ее сыночку — жизнь... В тот же вечер понесла Лукерья своего хворенького в староверческий скит на Тихих болотах; скит этот был брошенный, погнивший, а посреди разваленной часовенки его, прямо с амвона, вымахала здоровенная осина. Про осину ту шли дурные слухи, но рубить ее боялись, потому что тем, кто хотел ее забить, осина мстила... Пробыла Лукерья в скиту до утра, что там было — неведомо, но только назавтра ребеночек ее вдруг ожил, загукал, и Федор Рожнов, гордясь и удивляясь такому чудесному событию, часто хвастал своим полюбившимся: «Моя баба даром, что с рожи скислая, а унутри у ней силища, и таки она слова знат, что может человека и в могилу свести, и поднять со гроба, во!..»

Федор, протомившись семейной жизнью с год, прибился к плотницкой артели и стал ходить с ней в Архангельск, Холмогоры да Каргополь. Артель эта образовалась еще при государе Петре Алексеевиче, строившем якорный завод на речке Ширшемьянке, и собирались в нее умельцы из пяти деревень, стоявших на пяти холмах вокруг Озера, — Ширши, Захарова, Дальней Горы, Средней Горы и Мызы. Само Озеро не имело названия, как не имел названия воздух или земля; раньше жители Пяти Холмов верили даже, что они вышли из Озера, и до сих пор частенько возносили молитвы не только Господу, но на всякий случай и Озеру; тем, на кого оно гневалось, лучше было убираться подобру-поздорову с Холмов, а тем, кого Озеро жаловало, шла через жизнь удача... Лукерью Озеро любило: часто она приманивала рыбу прямо к берегу, брала в подол; ребяенок ее бесстрашно барахтался в воде все лето; когда Лукерья впадала в тяжелую, ядовитую тоску по своему разгуляю Федору, Озеро тоже начинало мурнеть и волноваться, а когда артель возвращалась с заработков и сердце Лукерьи играло радостью — по Озеру шло сияние и веселый перезвон... Федор, ухмыляясь, садился у крыльца, вынимал гостинцы, а Лукерья так глупела в своем счастье, что только металась от печи к крыльцу да расчесывала, миловала сыночка... Федор хохотал ее бестолковости, щипался и упраскивал:

— Дах хоть словцом-то приветь мужа, дуреха, расскаж, как тута жизнь на вашей луже?

И Лукерья, стыдясь, пересказывала новости — да все не те: про ночное русалочье пение да про найденную ею за плесом плакун-траву. Федору становилось скучно, и он бурчал, прислушиваясь к игравшей у качелей гармонике:

— Эх, опять тоска тута вечная, а ведь у мире шас такое веселье крутится!.. Ей-бо, вот нету мне интересной жисти через твою тупоту да Озеро его, хоть ссуши его к ядерной фене!

Лукерья знала, что Федор шутит, что сам он втайне любит и побаивается Озера, и казалось ей в эти минуты — вот оно, счастье! — неужто обманула она судьбу, предсказанную старухой Кутейковой, и жизнь ее выстраивается на лад?.. Но, едва Федор уходил к качелям, душа Лукерьи остывала и начинала томиться предчувствием скорой беды, расплаты. И беда нагринула...

Неподалеку от Ширши стали копать яму под фундамент гордости пятилетки — Арбума, Архангельского целлюлозно-бумажного комбината. В ночь на Троицу, после праздника забивки первой сваи фундамента, шестой или седьмой по счету начальник стройки купался в Озере с главной бухгалтершей да и утоп. Приехала комиссия из Архангельска; бухгалтерша показывала, что начальник, будучи навеселе, дразнил озерного водяного, после чего кто-то закружил возле него, схватил за ногу и утащил на дно. Комиссия данный бред в протокол не занесла, но по привычке к наказаниям велела все же Озеро покарать.

На сходке пяти деревень председатель только что образованного колхоза Прокопий Терентьев зачитал образцовую картину будущего: бесполезный и идеологически вредный водоем осушат, а высвобожденную площадь засеют кормовыми для коров знаменитой холмогорской породы, что экономически выгодно и политически требуется для харчевания братского рабочего класса на возведении Арбума. Предложение встретили неожиданно весело; старики после того, как комса во главе с вожаком Семкой Ломакиным сожгла церковь, уже ничему не удивлялись и только терпеливо ждали пришествия Антихриста, остальной же люд был полон революционного беспамятества и нетерпеливого ожидания научно рассчитанного счастья...

Когда артельщики, помолившись и пустив на подмогу комсу, начали разбирать плотину возле мельницы, Озеро вдруг пошло черной рябью, застонало, забилося пенистыми волнами то о дальний, мызовский берег, словно стараясь убежать от гибели, то о ближний, ширшенский, будто отгоняя своих убийц...

— Плачет Озеро, больньенко ему... — крестились старики у окон. — Ох, не призвал Господь зараньше, не дал милости...

Под вечер и артельщики с комсой, и арбумовский духовой оркестр совсем замаялись; Генкин батя даже сомлел и свалился в воду, откуда его под общий гогот тянули сетью.

— Ничво, робя! — радостно орал, стоя по пояс в воночей тине, Федор. — А ну, наддай ишо по русалочьей тоске мировой контре!

Целую неделю, пока Озеро сходило в Северную Двину, длился

праздник: рыбу собирали лопатами, день и ночь развозили по огородам ил, на дне находили то череп, то девичье ожерелье из речного жемчуга, а председатель Прокопий отрыл даже остов лодки, которую водяной увел когда-то на глазах его деда... В разгар веселья сын старухи Кутейковой, назначенный за революционные заслуги участковым милиционером на Пять Холмов, объявил артельщикам, что они отныне записаны в колхоз и с гулевой их деньгой покончено раз и навсегда. Артельщики смеялись: кто ж тогда будет в городах дома ставить? — и снова шли бражничать на брошенную мельницу... Федор Рожнов, гордый своей победой над Озером и предчувствием новой, веселой жизни с Лукерьей, упивался так сильно, что однажды, влезая на помольный чердак, заснул. Нога его соскользнула с перекладки, и друзья-артельщики едва успели схватить Федора за загривок; они тащили Рожнова наверх с хохотом и песнями, не слыша, как он орет от боли — нога его застряла между перекладин и при первом же рывке хрустнула. Никто из артельщиков уже ничего не соображал; выпив с ними на посошок, Федор спустился обратно и пополз, теряя кровь, в деревню. Утром он постучался в окошко к Лукерье; когда она кинулась в лес за травами, в избу по кровавому следу явились Прокопий и милиционер Кутейков. Увидев тяжелое состояние Федора, они свезли его в районную больницу.

Через месяц Федор Рожнов умер от гангрены.

С Лукерьей на похоронах случилась падучая, целый год она не выходила из избы, недужила... Так начал Бог наказывать ее за дерзость, за попытку выстроить жизнь вопреки Его воле... Во время болезни Лукерья усохла, согнулась, и величье ее стали не иначе, как бабкой Лукерьей, хотя сынку ее не минуло еще и семи годков. Обычно-то Лукерья жила тихохонько, только в полную луну или по ненастью что-то на нее накатывало: выбегала она на огромный, неродящий пустырь, получившийся на месте Озера, и бродила там всю ночь, бормотала что-то... А то, бывало, застынет возле чьей-то калитки — и смотрит мертво, молчит... а назавтра на этом подворье или сарай полыхнет, или пес хозяина цапнет, или еще какая беда... Генка помнил, как однажды встала бабка Лукерья возле их избы, — мать испуганно охнула, села на горячую сковороду и выбежала к забору с двустволкой:

— Подь, подь отсель, Луша, не то стрелю!

Бабка же Лукерья, выпучив безумные глаза, вдруг запрыгала, заплясала:

— Ой, водица-то мается, воли просит!.. Готовь хозяину лопатку-то — волю бут водице рыть, вину свою заглаживать!..

В тот день на Пяти Холмах был невиданный ребячий праздник — сельсовет заплатил годовые трудовни... леденцами. Генкин батя притащил целый мешок тянучек, и счастливый Генка не мог уразуметь, отчего мать плачет, а батя растерянно ковыряется в мешке, будто ищет чего, и повторяет:

— Вот и все, что мы заработали, сынок... Чем же дале жить-то?.. Чем?..

Генку сместила глупость взрослых; он ластился к батю, тыкал

ему сладость в бороду, чтобы он понял наконец свалившуюся на них удачу, но батя был как с похмелья и вечером на собрании по общегосударственному займу не удержался, крикнул:

— Не буду я подписывать! Что за закон такой, чтоб с мужика последнюю нитку стащить? — А на замечание районного заемщика, что сам товарищ Ворошилов назвал новый заем решающей битвой за дело социализма, вконец завелся: — Так у меня свой товарищ Ворошилов на печи лежит, с цинги черен, об вапи конфетки зубки ломат! Не буду подписывать!.. Тьфу!.. — и плюнул на портрет первого красного командира, висевший на месте прежней иконы..

На допросе в Архангельске батя, конечно, показывал, что кулацкую агитацию кричал кто-то из соседей, а кто — он не видал, так как был в тот день заговорен, но это уже не могло спасти его от рытья Беломорканала..

Генкина мать, вернувшись ночью с суда, зарядила двустволку и позвала Лукерью:

— А ну, выходи, подруженька!.. Благодарность до тебя жекеть!

Лукерья с лампой ступила на двор; вдруг, словно укрывая ее, хлынул дождь; лампа погасла. Мать давила на курки раз, другой, третий — ружье не стреляло... На шум сбежались соседи.

— Сдурела? — Семен Ломакин вырвал двустволку и закинул ее в бурьян. — Учти, гражданка Захарова, что тебя и так уж в резерв подкулачный занесли, и делай вывод!.. Ходи домой!..

Лукерья вздрогнула, будто проснулась, радостно заюлила вокруг Семена:

— Ай, лобо, ай, спас, Семеша! — Она зачерпнула из бадьи дождевой воды и поднесла ее к Семеновым губам. — Пивни-ко, Семеш, глоточек — водица тебя хочет полюбити, прости да к себе взять!..

Семен ударил Лукерью по руке — вода пролилась, а соседи испуганно зашумели: опять, похоже, Лукерья порчу замыслила, беду пророчит!..

В тот год к празднику международной солидарности трудящихся задымила первая очередь Арбума, а берега Северной Двины покрылись лесозаводами от первого до тридцать четвертого номера. Поставили лесозавод и неподалеку от Ширши — на Турдееве и лежащем против Турдеева Острове. В центре Острова после постройки лесобиржи сколотили временный Дворец культуры; там для развития пролетариата и сознательного крестьянского элемента устраивали то лекции с буфетом, то танцы-шманцы, приезжал даже знаменитый фэзеушный театр с участием красавиц сестер Шараповых, и ширшенские мужики теперь частенько плавали на Остров компанией человек в тридцать, чтобы местные или турдеевские не побили. Драться с такой оравой не решались, но за девок все же мстили, пробивая в лодках днища, разрывая цепи и пуская лодки по течению. Ширшенским приходилось возвращаться вплавь или, если вода была холодная, выламывать из окрестных заборов слегы, подманивать бревна потолкаще и, вскочив на них, править к берегу... Бывало, опрокидывались посреди километровой протоки до

Турдеева и догребали до причала с бревном под пузом; бывало, сталкивались с топляком и уже вдвоем под общий смех кочевряжились, но такого, как с Семеном Ломакиным, не случалось никогда... Уже почти у самого турдеевского берега бревно его вдруг остановилось, медленно повернулось и, несмотря на испуганные толчки Семена, пошло наискось течения, в стремнину... Те, кто уже выбрались на причал, потеряли языки...

— Пры-ыгай! — заорал милиционер Кутейков. — А вы, эй, лодки тащите, монументы!..

Мужики расчухались, заметались по берегу, но все лодки были на замках... Внезапно поднялся сильный ветер, заиграла барашковая волна... Семен, едва удерживаясь на бревне, обреченно закричал что-то, ветер унес его слова...

— Сто-оять! — Кутейков хватился за кобуру, но пистолет тут был не подмога...

— Может, Арбум каку струю пустил... — предположил кто-то.

Кутейков вдруг пьяно зарыдал, рванул на себе рубаху и, отбежав от причала, стал чертить на песке какой-то замысловатый круг.

Мужики решили, что Кутейков от изумления рехнулся, и хотели его вязать, но Санька Тараканов радостно крикнул:

— Вертается вроде!

Кутейков упал на песок, захрипел; с реки донесся дикий вой Семена — его опять уносило. Кутейков, шатаясь, поднялся; его вырвало. Он стал колотить по кругу, визжа:

— Осло-обо-онь!.. Осло-обо-онь, чертова сила!..

— О-ох!.. Мамка-то ж его... колдунья была!.. — вспомнил кто-то.

— Плы-ыветь! — дал сигнал Санька Тараканов.

Кутейков начал харкать кровью, но стоило ему отступить, как Семена вновь потащило от берега... Кутейков, упрямо мыча, опять бил в круг; кровь шла из его ушей, носа... Большинство мужиков лишь крестились в беспамятстве, но те, кто посмелее, уже сбивали камнями замки с лодок...

Семена успели спасти — бревно его тут же камнем ушло под воду, а сам он повалился на дно лодки и захохотал...

После этой истории Семен долго маялся умом, чурался всякой воды — даже от дождя прятался в погреб и пил только густой, вязкий кисель... О Лукерье вспомнили спустя несколько дней, смекнули, что не появлялась она на людях с того самого вечера... В лесу заловили ее сыночка, когда он — хворый, в соплях — копал какие-то коренья, и вытянули из него, что мамка вся побита лежит, будто бы с полатей слетела...

— Так ведьма ж она! — кидались на председателя Прокоция с кольями бабы. — И не сдохнет, пока всех нас за Озеро да за Федьку свою не изведет!.. Гони ты ее, не то сами забьем!

Прокоций с хохотом папил из маузера и издевался над неграмотной женской массой:

— Где у Маркса — Энгельса про ведьм сказано?.. Шишиги, темность, сволота подкулацка! Нету такого явления в революционном сегодня, категорично нету! И разнарядки на ведьм как на врагов народа не поступало!

— А береза сохнуть? Ведь сохнуть? — рыдая, кинулась ему на грудь жена Авдотья.

— Факт имеет место.— Прокопий погрузился и спрятал маузер.

По весне на их подворье неожиданно зло и пышно зашлась зеленую береза, посаженная дедом Терентьевым в день рождения Прокопия, а потом вдруг начала сохнуть. Примета была плохая.— Авдотья, прежде румяная и горластая председателя барынька, стихла и потеряла сон; к березе звали агронома, окапывали ее по науке, поливали растворами — все без толку...

Прокопий неловко чмокнул жену и, шаркая затяжелевшими ногами, потащился к Лукерье.

— Кончай, значит, свои штуки-дряки! — строго, но вежливо предупредил он.— Статьи по тебе нету, а то б за срыв атензму в колхозе...

— Ой, Прокопьюшка! — слабо застонала, приподнялась с лавки Лукерья.— Ой, моряна никак не дунуть, мене силы не несеть!.. Хошь бы ты дал бабке водицы глоточек али молочка крыночку — жолту пеночку!

— Опять? — обиделся Прокопий и на всякий случай вытаскивал маузер.— Я ж агитирую в твою дурью башку, колхозница Рожнова, что, значит, я один тебе заступа, коли нету такой статьи, а то ведь бабье давно желает кольями-то... Выделяю тебе неделю сроку, чтобы встать на рельсы новой жизни, а ежели нет — первая ты кандидатура на переселенческий момент...

— И понесе мою душеньку за моря-окияны, за болота окаяны, за реконьки быстры, за озера чисты... — задумчиво пропела Лукерья и вдруг зыркнула на Прокопия так, что у того сердце захолонулось.— Ах, паскуда!.. Так вели Авдотье-то молочка снести...

— Тьфу! — Прокопий стяхнул оторопь и выскочил к бабам на крыльцо.— Чего устроили тута февральску революцию? — рывкнул он.— А ну, по домам, щас всех заарестую за буржуйску агитацию!..

Назавтра из колхозного стада исчезла корова по кличке Чемберленша. Числилась она, конечно, колхозной, но Авдотья Терентьева и доила ее сама, таская все молоко в дом, и держали Чемберленшу в отдельном загончике, и писали ее рекордсменкой, чтобы кормить по спецнорме... Пастух Санька Тараканов то божился, то клялся новеньким партбилетом, что перед деревней учел всех коров — Чемберленша была в стаде, еще рогатила свою вечную соперницу Чалую... Тараканова арестовали и заперли в подполе сельсовета; милиционер Кутейков возглавил первый поисковый отряд, Прокопий — второй, и оба отряда, разойдясь от Морозковой поляны, стали прочесывать выгоны, дуга, лес аж до самых Тихих болот. Три дня и три ночи ходили бывалые охотники, но не нашли ни следа, ни поломанной веточки, будто по воздуху перенесли Чемберленшу в неведомые края...

— Поставила Лукерья твою корову-то! — шамкали старухи Прокопию.— Сходи, повинись!..

— Да не может быть такого факту! — надсадно орал тот. — В болото, что ль, эта падла забрела?

На четвертый день у Тихих болот председателя чуть не задрал медведь — мужики подоспели, когда косолапый уже начал елозить Прокопия по земле... Авдотья, отрывавшись, к ночи собрала парного молока от Чалой, кое-какой провизии и пошла на поклон к Лукерье. Та долго дивилась такой чести...

— Каждый вечер теперя носи, — велела она и, когда Авдотья радостно кивнула, заслушалась тишью: — Ох, и не слышать чего-то нынче ни шуршиночки, аж в ушах скрипит... Погодь, а откель мычание-то? Уж не с Морошковой ли поляны?

Авдотья кинулась к мужу, тот уже натягивал сапоги... Корова стояла с краю поляны — тощая, больная от недоя, трава вокруг нее была сжевана до корней, а главное — лежал под Чемберленшей трехдневный навоз... Прокопий весь измазался, проверяя факт, но ничего придумать не мог — четвертый день на этом месте стояла корова...

— Ты чего-нибудь видал? А твои глаза где были? — допытывался председатель у мужиков, и те в испуге показывали: по поляне ходили не раз, коровы не видели...

— Обнаружу гадов — так лично расстреляю! — орал Прокопий. — И Рожнову, даже если не замешана в банде, все одно сдам на переселение как кулацкий фактор по первой же разрядке!..

Ночью Прокопия позвал на двор какой-то странный, дребезжащий голос. Прокопий вышел, зевая, удивленно огляделся... вокруг не было ни души.

Днем голос слышали и мужики, сопровождавшие председателя на Тихих болотах в поисках тайного схоронища, в котором невидимая банда прятала Чемберленшу...

— Никак Федька Рожнов кличет... — с ужасом признал кто-то.

Прокопий выругался, схватил дробовик и отчаянно полез в бурелом. Мужики едва успели повязать его и, крестясь, изложили общий бунт: боле они в эти гиблые места не ходят, хоть всех зараз порасстреливай...

— Так они ж нарочно издеваются — щас словим гадов! — пытался высвободиться Прокопий. — Пустите, ведь уйдут!

Его отвели обратно в деревню; назавтра Прокопий опять кинулся на поиски, выпустив из подпола Саньку Тараканова и обещав ему амнистию в случае поимки вора.

А береза стала чернеть, теряла последние листочки...

Каждое утро Авдотья выла, валялась у мужа в ногах; он гладил ее, увещевал ласково:

— Ничво, Авдотьюшка, вернулся я живой — нету никакой тут замороки, просто классовый враг озорничает... И имеется задача вывести его на чистую воду...

Прощаясь, он долго глядел на зареванную жену, целовал ее в сухие, жаркие губы...

...Тело Прокопия Терентьева, объеденное лисами, нашли только к ледоставу и совсем не в той стороне, на которую указывал Санька Тараканов и куда, по его словам, звал их, заблудившихся ночью в грозе, скрежещущий голос.

— Пойду я! — Прокопий, улыбнувшись, поднялся, шагнул в темноту. — Поздороваться, значит, охота... А иначе — мутно мне жить на свете.

Савька не двинулся с места, остался ждать рассвета, а Прокопий, видать, еще помогал, поводил за собой убийца-голос...

После похорон изба Лукерьи Рожновой занялась сразу с четырех углов, и одновременно с ней вспыхнули и сарай, и банька, сработанные еще плотницкой артелью. Толпа баб с дубинками и камнями ждала сигнала за околицей, жадно выкуркивала на пожар, но из горящей избы мучительно долго никто не появлялся... Вдруг дверь затрепала, рухнула, и к реке прошмыгнула черная лиса с лисенком, а следом...

— А-а-а! — завопил в ужасе народ, кидаясь кто куда: на Лукерьино подворье шагнул из огня белый босой мужик с тлеющими волосами и бородой. Протерев пустые глазницы, он вышел на улицу и, волоча ногу, побрел к Генкиному дому.

— Это ж Федька Рожнов!.. А-а!.. Свят, свят, сгинь, нечиста сила! — визжали в беспамятстве обезножившие бабы.

Наполовину сгоревший Федор встал у Генкиных ворот, поулбылся черным ртом и захромал к избе Ломакиных. Там он позвал Семена дребезжающим голосом. Семен вылез из подпола, пошел, как пьяный, но его успели загородить иконой, не пустили... Подождав немного, Федор отправился к кладбищу, пошатал обелиск Прокопия, оставив паленый след, а потом разыскал свою могилу и грянул оземь, стаял...

Лукерья с сыном нашли на пустыре и гнали до самой Ширшемянки.

— Убирайся, ведьмачка! — орали из толпы. — Су-ука!.. На-ка, еще вот!

Камень угодил Лукерье в голову — ведьма упала; бабы кинулись топтать ее, кто-то вылил ей на спину дымящуюся смолу... Сыночка ее огрели палкой. Услышав его жалобный крик, Лукерья очнулась, взвилась и неведомо какой силой растолкала баб... Схватив сыночка за руку, она побежала к воде; молния разрежала небо, и в ее мгновенном свете все видели, как Лукерья с сыном исчезли в водовороте, закружившемся вдруг у самого берега... А дальше была уже только темнота и глухие раскаты грома...

— Ге-енк! Где тебя лешак носит, охламонище? — гневно кричала Генкина мать. — Опять, что ль, дитев пужаш?.. А ну, спать живо, не то портки-то спущу, не посмотрю, что жених ужо!..

— Сеанс окончен, граждане-товарищи, — оскорбленно вздыхал Генка. — Ладно, левой-правой, марш по люлькам!

Никто не двигался с места; Загидка начинал жалобно скулить, а Васятка, забившийся от страха под дырявую корзину, осторожно шевелился там и шептал зачарованно:

— Так они не утопи, Геннадий Никодимыч?

Все знали, что Лукерья с сынком не утопи; Генке и самому не терпелось дорассказать историю, он высовывался из окна и возмущенно орал:

— Да щас, маманя, я ж стих учу на память, Бородавка

ведела перед сном, чтоб из головы не вылетело! Обождите чуток, не сбивайте, не то сначала придется!

Перед научной методикой Генкиной учительки мать робела; победно послушав тишину, Генка возвращался на ящик и продолжал рассказ.

До войны Остров носил гордое название — Первая Лесобиржа, и у его причалов со стороны деревни Уймы швартовались даже морские суда, заходившие в Двину за лесом или на зимний ремонт. Народу на Первой Лесобирже было тьма-тьмушая: три улицы барачков да еще казенные избы переселенцев, приехавших по оргнабору с голодной Пинеги. Жить старались прочно: берега Острова, разбиваемые каждую весну ледоходом, укрепили заграждением из бревен, поставили новый Дворец культуры с бильярдной и кинозалом, рядом раскатали футбольное поле, выстроили лазарет и детсад... Иностранцы морячки часто шастали по Острову, и однажды вся Первая Лесобиржа сбежалась глядеть на негров, про чье существование знали, конечно, из газет и антирасистских плакатов, но чтоб вот так, с близкого расстояния...

— Чюда света! — нервно улыбались мужики, а бабы плевались и видели в «нехрах» явственный облик сатаны, прятались от глаза в бараки, отчаянные же пацаны ходили за неграми по пятам и все ждали, когда они пойдут в Восьмой барак к бабке Лукерье, ведь нечистая сила завсегда спюхается... Но негры равнодушно миновали Восьмой барак и отправились в бильярдную пить водку; Генкин батя (после Беломорканала в Ширше его не прописывали, а брали только на Лесобиржу разнорабочим; мать замаялась от его тайных ночных приходов и, умолив нового председателя, вместе с Генкой перебралась на Остров) уверял потом:

— Да не, какие ж то дьяволы, которы со стопарика хмеляют, а с пол-литры уже под столом? Хлипота одна — точно говорю, всех чертей с ведьмачками НКВД давно повывело как класс, последние, может, на Соловках догнивают!

Однако мать была уверена, что нечистую силу даже НКВД не одолеет, и продолжала винить Лукерью во всех островских несчастях. И когда по лесобиржевскому «блину» объявили войну, первая мысль у нее, как и у остальных баб, была — это ведьма наколдовала!.. Потом-то, конечно, бабы поутихли, дотумкали, что не с их Восьмого барака придумывалось... да и жалко стало Лукерью, так она извелась, почернела с той поры, как забрали ее сыночка на фронт... Мобилизация случилась неожиданно — высадившийся на рассвете отряд пошел собирать по баракам даже тех, кому до восемнадцати еще месяц-два, — вот Лукерья и не успела навредить, предупредить своей главной беды...

Правда, странное дело, всегда без писем, без вестей знала она, что сейчас с ее сыночком, и на распросы баб, надеявшихся ненароком узнать и про своих, рассказывала, что вот вчера ее сыночек захворал животом и отправили его ввиду отсутствия боевых действий в лазарет, а завтра, похоже, посылают их в контрнаступление, но ничего с ним не случится, она знает...

Кто считал ее сумасшедшей, кто верил... Но вот однажды замечталась Лукерья, появился в ее глазах волчий блеск, а наутро нашли ее соседи лежащей на полу без памяти с раной в плече... Рана-то была пулевая, да только выстрела никто не слышал, и пули фельдшер в плече не нашел — вот как; Лукерья же, очнувшись, радостно терпела боль, шептала, что ее сыночку теперь ничего не грозит... А зимой отморозила Лукерья пальцы на ноге, хотя сидела в бараке, никуда не отлучалась; и опять она была счастлива своей боли, и опять заподозрили бабы, что отводит она колдовством все страдания, которые суждено терпеть ее сыночку... По весне же Остров вдруг начали бомбить. Напрасно последний из ширшенских мужиков, Санька Тараканов, забронированный директором Лесобиржи, страдая, утихомиривал баб, что, мол, никакого колдовства тут нет, а дело ясное, военное: на соседнем острове Ягодник, как это все хорошо знают, расположен секретный аэродром, вот немец и путается, принимает развалины Лесобиржи за ангары, тем более что нашим соколам дан приказ в бой не ввязываться и себя не обнаруживать... Бабы такому объяснению не верили — казалось им, будто это Лукерья приманивает самолеты, чтобы на ее сыночка не падали бомбы...

Переждав пост и Пасху, бабы решили действовать: Авдотья Терентьева утопила на Тихих болотах осиновый кол да насыпала в бане тайком песочку в Лукерьины карманы, Генкиной матери собрали хлеба, спичек и послали в Архангельск к знаменитому солоMBOLьскому батюшке, чьи молитвы, по слухам, изгоняли беса. Санька же Тараканов, повинувшись общему заговору, отправил Лукерью в Уйму за сеном. Лукерья чуяла беду, не хотела плыть, жалилась на немочь да на дождь — кто ж в таку мокроту сено возит? Санька пригрозил трибуналом, и она собралась... Лодку же на обратный путь прислать ей забыли.

Батюшка прибыл со стороны Турдеева, благословил деток, отведал спирта и, чадя по условиям военного времени китовым салом, осенил крестным знамением Восьмой барак и отдельно комнату Лукерьи, сундук, на котором она спала, углы да дымовую тягу, через которую она должна была вылетать на ведьмачьи шабашы... После священного обряда батюшка попарился в баньке и, велев в случае чего призвать милицию как самую крайнюю меру, отчалил обратно в Соломбалу. Среди баб началось разочарование, даже свары, но назавтра, когда Лукерья с сеном добралась до Острова, талант батюшки явился во всей силе: ведьма в дом не ступила... У самого крыльца она вдруг обмякла, зашаталась и рухнула в песок. Бабы плеснули на нее воды, растолкали. Она очнулась и завывала.

— Что, Лукерьюшка, худо? — опасливо спрашивали бабы, тайком шупая нательные крестики и гадая в уме, — выскочит бес или нет? Пацаны даже схватили палки, чтобы дубасить хвостатого, когда появится, но Лукерья лишь хрипела, а потом вдруг забилась в падучей. Ей успели сунуть меж зубов сосновую щепу. Лукерья колотилась о ступеньку и мычала:

— Сы-ына!.. О-ой, сы-ыночка!.. Родненький мой!.. Потерпь, кровиночка!.. Сы-ына-а!..

— Чего сына-то? — опешили бабы.

— Уби-или-и! — Лукерья закашлялась щепой и рванула на себе зипун. — Ох, не губи-и!.. Отда-ай!!! Го-осподи-и!!! Ох, да что ж это?!

На шее Лукерьи выступало, расплзлось бурое пятно.

— Да откель взяла-то?.. Похоронку, что ль, в Уйме дали? — Бабы начали реветь от ужаса. — Когда ж его?..

— Да ща-ас!!! Господи!!! Пощади-и-и!.. — Лукерья попыталась сесть, упала и слепыми глазами посмотрела в небо. — А-а-а!!! Усе... Взял-таки... Усе...

Ее отнесли в комнату; бабы скулили, что нету похоронки — неча и душу травить, но и сами уже не верили, что Лукерьян сынок живой... Три месяца лежала Лукерья — до того дня, когда пришла похоронка, сообщавшая: пал красноармеец Рожнов смертью храбрых от попадания пули в сонную артерию, и дата гибели была та самая...

Жизнь Лукерьи кончилась... Лежал теперь ее сыночек в общей яме где-то за тысячи километров от дома, и не могла Лукерья ни обнять его на прощание, ни закрыть его синие глазки... Сбылось ужасное предсказание старухи Кутейковой; поняла Лукерья, да поздно, что бесполезно рыпаться против Божьей воли, хоть с нечистой силой связывайся, хоть сама, как умеешь, бейся — а все выйдет одно и то ж... Ни к чему ей было дальше жить на свете, но Бог не давал ей смерти, и стала равнодушно доживать Лукерья свой век, угасая и телом, и разумом...

К концу войны жизнь на острове совсем захирела — развалы Лесобиржи годились уже только для визгливых перестрелок «наших» с «фрицами», большинство бараков сгнило, деревянный крепеж берегов растаскали на дрова, так что за два ледохода Остров сильно срезало, и там, где раньше было футбольное поле и детсад, теперь текла пенистая, вонючая струя с Арбума. Многие вдовы перебрались на берег, в Турдеево; в пригодных для жилья островских бараках разместили детприемник Северного морского флота, собранный из остатков других детдомов, и Остров стал как вокзал: каждую неделю то привозили новую партию сирот, то наезжали молчаливые красноармейцы, разыскивавшие свои семьи, то переселенцы оставляли в детприемнике ничейные, лишние рты... Если раньше двери на Острове не запирались, то теперь Генкина мать купила амбарный замок и ставила на ночь к притолоке заряженную двустволку. Правда, она пригодилась лишь однажды, когда пришельцы с уйминского берега цыгане стали просить картошки. Мать выставила в окно двустволку и в отчаянии крикнула:

— Да ведь сами помираем уж!.. Идите отсель, бесы!..

Генка, хоть и чумной с голодухи, а все ж сообразил — ведь обманывает мать, есть в подполе полмешка клубней...

— Что ж ты так, хозяйка? — с угрозой произнес глухой голос. — Гляди — пожалеешь...

И все, и не вспомнили бы никогда больше о цыганах, ушедших поутру к Арбуму, если бы через неделю к Генке с матерью не начал кто-то стучать в дверь. Когда мать, надеясь на сказоч-

ное батино возвращение, кидалась отворять, в коридоре никого не было, и во дворе пусто, только Генкин Рыжик придурочно был на цепи да царапал лед, прятал морду... Ночью же в буфете кто-то стал шуршать; думали, мыши, но шуршало и после того, как мать убрала все полки, заперла двери...

— А цыганам — пожалела картошку-то! — вспомнили бабы. — У цыгана глаз черен, точно, спортили они твою фатеру!

Соломбальский батюшка к тому времени уже помер, и Генкиной матери пришлось призвать на помощь милиционера Кутейкова. И — странное дело: пока Кутейков дремал в комнате, было тихо, а как только он уходил — опять начинался стук, а то вдруг слышался посреди ночи не то чей-то плач, не то дикий хохот... Самый же страх начался, когда Генку с матерью кто-то стал трогать по лицу: вот сидят они ночью, не спят, ждут — и вдруг: будто кто-то ходит, дышит... А потом как холодной слезью по щекам, по лбу — Генка орет, отбивается, мать режет ножом воздух, да разве нечистую силу когда нож брал?

Кутейков дождался как-то свистопляски за сараем и по знаку Генкиной матери вбежал в комнату, запер дверь и громовым голосом сказал: «В случае повторного издевательства нарушающие нервы семьи Захаровых приговариваются к расстрелу с полной конфискацией имущества...» На какое-то время нечисть затихла, но вскоре стало еще хуже, потому что слез перекинулся на Генку.

Вот идут они с ребятами по ледовой тропке, на которой расставлены вешки, чтобы не сбиться в пургу, и вдруг что-то загудит, закружит около него, начнет манить куда-то...

— О-ой!!! Опять!.. Ой!.. — верещит Генка и, пригнувшись, несется к вешке, а его уже тянет в сторону, валит с ног... Генка падает, на карачках едва дотягивает до вешки, но и там его кидает, засасывает в пустоту... Ребята подбегут — все стихает...

В школе же Генку порой так трясло, что ребятня от страха пряталась под парты; и учебники его летали, классная руководительница Вородавка только орала да грозила педсоветом... Генка стал слабеть, терять память... Летом мать отвезла его в зверосовхоз к дяде Вите — думала, все-таки тридцать верст от Острова, может, отстанет, зараза... Куда там, Генка совсем очумел, перестал узнавать дядю Витю, двоюродных своих сестренек, а после очередного приступа слег в бреду... Старенький фельдшер не мог сказать диагноз, только выписывал направление в городскую больницу, но не было никакой уверенности, что там смогут что-либо понять в загадочной Генкиной болезни... Шли дни, а Генке становилось все хуже и хуже, и ничто не могло ему помочь...

Мать, просидев у его постели без сна несколько суток, молча собралась и повезла его обратно на остров. Уложив Генку и заперев комнату, пошла она в Восьмой барак.

— Ну, здравстуй, подруженька... — проскрипела Лукерья, впуская Генкину мать в комнату. — Давненько не свидывались... — Она захлопала, смеясь, и поцеловала Генкину мать ледяными губами. Та стояла, не шевелясь, пусто глядела в пол...

— Ждала я твоей просьбы,— продолжала Лукерья, садясь на застеленный сундук.— Вчера от на закат петух голос дал, я и подумала — едет... Да... А ить было времечко... все помню...— Глаза ее закрылись.— Не будет тебе моей подмоги, вот мое слово — ступай, подруженька, с Богом...

— Что было промеж нами — то мой грех!..— крикнула в отчаянии Генкина мать,— а дите-то... по-людски прошу, Луша!..

Лукерья словно не слышала; помолчав с минуту, стала говорить тихим, ровным голосом:

— Моей власти тут нет, Бога ты прогневила, чем — не ведаю, однако ж Божия то воля, а супротив нее роптать — грех великий... Я знаю, я роптала... Покарат тебя еще боле Господь за дерзость твою — истинны мои слова, я твою судьбу чую... Нету, подруженька, человечесей воли на земле, одно тырканье... Ступай!..

— Нет! — воскликнула Генкина мать.— Луша, спаси!.. Ты ж сынка свою до жизни вертала — ты умеешь!.. Что мне Божья воля — сына спаси!..

— Ступай! — грозно повторила Лукерья.— И не зли меня!.. Без толку все это...

— А все ж спробуй! — Генкина мать встала на колени.— Луша, весь гнев Божий на себя приму! Неужто нету способа? Неужто нету?..

— Судьбу омануть захотела? — пронзительно закричала Лукерья.— Божьей воли не чтишь?.. Что же... пеняй на себя, дура!..

— Поможешь, что ль? — не поверила мать.

— Приходите в полночь на Тихи болота...— Лукерья вдруг заплакала.— Ох, что ж это деется-то... И силы моей совсем уже нету... Тропу знашь?.. Сынка-то обряди, да чтоб друг — душа верная с им был...

— Это кто ж?.. Так ить нету такого! — испугалась мать.

— Е-есть... Да ладны, сам прибеgetь...— Лукерья легла и отвернулась к стене.— Ох, зябко... а ты помни: сама этого хотела!

Когда на закате мать уложила Генку в лодку и отчалила, Рыжик разбил окно и кинулся в воду вслед за ними; пришлось подобрать его, чтоб не утонул.

Мать несла Генку на спине; он очнулся и с испугом таращился вокруг — ветки цепляли его за волосы, царапали лицо, будто ведьмы с лешаками тянули корявые руки, звали к себе... Вдруг заросли зашумели, из них появилась скрюченная ведьма. Генка чуть не помер от страха, а Рыжик заскулил, пустился наутек...

— Чего ширитесь-то? — сердито пробурчала Лукерья.— Луна уж высоко...

От скита остались только развалы стен да скособочившаяся часовенка на пригорке; купол ее мертво сиял в лунном свете. Невдалеке кто-то захохотал, завыл нелюдским голосом...

— Не бойсь...— сказала Лукерья.— Помолися, отроче, во четыре стороны света да отбей семь поклонов покаянных...

В той стороне, где слышался хохот, раздавался гул, и все разом стихло.

Генкина мать в часовню не пошла. Лукерья велела ей ждать на дворе, а Генке приказала подползти к трухлявой иконе Божьей Матери, висевшей напротив осины...

— Совсема я слаба стала... — пожаловалась Лукерья неведомо кому и дала Генке выпить вонючего отвара. Голова у Генки прояснилась, страх исчез...

И вот начался отговор — Лукерья закружила, забормотала над корытцем с дождевой водой:

— Стану я раба Божьего Геннадия благословляти, пойду, перекрестясь, из двери в дверь, из ворот к воротам, во чисто поле. В чистом поле стоить престол, на престоле Мать Честная, Пресвятая Богородица держит вострый булатный меч. Подсобите, помогите рабу Божьему Геннадию от укоров, от призоров, от ночных переполохов, от щепоты, от ломоты, от двенадцати тайников, от двенадцати родимцев отговариваюсь — от белого, от черного, от красного, от рыжего, от черёмного, от одноглазого, двуглазого, трехглазого, от одноженного, двууженного, трехженного, от однозубого, двузубого, трезубого — спаси, Пресвятая Богородица! Аминь!..

— А-а-а!!! — закричал Генка, чувствуя нестерпимую боль в ногах...

За стеной рычал, рвался к Генке Рыжик, пес прогрыз доску и с лаем кинулся на Лукерью; она плеснула на Рыжика водичей — в тот же миг Генку будто приподняло, и он упал без сил, а пес завертелся, зашелся новым, хриплым лаем... Глаза Рыжика налились кровавой яростью...

— Чегой-то с ним? — испуганно крикнула со двора Генкина мать. — Господи, помилуй!..

— Дак стрель его!.. — Лукерья закашлялась, почернела... — Сглаз теперя в ем сидит — стрель, пока не загрыз!

Во дворе раздавался выстрел, бешеный рев Рыжика...

— Помираю ить я... — вдруг тихо произнесла Лукерья и заплакала. — Кличь мамку...

Генка опрометью кинулся из часовни, и только на подворье уже сообразил, что ноги-то его — ходят...

Лукерья лежала под осиной, слабо шарила по полу, будто искала что-то...

— Дай руку! — прохрипела она. — Душа мается, не выхотить... Дай руку!!!

Генкина мать потянулась было к Лукерье, но вдруг поняла что-то, отшатнулась...

— Не помру ить я! — завывала Лукерья. — Да-ай ру-уку-у!!!

— Бежим! — крикнула мать Генке, и они бросились вон из скита, скорее в лес, на тропу; деревья встали стеной, не пуская их; луна погасла; кто-то невидимый опять начал хохотать, и сквозь хохот, сквозь нарастающий гул неся за ними, не умолкая, плачущий голос:

— Ру-уку дай!.. Ру-уку-у!..

— Генка, курвец! А Варька Митина грит, не поручали вам

стиха! — возмущенно орала Генкина мать. — А ну, слазий, не то щас лектричество выну — закукарекаешь тогда!..

Генка щурился на тусклую лампочку, с трудом соображал, где он, кто вокруг...

— Ох, срамота моя, тока хвори разны цеплят да дурь в башке вертит! — жаловалась внизу соседкам мать. — А ить и у меня самой здоровье скончилось — кому ж он останется-то, убогонький мой?.. Хошь бы ваш мужик выпорол его за стакан, ума прибавил, ей-бо!..

— А мамка тва сюдой не влсает? — опасливо спрашивал Загидка.

— Не, боится она. — Генка с неохотой отрывался от теплой трубы, ежился. — Усе, шалупонь, завтра — как дядя Витя фрицевский штаб взрывал...

— А Лу-укерья? — шептал Васятка. — А с ей чего сталось?

— А кто знат? — Генка зевнул. — Ходили утром во скит — никого не нашли... Ведьмачка — она ж не помрет, пока силу свою да судьбу через руку не передаст... Может, бродит еще где-то здеся, ищет...

— А как она...

— Болтун — находка для шпиена! — веско обрывал разговор Генка и, сморщившись, брел к выходу. — Ох, снова жрать охота...

Ночью выюга выла жалобно, по-человечьи, и, казалось, это ведьма ходит, плачет где-то неподалеку... Генка ворочался под одеялом, не мог заснуть, живот пучило от голода, да еще Лукерья мерещилась повсюду; вот выступает она из темноты, улыбается беззубым ртом, берет Генкину руку...

— Ма-ам! — звал Генка. — Ма-ам, ты когда меня в город отправишь?

— Спи уж! — вздрагивала мать. — Ох, нету моих сил... Дак к лету, коли раньше ничего не будет...

Генка не понимал, что может случиться раньше, но спрашивать об этом не решался; он отворачивался к стене и вскоре слышал, как кто-то шебуршит по столу, семенит по коридору, поднимается на чердак... Генка вспоминал, что это, наверно, их домовой, то есть барачный, вреда от него никакого. Генке то хотелось споймать барачного да и расспросить по строгости, что же случилось с бабкой Лукерьей? А то вдруг становилось так страшно, что, спрятав голову под подушку, думал он, до чего же все-таки здорово, что будет он скоро жить в Архангельске у бездетной тетки, в каменном доме на центральной улице Павлина Виноградова, и тогда уже никакие Лукерьи, никакие барачные не станут его донимать... В городе полно смелых, башковитых людей, и Господа Бога с нечистой силой там давно отменили — странно, конечно: кому ж они тогда молятся?.. кто их страшит?.. — но все равно здорово!.. Генке становилось так радостно, так легко, что казалось ему, будто он вот-вот взлетит и помчится к ласковому солнцу, и полет его будет прекрасен и нескончаем, и никто не сможет помешать ему — ведь сильнее его нет никого на свете! Генка улыбался и уже во сне, жадно глотая угарный воздух, выбрасывал руки из-под одеяла, словно парил над мерзлой и туманной землей...

БЫЛА ЛИ ЗИМА В СТРАНЕ «ЛАСКОВОГО МАЯ»

ПЕТР БРЯНСКИЙ

89

МУЗЫКАЛЬНАЯ АНТЕННА

Вы знаете, как работают иные следователи в тюрьме? Не дай бог, конечно, познакомиться с их «методами и формами», но уж коль зашел разговор...

Разин поерзал на диване, глотнул крепчайшего чая.

— Ты, наверное, помнишь шумиху, которая началась в сентябре прошлого года. Странно, год прошел, а я все никак не могу отдышаться. Меня ж зафлажковали, как волка, гоняли по всему полю. Я-то раньше любил к месту и не к месту повторять, что Разина, мол, ничем не прошибешь. Разин бит-перебит. А тут прямо скажу: испугался. Включаю телевизор, а там Александр Невзоров в «600 секундах» объявляет всем, доверчиво внимающим, что Разину подыскивают тюремную камеру на солнечной стороне. Включаю радио, а там Гробовников вещает о готовящемся процессе века. Надо мной, естественно. Я даже

холодильник вырубил из сети, а то, чего доброго, и он бы стал меня этак запугивать. Про газеты и не говорю. Оренбургская молодежка обвинила меня в кинднэпинге, представляешь? Красноярская расписала так, что страшно было читать. Ну а разоблачения Юры Филинова в «Комсомолке» были достойны пулитцеровской премии. Если бы в них оказалось хоть чуть-чуть правды.

Ты уж извини за такую оценку некоторых твоих собратьев по журналистике. Тех, кому мало дела до правды. А когда публике преподносят такое, невольно вспоминаешь, что по старинке у нас еще путают газеты и прокуратуры. Раз написано, то «подать сюда Ляпкина-Тяпкина». И начинается... «Комсомолка» написала, что «Ласковый май» зарабатывает миллионы. А в это время у меня появляется заклятый дружок по фамилии Войтенко. Это особая

история, я тебе о ней потом расскажу, в другой раз. Этот Войтенко втесался в доверие к самому академику С. Федорову и организовал вместе с неким Панфиловым при Всесоюзном фонде милосердия и здоровья молодежный центр. Вообще у меня сложилось двойное впечатление об этом фонде. С одной стороны — нужное дело, с другой — первым на него откликнулись люди, которым противопоказано приближаться к милосердию. Вот, например, я недавно выступал в Белоруссии, был на митинге по Чернобылю. Там у них полреспублики засыпано цезием. А фондом милосердия заправляет Савченко, бывший министр здравоохранения, лудривший белорусам мозги тем, что ничего страшного не произошло, живите, мол, не тужите. Такие же гуманисты окопались и в молодежном центре в Москве. Пригласили меня к ним на работу и с ходу стали обдирать как липку. Я показал зубы, тогда Войтенко, прикрепив к своему «сигналу» пяток вырезок из разных газет о моем, естественно, низком моральном облике, отволок все это в Дзержинскую прокуратуру Москвы. Впрочем, не хочу повторяться, поскольку рассказывал об этом. Надеюсь, газету «Московский комсомолец» читал? Правда, это не столь строгая аудитория, как у всесоюзного журнала «Смена», да еще с таким шатким тиражом, и все же возвращаться к этому пока не хочу. Единственное, о чем в этой связи не могу не сказать, это то, что пришлось в конце концов обратиться в Прокуратуру СССР, где получил поддержку. Едва ли не впервые испытал на себе, что значит, когда закон и справедливость торжествуют также и в правоохранительных органах. И хотя к некоторым их работникам у меня есть претензии, причем серьезные, те-

перь знаю: правде есть место, она может быть и будет защищена. Не скрою: испытываю огромную благодарность к руководству Прокуратуры СССР. Я теперь перестал ощущать себя незащищенным.

Передо мной сидел другой Разин. Он был в своем амплуа. Напорист, энергичен, в меру нахальный, в меру элегантен. Словом, такой, каким знают его сегодня вся эстрадная Москва и сотня филармоний.

— Кто-то сказал про меня, что я приехал в Москву продавать коров, а затем стал музыкантом. Смешно? А ведь примерно так все и было. Ты, наверное, знаешь, что я матерый детдомовец, а какая у нас судьба? ПТУ, а потом либо тюрьма, либо вкалывай до посинения. Бери больше, бросай подалее, а пока летит — отдыхай. Я этого наелся сполна. Тянул трубу в Надыме, строил завод под Тюменью. Жил в одном бараке с рецидивистами, для которых человеческая жизнь дешевле затяжки «плана». Так, возможно, и приобщился бы ко всей этой дури, если бы не тяга к искусству. Чуть-чуть плакатно заговорил, да? А как иначе скажешь? Если не от работы хотел отлынивать, а просто на месте не сиделось, когда представлялась возможность что-нибудь отмочить. Коротенькую пьесу для ребят поставить, самодеятельность организовать. В этом, конечно, было что-то детдомовское — мы любим жить гурьбой. Но и что-то во мне проклевывалось... Я тебе скажу так: над самодеятельностью стали смеяться. А она вообще-то штука неплохая, если не для галочки. Во всяком случае, меня толкнула на выбор.

Ладно, что-то меня на скучные вещи потянуло. А ведь было весело. Приехал я в Москву, как справедливо заметил на ЦТ Артем Тро-

ицкий, «раздетый, разутый и с ужасным выговором». В одну дверь толкнулся, во вторую. Никто даже говорить не хочет. Правда, некие высокопоставленные педерасты заинтересовались смазливый мальчишкой без роду без племени и стали предлагать покровительство. Я от них еле скрылся. Вижу, Москву с ходу не завоеешь. Вернулся в свой знаменитый колхоз имени Свердлова на Ставрополье и начал оттуда названивать разным начальникам, что, дескать, есть у самого Михаила Сергеевича славный землячок, и как бы ему помочь. И ты улыбаешься? Сейчас и мне смешно. А тогда это был единственный выход. Ведь только одно слово — и все двери, и души нараспашку. Как же, как же, слышали о вас, Андрюша. Будем душевно рады помочь. Кстати, вас не затруднит умненько так намекнуть дяде, что в нашем департаменте уже приступили к перестройке?

Я не очень-то воспринимаю упреки в хлестаковщине. Дostoславный Иван Александрович врал от легкости в голове, а я следовал древнему детдомовскому правилу: обман во благо грехом не считается. Несколько звонков, и «Утренняя почта» пригласила меня в Москву, я записался с Катей Семеновой, со мной носились, как с писаной торбой. Даже в какие-то худсоветы стали приглашать. А потом я плюнул. Надоели подхалимы и краснобаи. Пошел к Юрию Чернавскому на фирму «Рекорд», покаялся, он посмеялся и зачислил меня менеджером. Это были золотые денечки. Не ожидая милостей от Министерства культуры и других контор, мы организовали первые хозрасчетные предприятия и взорвали изнутри всю систему эстрады. Стали, скажем, платить Наташе Гулькиной не 7 рублей 50 копеек с концерта, а пятьсот. Ревизоры обалдели.

«Как это так, — кричат, — у нас «Песняры» и Ротару тарифицированы, а вы тут, понимаете...» Естественно, все, кто хотел работать и зарабатывать, переметнулись к нам. Кроме того, мы решили заняться менеджментом, а попросту говоря, поиском и раскручиванием «звезд» эстрады. Это только дураки и негодяи уверяют, что талант сам пробьется. При нашей системе, где правят бал динозавры, продвинуться со свежими идеями невозможно. К тому же попробуйте-ка растолкать родственников юных дарований. Тебе назвать фамилии родителей Орбакайте, Маликова, Преснякова? Не надо? Сам знаешь. Поехали дальше. Мы решили работать в «Рекорде», как учил товарищ О. Бендер: «Побольше цинизма, людям это нравится». Приятно вспомнить, сколько мы радости дали, запустив по всей форме «Мираж», потом Рому Жукова, потом Таню Овсенко. Надеюсь, ты не хочешь навязать мне дискуссию об истинных и мнимых ценностях на эстраде? Я тебя умоляю... Сейчас нас побивают эстетикой Аллы Борисовны Пугачевой. А вот мне случайно попался журнал «Наш современник», где о ее творчестве отзываются такими словами, что им место лишь на заборах либо на стенке захолустного общественного туалета. У нас с осуждением обстоит очень просто. Потому и тянемся в хвосте, хотя почитаем себя самым мудрым народом в мире. Помнишь, как трагично, почти в журавлиной тональности выступали знаменитые деятели искусства во время пятиминутной забастовки? Один Караченцев чего стоил! Слезу вышибал. А в конце поставил точку:

— Мы требуем от государства дотации.

Вот и все. И не надо комментариев. Все просят дотацию. Генера-

лы, металлурги, председатели колхозов. Им, наверное, государство представляется в виде безразмерного кошелька. Но с генералами все более-менее ясно, они убеждены, что им «положено».

Но деятели искусств каковы?

Что за искусство, которое ждет подаяния?

Говорят, что везде в мире «подают». А я не верю. Я знаю, что на спектакли танцовщика Барышникова в Нью-Йорке билет стоит триста долларов, а попасть в театр совсем нелегко. У нас госансамбль танца побеждает в соцсоревнованиях, если снизил убытки с восьмисот тысяч до семисот девяноста восьми. Абсурд? Как и во многом другом. Всякий вид искусства должен быть прежде всего рентабельным. Если им, разумеется, занимаются профессионалы. А вот любителям, безусловно, должны помогать. Муниципалитеты, фонды, меценаты. Вообще кто угодно. Но когда министр культуры кричит нищему государству: «Подайте, Христа ради», не противясь при этом грабительскому налогообложению на работников искусств, то это говорит лишь о запутанной системе нравственных и экономических координат. Может, в США люди и не такие разумные, но там шоу-бизнес составляет одну из главных статей дохода для пополнения государственного бюджета. И ничего, живут. К нам не просятся. Идет, я бы сказал, обратный массовый процесс. Уезжают скрипачи, солисты, хореографы и гитаристы. От дотаций — к творчеству и соответствующей зарплате.

Разин мастак разубеждать в том, в чем собеседник был еще минуту назад уверен. Мне вот казалось, что та знаменитая «пятиминутка протеста» обусловлена заботой о подъеме культуры. А вот теперь я начинаю думать, нет ли

здесь самого обычного иждивенчества? Сумел же Разин со своим «Ласковым маем» не просить денег у школы-интерната, где учатся его парни, а, наоборот, осыпать сиротскую школу неслыханными денежными суммами, сделать из нее первоклассное учебное заведение...

— Интересуешься моими гонорами? Да, концертная деятельность нашей студии — дело рентабельное. В прошлом году твои коллеги-журналисты крепко пощекотали нервы читателям и подбодрили мальчиков из объединения «Союзрэкет». Порылись в денежные ведомостях Пугачевой, Леонтьева, Кузьмина, Хазанова. У нас это дело любят. Но я не скрываю. От хороших людей у меня секретов нет. Некоторые контракты, когда я имею дело с крупными стадионами, исчисляются и в тридцать, и в пятьдесят тысяч рублей. Но из этих потрясающих воображение сумм я выплачиваю аренды, транспортные и технические расходы, за аппаратуру и еще многое другое. Чтобы не утомлять тебя, скажу лишь, что аренда хорошей аппаратуры обходится до десяти тысяч за концерт. Не хочу приbedняться, но и не надо делать из меня Креза. Главное — моя совесть чиста. Я ежегодно финансирую различные благотворительные программы. Нет, не фонды — в этих бюрократях я полностью разочарован. Реальные дела. Перечисляю деньги в детдома, на телемарафоны, на ремонт сгоревшего дома ВТО... Стараюсь делать все, чтобы мои ребяташки из «Ласкового мая» вошли в большую жизнь людьми состоятельными... Ведь почти все — безотцовщина. Тот же Шатунов. Что бы его ожидало? И то, что он сейчас ездит на мотоцикле «Хонда», не должно никого раздражать... Так что, ежели бы у нас

меньше распространялись на тему «дай», а думали о том, как привлечь зрителя, пользы было бы больше.

— Кажется, с этой простенькой идеей ты и оказался на трибуне последнего съезда ВЛКСМ? Но маленько ошибся адресом. Тебя захлопали.

Разин смеется.

— А комсомольцам есть у кого учиться. Их старшие товарищи лихо могут захлопать кого угодно. Сахарова, Собчака, Станкевича... Как почувствуют, что «наших бьют», тотчас сбиваются в стаю. Молодежь учится. Меня четыре года назад исключили из комсомола за то, что организовал в Чите первый хозрасчетный комсомольский центр. Орали, что я буржуй и империалист. А через год пришло указание открывать центры, и сразу все руководящие стулья забили секретари райкомов. И ответственности никакой, и опять на плаву, и денежки неплохие. И в огне не горят, и в воде не тонут.

Но я решил все-таки достучаться. Сказать на съезде пару ласковых: если не хотите, чтобы вас на тачках вывезли из ваших горкомов, то не на словах, а на деле оборотитесь к молодежи. Но где там? Захлопали. Правда, не все. Когда я вышел из зала, меня окружили почти все аккредитованные журналисты, да и десятки делегатов прибежали. Я им час рассказывал и показывал, хотел убедить, что нам нужны молодые и новые лидеры, готовые действовать нетрафаретно и нестандартно. Вот, говорил я, пришел на съезд Егор Кузьмич Лигачев. Вновь говорит о верности идеалам и принципам. Может, хватит агитировать за Советскую власть? Мы ее не меньше товарища Лигачева любим. Но когда одни вкалывают и добираются до своего завода с пятью

пересадками на метро, а другие лелеют «принципы», подремывая в черных «ЗИЛах», то такая власть, во-первых, не Советская, а во-вторых, за что ее любить? Согласен?

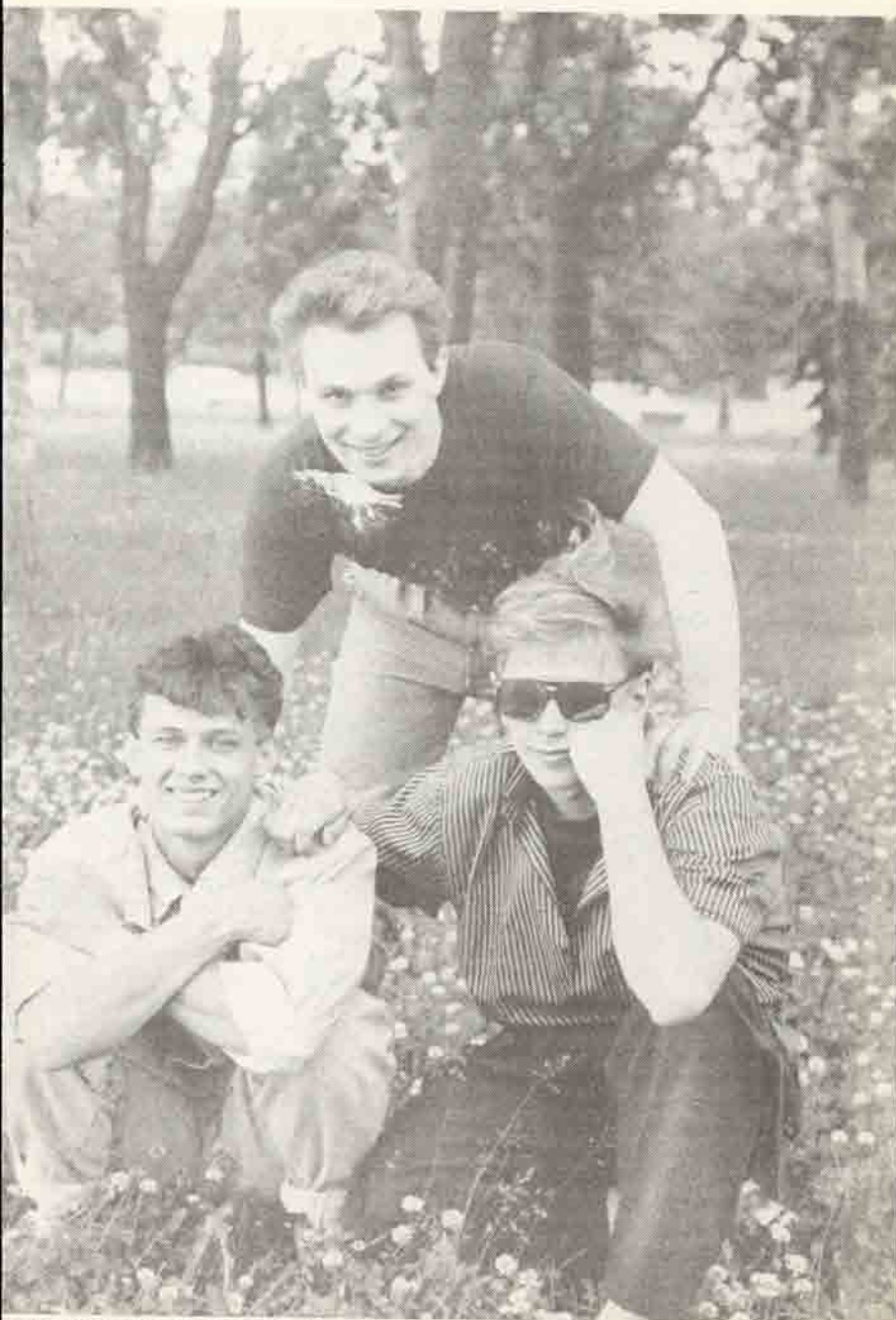
— Так почему же ты ушел из политики, решил не баллотироваться в народные депутаты РСФСР? Читал твою предвыборную платформу — толково, интересно. К тому же у тебя такая грандиозная известность. За тебя пошли бы голосовать колоннами.

Не перестаю удивляться Разину. Только что в его глазах прыгали чертики, а сейчас передо мной озабоченный «державной» думой молодой политик. Ну, артист...

— Видишь ли, по моему убеждению, нынешний парламент — переходный. И правые, и левые, и центристы, и те, кто спит на сессиях, — все они должны понимать свою роль. А она такова: подготовить общество к сознанию, что нужны новые законы, механизмы и новая мораль. Они должны сделать свое дело и немедленно уйти. А я не хочу быть временным человеком. Хочу войти в такой парламент, который будет уже чем-то реальным. Честное слово, у меня много хороших идей и достаточно сил, чтобы их претворить. А потом, помнишь, как говорил когда-то молодой Каспаров: «Этот цикл не мой. Мой будет следующий». В следующем цикле он стал чемпионом мира.

С Разиным можно говорить о чем угодно. О скучных финансовых материях? Пожалуйста! Разин немедленно достанет пару общих тетрадей, за которыми, я думаю, мог бы устроить настоящую охоту Минкульт, если бы чиновников интересовало что-нибудь, кроме собственной персоны.

Да и вообще промышленный шпионаж у нас не принят, так что финансовые идеи Разина если

АНДРЕЙ РАЗИН, КЮРИЙ ГУРОВ (слева) и ОЛЕГ КРЕСТОВСКИЙ.

и будут претворяться в жизнь, то исключительно во славу «Ласкового мая» и тех администраторов, которые при полной ясности ума вступают с ними в отношения.

А если этот разговор исчерпает себя и появится желание элегически побеседовать о литературе, Разин покажет наброски романа «Человек тусовки» и свой бестселлер «Зима в стране «Ласкового мая», в котором он упомянул столько знаменитых людей, от Криса Кельми до Владимира Ильича Ленина, что многие в Москве листали эту книгу со страхом: нет ли чего про меня? Такие книги делают авторов знаменитыми. Правда, Разину это не грозило. Он и без того за последние год-два стал известнее многих знаменитых политиков, писателей и артистов. «Так что же это за новоявленный герой нашего времени?» — слышу я голос раздраженного читателя, который, конечно же, не любит, когда ему рекомендуют новый идеал либо предмет для подражания. О, я мог бы успокоить его, если бы стал вспоминать отрицательные черты характера и разные поступки Разина, свершенные им на тернистом пути к славе и успеху. Их много. Но надо ли об этом говорить с единственной и привычной для нас целью уравнивать «позитивы» и «негативы». Мне кажется, сейчас настало время вспомнить о том, что нам нужны люди, символизирующие успех. Нам нужен свой вариант «Великой американской мечты», которая привела маленького чистильщика обуви Гарри в Белый дом, сделав его президентом Трумэном. Разве воспитанник захудалого сельского детского дома Андрей Разин, ставший кумиром миллионов, не может быть иллюстрацией к нашей доморощенной мечте?..

...Разговаривать с Разиным трудно. От него исходит присущее

только ему обаяние, незаметно трансформирующееся в жесткое магнитное излучение. Поэтому и ребятам из «Ласкового мая» бывает с ним нелегко. Ушли из группы Сережа Кузнецов, Сережа Серков, Рафал Исангулов, Саша Прико, Игорь Игошин — первый состав «Ласкового мая». Любой бы сломался от такого нокаутирующего удара. Только не Разин. В «Ласковом мае» зажглись новые имена. Рядом с Юрой Шатуновым на сцене Олег Крестовский и братья Гуровы. По-прежнему ажиотажный спрос на новые магнитоальбомы «Ласкового мая». По-прежнему Андрей Разин генерирует неординарные идеи, от которых у одних болит голова, а миллионы других готовы забыть о болезни и вскочить с постели.

Так что нет зимы в стране «Ласкового мая»...

ПЕТР БРЯНСКИЙ

Авторский гонорар перечисляется на восстановление храма Христа Спасителя.

**«СОЮЗЦИРККОНЦЕРТ»
С/К «ОЛИМПИЙСКИЙ»**

**ВСЕСОЮЗНАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ТВОРЧЕСКАЯ СТУДИЯ
ДЛЯ ОДАренных ДЕТЕЙ**

— АНДРЕЙ РАЗИН —

**С 28 ДЕКАБРЯ 1990 ГОДА
ПО 10 ЯНВАРЯ 1991 ГОДА**

*в московском спорткомплексе
«Олимпийский»*

представляют творческий отчет студии

«ЛАСКОВЫЙ МАЙ» —

программу

«БЕЛЫЕ РОЗЫ» — БЕЛОЙ ЗИМОЙ».

*Принимаются коллективные заявки
на билеты от почитателей ансамбля
всей страны по адресу:*

129090, Москва, Олимпийский проспект, 16.

АЛЕКСАНДР КНЯЖИНСКИЙ:

«Не знаю, что такое»

Семь лет назад я брал интервью для газеты у одного из ведущих наших кинооператоров, Александра Княжинского. В полночь печатание номера было приостановлено цензурой из-за якобы бомбы внутри нашей трехстраничной беседы. На вопрос «Какой фильм вы считаете своим творческим пиком?» Княжинский ответил: «Сталкер» Андрея Тарковского.

Когда газета вышла, интерес-

ное получилось «кино»: «Подранки» Н. Губенко этот оператор снимал, многострадальную, 15 лет мертвым грузом пролежавшую на полке «Осень» А. Смирнова тоже, а вот «Сталкер» как бы не случился в его биографии. Так, «косвенным» образом мы получили подтверждение слухам: Тарковский остался на Западе. Не было такого режиссера, — дали нам понять.

...Сегодня Александр Княжин-

ский — председатель гильдии кинооператоров, преподаватель ВГИКа. Наш разговор вернулся к «Сталкеру» и Андрею Тарковскому, который говорил: «Кино для меня — это жизнь, а жизнь для меня — кино».

— Александр Леонидович, а до «Сталкера» вы были знакомы с Андреем Арсеньевичем?

— Мы вместе учились во ВГИКе, на параллельных курсах. Он был чуть постарше, учился с Шукшиным, с Сашей Миттой... Знакомы были давно, да вот работать вместе не доводилось.

— Как же получилось, что именно вы стали оператором «Сталкера»?

— Совершенно неожиданно. Вместе с Аркадием Стругацким Андрей несколько раз переписывал сценарий. «Пикник на обочине» приобрел решительно другой характер, изменилась концовка. Через два дня после звонка я поехал к Тарковскому домой, прочитал сценарий и все понял.

— Простите, что все?

сказал, чего хочет добиться, как мыслит изобразительный ряд, как видит будущий фильм, в подробностях. Выбор же природы пришелся на ужасное время, март 78-го, еще снег лежал, грязный-грязный...

— Есть ли своя специфика в том, как операторы читают сценарии?

— Конечно. Оператор не столько читает, сколько видит текст.

— Совпало ли ваше первоначальное видение с конечным результатом работы?

— Сложно ответить. В общих чертах, да. Натура была выбрана — точнее нельзя. Кстати, я впервые видел такой сценарий. Он представлял собой примерно 20 страничек, совершенно в нетрадиционной форме. Были там: литературный ход, разбитый на планы: крупный, общий и т. д. и диалоги (текст). Все. Ровно столько планов, сколько было помечено в сценарии, мы и отсняли.

— Значит ли это, что Тарков-

ЭСТЕТИЗМ»

— Это был блестящий сценарий. Я такого ни до, ни после в руках не держал. В то время я был на картине, но ради «Сталкера» ушел. И через неделю мы вылетели в Таллинн на выбор природы.

— Знаю, как трепетно вы подходите к выбору природы. Место для съемок выбрали вы?

— Нет, Тарковский. Предварительно мы собрались, два дня обсуждали общее решение, он рас-

ский не импровизировал на съемочной площадке?

— Вся картина — полностью! — была у Андрея в голове, и никаких неожиданностей, импровизаций не было совершенно. Все четко и точно.

— С чем вы это связываете?

— Только с одним — с невиданным в наших краях профессионализмом. Это мое любимое слово, и прежде всего оно относится к Тарковскому.

— Ну а Феллини, он-то разве не профессионал? А на съемку приносит клочок бумаги, почти в нее не заглядывает, в конце концов комкает и выбрасывает, и все по ходу дела меняет...

— Знаю, знаю. Но у Тарковского по-другому. Все раскадровки, все точки съемки, «режим» — ничего не менялось.

— Неужели возможно помнить кадр за кадром весь двухсерийный фильм?

— В случае Тарковского я в этом даже не сомневаюсь.

— А снимался фильм долго?

— Две серии — месяца за три, даже меньше. Натуру сняли буквально за два месяца, а на все павильоны ушел месяц. Это очень быстро. Учитывая, что картина снималась в «режим», то есть одним-двумя кадрами, длиннющими панорамами метражом едва ли не по 200 метров. День-два репетировали — и съемка. Но репетировали кропотливо. Чтобы выстроить кадр, красили каждую травинку.

— Это метафора?

— Отнюдь. Мы в самом деле красили траву, деревья...

— Как в армии?

— Да. Но, представьте себе, делали это с истинным удовольствием. Красили серебрянкой. «Паутину» изобретали, чего только не выдумывали. И кадр выстраивался удивительно.

— Вы помните тот знаменитый кадр, без которого теперь не обходится ни одна телепередача о фантастике, — текущая вода, где мерцают шприцы, икона?..

— Еще бы не помнить! Дико сложно было, рассказать, КАК это сделано, невозможно. Нужны рисунки, схемы.

— Тарковский сам выкладывал эти, скажем так, натюрморты?

— Мы нашли место — в заброшенной электростанции. Каменный тоннель с полуметровым слоем

воды. Рельсы для камеры укладывали, как строители какого-нибудь БАМа. Саша Кайдановский лежал по уши в воде, между рельсов, и мы наезжали ему на голову. Андрей тщательнейшим образом подбирал детали фантастических натюрмортов — икону, монеты, колбы, автоматы, рыбы...

Когда фильм отсняли, мне было так безумно интересно знать, чем все закончится, что я ходил смотреть на процесс монтажа, на то, как подкладывали музыку, и так далее. Так что результат фильма был в пределах «вычислимости»...

— А сегодня у вас не возникает желания «переснять себя»?

— Буквально месяца назад я показывал «Сталкера» своим студентам и как раз поймал себя на мысли, что отдельные куски сейчас снял бы по-другому. С картинками всегда так происходит, они, увы, стареют, кино вообще устаревает быстрее, чем другие искусства. Хотя, честно говоря, многое в моей работе над «Сталкером» меня устраивает. Мы, киношники, очень зависим от технических открытий. На новой, качественной пленке «Сталкер» смотрелся бы иначе. А вот режиссерские принципы, конечно, от времени не зависят.

— Известный богослов Александр Мень сказал, что «развлекательные фильмы и комические у нас как-то снимать не умеют, а вот «серьезных» — порядочно». К «серьезным» он в первую голову отнес фильмы Тарковского, которые «все насквозь одухотворены духовными идеями». Вы говорили на духовные темы и о сверхзадаче фильма с режиссером?

— Разумеется. Но я не люблю выражение «на духовные темы», оно мне кажется слишком высокопарным. Когда выдавались редкие выходные, мы говорили обо

всем. Ну, а сверхзадача картины, она на поверхности: главное — верить. Без веры все теряет смысл.

— Тарковский утверждал, что есть вещи гораздо более важные, чем счастье...

— Наверное, для него гораздо более важным, чем личное счастье, была работа, творчество. Я это так понимаю. Что еще может быть лучше?

— А мне казалось, что работа и была для него счастьем. Но, помимо этого, было и еще что-то...

— Ну да, я, видимо, неправильно выразился, хотя имел в виду то же самое. Просто надо знать, что Тарковский работал и день и ночь, и съемочной группе было трудно выдержать его темп.

— Это было похоже на диктат?

— Какой там диктат, никакого диктата. Хотя режиссер он был требовательный, жесткий, и группа — а это, как ни крути, человек 70 — ближе к обеду начинала роптать: неплохо бы, дескать, иногда и поесть. Но это как-то мало его волновало.

— По рассказам некоторых режиссеров, я знаю, что характер ваш далеко не сахар. Возникали у вас какие-нибудь конфликты с режиссером «Сталкера»?

— Нет, как ни странно, не было. На нас обрушилась масса тревожных и неприятностей, связанных с несовершенством техники, с проявкой пленки. Стараясь, снимаешь. Проявляют. Приходишь — бац, не то. Тут уж не до конфликтов.

— Знаете, я вдруг вспомнил, как лет 10 назад был на вечере поэзии Арсения Александровича Тарковского. В конце он получил записку: «Как вы относитесь к НЛЮ?» Он очень мило всплеснул руками и твердо сказал: «Как к факту». Подозреваю, что Андрей Арсеньевич ответил бы то же, ина-

че трудно объяснить его интерес к фантастическим сюжетам. А понравились ли вам его последние ленты, «Ностальгия» и «Жертвоприношение»?

— Замечательные картины. Вообще Тарковский не может «нравиться» или «не нравиться», его нужно воспринимать или целиком, или никак. Он самый цельный наш режиссер, от «Иванова детства» до «Жертвоприношения» он вел одну линию, и, однажды поняв, чего он добивается и что ищет, ты полностью попадаешь под его влияние. С этой точки зрения у него нет плохих фильмов, критерии «хуже — лучше» тут неуместны, все его фильмы прекрасны по-своему.

— Что вам как профессионалу дала работа над «Сталкером»? Вы до этого снимали длинными панорамами?

— Снимал, знал, что так надо, но мне не всегда удавалось довести дело до конца. Тарковский укрепил меня в моих поисках. Он отлично разбирался в операторском ремесле. Напомню, что он был к тому же превосходным художником, живописцем. Как истинный профессионал, он умел делать в кино ВСЕ.

Он понимал и ценил изображение.

Меня страшно заботит, что мы забыли простую истину: «кино — искусство изобразительное», и относимся к нему, как к развлекательному жанру, а не как к самостоятельному, личностному искусству со своими законами. И, как следствие, — в картинах главным стало слово. Когда я читаю очередную сценарий, вспоминаю на первый взгляд парадоксальную мысль поэта и кинодраматурга Г. Шпаликова о том, что наши фильмы можно смело слушать по радио. Вот в чем ужас ситуации.

Когда кино было Великим Не-

мым, режиссеры выражали себя через пластику, пантомиму, настроение, и фильм держался на изображении. А сейчас фильмы делят на теле-, видео- и кино. «Надо заглянуть в глаза актерам», — провозглашают режиссеры. Не понимаю я этого лозунга. По-моему, им прикрывается элементарное неумение, непонимание самой природы кино. Говорят еще: фильм снят отлично, да режиссер подкачал. Вот точка зрения профана! Изображение не должно забивать драматургию, фильм «ломается», когда так происходит.

Нынешние режиссеры не разбираются в простейших вещах, не в состоянии снять план длиной 6—10 метров, а об изображении и слухом не слыхивали, им, кажется, вообще это не нужно. Их нельзя на пушечный выстрел к кино подпускать — режиссеров, которые надеются только на слово. Недавно мне пришлось снять две картины с молодыми людьми — не буду называть имен, это их первые работы, сущая мука! Они не ведают, что изображение играет на руку прежде всего режиссеру. Я не хочу принизить режиссеров, но разбирающихся в кино среди них — единицы. Средний уровень наших операторов выше среднего уровня наших режиссеров, это факт. Операторы есть у нас высочайшего класса: В. Юсов, Г. Рерберг, П. Лебешев, А. Родионов...

— *Что же, по-вашему, главное в изображении?*

— Сошлюсь на такой авторитет, как Феллини. Вот что он говорил: «Кино — это изображение, а его основной фактор — свет». И далее: «Свет в кино — это идеология, чувства, цвет, тон, глубина, атмосфера, повествование. Свет творит чудеса: что-то добавляет, что-то убирает, сжимает, обогаща-

ет, рассеивает, выпячивает, на что-то намекает, придает правдоподобие, осязаемость фантазии. И, наоборот, может сделать прозрачной или похожей на мираж самую серую обыденность. С помощью подсветки и какого-нибудь куска ткани тусклое, невыразительное лицо можно сделать умным, загадочным, очаровательным... Фильм пишется светом, стиль выражается светом». Если классик говорит такие вещи, к нему стоит прислушаться.

Мое любимое высказывание Тарковского: «Кино — это сон». Кино не должно быть реальным. Свет сам сделает все, что нужно. Самая ненавистная мне фраза из киношного обихода — давай снимем, как в жизни. В этом случае всегда получается какая-нибудь мерзость.

— *Вот и другой классик, швед И. Бергман, о котором в «Советском энциклопедическом словаре» метко сказано, что он «развивает тему античеловечности буржуазного общества», тоже говорит, что «кино настраивает нас на восприятие иллюзии...»*

— А Достоевский? Грош тебе цена как художнику, говорил он, если ты просто отображаешь жизненный факт. Все надо переосмысливать... А если не желаешь или не можешь, что ж, бери камеру, выходи на улицу и снимай «как в жизни». В кино надо прочувствовать то, что снимаешь, выбрать неожиданный ракурс, нечто такое, чего не видят остальные. В любом кадре должны быть страстность и поэзия, реальность же — чуть сдвинута, слегка смещена. Мы часто забываем, что снимаем ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ фильмы, а не хроннику. Поэтому оператор должен уметь художественно выстроить кадр, мизансцену, панораму.

— *Помните, сколько публиковалось писем читателей, укоряв-*

ших Тарковского в нежелании «правдиво показать трудовые будни советских людей», и статей кино критиков с обвинениями в эстетстве и элитарности...

— Сколько живу на свете, не знаю, что такое элитарность. Никакой элитарности нет в природе. И никакого эстетства тоже. Эти слова придумали лодыри и бездары, чтобы оправдать свое существование. Кино — это адский, невероятный труд. Вот и все «эстетство». Покажите мне любой кадр или эпизод из любого фильма Тарковского. Ну, и где тут эстетство? Все заранее продумано до мелочей, все несет глубочайший смысл.

— А на вашей судьбе диссидентство Тарковского отразилось?

— Не понимаю, о каком диссидентстве идет речь. Он поехал в Италию снимать картину. Перед отъездом я говорил с ним и спросил напрямую: ты что, навсегда уезжаешь? Упаси Боже, ответил он. Никогда бы он Россию ни на что не променял, никогда. Он собирался вернуться и снимать здесь, у него была масса замыслов, например, заявка на двухсерийного «Идиота» на Мосфильме, на «Гофманиаду»... Какое уж тут диссидентство, это слово к Тарковскому неприменимо. Другое дело, что наша дивная страна сделала все, чтобы он не вернулся. Больших унижений, чем ему пришлось пережить, трудно себе представить. К нему не выпустили сына. До отъезда его не пускали на фестивали, и под любым предлогом не отправляли его картин. Какая-нибудь — пусть не первая, пусть специальная — премия была ему обеспечена. Но на престиж страны всем было наплевать, им так спокойней жилось. Вот и показывали его картины в «отдельно взятом» кинотеатре. Он читал какие-то лекции, шатался

по дурацким институтам со своими фильмами, чтобы заработать. А у него семья, дети, ему просто не на что было жить, в его-то годы. Сколько помню, он всегда вещи закладывал-перезаклаживал, из ломбарда не вылезал. Шесть картин к 50-ти годам. Когда его удачливые коллеги понаснямали по 15—20. Понятно, что снимал он долго, мучительно. Но сколько бы он ни готовился, он был, безусловно, продуктивной всех. Когда человеку есть нечего, какие могут быть разговоры о «совести художника»? Так, обыкновенное ханжество в государственной упаковке.

— Но вы говорили, что работал он споро и быстро...

— Он нормально работал. Долго обдумывал, готовился, но на площадке не допускал ни минуты простоя. Все графики рушились по причинам, от него не зависящим. Его не могли обеспечить тем, что ему было необходимо для достижения наивысшего мастерства во всех компонентах. К «Сталкеру» декорации строились три месяца, но построили их не так, как он задумал. Пришлось улетать из Таллинна, следить за тем, как их перестраивали. Он требовал от людей такой же отдачи в работе, а не получалось. Даже красок не было, все приходилось «доставать». Художник Н. Двигубский («Зеркало») сам ночами раскрашивал изразцы у печки, чтобы получить нужный эффе́кт. Художник М. Ромадин («Солярис») толкался по заводам в поисках каких-то космических гаек, самоходных аппаратов. Никому до всего этого дела не было. Кроме Тарковского и энтузиастов из его съемочной группы.

— А откуда он имел познания в операторском ремесле?

— Не в операторском ремесле, а в изображении. Это то магиче-

ское слово, которое я не устаю повторять на всех курсах молодым режиссерам, и операторам, и художникам. Им сейчас безумно легко работается в кино, взял некую отличную пьесу да и снял, куда как просто. А вот Тарковский считал, что кинозритель не в силах переварить большое количество текста. Это его теория. Половина слов пробрасывается, говорил он, они не доходят до зрителя. Но если зритель чувствует настроение, атмосферу, то ему уже не нужно вслушиваться в текст, он просто воспринимает кино как... кино. Тарковский имел в виду нормального зрителя. То есть такого, который приходит в кино не детективы смотреть, не Аллу Пугачеву, а серьезные вещи.

— *А кто сейчас, с вашей точки зрения, делает «серьезное» кино?*

— Мне очень по душе С. Соловьев, А. Кайдановский, И. Дыховичный. Это одни из немногих, кто понимает в изображении. Хотя я догадываюсь, что кому-то они могут и не нравиться. В Ленинграде есть замечательные молодые ребята...

— *А Сокуров?*

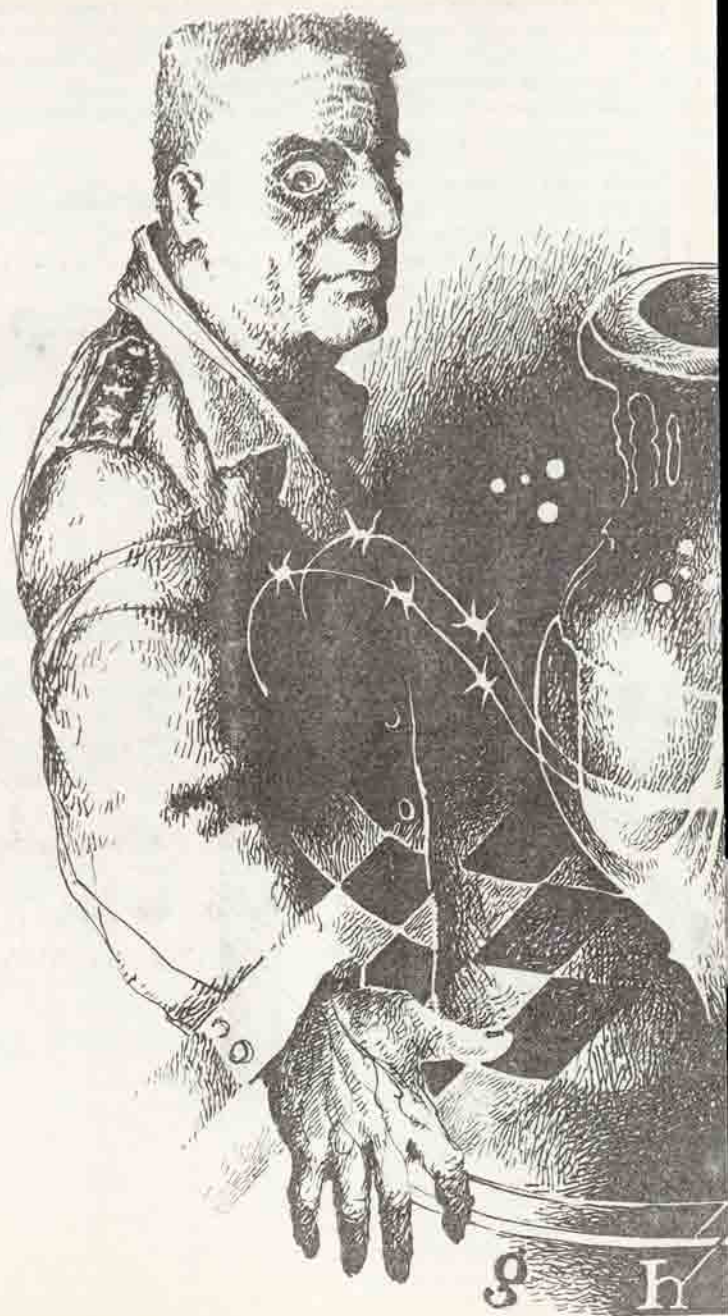
— В какой-то мере он апологет Тарковского, это мое мнение. Но он мне очень нравится. Несколько, может быть, эклектичен, несколько перебарщивает с деталями. Попроще бы. Как у Пастернака: «...Нельзя не впасть к концу, как в ересь, в неслышанную простоту».

— *А мне кажется, что он как раз более прост, то есть менее метафизичен, чем его учитель... Не могли бы вы ответить на один «легкий» вопрос: каким он был человеком, Андрей Тарковский?*

— Такие люди рождаются раз или два в столетие. Он был гений. Фантастический, редчайший был человек. Только это поздно поняли. Я уверен, что он мог бы еще жить и жить. Если бы его не загна-

ли, не довели. Перед «Сталкером» у него уже был инфаркт, месяц на больничной койке. Не долечился, сорвался на съемки. Жить на одних нервах — кто же такое выдержит?

**Беседу вел
АЛЕКСАНДР МАРКЕВИЧ.**

g h

Антикварный магазин был одним из тех фешенебельных заведений, которые посещаются публикой избранной и очень состоятельной. В одной из витрин стояла старинная ваза ручного литья, в другой — античная, солнечная лодка, а между ними располагалась широкая, выходящая на проспект дверь из цельного стекла.

Дан Грегсон остановился перед входом в магазин, и его глубоко посаженные глаза с любопытством оглядели широкую улицу. Никаких следов автомобильной катастрофы. Обломки уже успели убрать, а дождь смыл последние пятна крови. Неизменные зеваки разошлись. Повернувшись к двери, Грегсон рывком отворил ее и вступил в теплый зал, где его уже ждали.

Е. ТАББ

ВАЗА МИНОВ

Рисунки ЛЕОНИДА ЛИВШИЦА

107

Ирлмен и Бронзон стояли возле невысокого пожилого человека с тонкими, изящными руками и светящимися умом глазами. Чуть поодаль топталось несколько сотрудников. Полиция уже ушла, и Грегсон был рад этому обстоятельству. Навстречу ему шагнул Ирлмен:

— Эге, Дан. Быстро же ты пришел.

— Что делать, генерал лично заинтересован в деле. Кто хозяин магазина? Вот этот?

Макс Ирлмен кивнул, показав рукой на маленького человека, и познакомил их друг с другом.

— Мистер Левкин, познакомьтесь! Это Дан Грегсон из спецотдела контрразведки.

Дан и мистер Левкин обменялись рукопожатиями. Грегсон поразился стальной хватке маленьких, изящных рук.

— Я был бы рад встретиться с вами при более счастливых обстоятельствах,— начал Дан.— Так что у вас тут произошло? Будьте добры, расскажите все с самого начала.

— Опять?!

— Если вас не затруднит. Сведения, полученные из первых рук, обычно самые надежные.

Владелец магазина развел руками.

— Меня обворовали, украли одну из самых дорогих вещей в моем магазине. Маленькую китайскую вазу времен династии Минов, необычайно красивую...

— Какая ваза, ее размеры?

— Дюймов шесть высотой, достаточно маленькая, чтобы уместиться в кармане.

— Вы сказали, что вещь была очень ценной. Сколько она стоила?

— Я сказал «дорогой»,— поправил хозяин магазина.— Как можно оценить в деньгах произведение искусства?... Она стоит столько, сколько покупатель готов за нее заплатить... Одно могу добавить — всего лишь накануне мне за нее предлагали сто тысяч, но я не согласился.

Ирлмен удивленно хмыкнул. Его тонкое нервное лицо с темными, словно подведенными синью, глазами скрылось за клубами табачного дыма.

— Расскажите нам об этом человеке.

— Среднего роста. Не худой — не тонкий, одет прилично, волосы русые, голос мягкий, исключительно вежливый и ласковый, а глаза... глаза удивительные...

Мы разговорились. Его интересовали редкостные красивые вещи, и, естественно, я ему показал эту вазу. Вдруг на улице раздался грохот — столкнулись две автомашины. Мы все бросились к дверям, и внимание наше было отвлечено. К тому моменту, когда я опомнился и спохватился, покупатель исчез, а с ним исчезла и ваза.

— Вы уверены, что это именно он? А не могли ее спрятать где-то здесь?

— Полиция уже выясняла. Нет, такого не могло быть. Я все кругом обыскал. Ее наверняка украли.

Владелец магазина в первый раз выказал свое волнение.

— Пожалуйста, разыщите ее. Вы ведь сделаете все, что от вас зависит?

Дан согласно кивнул головой и сделал знак Максусу Ирлмену, чтобы тот отошел с ним в сторону.

— Ну что, он самый?.. Точно?..

— Они опознали его на фотографии. Это, бесспорно, он.

— Мне хотелось убедиться наверняка. А как насчет аварии? Она не была подстроена заранее?

— Ничуть. Кэб сбил пешехода и врезался в грузовик. Пешеход убит, кэбмен лишился ноги, а шофер грузовика доставлен в госпиталь в тяжелом состоянии. Так дела не подстраивают.

— Может, чистое совпадение?.. Слишком ограничено время. Левкин не дурак, а ведь даже самому ловкому жулику нужно время, чтобы решиться воспользоваться подвернувшимся моментом, взвесить все «за» и «против», а потом уж действовать. Левкин не дал бы обыкновенному вору столько времени на обдумывание. Все идет к тому, что ты был прав, Макс.

— Конечно, прав. Это сделал Клигер. Но...— в голосе Ирлмена послышалось недоумение,— ... скажи, Дан, зачем? Зачем ему понадобилось это делать, ты можешь мне ответить?

Грегсон молчал.

— Зачем? — повторил свой вопрос Ирлмен.— Зачем ему потребовалось утащить вещь, которую он ни продать, ни съесть не может? С ней же ничего нельзя сделать, кроме как сидеть и любоваться. Так зачем?

Этот же вопрос задал и генерал Пэнн, но в отличие от Ирлмена он требовал немедленного ответа. Грузно развалившись за огромным столом, он казался еще более постаревшим и взволнованным, и Дан понимал почему: генеральская голова висела буквально на волоске.

— Ну?.. Выяснил, что тебе приказали? Каков ответ?

— Да, мы установили, как все произошло. Какого ответа вы ждали?

— У тебя что, в голове не хватает? — Генерал даже привстал с кресла.— Не понимаешь, что нам нужно в первую очередь? Поймать Клигера!

— Может, вы хотели выяснить только, почему он убежал,— спокойно ответил Дан.

Пэнн смачно выругался.

— Три недели назад,— неторопливо начал Дан,— Альберт Клигер покинул Картрайтхауз, а вы подняли на ноги все введенные вам охранные подразделения, чтобы найти его. Зачем?

— Он представляет для нашей страны самую большую потенциальную опасность, ходившую когда-либо на двух ногах,— Пэнн выплевывал слова словно пули.— Если он разболтает о том, что знает, мы лишимся одного из самых крупных преимуществ в предстоящей войне. Ты понял?

— Я уже слышал об этом,— ответил Грегсон.— А если мы его разыщем и он не захочет вернуться назад, тогда что?

— Об этом подумаем, когда найдем его,— зловеще буркнул генерал.

Дан понимающе закивал головой.

— Так вот почему с нами постоянно ходит этот Бронзон?! Вот почему такие же, как он, субъекты прикреплены к другим поисковым отрядам? А вас, генерал, никогда не интересовало, почему англичане отказались от практики насильственной вербовки в армию? Ведь они всегда понимали, что такая система не гуманна. До определенного момента она срабатывала, но только до определенного момента. Может, и нам стоит извлечь из этого урок?

— Ты рассуждаешь, как последний идиот! — Пэнн плюхнулся в кресло. — Клигера никто не вербовал насильно. Я столкнулся с ним в одном из дешевых балаганов и предоставил ему возможность стать полезным родине. Он с радостью ухватился за это предложение. Справедливости ради следует сказать, что мы дали ему значительно больше, чем он нам. В конце концов Клигер не единственный.

— В этом-то все и дело, — заметил Дан и внимательно посмотрел на генерала.

— Сколько может пройти времени, прежде чем другие в этом проекте... простите, Картрайтхаузе, решат, что с них хватит?

— Ну, нет! Больше оттуда никто не сбежит, — категорично заявил Пэнн. — Я утроил охрану и установил такие хитроумные запоры, что побег будет невозможен.

«Это все равно, что повесить замок на конюшню, когда лошадь уже увела. Таков неизбежный результат военной машины, которая в своих действиях руководствуется больше политическими соображениями, нежели интересами дела», — подумал с горечью Грегсон.

Относительно себя Дан не питал особых иллюзий. Он полезен, но его в любую минуту могут оклеветать, сделав козлом отпущения, и вышибить с позором, если генералу Пэнну понадобится на закланье жертва. А время уходит...

— Нам нужно найти его во что бы то ни стало. — Генерал забарабанил рукой по столу. — Грегсон, почему ты его до сих пор не смог найти?

— Я десятки раз выслеживал его и находил, но всегда слишком поздно. Чтобы поймать его, мне нужно быть там, где он находится, или там, куда он собирается пойти, и опередить его. А этого как раз сделать невозможно.

— Эта кража... — мысли Пэнна вернулись к последнему событию. — Украсть деньги — я понимаю, а китайскую вазу, зачем? Парень, должно быть, малость свихнулся...

— Он, конечно, ненормальный, но не сумасшедший. — Дан раздавил сигарету. — Я думаю, у него была основательная причина для этого.

— Но зачем?..

— Во-первых, она красива. Для тех, кто понимает в искусстве, такие предметы бесценны. Видимо, у Клигера развита художественная жилка и стремление обладать подобными вещами, что меня сильно настораживает.

Пэнн хмыкнул.

— Так вот, мне нужно больше сведений о нем,— решительно заявил Дан.— Без этого я сражаюсь с тенью, призраком. Я должен пойти туда, где подобные сведения можно добыть.

— Но...

— Другого выхода нет. Никакого.

Тюрьмой его никто не называл. Даже «проектом», потому что каждый знал, что под словом «проект» всегда скрываются такие понятия, как «военный» и «строго секретный». Его назвали Картрайтхаузом, и пройти туда было посложней, чем в Форт Нокс, а выйти потрудней, чем из каторжной тюрьмы Алкатрац.

Дан терпеливо стоял и ждал, пока проверяли и перепроверяли его документы, наводя справки на более высоком уровне, а затем перепроверяя повторно. Прошло много времени, прежде чем он наконец встретился с Леоном Малчиным, высоким худым человеком, отмеченным печатью усталости, который вел себя с вежливостью полковника.

— Генерал Пэнн сообщил мне, что я обязан оказать вам всяческое содействие,— сказал он и уставился на Дана сквозь старомодные очки.— Чем могу служить?

— Я хочу спросить, как обычные люди могут поймать ясновидца?

— Вы имеете в виду Клигера?

— Разумеется...

— Никак... Никак не могут.— Малчин удивленно посмотрел на Дана.— Какие еще будут вопросы?

— Никаких... Пока... Я охотник. Я охочусь за людьми. И довольно успешно, потому что у меня есть талант, сноровка, умение — назовите это, как хотите,— предугадать последующие шаги жертвы. Я твердо знаю, что жертва будет делать, куда пойдет и когда. И не было случая, чтобы я не поймал намеченного мной человека.

— Только не Клигера...— Малчин покачал головой.— Хотите знать почему?

— Я знаю. Потому что он ясновидец. И меня интересует, как он это делает и насколько эффективно.

— Чрезвычайно эффективно.— Малчин вытащил трубку изо рта и стал пальцами уминать табак.— Он мог «видеть» дальше любого из тех, с кем мне приходилось работать, а я занимаюсь изучением пси-эффекта всю свою сознательную жизнь.

— Так, продолжайте...

— Видимо, вы понимаете, что против Клигера вы нуль. Он, конечно, не сверхчеловек, но у него есть дар «видения». Вы, по сути, слепой, старающийся поймать зрячего. Я думаю, что у вас нет даже тени шанса на успех.

— Но как этот дар действует, каким образом? — упорствовал Дан.

— Не знаю. Это невозможно объяснить. Как рассказать о зрении человеку, слепому от природы, или о слухе — глухому?..

Слушая объяснения Малчина, Дан закурил еще одну сигарету. В голове его мелькали различные картины и образы. Вот кусок грубой ткани, каждая нить которой представляет, ска-

жем, жизнь отдельного индивидуума, протянувшуюся в будущее. Одна из них короче, другая подлиннее, но все они переплелись между собой в такой сложный узор, что почти невозможно отделить одну нить от другой, проследить, куда они ведут. Однако при соответствующей подготовке это можно сделать. Тогда будущие события становятся ясными, и появляется возможность строить какие-то прогнозы и планы на будущее.

Банк, где кассира схватил острый приступ аппендицита как раз в тот момент, когда он подсчитывал деньги,— и человек спокойно забирает их...

Магазин, где на какие-то доли минут оставили без присмотра выручку...

Фешенебельная квартира на крыше многоэтажного дома и швейцар, чихнувший в тот момент, когда человек проскальзывает мимо него незамеченным...

Антикварный магазин и автомобильная катастрофа, чтобы отвлечь внимание...

Все слишком просто, когда вы наверняка знаете, что случится, и понимаете, как этим следует воспользоваться.

Как же поймать Клигера?

Догорающая сигарета обожгла пальцы Дана, и он поймал на себе удивленный взгляд Малчина.

— Я задумался над вашей аналогией,— сказал Дан.— Знаете, как слепой может поймать зрячего? Я понял, как это можно сделать.

— Да?!

— Слепому надо занять глаза.

В Картрайтхаузе жили с комфортом. Мягкая мебель, превосходное питание, приятная музыка, телевизоры, большая, если не сказать огромная, библиотека, собственная фильмотека. Не были забыты различные игры и развлечения, спортзал, плавательный бассейн и даже кегельбан. Но живущие здесь были людьми умными и понимали, что тюрьма — это место, откуда нельзя уйти, когда хочется, так что, можно сказать, все они находились в тюрьме. Ради их собственной безопасности, разумеется. Часовые, пропускная система, хитроумные приспособления и разного рода ограничения — все это было введено единственно для того, чтобы закрыть сюда доступ всяким нежелательным элементам. Строгая секретность родилась из боязни шпионов, так что истинные патриоты легко извинят ее. Все было придумано так, чтобы одних удержать за воротами, а других — внутри.

— Приятно видеть в наших палестинах нового человека.

Сэн Эдвардс, пятидесяти лет, хрупкий, как подросток, и с лицом боксера, усмехаясь, пожал руку Дана.

— Вступили в наш клуб?

— Нет, он просто гость.— Сморщенный старичок втянул воздух сквозь зубы и взглянул на Дана из глубины мягкого кресла.— Грегсон, если вы любитель играть по маленькой в покер, мы могли бы вам предоставить здесь жилье...— Он хрипло рассмеялся, затем посуровел и хлопнул тонкой рукой по коле-

ну.— А, черт, чуть было не пропустил свой ход.

— Телепаты,— прошептал Малчин.— Представьте, большинство из них постоянно общаются друг с другом таким вот образом. Ну, не буду вас знакомить со всеми.

Дан кивнул, спокойно оглядывая собравшихся. Среди них были и очень старые, и очень молодые, однако большая часть — среднего возраста. Они с тайным удивлением наблюдали за гостем.

— Как это ни странно, но большинство группируется согласно своим талантам,— продолжал тихо объяснять Малчин.— Вы видели телепатов, в этом зале собрались те, у кого наблюдается способность к телекинезу. Правда, пока ничего особенного не достигнуто, но, во всяком случае, они стараются. А вот здесь ясновидцы.

Ясновидцев было пятнадцать человек. Вначале Дана удивило такое большое количество, но потом он решил, что среди огромной массы населения, проживающего в Соединенных Штатах, любое отклонение от нормы неизбежно должно повторяться множество раз. Он тут же смекнул, что видит только часть таких людей, что Картрайтхауз, видимо, неоднократно дублирован в стране под другими названиями.

— Мы установили,— тихо проговорил Малчин,— что объединение сильно способствует развитию их способности. Клигер тоже был лишь чуть немногим больше балаганного гадалщика. Но за десять лет стал выдающимся специалистом.

— Десять лет?!

— Тютелька в тютельку. Многие сидят здесь значительно дольше.— Если в словах гида и была ирония, Дан ее не уловил. Один из присутствующих в зале услышал последнее замечание Малчина и, вытянув руку, выступил вперед. По его лицу блуждала кривая усмешка.

— Тэб Уилкер,— представился он.— Быть может, вам удастся разрешить наш спор. Прошу вас. Говорят, в Англии человека, приговоренного к пожизненному заключению, обычно выпускают из тюрьмы после девятилетней отсидки. Это правда?

— Многое зависит от его поведения.— Дан понял, куда клонит его собеседник, и почувствовал, как на лице стянуло кожу.— В Англии пожизненное заключение равно примерно пятнадцати годам. Сокращение срока наказания на треть даст как раз тот срок, о котором вы говорите.

Тэб вскинул голову.

— Понимаете, я здесь нахожусь уже восемь лет. Пройдет еще год и... пожалуйста, на свободу.

— Вы не в заключении,— возразил Дан.

— Ради бога,— горько усмехнулся Тэб, поднимая руку,— не будем спорить, не тратьте слов попусту,— и улыбка медленно сползла с его лица.

Дан зашагал по залу, на минуту приостановился возле маленького столика с инкрустированной шахматной доской и деревянными фигурками, вырезанными с любовью из дерева. Он взял коня, осматрел его и столкнулся с жестким, изучающим взглядом Уилкера.

— Клигера?..

— Да. Как вы догадались? — Глаза Тэба потеплели. — Альберт любил красивые вещи. Попав сюда, он потерял возможность посещать музеи. Он всегда говорил, что подлинные достижения человека нужно искать в тех вещах, которые он создает для украшения собственной жизни.

— В вещах, подобных китайской вазе?..

— Картины, вазы, статуэтки, камней — Клигер все это очень любил.

— Человек с художественной натурой, — понимающе кивнул Дан. — Ясно! И когда же вы решили помочь ему бежать?

— Я.. А-а, что вы сказали?

Взгляд Дана перекрестился со взглядом ясновидца, затем Уилкер нехоти улыбнулся.

— А вы неглупы, — заметил он.

Дан рассмеялся в ответ.

— У меня к вам еще один вопрос. Чего Клигер хотел этим добиться?..

— Нет! — генерал Пэнн хлопнул ладонью по ручке сиденья. — Ни за что!..

Дан вздохнул, уставившись сквозь окна на дождь. Крупные капли сыпали с дерева, стуча по крыше автомашины и сбегая по стеклу блестящими прозрачными жемчужинами. Далеко впереди виднелась вторая машина, а за ними стояла третья. Их собственный шофер ушел пешком вперед, проклиная нелепые крайности секретной службы.

114 — Слушай, — сказал генерал. — Мы получили сведения, что они уже знают о Клигере. Не спрашивай, как они догадались, что он для нас очень важен, но они догадались. Теперь между нами началось соревнование. Проиграть его мы не имеем права.

— Так мы и не проиграем, — ответил Дан. — Но нужно сделать так, как я предлагаю. Это единственная возможность.

— Нет!

— Генерал... — Дан дал волю долго сдерживаемому раздражению. — Другого выхода нет!..

— Я не могу рисковать, — огрызнулся Пэнн. — С одним Клигером мы еще справимся, а как быть, если их станет слишком много. Предлагать такое — да это же форменная государственная измена.

Дан глубоко вздохнул.

— Измена это или нет — вам решать. Только знайте: побег был организован. Свет потух, потому что телепатически управляемая крыса перегрызла кабель питания. Часовой без всякой видимой причины почувствовал себя плохо, и таким образом в охранной сети появилась дыра. Были еще и другие моменты, на взгляд незначительные, но не случайные. Да они всем гуртом могли уйти...

— Однако же не ушли. Ушел только Клигер. Это кое о чем говорит.

— Что он хотел бежать к русским? — Дан пожал плечами. —

Тогда почему он все еще здесь? Ведь он тысячи раз мог перейти к ним, если бы захотел.

— Ну хорошо, каково тогда твое мнение? — вспыхнул Пэнн. — Неужели ты стараешься внушить мне мысль, что эти... уродики приставили пистолет к моему затылку? Ты говоришь, что они помогут на их условиях. Условиях?! — Руки генерала яростно сжались в кулак. — Они не понимают, что наша страна находится в опасности?

— Они хотят свободы. Неужели это такое страшное требование?

Дан откинулся назад, закрыл глаза, и перед ним вновь встали лица людей, томившихся в Картрайтхаузе. Часть из них, по словам Малчина, находилась там уже двенадцать лет. Срок немалый, даже слишком, чтобы оставаться добровольным подопытным кроликом, тренировать и развивать свои способности для их дальнейшей эксплуатации. Но для генерала они не были людьми, просто «уродиками», всего лишь другой вид оружия, которое надо использовать, охранять, держать в секрете и в случае опасности уничтожить.

— Что? — Дан открыл глаза.

Пэнн сердито смотрел на него.

— Я спрашиваю, ты можешь его поймать, если они не согласятся помочь?

— Не знаю. Я чувствую, что мы пошли по неправильному пути. Мы все относились к этому делу, как к розыску обыкновенного человека, и потерпели фиаско. За поступком Клигера должна крыться какая-то цель. Надо установить, почему он убежал из Картрайтхауза, и тогда нам станет понятна его цель.

— Разве не это ты ходил выяснять?

— Да, это, но мне не удалось.

— Тогда какого...

— Он украл редчайшую вазу времен династии Минов, — продолжал Дан. — Надо выяснить, зачем он это сделал, и мы получим готовый ответ.

Макс Ирлмен лежал, раскинувшись, на кровати и глядел в потолок. В маленьком номере гостиницы было тепло. На стене висела большая карта города, утыканная цветными булавками. Наступающие за окном сумерки смягчили резкие очертания бетонных джунглей, превратив даже кричащие световые рекламы в мерцающие красотой предметы.

Бронзон возился за столом, раздражая Ирлмена неприятным запахом оружейного масла. Чтобы отделаться от этого запаха, Макс закурил сигарету и с омерзением посмотрел на Бронзона.

— Зачем тебе нужна эта штука?

Макс показал рукой на пистолет, но Бронзон продолжал заниматься своим делом, не удосужив Ирлмена ответом.

— Бронзон, ты чего молчишь?

Ирлмен вскочил на ноги, нервы его были напряжены до предела.

— Ты ходишь, ешь, спишь, значит, можешь и разговаривать, как любой человек. А впрочем, ты не человек.

В комнату ввалился Дан, он казался сильно утомленным.

— Ну как, ничего не добился? — спросил его Ирлмен, зная ответ заранее.

Дан отрицательно мотнул головой.

— Будем действовать, как сумеем.

Он пересек комнату и остановился перед висящей на стене картой, внимательно рассматривая рой цветных булавок.

— Все отыскал?

— Все до одной. — Макс выпустил в сторону карты струйку дыма. — Если мне когда-нибудь кто-нибудь скажет, что в этом городе мало культуры, я разорву его на части. Чего тут только нет! Прямо какое-то скопище картинных галерей, музеев, выставок, антикварных магазинов, вернисажей, художественных салонов. Я все тут отметил. — Он взглянул на вытянувшееся лицо Грегсона. — Их много, Дан. Чересчур много.

— Придется слегка сократить их.

Дан вздохнул, чувствуя, как внутри него растет напряжение последних нескольких недель, заставил себя расслабиться и сделал несколько глубоких вдохов.

— Так, выбрось иностранные фирмы, выставки современного искусства, всякие модернистские вернисажи, выставки абстрактной живописи. Потом исключим филателистические коллекции и различные технические выставки. Сосредоточь внимание на старом, редком, красивом.

— На чем я должен остановиться?

— Возьми необычные, краткосрочные выставки, в которых экспонаты позаимствованы из частных коллекций.

Ирлмен кивнул головой. Забрав каталоги и булавки, он углубился в работу. Дан отвернулся от него и уставился в окно.

Внизу раскинулся город; улицы, словно скалистые ущелья, прорубленные между вздымающимися муравьиными кучами из бетона, стекла и железа, были залиты светом. Где-то там другой человек, возможно, так же стоял у окна и глядел на город — кроткий, тихий человек, любящий и ценящий искусство. Человек, который еще недавно вел послушное законам существование, но неожиданно порвал со всей своей размеренной жизнью и ударился в бега, начал грабить и воровать.

«Ради чего?» — Эта мысль не оставляла Дана в покое. Он вздохнул, желая в тысячный раз понять, что значит быть ясновидцем. Может он воочию видеть будущее или нет?

Оставшиеся в Картрайтхаузе ясновидцы могли бы Дану помочь, но Пэнн этому воспрепятствовал. С помощью десятка других ясновидцев он мог бы оцепить весь район и поймать Клингера в ловушку. Никто не может устоять перед таким численным превосходством.

Но Дан должен рассчитывать только на собственные силы. Взгляд его стал рассеянным, мысли блуждали по неизведанным тропам.

Как он узнавал, когда и где нужно схватить намеченного человека? Что это была за штука, которая сделала его несколько отличающимся от других людей? Было ли это догадкой, предположением, или же он просто *знал*? Благодаря этому дару ему

удалось закрепить в службе безопасности. Репутация постоянного удачника проложила ему дорогу в спецотдел. Он был ловцом, который всегда хватал намеченную жертву. Но как это у него получается, он не знал...

Даже сильно урезанный список продолжал оставаться длинным. Ирлмен выпустил струю дыма со свисающей на губе сигареты.

— Больше ничего сократить нельзя. Это уже не связанная система, а сплошные предположения.

Дан пробежал глазами список.

— Будучи в Картрайтхаузе, я кое-что узнал о Клигере и предполагаю, что он все время ходит по музеям, картинным галереям и выставкам.

— Вот где мы его и поймем. Нам нужно оцепить эти места, и он сам попадет к нам в руки.

Дан насмешливо поднял брови, и Макс сразу протрезвел.

— Хотя навряд ли. Каждый полицейский в городе имеет его фотографию с описанием примет. Все дороги из столицы перекрыты. Полевые части брошены на его поимку. Если бы это было легко, мы его давно бы поймали...

Дан уселся на край кровати.

— Полицейские не смогут его опознать, пока не увидят, а он делает все, чтобы они его не увидели. Не забывай, Макс, этот человек может «видеть» наши засады и ловушки и избегать их.

— Тогда все бесполезно. — Ирлмен свирепо раздавил сигарету в пепельнице. — И не имеет значения, куда мы пойдем и что мы будем делать, он все равно туда не придет...

Дан принялся рассматривать список, который держал в руках.

— Ну хорошо. Теперь оба выматывайтесь отсюда. Я хочу остаться один.

Бронзон не двинулся с места.

— Ты что, не слышал?

Ирлмен рывком распахнул дверь.

— Давай выматывайся.

Бронзон медленно поднялся. Его глаза сверкнули, когда он посмотрел на Дана.

— Я никуда не уйду, — устало сказал Дан. — Можете подождать меня в коридоре, если хотите.

Оставшись один, он расшнуровал ботинки, снял жакет и растянулся на кровати. Усилием воли заставил себя расслабиться.

Войдя в первую фазу самогипноза, он задышал ровно и глубоко. Теперь ничто не могло отвлечь его внимания, и он полностью сосредоточился на задаче, которую предстояло ему разрешить.

Найти Клигера.

Найти, как находил он тысячи других людей путем твердого убеждения, что в точно установленном месте, в точно определенное время он найдет свою жертву.

Забывать о том, что он вступил в борьбу с необыкновенным человеком. Забыть обо всем, кроме этого человека и места и времени, где он может появиться.

— Луструмская галерея,— бросил Ирлмен и тут же смачно выругался, когда кэбмен резко тормознул, объезжая зазевавшегося прохожего.— Сегодня вечером там будет показ для избранных. Выставка открывается завтра. А ты уверен, что он придет?

— Да.

— Но откуда...

Ирлмен пожал плечами и замолк, так и не задав само собой напрашивающегося вопроса.

— Выставка китайского искусства,— прочел он в смятом каталоге.— Фарфор времен династий Минов, Хэнов и Маньчжуров, Понятненко. Китайская ваза?

Дан кивнул, закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья. Он чувствовал себя уставшим до предела, но душа его наполнилась восторгом. Он знал! Как и почему, определить не мог, но знал! Клинггер придет на эту выставку, ради нее он готов рискнуть своей жизнью.

...Они вошли в длинный зал, сверкающий застекленными ящиками, на которых в благоговейном порядке стояли экспонаты.

— Завтра их поместят под стеклянные колпаки,— пояснил смотритель,— но сегодня мы решили показать их открытыми, ведь будет только избранная публика.

— Почему? — тупо спросил Ирлмен.

— Э-э, вы не ценитель искусства,— заметил смотритель.— Если бы вы были ценителем, то знали, что керамику надо не только смотреть. Ее надо потрогать и пощупать...

Вдруг он забеспокоился:

— Вы не сказали, какое дело вас сюда привело? Я уверен, что ничего у нас не будет...

— Да нет, никаких неприятностей не предвидится, ваша выставка вне опасности.

Успокоенный смотритель удалился. Дан осмотрелся и повел своих людей в дальний конец зала.

— Будем ждать здесь. Стелянные витрины скроют нас, а мы сможем следить за всем залом. Когда Клинггер придет, ты, Макс, займешь лестницу и отрежешь ему пути отступления.

Ирлмен недовольно пробурчал:

— Как придет?! Как же он придет, Дан? Он ведь не собирается попасть в ловушку, ему наверняка известно, что ждет его здесь.

— Но ему страстно хочется увидеть эту выставку. Сегодня единственная возможность потрогать и пощупать эти вещи. Не спрашивай, почему, но для него это очень важно.— В голосе Дана послышались резкие нотки.— Он придет, я знаю.

Стоя в ожидании между застекленными витринами и не спуская глаз с длинного выставочного коридора, Дан пытался разрешить вопрос, мучивший его все время. Когда публика стала прибывать и воздух задрожал от восторженных замечаний, вопрос все еще продолжал сверлить его мозг.

Клинггер знал, что идет прямо в ловушку. И тем не менее он придет.

Если Дан не ошибся, Клигер считает, что посещение вполне стоит свободы. Свободы или даже...

Ирлмен схватил Дана за плечо.

— Смотри,— выдохнул он.— Возле витрины. Видишь? Клигер!!!

Постоянно думая о Клигере, Дан наделил свою жертву сверхъестественными качествами, даром, который делал его самым опасным человеком для страны.

— Ну, накрыли пташку! — Шепот Ирлмена был ликующим.— Дан, ты молодец! Пришел, куда надо.

— Займи свое место!

Грегсон не сводил глаз с тщедушной фигуры человека, за которым охотился столько времени.

— Встань вон там, на случай, если он захочет сбежать. Ты же знаешь, что надо делать.

— Знаю,— ответил нерешительно Ирлмен.— А Бронзон?

— Я позабочусь о нем.

Дан ждал, пока Ирлмен дойдет до лестницы и небрежно встанет возле перил. Ему была понятна радость Ирлмена, ведь они работали вместе лет восемь.

Дан двинулся вперед, за ним неотступно следовал Бронзон.

Клигер не оглядывался. Он стоял, держа в руках невысокий сосуд с широким горлом, и нежно поглаживал его.

— Клигер!..

Тот осторожно поставил сосуд на место.

— Не пытайтесь бежать или сопротивляться,— звучал неутомимый шепот Дана.— Вам не уйти!

— Знаю.

— Я из контрразведки — служба безопасности.

— Знаю.

Спокойный, бесстрастный тон возмутил Грегсона. Клигер должен был спорить, протестовать, умолять, только не повторять безнадежно одно и то же. Дан схватил его за плечо и резко повернул лицом к себе.

— Так, значит, вы все знаете?

Клигер не отвечал. Дан вспомнил, как отозвался Левкин о его глазах. «Удивительные» — назвал их владелец антикварного магазина, но это было не совсем правильно. Глаза были какими-то отрешенными.

Вот оно, точное слово — «отрешенные».

— Что вы собираетесь сделать со мной?

Дан пожал плечами.

— Зачем спрашиваете? Вы же человек, который должен все знать.

— Я ясновидец,— заметил спокойно Клигер.— Я могу заглянуть в будущее, но вы тоже делаете это.

— Я...— Дан судорожно глотнул слюну.— Что вы сказали?

— Как вы могли знать, что я сюда приду? Не предполагать, не догадываться, а именно знать. Вы были твердо уверены, что застанете меня здесь. У вас есть дар. Вы можете «заглянуть» в будущее. Какие еще вам нужны доказательства?

— Просто я был убежден, что... Значит, вот как ясновидцы видят!

— Вы — так, другие — иначе. Но если вы твердо убеждены, что в данное время в данном месте произойдет конкретное событие, значит, вы обладаете даром, столь высоко ценимым генералом Пэнном.— Клигер горько усмехнулся.— О, вам этот дар принесет счастье и колоссальный успех.

Дан помотал головой, а Бронзон чуть передвинулся и встал, покачиваясь на цыпочках. Вокруг них образовалось пустое пространство, и казалось, они стоят на островке, изолированном от внешнего мира.

— Назад я с вами не пойду,— объявил Клигер.— С меня хватит Картрайтхауза.

— У вас нет другого выбора.

Клигер усмехнулся.

— Вы забываете, здесь вопрос не выбора, а знания. Я никогда больше не увижу генерала Пэнна.

Из горла Бронзона вырвался бессвязный звук.

Он действовал молниеносно, однако Дан, предупрежденный каким-то шестым чувством, обернулся назад и увидел в ярком свете ламп пистолет, сверкнувший в руке Бронзона. Он схватил его за кисть, скрутил руку и отвел вороненый ствол от намеченной цели. Бронзон беззвучно раскрыл рот от боли, и пистолет выпал из разжавшейся руки. Сыщик ударил его по шее твердым ребром ладони, и немой рухнул на пол.

Дан поднял пистолет, поставил Бронзона на ноги, едва удерживая бесчувственное тело и борясь с охватившим его приступом ненависти. Ненависти к Бронзону, который жил на свете только ради того, чтобы мстить миру за свое уродство, к генералу Пэнну, нашедшему применение этому немому психопату, и другим, подобным ему лицам, выдав им лицензию на убийство во имя священной практической целесообразности. Верных, надежных убийц, потому что они никогда никому ничего не расскажут.

— Убери отсюда этот мешок с дерьмом! Живо!

— Значит, он все-таки пытался его убить!..

Ирлмен перехватил отяжелевшее тело Бронзона.

— Ну, Дан, ох и задаст тебе перцу генерал!..

Грегсон судорожно хватал ртом воздух, стараясь унять ярость.

— Насчет Пэнна подумаем, когда придет время, а пока отведи этого назад в гостиницу.

— И Клигера?

— Я сам им займусь.

Из-за яростной потасовки Дан чуть не забыл о своем подопечном. Он нашел Клигера возле одной из витрин рассматривающим какую-то редкостную вещь прошлых веков, словно Клигер старался навсегда запечатлеть ее образ в своей голове. То был человек, захваченный, очарованный безупречной работой античных мастеров, и Дан, глядя на него, вдруг почувствовал, как в животе его что-то сжалось от внезапного острого болезненного понимания.

Генерал Пэнн не доверял женщинам-секретаршам, поэтому в приемной его сидел мужчина. Он бросил беглый взгляд на Дана и стал торопливо нажимать кнопку звонка.

— Не беспокойтесь,— сказал Дан, направляясь мимо него к двери кабинета.— Скажите только генералу, что я иду...

— Но...

Пэнн был в кабинете не один. Ирлмен, осунувшийся еще больше, курил в кресле, и Дан сразу же догадался, что всю тяжесть генеральского гнева ему пришлось принять на себя. Грегсон усмехнулся, когда дверь защелкнулась за ним.

— Эге, Макс, да ты выглядишь прямо как выходец с того света.

— Дан!!!

Ирлмен вскочил на ноги.

— Где ты пропадал? Неделю целую тебя не видно. Где Клигер?

— Клигер???

Дан улыбнулся.

— Клигер тю-тю. Он далеко, наверное, допрашивается сейчас с помощью всех известных детекторов лжи.

На какое-то мгновение наступило гнетущее молчание, затем Пэнн подался вперед.

— Ладно, Грегсон, брось свои шутки. Давай сюда Клигера, а не то наживешь неприятностей.

— Я не шучу.— Дан твердо взглянул на генерала.— Именно этим я занимался всю прошедшую неделю. Говорил с Клигером, организовал ему переход через границу, обманул ваших ищеек.

— Предатель!!! Грязный, вонючий изменник!..

Вдруг Пэнн замолчал, его охватило ледяное спокойствие, и это спокойствие было страшнее его гнева.

— У нас свобода и демократия, Грегсон. Однако мы знаем, как защитить себя. И тебе лучше было бы остаться вместе с Клигером под крылышком своих друзей...

— Друзей?.. Вы считаете, что я это сделал ради них?— задохнулся в гнев. Дан и посмотрел на свои руки. Их била нервная дрожь. Он медленно сел и закурил сигарету, чтобы успокоиться.

— Вы требуете от всех верности, слепой, непоколебимой, безрассудной верности. Вы считаете — кто не с вами, тот против вас. Но вы ошибаетесь. Есть более великая верность, чем верность отдельной личности, нации или группе наций. Есть верность человечеству. Бог даст, когда-нибудь обе стороны поймут это...

— Дан?!

Ирлмен подался вперед. Грегсон жестом осадил его.

— Подожди, Макс. Сиди и слушай, а вы, генерал, постарайтесь понять...

Он немного помолчал и затянулся сигаретой. На его скуластом лице виднелись следы усталости.

— Разгадка всему находилась в китайской вазе времен династии Минов.

— Которую украл Клигер в антикварном магазине?

Ирлмен понимающе кивнул головой.

— Так в чем там было дело, Дан?.. Почему она имеет такое значение?

— ...Клигер мог заглянуть в будущее. Не забывайте об этом. Он был звездой среди жильцов Картрайтхауза и пробыл там десять лет. Затем безо всякой видимой причины он решил бежать. И бежал. Украл деньги... потом украл вазу — произведения искусства необыкновенной красоты. Почему он это сделал — в этом как раз и разгадка всему.

— Он обыкновенный вор. Вот и весь сказ,— хрюкнул Пэнн.

— Э, нет,— мягко возразил Дан.— Все дело в том, что время на исходе... и Клигер знал!..

Генерал и Ирлмен уставились на него в недоумении.

— ...То, что человек делает, предопределено его характером,— продолжал Дан.— Дайте ему определенный раздражитель, и онотреагирует на него строго определенным образом, который можно предсказать заранее. Вспомните Клигера, кем он был. Мягкий и кроткий, безобидный малый, готовый выполнить безоговорочно любой приказ. И он это делал на протяжении десяти лет, пока его дар ясновидца развивался все сильнее и сильнее. Он научился «видеть» будущее и однажды «увидел» нечто, приведшее его в отчаяние.

Отчаяние, которого оказалось достаточно, чтобы порвать с привычным укладом жизни. Клигер бежал.

Он вышел на свободу. Воровал. Старался заполнить каждую минуту тем, что, по его мнению, являлось пределом красоты. Затем унес старинную китайскую вазу...

— Зачем? — Пэнна заинтересовали слова Дана.

— А затем, что он увидел впереди войну... последнюю и окончательную. Он увидел впереди гибель...

Дан весь подался вперед; сигарета забыта, в глазах — желание объяснить людям, что это не пустые слова, а достоверная правда.

— ...Он видел конец всему. Он видел собственную смерть, и ему, бедняжке, захотелось хоть напоследок немного пожить по-настоящему.

В сказанном был некий смысл. Даже для Пэнна, читавшего секретные донесения и знавшего о распаде человеческой личности, о психологическом разложении и экстраполяциях.

— Я... — Пэнн проглотил слюну.— Я не верю этому.

— Но это правда.

Дан вспомнил о сигарете.

— Мы с ним подолгу говорили, и он рассказал мне много интересного. Он мог бы, если бы захотел, навсегда остаться на свободе. Но он устал, измучился, был подавлен и напуган. Ему очень хотелось побывать на выставке... и он ждал смерти от пули Бронзона.

— Постой, постой!

Ирлмен задумался, морщины изрезали его нахмуренный лоб.

— Ни один человек в здравом уме не пойдет добровольно на смерть. В твоём рассказе отсутствует логика.

— Отсутствует, говоришь? А ты подумай как следует!

— С пулей дело понятное.— пробормотал Ирлмен.— Но ведь Клигер не умер! Бронзону помешали!

— Вот потому-то я и стал «предателем».— Дан сломал сигарету.— Помешав Бронзону, я доказал, что будущее можно изменить, что даже такой ясновидец, как Клигер, и тот может увидеть *вероятное* будущее, а не *неизбежное*. Это дало нам надежду. Нам обоим.

Дан поднялся, посмотрел на тяжело склонившегося над столом генерала Пэнна, стараясь не вскипеть при виде ненависти, которую он прочел в генеральских глазах.

— Так нужно было. Надо поломать привычный образ действий, если мы хотим избежать того будущего, которое увидел Клигер. Я открыл окно своему будущему. Отныне войны не будет, ни последней, ни окончательной.

— Ловко! — Пэнн даже не пытался скрыть свой сарказм.— Уж очень ты ловок, как я погляжу. Ты взял на себя миссию, ни у кого не испросивши согласия. Я еще увижу, как тебя расстреляют за это.

— Нет, генерал.— Дан покачал головой.— Нет, вам этого не придется увидеть.

— Ты так думаешь? Да я сам, собственными руками это сделаю.

Дан улыбнулся, воодушевленный своим собственным знанием будущего.

— Нет,— сказал он.— Ничего подобного не произойдет...

**Перевод с английского
НИКОЛАЯ КОЛПАКОВА.**

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

┌ Хочешь жить — умей работать?

┌ «Комсомол — не просто возраст...»

┌ Хочу поделиться своими соображениями насчет категории людей, «умеющих жить», часто неправедными путями занимающих «достойное» место под солнцем.

Да, эти люди нечестными путями наживают состояние. Но вот вопрос: а можно ли честным трудом добиться жизненных благ? Ведь это естественно, что люди стремятся хорошо жить, как живут в цивилизованном мире, стремятся иметь квартиру с хорошей мебелью, хорошую одежду, хорошо питаться, иметь машину не как предмет роскоши, как почему-то считается у нас, а как обычное средство передвижения. А ведь на те гроши, которые получают наши рабочие и служащие, это все несбыточная мечта. Неправда, что хороший специалист может иметь все в достатке. В лучшем случае он может чуть лучше питаться и «наскрести» на первый взнос в кооператив. Потом — длительная выплата долга за жилье, экономия на всех членах семьи, на желудке, а значит, и на здоровье. А если говорить о простых рабочих, то их и вовсе загнали в такие жесткие рамки, что они не знают других радостей, кроме как распить с такими же бедолага-

ми бутылку бурды, изящно именуемой «вином», похоронив даже желание жить хорошо, влача жалкое существование. Увы, многие не понимают, что стыдно жить на таком уровне, противно человеческому достоинству и порой даже кичатся своим образом жизни: а что, мол, нам, простым людям, надо, брюхо набить чем-нибудь подешевле, вина тяпнуть да и ладно, да и хорошо. А рядом женщины, отупевшие от непосильного труда, увядшие, изможденные, неразвитые дети, даже без зачатков общей культуры. Кто довел нас до такой скотской жизни? Что же нас ждет в будущем?

И как-то язык не поворачивается клеймить тех, кто правдами и неправдами желает жить иначе — нормальной жизнью нормальных людей. Мой муж — рабочий, неплохой специалист, заработок у него 300—340 рублей (без вычетов). Моя зарплата — 170 рублей. У нас трое детей. Хватает только, чтобы кое-как свести концы с концами. Героическими усилиями накопили на стенку, мягкую тройку, на холодильник и цветной телевизор. И что, это должно быть пределом наших мечтаний?

Как жили мы поженившись,

можно себе представить. Так живут многие молодые семьи. Заложили обручальные кольца в ломбард, три года вечерами мыли туалет в кинотеатре, так как за туалеты платят на пятнадцать рублей больше, чем остальным уборщикам, то есть за 85 рублей в месяц. Вылезли из нищеты, попали в полунциценскую прослойку. Муж не брал бюллетень, даже если болел, я пошла работать, когда младшей дочери исполнился год. Не пьем. Но в будущем никакого просвета, а в связи с грядущим повышением цен испытываем буквально животный страх: чем будем кормить детей? Неужели иметь троих — непозволительная роскошь в нашем обществе?

У нас есть друзья, которым повезло: попали в кооператив, а потом нашли силы открыть свой. Темы их работы в разговорах не касаемся, они дали понять, что некрасиво интересоваться их работой и их доходами. Мы видим, что мгновенно изменилась обстановка в квартире, родительскую старую машину поменяли на новую, на столе часто бывают деликатесы, которые мы никогда не сможем купить. И мне, ближайшей подруге, стыдно есть все это, ведь я не могу их угостить тем же, не могу даже на праздник купить коньяк, который у них льется рекой, не могу снять дачу на лето для детей.

Раньше мы делились с ними последним, они с нами. Теперь же стыдно принимать их радушие, оказавшись в положении «бедных родственников». И главное — унижительно. А ведь они всего-навсего стали жить, как должны, как обязаны жить все труженики, ведь у них жизнь не роскошная, а нормаль-

ная. И не зависть меня гложет, а чувство оскорбленного достоинства за всех тех, кто не знает и не узнает лучшей жизни, горбятся на госпредприятиях. Часто пишут, что лучшие кадры уходят в кооперативы. Правильно, но это кадры, которым повезло, у которых есть кому слово за них замолвить. А сейчас в кооператив без блата не попадешь, эти кадры — капля в море. Не могу предложить пути преодоления нашей нищеты, но как хочется быть людьми!

Н. ВАЙТЕЦКАЯ,
Ленинград

В № 3 за 1990 год прочитала два письма, взволновавших меня. Эти письма о комсомоле.

Письмо Ирины И. из Ленинграда меня возмутило. Она презрительно пишет о ВЛКСМ и задает вопрос: «...как мы дошли до такой жизни?» Я много думала об этом и поняла, что дошли мы до этого ценой такого безверия, которое проявляет Ирина. Если комсомолка не верит в силу комсомола, то это значит, она не верит в свою силу. И я полностью согласна с парторгом ее фабрики. Такие люди и есть отбросы общества. «Мусор, грязь», как ей сказали. Если она действительно считает, что у нее и талант, и всего три четверки в аттестате, а она, такая хорошая, не стала занимать чужое место в институте, то зачем же трубить об этом?

Тщеславие заставляет!

Ну, а с письмом Виталия Охрименко из Запорожской области полностью согласна — я верю в комсомол.

В комсомол я вступила совсем недавно, всю жизнь ждала этой минуты. По-моему, будущее на-

шей Родины за комсомольцами с их горячими сердцами и твердой верой. Многие великие классики говорили о том, что в жизни должен быть интерес. Мой интерес — комсомол. Безверие в него сейчас встречается особенно часто. По-моему, это даже стало модой. Говорят, что верить в светлое будущее нашей страны, в победу коммунизма — фанатизм. Я верю. Верю, что, пройдя через все невзгоды нынешнего времени, мы увидим свет; что исчезнет безверие в чистые судьбы нашей страны, а комсомол вновь станет крепким.

СВЕТЛАНА ОМЕЛЬЧЕНКО,
г. Минеральные Воды
Ставропольского края

В № 3 за этот год один юный комсомолец Виталий Озрименко из Запорожской области написал, что верит в комсомол. О, этот юноша — большой оптимист! Я всего года на четыре старше, но все-таки знаю жизнь получше этого школьника, и очень хочу, чтобы он прочитал мое письмо.

Милый Виталий, таких людей, о которых ты написал, у нас в Союзе много. И я даже себя (ни на минуту не сомневаясь) считаю надежным, честным и умным человеком, способным к критике, самокритике, уважению к окружающим, к себе. Да, я уважаю себя за то, что смогу поспорить с начальством, если знаю, что я права, и отстаю эту правду. Уважаю себя за то, что могу прийти на помощь другим, хотя на это уходит много жизненной энергии.

Вот таким и должен быть комсомолец. Но я вышла из рядов ВЛКСМ. Почему? Да потому, что в комсомоле хотя и много хороших людей, но карьеристов,

трусов, негодяев и эгоистов все-таки больше. Я это не с неба взяла. Сама на себе это испытала. И вообще, эта организация уже изжила себя.

Пора закрывать обкомы, райкомы ВЛКСМ, а отличные здания отдавать под больницы, детские дома. Вот так вот, Виталичек. Ну ничего, подрастешь — поймешь многое.

Только не подумайте, что я всех до единого комсомольцев считаю плохими людьми. Есть и среди них отличные люди. И они как-то еще борются. А я уже не могу — нет сил. И в этом году рассталась с комсомолом.

ЕЛЕНА ДАВЫДЫЧЕВА,
21 год, Вологда

В рубрике «Читатель — «Смена» — читатель» много писем о сегодняшних проблемах. Все пишут о своем горе, и никто — о счастье. Нельзя же только горевать. Неужели не надоело говорить только о плохом? Да, сейчас жить трудно! Но не надо говорить, что у нас все плохо. Это не так. Ведь есть в жизни начало начал — любовь. И я хочу всем сказать, что я счастлива! В трясине всех житейских бед и проблем любовь — моя сила и поддержка. Поверьте, люди, если мы станем друг к другу добрее, внимательнее, то все сможем преодолеть. Если человек не способен любить, значит, он неполноценный. Мне всего семнадцать лет — так мало и так много. Я верю, что все в жизни к лучшему. И еще хочу поделиться со всеми своим счастьем. Даже в такое переломное время прекрасно жить на свете, любить и быть любимой. Не скупитесь на любовь, пожалуйста!

НАТАША,
Свердловская обл.

128

Во втором номере журнала прочитали письмо одной из читательниц, где она пишет, что ее сын с семьей живет в двухкомнатной коммунальной квартире. Пусть она извинит нас, но даже как-то смешно, что она из-за этого переживает. Наш вариант куда печальнее. Нас четыре молодые семьи, в каждой — по одному ребенку (младшей — восемь месяцев, старшему — год и два месяца), и живем мы все — восемь взрослых и четыре малыша — в одной четырехкомнатной квартире, рассчитанной на одну семью. Комнаты разные — 17, 12, 9 и 8 квадратных метров. Кухня маленькая, примерно 10 метров. Самое интересное то, что разменяться мы не можем, так как квартира эта принадлежит горздравотделу и называется «общежитие коммунального типа». Женская половина жителей квартиры — молодые специалисты-медики: фельдшер, акушерка, медсестра, врач. Фельдшер и врач живут в этой квартире по три года, из них два года — с семьями, акушерка и медсестра — по два года: они приехали с семьями. Подача воды в Краснокамске режимная, то есть она у нас на восьмом этаже бывает с 7 до 14 часов и с 18 до 22.30. За это время надо успеть приготовить обеды на четыре семьи и перестирать гору пеленок и ползунков на четверых детей. Кстати, восьмерым взрослым тоже хочется ходить чистыми и аккуратными. Вот так и живем.

А об улучшении жилья и мечтать не приходится — главный врач городской больницы С. Ф. Дереев твердо сказал, что не для того нам комнаты давал, чтобы мы замуж выходили. Но, когда мы брали направле-

ние на работу, в облздравотдел нам объясняли, что жильем нас обеспечат быстро, а общежитие — мера временная, на полгода.

Видно, в Краснокамске свои законы, свои сроки, свои нормы. Норма жилплощади, например, здесь шесть квадратных метров на человека. А еще в 1985 году на лекциях по социальной гигиене нам говорили, что узаконенная норма жилплощади на человека в стране двенадцать квадратных метров. Вот уж правда: до Бога высоко, до царя далеко, а местная власть распоряжается по-своему.

Семьи Кондратовых, Зыкиных, Пепеляевых, Коштунковых, Краснокамск

"МЫ, МИТЪКУ..."

ВЕРИСАЖ

Его имя в списках художественного ведомства не числится. Соответствующей записи в трудовой книжке нет, нет и заказов на работу от музеев, домов культуры и прочих учреждений с respectable холлами. Единственное место, где он до недавнего времени «выставлялся», была небольшая темная комната в старой коммуналке, которая служит ему одновременно и жильем, и мастерской. Развешанные по стенам холсты без рам наполняют безмелбелное пространство. Так что Василий Голубев — художник, можно сказать, бродячий, но некоторые работы пользуются известностью редкостной. Он автор знаменитых «митьковских» «стебов», кочующих с выставки на выставку: «Митьки отдают свои уши Ван Гогу», «Митьки отправляют Брежнева в Афганистан» и т. д.

— Вася, ты ведь пишешь и маслом? А большинство твоих популярных «вещиц» вырезаны на линолеуме. Как ты пришел к технике линогравюры? Или у живописи меньше выразительных средств? И откуда твои линолеумные сюжеты?

— К линолеумной технике я не пришел. Линолеум мне приятель принес. Один из друзей как раз решил перестилать пол на кухне, покрытый линолеумной плиткой. Он те плитки отрывал, а я, чтобы добро не пропало, взялся на них картинку резать. Сюжеты подсказывал телевизор. Начали про Бухарина — вырезал Бухарина; Брежнева стали костить — вырезал Брежнева.

— А что тебя связывает с «Митьками»? Как ты оказался в их группе? Манера? Мироощущение? Может быть, общая художественная программа?

— Программы «митьковской», как таковой, не существует. А связывают меня с ними дружба и...

телефонный кабель. Три года назад позвонил мне домой Флоренский, мы с ним давно знакомы были, и пригласил вместе с «Митьками» выставиться. А так и до смерти не знал бы, что я «Митек».

— Скажи, почему большинство картин выдержаны в темно-бордовых тонах? В истории живописи примеров сознательного или бессознательного искажения цветовой гаммы предостаточно. Например, Ван Гог, как известно, в последний период творчества все желтым писал. Но у него, говорят, это было связано с некоторыми психическими отклонениями...

— У психиатра я не наблюдался, но, думаю, с головой у меня все в порядке. Тут все проще: в наших магазинах туго с красками. Какие есть под рукой, такими и пишу.

В богатстве, достатке и довольстве художника Голубева никак не уличишь. До недавнего времени даже его меню состояло всего из одного блюда — пшенной каши.

Василий Голубев закончил художественную школу при институте имени Репина, учился в Высшем художественном училище имени Мухомовой (кстати, «Мухинку» закончили многие из «Митьков»). Его картины действительно не прикрывают осыпавшуюся штукатурку стен учреждений, но вот недавно на выставку «Митьков» в клуб ЛМЗ (к слову, гонорар был передан художниками в фонд пострадавших в Армении) пришли французы, подбирающие картины для новой галереи в Париже, и скупили большую часть экспозиции, в том числе выложили кругленькую сумму за несколько работ Василия Голубева.

Графику Василия я бы назвал, пользуясь современным молодежным жаргоном, «стебом». Но если отбросить обывательское высокомерие к неакадемической культуре... нет, это не уничтожающий, безучастно-издевательский,

НЕВЗЛЮБИЛ СТАЛИН БУ
ХАРИНА. ПРИГЛАСИЛ ЕГО
ПО-ДРУЖЕСКИ, А САМ НОЖ
ДОСТАЕТ - КРОВИ ХОЧЕТ

язвительный хармсовский «стеб». По эмоциональному строю — скорее зощенковская лирическая социальная ирония, мягкая ирония его собственного восприятия, не попытка смягчить чью-то вину, но желание смягчить наши острее-невшие от разоблачений души, сердца и умы, не дать озлобиться до конца на все и вся. Поэтому высокомерие иных ценителей к живописному плембу становится совсем неуместным. Ибо здесь Василий Голубев нравственно богаче многих из нас. Кстати, о своих знаменитых «Ушах...», «Брежнев...» и пр. Василий вспоминает не без горечи и сожаления: «Обидно за ребят. Все приходится на выставки «Митьков» и таращатся на веселые картинки, не желая замечать живопись».

Мне хотелось понять корни, происхождение этого самобытно, как ни крути, художника и человека. И когда удалось поговорить с ним, обнаружилось такое российское интеллигентское генеалогическое древо, в три обхвата не объять. В частности, одним из прапрадедов художника В. Голубева был знаменитый виртуоз монументальной пластики Иван Петрович Мартос. Автор знаменитой скульптурной группы на Красной площади — спасителям Москвы Минину и Пожарскому — и многих других известных работ, в том числе любимого многими памятника Рихелье в Одессе.

Это я к тому, во-первых, чтобы не возникло иллюзии, будто культура «Митька» и графика Василия Голубева произрастает на песке. А во-вторых, хотя многие ленинградские интеллигенты и живут ныне в коммуналках, работают не с мрамором и гранитом, а с половым линолеумом, а все одно, Европа наше национальное духовное начало ищет не только в официальных салонах, но и в этих коммуналках.

ИГОРЬ МИХЕЕВ

Я НЕ ГОВНО,
А ГЕНЕТИЧЕСКОЕ
ПОСЛЕДСТВИЕ!

Митинги папосарот Ньютону дадеат откритие.

20

Спасение тивного ларька от общества трезвости.

20

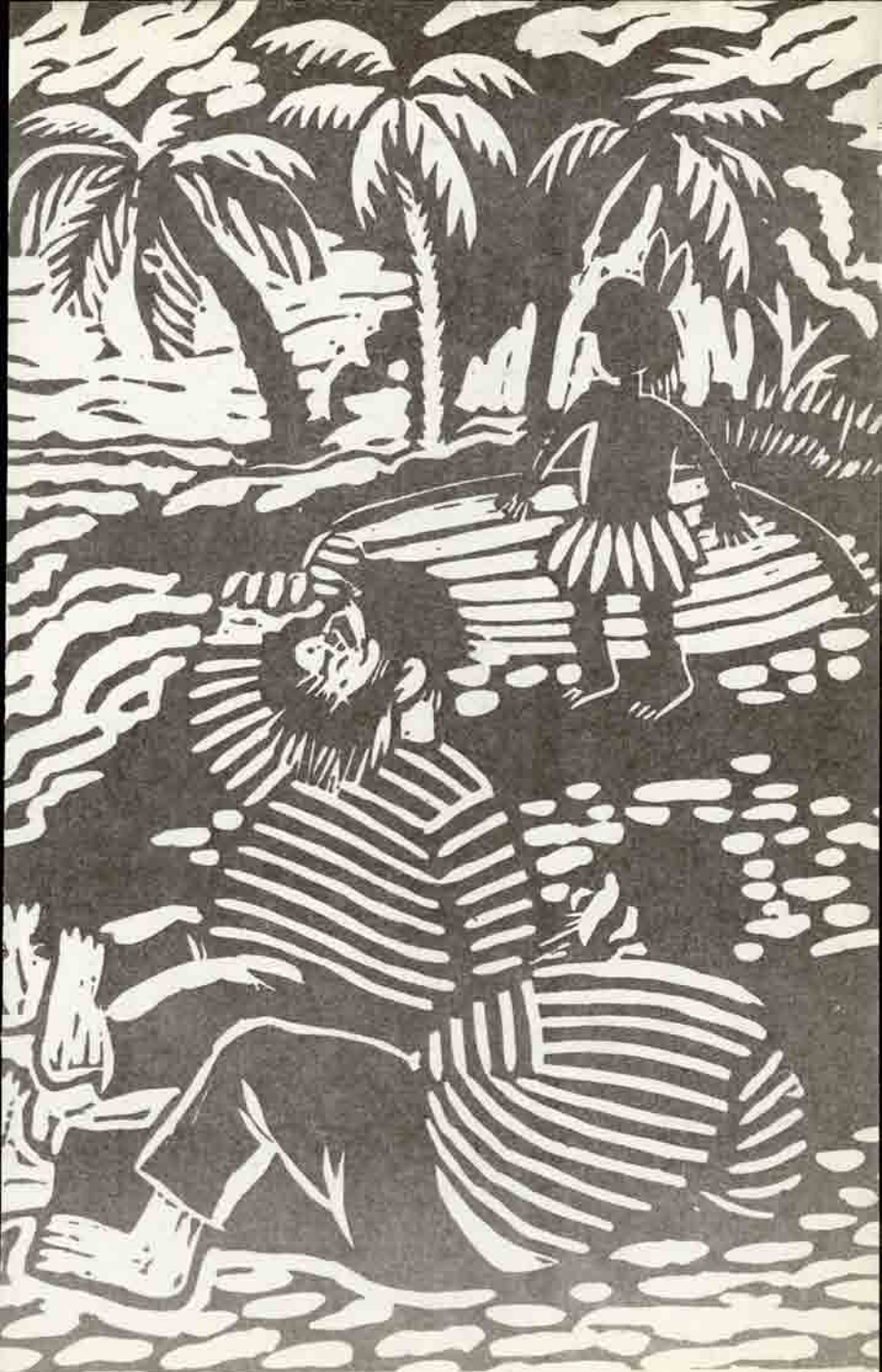

В 88
7

МОИ СОСЕДИ

— Чингачук! Стакан Коцубу!

208

В МЕТЕЛЬ

Белокудрой веселою ведьмой
заметалась метель меж домов —
разгуляться ей в городе негде,
в дверь стучится. Открою засов.
Самый жалкий и самый пропащий,
вечно пьющий пришел человек:
«Как в метели такой леденящей
коротать отравительный век?
Эх бы, годы сейчас молодые,
тройку русских, летящих, коней!
Удалые мои, удалые...
Ветер... снег... Королева! Налей!
А ты, ведьма седая, не вой...»
И уйдет пропадать за стеной.

ОКТЯБРЬ

Растоптан и размыт покровный путь.
Под замутью мятежной непогоды
на камень преткновенья повернуть:
Все потерять. Погибнуть. Без исхода.
У русского и нет иной судьбы —
себя заклать на муки и печали.
На пересуды робкие толпы,
что у блаженного копеечку отняли,
ответа нет... А главы Покрова
снег обволок. За кисеей туманной
дрожат они, как редкая листва.
Да устоят под ветром окаянным!

Михаил МАМАЕВ

==
Все осмыслить.

Все через себя.

Каждым мною вымолвленным словом
воплощаю музыку дождя,
музыку ветров и ветки сломанной.

Из высоток, серых и скалистых,
заперто глядит в меня мой век.
Но иду по голосу Калининского,
как по лестнице,
ведущей вверх.

И, как знак ужасного убийства,
быть которому предрешено,
вижу,
по Арбату бродит «Битлз»
с флагом «СЛУШАТЬ НАС РАЗРЕШЕНО».

Музыка российская все глуше.
Рвется Запад и с моих кассет.
Я сегодня не могу не слушать
«Битлз», «Ролинг стоунз» и «Эксперт».

И под грохот бешеных аккордов,
что и под моей рукой звенят,
чую я,
как медленно выходит,
родина выходит из меня.

Удержать в себе ее так сложно!
Но, коль не сумею, пусть в аду,
как гвоздями, крепким русским словом
приколотит черт меня к кресту.

Боюсь прожить легко,
красиво
всю жизнь,
но сердцем не понять,
что нет России для России,
как нет реки,
текущей вспять.

Такое счастье в час весенний,
пройдясь по утренней траве,
понять,
зачем же был Есенин,
синуц носивший в рукаве,

и почему старухи молкнут,
заслышав по весне вдали,
как,
кольхаясь в небе мокром,
летят к болотам журавли.

Боюсь прожить всю жизнь спокойно,
не исходив полей в цвету,
когда в рассвет выходят кони,
чтоб спрятать в гривы темноту,

и сквозь дождя шальное сито
не разглядеть и не понять:
Россия лишь тогда Россия,
когда в России видят мать.

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ

По пути ПАГАНИНИ

ФОТО ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

141

МАСТЕРСКАЯ

ублика неистовствовала. На лицах зрителей восторг и вдохновение. Крики «браво!», счастливые улыбки, обмен восторженными восклицаниями, вихрь цветов и — аплодисменты, аплодисменты...

Такие моменты длятся минуты, а помнятся годы, быть может, всю жизнь. Сей незабываемый миг слияния высокого наслаждения и просветленной душевной скорби стоит того, чтобы постараться зафиксировать его для наших потомков.

Я приглашаю читателей «Смены» побывать на необычном концерте молодого, но уже всемирно известного скрипача. Хотя вы и лишены возможности непосредственно ощутить всю мощь исполнительского дарования этого артиста, но сумеете оценить его незаурядные литературные и актерские способности, ибо этот вечер, посвященный 150-летию со дня смерти великого Паганини, от начала до конца придумал и вел Сергей Стадлер.

Послушаем его рассказ о легендарном музыканте, слава которого не поблекла ни в лучах других светил классического искусства, ни с восхождением новых и сверхновых звезд неведомой ранее рок-музыки. Постараемся только помнить, что познание прошлого всегда крайне полезно для осознания настоящего.

Итак, Сергей Стадлер, вышедший к рампе со скрипкой в руках, говорит:

«Его имя до такой степени окутано фантазией и вымыслом, что эта фигура стала поистине олицетворением всего загадочного и фантастического в искусстве вопреки, а может быть, благодаря многочисленным трудам современного музыковедения.»

Известны восхищенные отзывы о Паганини, сделанные Гете, Байроном, Шубертом, Шуманом, Мендельсоном. Балзак назвал его Наполеоном жанра. Словом, Паганини оказал огромное влияние на многих выдающихся людей своего времени и, пожалуй, на развитие всей музыкальной жизни. Он стал символом скрипичного искусства, законченным воплощением романтизма.

Его сочинения представляют собой как бы роскошную раму к картине, на которой появляется сам Паганини. «Длинные черные волосы темной рамой окружали его бледное, мертвенное лицо, с пронзительным взглядом, странное и изможденное, на котором заботы, гений и адские силы оставили неизгладимый след» — так описывает облик Паганини Генрих Рейне в повести «Флорентийские ночи».

Его воздействие на слушателей было невероятно. Залом овладевал какой-то приступ дикого, буйного исступления, все кричали, мужчины вскакивали на стулья, женщины высовывались из лож. Многим казалось, что сам дьявол водит его рукой. Биограф Паганини Шоттки передает рассказ о «бледном как смерть человеке, уверявшем, что он собственными глазами видел черта».

Множество легенд связано с бесовской сущностью его искусства. По словам Берлиоза, «надобно только видеть и слышать его, и эта вероятность становится почти действительностью». Уже при рождении его мать, по преданию, увидела во сне дуга, к которому обратилась с моль-

бой сделать ее сына великим скрипачом. Вспоминаются старинные немецкие легенды о мастерстве скрипача, которым нельзя овладеть иначе как с помощью дьявола.

Как вы думаете, какую музыку можно услышать после такого вступления? Разумеется, «потустороннюю». И пока Сергей Стадлер блестяще, поистине чертовски изящно исполняет паганиниевскую «Пляску ведьм», расскажем немного и о нем.

Вырос Сергей в семье музыкантов. В четыре года мама, Маргарита Петровна, до своей недавней безвременной кончины работавшая концертмейстером в Ленинградской консерватории, усадила его за рояль. В пять лет первый урок игры на скрипке сыну дал Валентин Раймундович, альтист Академического симфонического оркестра филармонии. В наследство Сергею

достались абсолютный слух, царящая в доме удивительная атмосфера духовности и поклонения Музыке и необычайное трудолюбие. Впрочем, с тем же основанием про него можно говорить, что это человек, который создал себя сам, настолько осознанно он с детства избрал свою судьбу.

Стремителен его взлет в скрипичном мире: в 12 лет — первое выступление с оркестром, в 14 — первая премия на Международном юношеском радиоконкурсе «Концертино-Прага», вскоре — первый сольный концерт в Ленинградской консерватории, в 17 — Гран-при на конкурсе имени Маргариты Лонг и Жака Тибо в Париже вместе со специальной премией за лучшее исполнение современной французской музыки. Еще через два года — вторая премия и специальный приз публики на конкурсе имени Я. Сибелиуса в Хельсинки. Наконец, в 1982 году (в 20 лет!) — победа на VII Конкурсе имени П. И. Чайковского.

Что за этим: везение? Божий дар? Несомненно, выдающиеся природные способности и неистовая работа — жизнь без многих традиционных детских забав, без праздного шатания по улицам, труд до седьмого пота, одухотворенный осознанием его смысла и высокой целью.

Умный, глубокий собеседник, самобытная и оригинальная личность, естественная и деликатная в любом общении, открытая и добрая натура, остроумный, ироничный и вполне современный молодой человек — все это Сергей Стадлер вне сцены. И по-неземному отрешенный в грачино-черном фраке, по-мефистофельски властный и всемогущий, чуть прищурившись, благосклонно приветствующий невидимую ему (по близорукости!) публику элегантным поклоном — Стадлер в образе Маэстро. А уж когда взмахнет смычком и сорвется со струн первый же чарующий звук, ну, точно — сам дьявол!

Тихо! Человек во фраке закончил играть и, раскланявшись, заговорил снова:

*Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка,
Что такое темный ужас начинателя игры!
Тот, кто взял ее однажды в повелительные руки,
У того исчез навеки безмятежный свет очей,
Духи ада любят слушать эти царственные звуки,
Бродят бешеные волки по дороге скрипачей.
Надо вечно петь и плакать этим струнам, звонким струнам,
Вечно должен биться, виться обезумевший смычок...
На, владей волшебной скрипкой, посмотри в глаза чудовищ
И погибни славной смертью, странной смертью скрипача!*
(Из стихотворения Н. Гумилева «Волшебная скрипка»)

Известно, что Паганини очень притягивало все, что связано с потусторонним миром. В 1824 году он, например, играл ночью для мертвых на знаменитом кладбище в Венеции.

Умер Паганини в мае 1840 года, но покоя не обрел и после смерти... Епископ Ниццы, узнав о его отказе от исповеди и причащении, запретил хоронить музыканта по католическому обряду, несмотря на то, что Паганини был кавалером Ордена Золотой шпору — высшего ордена Ватикана. Четыре года продолжалась борьба между родственниками и друзьями композитора и католической церковью. Все это

время тело Паганини лежало в госпитале для прокаженных в местечке Виллафранки. Местные жители в ужасе уверяли, что слышат по ночам звуки скрипки...

Наконец, останки были захоронены в Польчевере. Через девять лет гроб был перезахоронен на одной вилле, затем в 1876 году — на кладбище в Парме. А в 1893 году внук Паганини со скрипачом Ондричичком вскрыл могилу. Еще через три года гроб, уже в пятый раз, был снова извлечен и захоронен на новом кладбище в Парме.

А уже сейчас родной город композитора, Генуя, претендует на его прах и ведутся переговоры еще об одном — шестом! — перезахоронении...

«Но что бы то ни было — мир его памяти! Всякий великий человек несет отпущение грехов в самом себе, — писал Ференц Лист в некрологе Паганини. — С ним угас мощный дух, один из тех, которые природа словно спешит вернуть себе. Не было никого в мире, кто хотя бы приблизительно мог сравниться с его гением. Он был велик. А знаем ли мы, какой ценой дается человеку величие?»

А знаем ли мы, какой ценой дается мастерство, способное пронзить людские души высоким озарением, вознести их над кризисом экономики и морали, дефицитом товаров и милосердия, политическими дебатами и изнуряющей повседневной озлобленностью окружающих?

Играй, играй, Маэстро! Пусть скрипка поет и рыдает для публики, боготворящей тебя, ибо только ради нее ты должен жить и страдать в этом безумном, безумном мире! Но пока ты терзаешь смычком свое звучащее сердце (иначе кто стал бы тебя слушать?!), я нашепчу публике то, чего никто, кроме меня, не знает...

1982 год. Победа на Конкурсе имени П. И. Чайковского открывает ворота на музыкальный Олимп. Победитель, как никогда, молодец. Вперед, завоевывать мир! Как бы не так. Едет не тот, кого зовут, а тот, кого пошлют. И не туда, куда хочет, а туда, куда надо. И на столько, на сколько положено, а студенту положено 60 дней в году. И ни днем больше! Всем остальным Госконцерт ответит: болен, не может, занят, а иной раз и не сочтет нужным отвечать на запрос вообще.

К примеру, тогдашний министр культуры Франции (известный, кстати, композитор), побывав на концерте Стадлера, дважды присылал персональные приглашения, о которых Сергей узнавал лишь много спустя... А как был обижен английский импресарио, получив официальный отказ на организованные им по предварительной договоренности гастроли!

В семье, где четыре активно действующих музыканта и две комнаты, репетировать иногда приходилось и в помещениях, которые неудобно здесь даже называть. Казалось, город стольких муз мог бы заметить не частый для него триумф на столичных смотрах. Да, были в курсе, но и бровью никто не повел.

— Стадлер? — Голос дамы, любившей одеваться в черное, выказывает неподдельное удивление. — У Сергея все хорошо: только что он месяц гастролировал в Испании. Ну, какая квартира может быть студенту? Заниматься можно и в консерватории...

Тогда у меня не было диктофона, но за смысл, интонацию

и безапелляционность суждений заведующей отделом культуры обкома КПСС ручаюсь. Было похоже, что месяц, проведенный ею в качестве руководителя гастролей Театра оперы и балета имени С. М. Кирова за пределами Отечества, уже оправдал не только всю прошедшую, но и всю будущую часть жизни...

• Вскоре из коридоров Смольного до меня дошла и бессмертная фраза Мравинского, брошенная в ответ на упрек партийного лидера: «Что же это от вас музыканты в Японию сбегают?» «Не от меня, а от вас», — хладнокровно и убийственно ответил великий дирижер.

Десять лет я хожу на концерты Сергея Стадлера. И десять лет с ужасом думаю, что вот этот, наверное, для меня уж точно станет последним. Почему он до сих пор не уехал, я понять не могу. За это время уехали почти все...

Перед моими глазами лишь те сцены, которые я наблюдал сам. А ведь мы так редко виделись!

Перрон Московского вокзала в Ленинграде. От одного проводника к другому мечется безбилетный студент, которому завтра отвели время на студии звукозаписи. В руках его скрипка, которой нет цены, потому что если с ней что-то случится, все равно расплатиться не хватит жизни. Знаменитый Страдивари, на котором 16 лет играл Давид Ойстрах, попал к Сергею из Госколлекции после Конкурса имени П. И. Чайковского по настоянию Леонида Когана.

О том, как эту скрипку отнимали обратно, «Смена» писала три года назад. Случайно я стал очевидцем и одной из последних глав «скрипичного романа».

146
Артистическая комната за кулисами Большого зала Московской консерватории. На стуле у стены в раскрытом футляре лежит скрипка, на рояле — гора цветов, в центре комнаты — только что с триумфом закончивший труднейший концерт Сергей Стадлер, окруженный толпой поклонников. Солидный мужчина, пожимая Сергею руку и поздравляя с успехом, говорит, что концерт был просто великолепен, он очень высоко ценит Сергея как музыканта, но скрипку необходимо немедленно вернуть в Госколлекцию, потому что истек срок договора... Это директор Государственной коллекции музыкальных инструментов Куликов. Публика немеет от удивления.

Стадлер: Благодарю за поздравления. Я написал уже письмо министру культуры с просьбой продлить договор.

Куликов: Вы же понимаете, что этот вопрос в компетенции министерства. Мы только получаем указания и должны их выполнять. На вашем письме министр поставил отрицательную резолюцию. Поймите меня правильно, мой предшественник на моем месте просто забрал бы сейчас скрипку. Я же этого не делаю. Я вас прошу сходить в министерство и обязательно решить этот вопрос там. (Публика ошалело переглядывается.)

Стадлер (продолжая вежливо улыбаясь): Спасибо. Я обязательно завтра пойду в министерство, чтобы уладить этот вопрос.

Куликов: Вы непременно ходите в управление, потому что это они решают, кому играть на скрипке. Этот инструмент, как вы знаете, конкурсный. Надо дать поиграть на нем и другим музыкантам.

Я уже не замечаю, что делается с публикой.

Стадлер (сохраняя выражение лица «для гостей»): Я уже

сказал, что обязательно пойду к заместителю министра. Вы же понимаете, что до конца сезона я не могу отдать скрипку: у меня через неделю гастроли. Ведь я эту скрипку получил уже после конкурса... К тому же мне надо закончить начатый цикл записей на «Мелодии».

Куликов: Этот вопрос решается в министерстве. Я вас прошу завтра туда пойти и обговорить все вопросы. Но министр вам отказал... В министерстве говорят, что у вас есть своя скрипка итальянского мастера.

Стадлер (тем же тоном): Но вам-то известно заключение вашего специалиста, что авторство не подтверждается и что моя скрипка гораздо худшего класса. Почему вы этого не сказали в министерстве?

Я не был свидетелем дальнейших событий: безуспешных визитов к зам. министра и в Управление музыкальных учреждений, телефонных звонков и засад у подъезда дома с требованием немедленно вернуть скрипку, наконец, самого акта изъятия за день до вылета за рубеж.

И пусть мне кто-нибудь попробует растолковать смысл такой «государственной заботы», если через пару месяцев Стадлеру была-таки выдана другая скрипка Страдивари, менее известная и звучащая, естественно, по-иному. Почему с этой скрипкой не мог поехать на конкурс тот музыкант, для которого изымался «ойстраховский» инструмент?

Результатом «эпопей» стало поспраивание огромного труда исполнителя, оркестра, звукорежиссеров и операторов, более чем в течение года записывавших циклы произведений Баха и Моцарта, так и не завершенных. Министра культуры (ныне — уже бывшего) не волновало, что этого нельзя сделать на другой скрипке. Что же волновало бывшего секретаря Ленинградского обкома партии, курировавшего вопросы культуры министра, который мог, к примеру, бросить в лицо талантливому молодому танцовщику: «Большой театр обошелся без Шляпина — обойдется и без вас!»? Кто давал указание ему? Кто готовил информацию? Этого я не знаю. Я знаю только, что не смог бы перенести таких унижений и издевательств, даже ради любящей меня публики.

Прервемся, читатель! Необычный концерт продолжается!

Россини признавался, что плакал три раза в жизни: когда провалилась его первая опера, когда на пикнике с лодки в воду упал фаршированный трюфелями индюк его собственного приготовления и когда слышал игру Паганини...

Два гения очень часто общались и, по всей видимости, были очень дружны. Известна их совместная карнавальная шутка в Риме в 1821 году, когда и без того толстый Россини привязал подушку к животу, а тощий Паганини оделся в женское платье. В таком виде они обходили аристократические дома, пели целую арию, сочиненную Россини: «Мы рождены для страдания, не оставьте в сей радостный день нас без подаяния». И далеко не все, знавшие их, догадывались о фальсификации...

Паганини дирижировал операми Россини, написал несколько сочинений на темы своего друга и относился к его музыке с невероятным восхищением. Правда, как явствует из одного письма Паганини, он признавал за собой превосходство в мастерстве использования большого барабана...

Одно из произведений, соединивших талант обоих друзей, — вариации на одной струне на тему молитвы из оперы Дж. Россини «Моисей в Египте». Современники нашли следующее объяснение столь прихотливому замыслу. Паганини якобы убил свою возлюбленную и был заключен в тюрьму, куда ему позволили взять с собой скрипку. Но за долгое время все струны, кроме одной, полопались, и он вынужден был играть только на струне «соль», в результате чего он и достиг такого совершенства.

С этими словами Сергей поколдовал с полминуты над скрипкой и взмахнул смычком. Три «лишние» струны, извиваясь, повисли под грифом, а четвертая тотчас наполнила огромный зал чистым и сочным звуком, из которого пальцы музыканта на наших глазах лепили гармонию, доступную, пожалуй, лишь целому оркестру. Казалось, лопни и эта струна — музыка не прекратилась бы. Ее исторгала сама скрипка, над которой с ловкостью и стремительностью магистра черной и белой магии делал волшебные пассы Маэстро.

Пожалуй, о том, что Паганини — непревзойденный виртуоз, знают все, даже те, кто не сумеет больше вспомнить ни одного имени других скрипачей. Думаю, что многим известно и о его композиторском творчестве.

Как композитор, эта фигура очень своеобразная, ведь он писал произведения только для скрипки, только для самого себя, чтобы предстать со сцены публике в особом, неповторимом виде. В записанных им партитурах своих произведений очень часто отсутствует скрипичная партия! Он творил музыку для того, чтобы выразить в ней неизъяснимую силу своей артистической личности, свою демоническую натуру! А это требовало присутствия только ему исполнительских приемов. И он расширил их арсенал настолько, что после него никто ничего нового в техническом использовании скрипки не придумал.

Но совершенно особое место в наследии Паганини занимают его 24 каприса — произведения, в которых виртуозность возведена в немислимую степень и сама по себе становится какой-то магией.

Документально известно: нигде, ни в одной программе его концертов, ни в иных свидетельствах не зафиксировано, чтобы Паганини сам хотя бы раз сыграл свои «Каприсы». Его современники считали цикл неисполнимым. Многие музыковеды в самом авторском эпитафее к нему: «Посвящается артистам» — усматривают издательские нотки, расценивают замысел композитора-виртуоза как своего рода уникальный художественно-психологический эксперимент с потомством.

Сергей Стадлер сыграл все каприсы в одном концерте в следующем сезоне после победы на Конкурсе имени П. И. Чайковского. Ему не было еще 21 года...

В отличие от Паганини Стадлер сочинением новых музыкальных произведений не занимается. И тем не менее исполнение им чужой музыки — некое творческое таинство, создание такой духовной сути, которой прежде не являлось на свет. Наверное, именно это качество имел в виду Роднун Щедрин, когда несколько лет назад после исполнения его «Эхо-сопрат», посвященной Баху, сказал о Сергее: «Нет, это не исполнитель. Это — скрипач. Исполнителей много, а скрипачей в мире — всего несколько...»

Кстати, и Р. Шедрин, и такие известные композиторы, как С. Слонимский, В. Салманов, Б. Тищенко, написали скрипичные произведения специально для С. Стадлера, рассчитывая на его виртуозные исполнительские возможности.

Но было бы ошибкой сводить достоинства Стадлера-музыканта только к виртуозности. При всей его значимости это только средство достижения высшего мастерства, его техническая сторона, но никак не самоцель.

Послушаем же его, вновь вышедшего на сцену после короткого антракта:

Паганини был так популярен, что в Лондоне, Париже, Санкт-Петербурге можно было увидеть прически, спортуки, галстуки а-ля Паганини, запонки, табакерки и трубки с его изображением. Физиономия знаменитого скрипача красовалась на дамских веерах и на набалдашниках тростей, в знаменитых ресторанах жарили шницель а-ля Паганини и пекли булочки в форме его носа!

А когда он сам однажды в Вене захотел купить перчатки и вместо предложенных ему, сшитых из кожи жирафа, попросил принести сделанные из кожи какого-нибудь другого животного, то ему достали... перчатки а-ля Паганини...

Ну, бог с ними, с перчатками. Но почему я могу в любом киоске купить фотографию артиста кино, зачастую еще не знаменитого своими работами, и ни разу не видел портретов С. Рихтера или Е. Образцовой? Не будут пользоваться успехом? Полноте, гастроль Рихтера по городам Сибири показала, какой популярностью и каким интересом пользуется знаменитый пианист даже в так называемой «глубинке», где нет и приличных концертных залов. Просто мы не умеем пропагандировать и беречь высшие ценности, которыми обладаем, — неповторимые таланты.

Посмотрите на американских детей: ребенку чуть ли не с рождения вбивают в голову мысль, что он может стать кем угодно — космонавтом, голливудской звездой, миллионером, президентом, если только по-настоящему захочет этого добиться. Возьмите их «массовую культуру», которую мы долгие годы хаяли, не видя и не зная: успех и популярность того же Майкла Джексона основаны на высочайшем профессионализме, уникальности. А у нас все рекорды кассовости бьет «Ласковый май», потому что ключ к разгадке «феномена» Юры Шатунова: он якобы такой же, как все, и это видит любая школьница.

По данным социологов, большинство молодых людей в США и Японии жизненный успех в первую очередь связывают со своими собственными силами и возможностями. Большинство же наших подростков на первое место ставят такие факторы, как удача, везение и даже благодать, знакомство. Не этой ли надежде на чудо, способное в один миг превратить Золушку в принцессу, обязаны мы бесчисленным толпам наших юных соотечественниц, осаждающих оргкомитеты конкурсов всяческих «Мисс» и «Красавиц»? Каков соблазн — попасть в «высший свет», в «заграничный рай», выделиться из окружения, попотев всего месячишко, вместо долгих лет учебы и труда в избранной тобой области.

Убежден, наше общество будет большим до тех пор, пока общественный престиж личностей и профессий, включая как материальное, так и моральное вознаграждение, не будет со-

тветствовать уровню их квалификации. Пока ценить и уважать больше всего не станут мастера, делающего свое дело так, как не может больше никто.

А пока к Сергею Стадлеру прямо на улице обращаются за автографом большей частью во время зарубежных гастролей, хотя на Западе лезть к человеку считается в принципе неприлично. Например, в Финляндии, где конкурс имени Сибелиуса очень популярен, его многие знают в лицо, с нетерпением ждут новых концертов. У нас, правда, тоже узнают, но чаще это носит более бесцеремонный характер — могут показать пальцем, носильщик на вокзале или водитель такси может радостно сообщить: «Я вас видел по телевизору!» — особенно после появления сюжета в выпуске «600 секунд», ладно бы после трансляции концерта...

Что ж, спасибо телевидению и на этом.

Известно, что в нашей филармонической практике встречаются и такие случаи, когда приехавшему на гастроль артисту предлагали получить причитающееся скромное вознаграждение, но... не выступать. Ибо музыкальным организаторам так проще и выгоднее. Слишком хлопотно заботиться о рекламе, приличном инструменте, заказывать гостиницу и т. д. Куш-то с выступления пианиста или скрипача не сорвешь. Другое дело — рок-концерт на стадионе!

Больно и стыдно за себя, за свое Отечество, не умеющее ценить то, что имеет. Журнал «Советская музыка» в одном из обзоров тонко анализировал достоинства и недостатки исполнения Стадлером фантазии Шуберта, тогда как на концерте звучало произведение Шумана...

150 Год назад Сергею Стадлеру в ФРГ был присужден диплом «За лучшую музыкальную критику года». Советской публике это обстоятельство неизвестно до сих пор. Эх, Россия, Россия, сколь богата ты талантами, что так к ним небережна?

А ведь Сергей Стадлер известен не только тем, что активно и с большим успехом, как раньше говорилось, «пропагандирует за рубежом» музыку таких советских классиков, как Прокофьев и Шостакович. Предмет особой любви скрипача — русская музыка. Это, конечно же, Чайковский. Все, написанное им для скрипки, — в репертуаре музыканта, который с тщательностью ученого изучил собственноручные ремарки композитора к знаменитому скрипичному концерту и сумел на их основе создать убедительную нетрадиционную интерпретацию, позволившую слушателям прочувствовать не замеченные другими исполнителями оттенки авторского замысла. Стравинский, Глазунов, скрипичные концерты Аренского, Львова, Конюса — почти забытые или редко исполняемые шедевры русской музыки возвращены Стадлером в духовный оборот, сделаны достойным мировой музыкальной общечеловечности. Кто оценит по достоинству и увековечит это благородное подвижничество нашего соотечественника?

Сегодня мы открыли широкому читателю многих выдающихся писателей, возвратив их произведения из небытия или зарубежья. Случаев же, когда известность и слава пришли после смерти к музыканту-исполнителю, в истории не было, да, наверное, и не будет, несмотря на появившиеся возможности видео-

записи. Ибо запись — одно, а «живая музыка» — другое. Только тот, кто сам бывал на триумфальных концертах больших мастеров, знает, насколько отличается вынесенное впечатление от прослушивания пластинок — так же, как оригинал бессмертной картины от репродукции в журнале.

Кем был бы для нас Паганини, не обрасти его личность легендами еще при жизни? Что знаем мы о жизни выдающихся музыкантов сегодня, в век средств массовой информации? Когда Госгелерадио предложили снять фильм о Сергее Стадлере, один из его руководителей нашел следующее возражение: у нас до сих пор нет фильмов о Третьякове, Спивакове и других скрипачах старшего поколения. Спрашивается, когда же будут фильмы о них и кем выстраивается этакая искусственная очередность, обрекающая музыканта на возможность всенародной известности лишь к пенсии...

По оценке Родиона Щедрина, за последние годы «по направлению к границе» проследовало свыше 600 музыкальных семей. «Музыканты уезжают уже не единицами, а пачками. И я их понимаю», — заявил композитор.

Я думаю, что вряд ли найдется хотя бы один человек, который был бы доволен тем, что происходит сейчас в искусстве. Конечно, в чем-то стало легче: отменены бывшие жестокие процедуры утверждения репертуара, немного упрощен процесс оформления гастролей, устранены кое-какие другие барьеры. Но все равно принимаемые решения — какие-то половинчатые, не дающие творческой свободы в нормальном понимании этого слова. Все равно музыкантам приходится постоянно что-то у кого-то просить, добиваться, тратить время на какие-то бессмысленные согласования, разрешения и т. д.

Что касается массового отъезда за рубеж, ситуация во многом усугубляется и тем, что долгие годы даже самым крупным нашим музыкантам мирового уровня платили по западным понятиям смехотворно низкие гонорары. Зарубежных импресарио всегда поражала политика нашего государства в отношении бессовестно дешевой продажи талантов на мировом музыкальном рынке, при том, что самого этого таланта, не побоюсь этого слова, просто грабили. До каких же пор мы будем разбазаривать наше национальное достояние и вынуждать талантливых людей мучительно выбирать между состоявшейся творческой судьбой и Родиной?

Протоиерей
АЛЕКСАНДР МЕНЬ

СЫН ЧЕЛОВЕЧЕС- КИЙ

152

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
МЕССИЯ

Глава шестая
«НЕ МИР, НО МЕЧ»
Весна 28 г.

ПОРА ПРОЧЕСТЬ

«Жизнь Иисуса, — говорит Честертон, — стремительна, как молния. Это прежде всего драма, прежде всего — осуществление. Дело не было бы выполнено, если бы Иисус бродил по миру и растолковывал правду. Даже с внешней стороны нельзя сказать, что Он бродил, что Он забыл, куда идет... История Христа — история путешествия, я сказал бы даже — история похода»¹. И действительно, хотя Иисус часто вел жизнь странствующего проповедника, ученики не могли не чувствовать, что у Него есть некий план, подобно далеко идущему плану полководца. Он требовал от них решимости стоять до конца. Его Еванге-

Продолжение. Начало в №№ 6—8.

ЭЛЬ ГРЕКО. Христос.

лие не имело ничего общего с мечтательным благодушием и расслабленностью.

*Ныне — суд миру сему,
ныне князь мира сего извергнут будет вон*².

Бой с демонскими полчищами, с царством зла будет нелегким. Против Мессии восстанут все безумства, все грехи и предрассудки, укorenившиеся в людях.

*Думаете ли вы, что Я пришел дать мир на земле?
Нет, говорю вам, но — меч и разделение;
ибо отныне пятеро в одном доме будут разделены:
трое против двоих и двое против трех*³.

Иногда Учитель давал понять близким, с какой силой жаждет душа Его бури, которая начнет очищать мир:

*Огонь пришел Я низвести на землю,
и как хочу Я, чтобы он уже возгорелся!
Крещением должен Я креститься,
и как Я томлюсь, доколе это не свершится!*⁴

В этих словах, как в отдельных раскатах грозы, слышалось приближение Голгофы.

Целеустремленность Иисуса одновременно захватывала и страшила учеников. Впрочем, Его слова они истолковывали по-своему, думая, что Учитель намекает на революционный взрыв, за которым последует его коронация в Иерусалиме. Поэтому они предполагали, что в ближайшее время Он перенесет Свою деятельность в столицу Израиля. А когда Иисус направился туда на Пасху, ученикам казалось, что от этого путешествия следует ждать многого, что настает день, когда Царство Божие будет «взято силой».

Иерусалим был в те годы накален до предела. Действия Пилата, военного человека, не желавшего считаться с местными обычаями, вызывали у всех гнев и возмущение. Свое правление он начал с того, что распорядился ночью внести в Иерусалим щиты с портретами Тиберия. Это лишний раз напомнило народу о римском иже и выглядело как оскорбление Моисеева Закона*. Приказ Пилата поставил столицу на грань мятежа. Огромная толпа иерусалимлян двинулась в его резиденцию Кесарию с требованием убрать щиты. Прокуратор отказался, и несколько дней народ сидел перед дворцом, не трогаясь с места. Тогда Пилат велел собрать людей на стадионе и заявил, что перебьет всех, кто не покорится его воле. Но и после того, как вокруг них сомкнулось кольцо вооруженных солдат, они повторили, что лучше погибнут, чем отступят. В конце концов наместнику пришлось сдаться. Но с тех пор он пользовался любым поводом, чтобы мстить иудеям. Его необузданная жестокость, алчность и самодурство стали известны повсюду. Даже тетрарх Антипа, друг римлян, невзлюбил его. Инциденты, вызванные незаконными прокуратора, не раз кончались массовой резней. Однако заступничество император-

* Декалог запрещал портретные изображения.

ского временщика Сеяна долго оставляло Пилата безнаказанным.

Каждую Пасху правитель ждал восстания и поэтому на праздники старался приезжать в Иерусалим, где мог лично следить за порядком. Опасения Пилата были вполне основательными. Он располагал небольшим войском в три тысячи человек. А zeloty и их сторонники ждали только вождя, который поднял бы народ против римлян.

По-видимому, ученики Иисуса втайне хотели, чтобы именно Он стал этим вождем. Однако их ожидания не сбылись. Учитель, казалось, полностью игнорировал проблему чужеземного владычества. Его тревожило не политическое, а духовное состояние народа. Все поняли это, когда Иисус появился на площади, окружавшей Дом Божий.

Храм был религиозным центром всех иудеев. Опоясанный зубчатыми стенами, украшенный колоннами и золотым гребнем, высился он на горе Мориа как знак пребывания Бога в сердце Израиля, как заветная цель миллионов паломников Палестины и диаспоры.

Город жил Храмом. Служители алтаря, продавцы жертвенных животных, содержатели гостиниц собирали в дни праздника богатую дань. Саддукеев, в чьих руках находилось святилище, мало тревожило, что культ превращался порой в коммерческое предприятие. Архиереи заключили молчаливое соглашение с торговцами, которые расставляли под навесами у храма скамьи с товарами, столы для размена денег, приводили скот. Все давно уже привыкли к тому, что базарный шум не стихает в святом месте.

Но вот в воротах появляется Иисус Назарянин, окруженный группой последователей. Новый Учитель сразу же приводит всех в замешательство. Свив из веревок бич, Он гонит за ограду овец и волов; Он властно требует покончить с бесчинством вблизи святыни: «Не превращайте Дома Отца Моего в дом торговли!..».

Возразить ему нечего. Уже и прежде благочестивые люди сетовали на беспорядки в Храме. Однако иерархию задело, что этот никому неизвестный Галилеянин распоряжается в их вотчине как господин, да еще претендует на особую близость к Богу, называя Его Своим Отцом.

— Какое знамение можешь Ты дать нам, что властен так поступать? — спросили они Иисуса.

— Разрушьте Дом этот, и Я в три дня воздвигну его, — был ответ.

Слова Иисуса показались насмешкой.

— В сорок шесть лет был построен храм этот, — возразили Ему, — а Ты в три дня воздвигнешь его?

Не могли разгадать сказанного и сами ученики. От них еще был скрыт невидимый Храм, который вознесется над миром в те три дня, что пройдут от Креста до Воскресения.

А как отнеслись к Иисусу фарисеи — эти столпы традиционного благочестия?

Мы уже могли убедиться, что их взгляды не были диаметрально противоположны учению Христа и что Он одобрял главные положения их веры. Кроме того, нравственные понятия многих фарисеев отличались возвышенным характером и были близки к Евангелию. Достаточно привести хотя бы некоторые изречения раввинов, вошедшие в Талмуд, чтобы убедиться в этом: «люби мир и водворяй его повсюду»; «кто подает милостыню тайно, тот выше самого Моисея»; «лучше краткая молитва с благоговением, чем длинная без усердия»; «не будь скор на гнев»; «подражайте свойствам Божиим: как Он милосерд, так и вы будьте милосердны»; «ханжей следует обличать, ибо они оскорбляют имя Божие»⁵. Когда читаешь эти строки, становятся понятными слова Христа о фарисеях: «Что они скажут вам,— исполняйте и храните»⁶. Евангельское «исполнение» Закона не уничтожало старого; по словам Христовым, «всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину дома, который выносит из сокровища своего старое и новое»⁷. Беседуя с одним богословом, Иисус сказал, что тот «недалек от Царства Божия»⁸.

Почему же в таком случае между Ним и фарисеями возник конфликт?

Важнейшей его причиной было понимание благочестия, которое господствовало среди фарисеев. Их «верность Закону» являлась не только целой философией жизни, но и подробным ее планом, продуманным до последних деталей. Цель этого плана — освятить каждую сторону повседневности, во всем исполняя волю Божию. — Христос не отрицал и не мог отрицать. Но в способах ее достижения, получивших признание у книжников, крылась опасность окостенения религии. Мало того, что любимым правилам «старцев» приписывали без разбора божественный авторитет; регламент поглощал все внимание людей, выхолащивая подчас основное содержание веры.

Мысль, будто есть некий «список дел», выполнив которые можно стяжать абсолютную праведность, не давала законникам покоя. Они соревновались друг с другом в стремлении пунктуально соблюсти все обычаи, освященные веками. И, как то часто бывало в истории религий, набожность превращалась в мрачный гротеск.

Некоторых фарисеев народ прозвал **шикми**, «крепкоплетчими», за то, что они вечно ходили согбенными, показывая, какую огромную тяжесть душеспасительных подвигов им приходится нести. Приходя в храм, Иисус мог видеть, как через площадь пробирались фарисеи, то и дело натыкавшиеся на встречных. Они боялись поднять глаза, чтобы не взглянуть случайно на женщину. Их шутивно называли **хицай**, «не-разбей-лба».

Естественно, что таких людей свобода Христова должна была раздражать и пугать; они видели в ней соблазн и угрозу для добрых нравов. В ту эпоху, по замечанию одного еврейского историка, фарисей-шаммаиты настойчиво проповедовали бегство от мира и аскетизм. Считалось, например, смертным гре-

хом, оторвавшись от богословской книги, сказать: «Как прекрасно это дерево!» Большое место фарисеи отводили постам. Иисус же хотя и признавал эти внешние проявления веры, но не делал их средоточием религиозной жизни.

Когда Он толковал Закон в духе учения пророков, книжники обвиняли Его в покушении на «предание старцев». Когда Он говорил, что милосердие угоднее Богу, чем обряды, в глазах фарисеев это был подрыв всей «подзаконной» системы.

Многим может показаться странной такая слепая преданность букве и форме. Однако нужно учитывать, что обрядоверие — упорный недуг, коренящийся в глубинах человеческой психики. Потому-то в истории бушевало столько страстей вокруг ритуалов и было пролито столько крови из-за церемоний. Сходная болезнь, подобная навязчивому неврозу, поражала нередко и христиан, которые забывали, что для Христа любовь к Богу и людям несравненно выше любых внешних предписаний.

Приверженцы буквы, ритуала и старины во все времена отличались одинаковой косностью. Драма фарисеев связана с типичным проявлением того, что впоследствии стали называть «фарисейством». Иерусалимские старейшины, как брахманы Индии, жили в постоянном страхе «осквернения». Про них говорили, что они готовы «очистить само солнце». Но, думая своей набожностью приблизить времена Мессии, вожди Израиля, сами того не сознавая, отвернулись от Того, Кто принес им весть о спасении.

Следует учесть еще одну причину вражды книжников к Иисусу. Евангелист Марк пронизательно замечает, что она коренилась в зависти⁹. Фарисеи привыкли считать себя мерилom правоты, и вдруг явился какой-то неведомый провинциал и покушается на их привилегии. Его деятельность не санкционирована никем из признанных авторитетов, Он не прошел их школы, не изучал богословия и Закона.

Людам, за плечами которых стоит многовековая традиция, нередко свойственна особая гордыня. Поэтому даже на Крестителя, хотя он был аскетом, фарисеи смотрели как на самозванца, и тем более дерзким казался им Назарянин.

Иисус говорил, что все это напоминает Ему детскую песенку:
*Мы играли вам на свирели, а вы не плясали,
мы пели вам печальные песни, а вы не били себя в грудь.*

В самом деле: «Пришел Иоанн, и не ест, и не пьет, и говорят: «в нем бес»; пришел Сын Человеческий, ест и пьет, и говорят: «вот человек, любящий есть и пить вино, друг мытарей и грешников»¹⁰.

Однако, повторяем, далеко не все фарисеи были ограниченными и узкими начетчиками. И среди них находилось немало людей живой и искренней веры, и среди них поднимались голоса протеста против ханжества и лицемерия. Поэтому первая проповедь Христа в Иерусалиме произвела на некоторых законников глубокое впечатление.

Во главе фарисеев стоял в то время внук Гиллея, Гамалиил.

Из Деяний Апостольских известно, что он проявил большую терпимость к новому учению, а многие фарисеи, воспитанные им, влились впоследствии в новозаветную Церковь. Сложилась даже легенда, что в конце жизни Гамалиил стал христианином и принял мученическую смерть. Это легенда, безусловно, вымысел, но само ее появление не случайно.

У раввинов была поговорка: «Слова человека, в котором есть страх Божий, будут услышаны»¹¹. Исцеления, совершенные Иисусом, заставили наиболее честных из фарисеев задуматься. От их лица к Нему пришел для беседы **Никодим**, член Совета старейшин. Но он предпочел встретиться с Иисусом ночью, чтобы не вызвать насмешек у более строгих собратьев¹².

— Равви! — сказал он, войдя в дом. — Мы знаем, что Ты от Бога пришел Учителем, ибо никто не творит те знамения, которые Ты творишь, если Бог не с ним.

— Истинно, истинно говорю тебе, — ответил Иисус, — если кто не родится свыше, не может увидеть Царства Божия (то есть мало признать Иисуса — нужен духовный переворот, изменяющий жизнь).

— Как может человек родиться, будучи стар? — не понял Никодим. — Может ли он вторично войти в утробу матери своей и родиться?

— Если кто не будет рожден от воды и Духа, не может войти в Царство Божие. Рожденное от плоти есть плоть, и рожденное от Духа есть дух. Не удивляйся, что Я сказал тебе: нужно, чтобы вы родились свыше. Ветер веет, где хочет, и голос его слышишь, и не знаешь, откуда приходит и куда уходит*. Так и рожденный от Духа.

— Как это может быть? — продолжал недоумевать старик.

— Ты — учитель израильский, и этого не знаешь?..

О ветре Христос говорил не случайно. Он сравнивал его вольный порыв со свободой человека, который обрел истинное богопознание. Для того, кто «родился в Духе», вера уже есть нечто большее, чем просто система обрядов. Он — сын Господень, дитя Его Царства.

После этой беседы Никодим, по-видимому, стал тайным последователем Иисуса. Среди них Евангелия называют также Иосифа Аримафейского — знатного старейшину из Иерусалима — и некоторых «начальствующих» лиц, которые, скорее всего, принадлежали к фарисеям. И все же они остались в меньшинстве. Подавляющее же число законников встретило Иисуса подозрительно. А по мере того, как они знакомились с Его учением, их недовольство и враждебность возрастали.

Когда Иисус покинул Иерусалим, ученики поняли, что Он не только не приблизился к царскому трону, но вооружил против Себя влиятельные партии города. Простые крестьяне, они были приучены относиться с пиететом к духовенству и книжникам. Видя тревогу друзей, Учитель сказал: «Всякое растение, которое не Отец Мой небесный насадил, искоренится. Оставьте их. Они

* Древнееврейское слово «руах» и греческое πνεύμα означают и «ветер», и «дух».

слепые поводыри слепых. Если же слепой поведет слепого, оба упадут в яму»¹³.

С тех пор Иисус еще не раз посетит Иерусалим, но признан там не будет. В Его общину войдут преимущественно галилеяне, а жителям Юга Он останется чужд. Характерно, что для евангелиста Иоанна слово «иудей» есть почти синоним человека, враждебного Христу.

На обратном пути в Капернаум Иисус свернул к берегам Иордана. Там Он продолжил Свою проповедь, а ученики крестили народ. Исцеления стали привлекать к Назарянину больше людей, чем к Иоанну, который не совершал чудес. Чувство соперничества невольно овладело учениками Крестителя. Они пошли на западный берег реки, в деревню Энон, где в то время жил пророк, и, найдя его, стали жаловаться: «Равви, Тот, Кто был с тобой по ту сторону Иордана и о Ком ты засвидетельствовал, вот Он крестит, и все идут за Ним».

Однако Иоанна весть эта не могла опечалить. Ведь он не называл себя ни пророком, ни Мессией. Если Галилеянин послан свыше, если Он и есть Грядущий, то иоанниты должны не ревновать, а радоваться. Сам пророк считает себя лишь гостем на празднике Другого. «Имеющий невесту есть жених,— сказал он,— а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется голосу жениха. Эта радость моя теперь полна. Ему должно расти, а мне уменьшаться»¹⁴.

Предтеча Христов как будто предвидел свою близкую участь. Очень скоро деятельность его была прервана. В последние месяцы религиозное брожение на Иордане стало беспокоить правителя Галилеи. Тетрарх боялся, что еще немного, и будет поздно. Ироду могли донести о выпадах Иоанна против него лично и о словах пророка, который обещал народу «указать путь освобождения от всех земных владык»¹⁵.

Словом, поводов для ареста было вполне достаточно.

Иисус еще находился у Иордана, когда в Энон явились солдаты. Креститель был закован в цепи и отвезен к тетрарху. Антипа приказал держать его под стражей в крепости Махерон, стоявшей у моря на краю пустыни.

Почему правитель не распорядился арестовать также и Иисуса, мы не знаем. От фарисеев он мог уже слышать, что Назарянин «больше приобретает учеников и крестит, чем Иоанн»¹⁶. Но, по-видимому, Антипа не счел нового Проповедника опасным и решил не трогать Его до поры до времени.

Когда же Иисус узнал о том, что Креститель схвачен, Он покинул Иорданскую область.

Час Его страданий еще не пробил.

Глава седьмая
ЗНАМЕНА ЦАРСТВА
Весна — лето 28 г.

Евангелисты свидетельствуют, что народ «дивился» учению Иисуса; но не меньшее впечатление производила Его сила,

побеждающая стихии и недуги. О Нем рассказывали в первую очередь как о Чудотворце. Впоследствии и христиане нередко были готовы видеть в чудесах главное доказательство сверхчеловеческой природы Иисуса. Однако Сам Он недвусмысленно отклонял подобную мысль:

Имейте веру в Бога.

Истинно, истинно говорю вам:

кто скажет горе этой: «поднимись и бросься в море»,

и не усомнится в сердце своем,

*но будет верить, что совершится то, что он говорит,—
будет ему¹.*

Тем самым Иисус давал понять, что власть над природой входит в замысел Божий о человеке, соответствует его призванию. Если он достигает единения с Духом, для него «нет ничего невозможного»².

Чудо, однако,— нечто гораздо большее, чем простое нарушение естественного порядка. В нем открывается глубина вещей, иное измерение, где преодолены законы тленного мира и царствует свобода. Когда люди соприкасаются с этим измерением, то, по слову Христа, их «достигло Царство Божие»³.

Истинных Своих учеников Иисус избавляет от рабства «плоти».

Вот знамения, которые будут сопровождать уверовавших:

именем Моим будут изгонять бесов,

будут говорить на новых языках,

будут брать змей;

и, хотя бы смертное что выпили,

не повредит им;

на больных будут возлагать руки,

и они будут здоровы⁴.

Это как бы заданность космического масштаба, свершение которой началось в жизни апостолов, а за ними — великих святых и мистиков, хотя полностью цель будет достигнута лишь в Царстве Божием, когда человек станет наконец подлинным венцом творения.

Есть толкователи, которые доказывают, что слова Писания о чудесах нужно рассматривать не буквально, а «иносказательно». Бывали, конечно, случаи, когда библейские метафоры приносились за реальные факты. Но это отнюдь не означает, что все сказанное в Ветхом и Новом Завете о чудесах — вымысел или «символ». Если так думают сторонники догматического материализма («этого не может быть, потому что не может быть никогда»), удивляться нет оснований, но совсем странно звучит подобное мнение в устах некоторых теологов, желающих во всех чудесах Евангелия непременно видеть аллегорию.

Вот, склонившись над безжизненным телом, Иисус произносит: «талита, кум» (девочка, встань) или, касаясь уха глухого, говорит: «этфатах» (откройся). Перед нами вовсе не символ, а подлинные арамейские слова Господа, которые врезались в память очевидцев.

Тот, кто хочет доказать, что явления, называемые чудесами, немислимы, не учитывает, как мало еще известно о тайнах

Спас. Новгородская икона конца XV века.

Вход Господень в Иерусалим. Новгородская икона конца XV века.

Воскрешение Лазаря. Новгородская икона конца XV века.

Храм Иерусалимский.

бытия. Но почему-то даже люди, которые склонны верить самым удивительным сообщениям о йогах, рассказы Нового Завета встречают скептически. На это есть духовная причина. Принятие Евангелия требует внутреннего решения, выбора, перемены всех жизненных установок.

Иисус называл Свои чудеса «знамениями», знаками, признаками наступления иной эпохи. Совершенный Человек, Он одолевает законы падшего мира, указывает путь борьбы с нравственным и физическим несовершенством.

Редко Его власть проявлялась в повседневной жизни как бы мимоходом, неожиданно, вызывая у учеников страх. Так, однажды, еще до призвания апостолов, когда Петр с друзьями безуспешно рыбачили целую ночь, Иисус указал им, где следует закинуть сеть; и, к изумлению всех, она наполнилась сразу. Большие скопления рыб всегда бывают в Галилейском море; люди, постоянно ходившие на промысел, знали об этом. Но как мог Учитель определить нужное место сквозь толщу воды? Симон был настолько поражен, что просил Иисуса выйти из его лодки. Он ощутил себя грешником, недостойным того, чтобы находиться рядом с Господом...

В другой раз Христос с учениками переправлялись на закате дня через озеро. Они покинули толпу поспешно: утомленный Иисус сел в лодку «как был», оставив на берегу плащ, и, расположившись на корме, тотчас заснул. Тем временем внезапно налетел шквал. Но ни шум волн, ни качка не могли разбудить Учителя. Тогда испуганные рыбаки сами прервали Его сон: «Равви, тебе все равно, что мы погибаем?» Иисус поднялся и, взглянув на волны, сказал: «Молчи, стихни!» Все сразу почувствовали, что ветер стал ослабевать.

Когда буря прекратилась, Христос упрекнул учеников: «Что вы так боязливы? Как у вас нет веры?» Но теперь их ужасала сама наступившая тишина: «Кто же Он, что и ветер и море повинуются Ему?»

Чаще всего, однако, могущество Иисуса проявлялось в воздействии на людей. Его чудеса были актами милосердия. Телесные недуги и безумие Он называл проявлениями власти Сатаны, которую Ему нужно сокрушить. Покорившееся злу человечество есть больной, который ждет исцеления. Исцелять — значит идти против дьявольских сил. И в Своих последователях Иисус хотел видеть соучастников великой битвы, протягивающих руку страдающему миру. «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня будет творить дела, которые Я творю, и больше этих будет творить». Когда ученики не смогли помочь больному, Он, глубоко скорбя, назвал их «родом неверным»⁵.

Иисус нередко указывал на тесную связь между состоянием тела и души. Исцелив параличного, Он предупредил его: «Вот ты стал здоровым, больше не греши, чтобы не случилось с тобой чего худшего»⁶.

Для Учителя одно из главных условий выздоровления была **вера** больного, он должен был активно содействовать процессу

исцеления. Маловерие препятствует победе над болезнью. Наглядно убедиться в этом ученики смогли после того, как Иисус побывал в «Своем отечестве», в Назарете. Некоторое время Он избегал приходить в городок, «где был воспитан», но теперь, видимо, решил, что настал час подвергнуть назарян испытанию.

Была суббота, и в молитвенный дом стекло почти все население Назарета. Когда, согласно обычаю, наступило время читать Библию, Иисус поднялся на амвон, и Ему протянули свиток Писания. Он развернул его и прочел строки из Книги Исаяи.

*Дух Господень на мне,
ибо Он помазал меня благовествовать бедным
и послал меня исцелять сокрушенных сердцем,
проповедовать узникам освобождение,
возвещать прозрение слепым,
отпустить пленников на свободу,
проповедовать время Господне благословенное.*

Ис 61, 1—2

Вернув свиток служителю, Иисус сел. В наступившей тишине глаза всех были прикованы к Нему. Он знал, что собравшиеся полны сомнений, что даже Его братья, бывшие тут, не верят в Его посланничество. Тем не менее Иисус заговорил, объясняя прочитанные Им слова пророка: «Ныне исполнилось писание это, слышанное вами...»

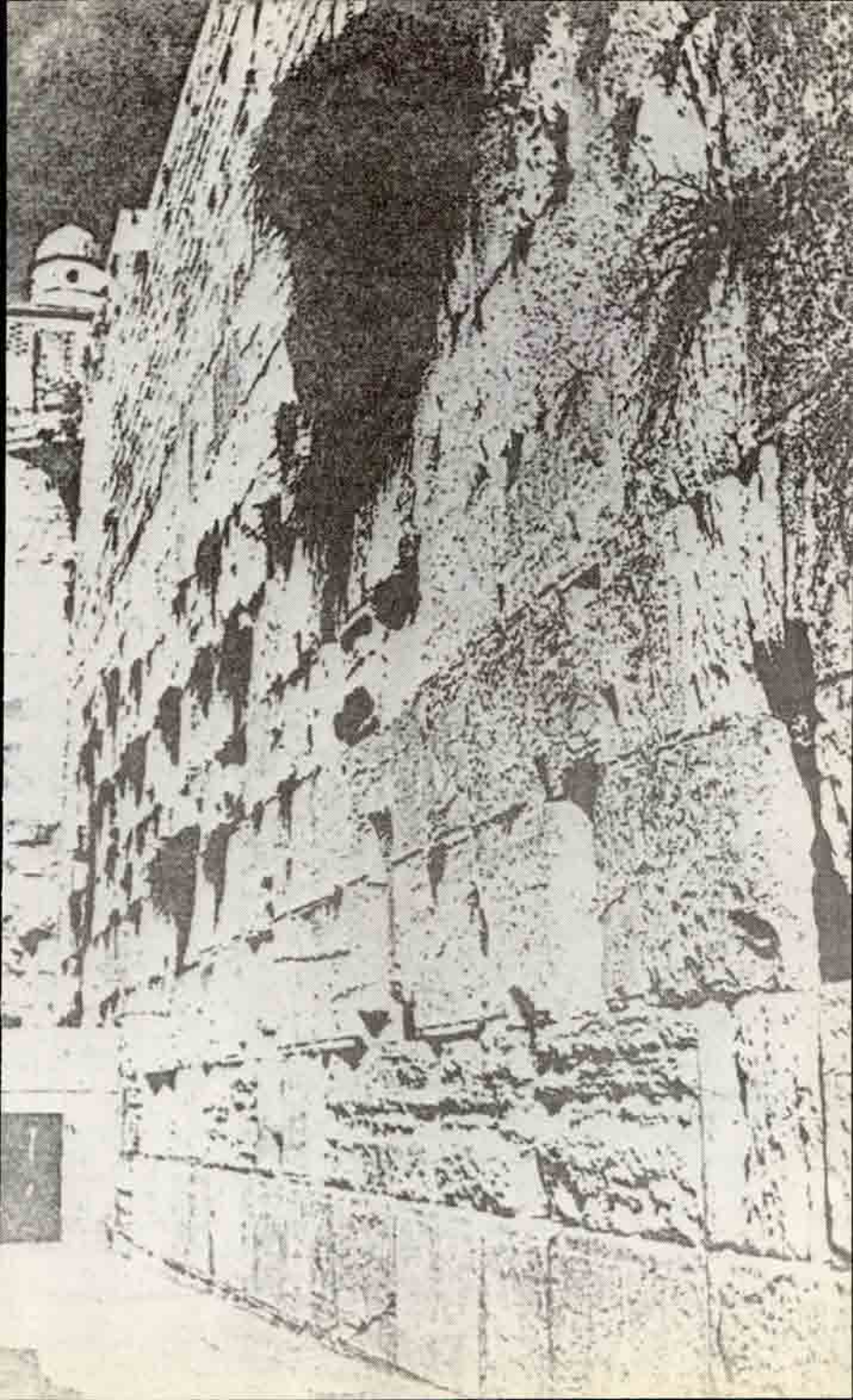
По рядам односельчан пробежал ропот. Когда этот Человек, еще вчера выполнявший их заказы, успел стать учителем, раввином? Многие презрительно пожимали плечами: «Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли среди нас Его сестры?»

Нашлись и такие, что, желая проверить слухи, дошедшие из Капернаума, предложили Ему совершить какое-нибудь чудо. Они даже привели больных. Но исцеления не произошло. Сила Иисусова натолкнулась на глухую стену неверия. Он Сам был поражен безнадежной черствостью этих людей.

«Ни один пророк не бывает принят в отечестве своем», — сказал Он, покидая Назарет.

Иногда при исцелениях Иисус прибегал к внешним действиям: накладывал руки на больное место или мазал его смоченной землей, а потом посылал человека смыть ее. В некоторых случаях Он желал остаться наедине с исцеляемым. Но все это делалось лишь для того, чтобы помочь людям укрепить в себе веру. «Вера твоя спасла тебя», «Не бойся, только веруй», — говорил Учитель.

Подчас даже слабых проблесков веры было достаточно. Так, отец мальчика-эпилептика терзался сомнением, но всеми силами хотел побороть его. «Верую, Господи, — стонал он, — помоги моему неверию!» И его отчаянный вопль был услышан. Это показывает, что доверие близких могло как бы заменять веру самого больного. Как-то раз в Капернауме родственники принесли к Учителю человека, разбитого параличом, но из-за толпы не смогли протиснуться в дом. Тогда они разобрали плоскую кро-

влю и спустили носилки прямо к ногам Иисуса. И чудо свершилось, потому что, как говорит евангелист Марк, Господь «увидел веру их». А по просьбе римского центуриона и одного из царедворцев Антипы Христос исцелил их слуг, даже не видя больных в лицо.

Не следует, впрочем, думать, что Иисус всегда с легкостью совершал исцеления. Свой земной путь Он проходил, еще не имея «всякой власти на небе и на земле»; к тому же немалым препятствием оказывались сами люди, их малодушие и сомнения. Мы читаем, как Он «с тяжким вздохом», обратив лицо к небу, словно одолевая преграду, изгоняет недуг.

Иисус почти физически ощущал силу, исходящую от Него. Однажды Он шел среди огромной толпы, и некая женщина, страдавшая кровотечением, тайком дотронулась до кистей Его плаща. Быстро оглянувшись, Иисус спросил:

— Кто прикоснулся ко Мне?

— Наставник,— удивился Петр,— народ окружает Тебя и теснит.

— Прикоснулся ко Мне некто,— возразил Иисус,— ибо Я почувствовал силу, исходящую от Меня.

Тогда женщина в смущении припала к ногам Учителя и призналась, что это она.

— Дочь Моя,— сказал Он,— вера твоя спасла тебя, иди с миром и будь здорова от недуга твоего⁷.

164 В ту бурную переломную эпоху, как и в наши дни, широкое распространение получили психические болезни. Если Ветхий Завет почти не знает их, то Евангелия наводят на мысль о какой-то эпидемии душевных недугов. Особенно страшен был загадочный вид безумия — одержимость, или беснование⁸. Человек, страдавший им, чувствовал мучительное раздвоение личности: казалось, в него вселялся кто-то чуждый и враждебный. Большой кричал неестественным голосом, говорил от лица бесов, живущих в нем, уверяя иногда, что в нем живет целая армия демонов. Многие из одержимых были подвержены припадкам лишь иногда, другие совсем не приходили в себя и убегали из населенных мест в дикие пустыни. Порой они жили в заброшенных гробницах, и люди в страхе слышали по ночам их завывания и хохот.

Христос одним Своим присутствием поразительно действовал на этих несчастных; иной раз достаточно было одного Его властного слова или прикосновения, и душа освобождалась от владевших ею темных сил.

Возвращая их к новой жизни, Иисус требовал от исцеленных полной внутренней перестройки. Демоны паразитируют на грехах. Если в дальнейшем дух новой жизни не заполнит человека, одержимость вернется с удвоенной силой.

Современники Христа представляли себе бесов натуралистически, в виде злокозненных существ, обитающих в пустыне. Поэтому, чтобы быть понятым, Учитель облек Свою мысль в такую притчу: «Когда нечистый дух выйдет из человека, то

бродит по безводным местам, ища покоя, и, не находя, говорит: «возвращусь в дом мой, откуда вышел», и, придя, находит его выметенным и убранным. Тогда он идет и берет других духов, злейших себя, числом семь, и, войдя, они поселяются там, и становится для человека того последнее хуже первого»⁹.

Слух об исцелениях в Галилее с самого начала стал вызывать беспокойство у иерусалимских блюстителей Закона. Только что были пресечены подозрительные сборища на Иордане, и вот снова нужно принимать меры для охраны правопочтения и вразумления невежд. Уже не в первый раз Галилея доставляла хлопоты столице. Кое-кто хорошо помнил партизан Иуды Гавлонита. Темный народ на севере всегда готов верить лжепророкам и шарлатанам.

Однако, прибыв в Капернаум, книжники поняли, что им трудно оспаривать реальность совершаемых чудес. Поэтому они стали всячески изощряться в поисках удобного объяснения. Ведь не могли же они, как Никодим, верить, что Бог действует через презираемого ими Назарянина. Одни из них решили, что Иисус научился магии в Египте, а другие пытались убедить народ в том, что Он изгоняет бесов, заключив союз с их «князем» Веельзевулом*. Но Иисус сразу же поставил в тупик изобретателей этих хитроумных гипотез. Он спросил книжников: как может бес изгонять беса, не будет ли это похоже на междоусобную войну, гибельную для всего царства демонов? Он прямо обвинил Своих противников в хуле на Духа Божия, силою Которого творятся чудесные дела милосердия. Как могут они выдавать себя за служителей веры, если неспособны отличить добра от зла?

*Или назовите дерево добрым и плод его добрым,
или назовите дерево плохим и плод его плохим,
ведь по плоду познается дерево.*

*Отродье змеиное, как можете вы говорить доброе,
будучи злы?*

*Ибо от избытка сердца говорят уста*¹⁰.

Стрела попала в цель. Надменные богословы были посрамлены перед всем народом. Гневу их не было предела, и, собравшись тайно, они решили, что необходимо положить конец соблазну, который сеет Иисус.

Когда Учитель в следующий раз посетил Иерусалим на праздник, Своими поступками и речами Он вызвал еще большее негодование. На этот раз Он уже открыто возвестил, что чудеса есть знак Его высшего посланничества. Вступая в поединок с державой тьмы, Он выполняет волю Отца. Жизнь и благословение исходят от Бога, поэтому и Тот, Кто послан Им на землю, призван исцелять и давать жизнь.

Отец Мой доньше делает, и Я делаю...

Истинно, истинно говорю вам:

не может Сын творить Сам по Себе,

* Веельзевул (Баал-Зевул, т. е. Владыка дворца) был древним ханаанским божеством. Впоследствии этим именем стали называть главу злых духов.

*если не видит Отца творящим,
ибо, что Он творит, то и Сын творит так же...
Кто не чтит Сына, не чтит Отца, пославшего Его.
Истинно, истинно говорю вам:
слово Мое слушающий
и верящий Пославшему Меня
имеет жизнь вечную¹¹.*

Этих речей правоверные уже не могли стерпеть. Мало того, что Назарянин нарушает Закон, Он еще и называет Себя Сыном Божиим. Книжники обступили Его и потребовали, чтобы Он дал такое «знамение с неба», которое бесспорно убедило бы всех. Но Иисус отверг это требование. «Род лукавый и прелюбодейный знамения ищет,— со вздохом сказал Он.— Но не будет дано ему знамение, кроме знамения Ионы*». Ибо как оказался Иона знамением для ниневитян, так будет и Сын Человеческий для этого рода. Царица Юга будет воздвигнута во время суда вместе с людьми рода этого и осудит их, потому что она пришла от пределов земли послушать мудрость Соломону; и вот то, что здесь,— больше Соломона. Люди ниневийские восстанут во время суда вместе с родом этим и осудят его, потому что они покаялись от проповеди Ионы, и — вот то, что здесь,— больше Ионы»¹².

Для того ли Сын Человеческий отверг искусителя в пустыне, чтобы теперь демонстративными чудесами доказывать Свою власть? Напротив, он постоянно скрывал от толпы совершаемые Им исцеления. «Не рассказывай никому»,— часто просил Он человека, которому возвратил здоровье. И обычно лишь против Его воли люди разносили повсюду весть о небывалых событиях. Тем более не хотел Христос делать чудеса орудием пропаганды и этим способом заставлять врагов слушать Его. Пусть они судят о Нем, как подсказывает им совесть. Только поверившим в Иисуса, только духовно исцеленным чудеса будут открываться как признак вхождения Бога в мир.

«Знамения Царства» волновали не одних ученых богословов. Был человек, чья душа страдала в те дни, раздираясь между сомнениями и надеждой, человек, который размышлял об Иисусе и задавал себе вопрос: кто же Он?

В Махероне Крестителя содержали в своего рода почетном заточении. Антипа даже вел с Иоанном беседы и терпеливо выслушивал его обличительные речи. Иногда в крепость допускались ученики Крестителя. Они приносили ему вести из внешнего мира. От них Иоанн узнал о событиях в Галилее, о проповеди и чудесах Человека из Назарета. Пророк, конечно, помнил видение на Иордане и был уверен, что Иисус — истинный Посланник Божий. Но следует ли считать Его именно Мессией? Ведь прошло уже много месяцев, а Назарянин все еще живет в Капернауме в окружении рыбаков и простого люда. Где же величие и слава Царства, глашатаем и предвестником которого был Иоанн?

Чтобы рассеять недоумение, Иоанн послал из Махерона двух

* Ветхозаветный пророк, проповедник покаяния.

своих учеников к Иисусу. «Ты ли Грядущий или ожидать нам другого?» — спрашивал он¹³.

Посланные отправились в Капернаум и нашли Иисуса, как всегда, окруженного толпой. На заданный вопрос Он не ответил прямо, а только сказал: «Пойдите и возвестите Иоанну, что вы видели и слышали: слепые прозревают, хромые ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат, нищим благовествуются, и блажен тот, кто не соблазнится из-за Меня».

После ухода иоаннитов Иисус обратился к народу и заговорил с ним о Крестителе.

К кому ходили иудеи в пустыне? К пророку? Да. Иоанн был пророком, но он имел и иное, более высокое призвание: стать Предтечей Мессии. Он — избранный Небесами вестник. «Говорю вам, среди рожденных женами нет ни одного большего, чем он»¹⁴. «Закон и Пророки», Ветхий Завет, простирается до Иоанна. Отныне наступает иная пора, когда людям открыто Царство. Однако Иоанн остановился на границе двух Заветов, не перейдя ее. Поэтому «меньший в Царстве Божием больше его». По-видимому, Христос имел в виду, что представления Иоанна о помазаннике не были свободны от идей земного мессианизма. И, следовательно, Иисус не мог ответить ему определенно: «Да, Я — Тот, кого ты ждал». Истинный Мессия явился не повелевать, а служить, не карать, а исцелять и проповедовать Благою Весть. Он — Спасающий, и Его дела есть знамения Царства.

Глава восьмая
ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ.
СМЕРТЬ ПРОРОКА
Осень 28 г. — весна 29 г.

167

Если не считать коротких путешествий в Иудею, Иисус в течение года не покидал Генисаретской области, проповедуя в поселках, расположенных на северо-западной стороне озера. В Тивериаде, столице Ирода Антипы, где жили по большей части язычники, Он не появлялся. Около Гадары Его встретили враждебно. Единственным городом на восточном берегу, где Он учил беспрепятственно, была Вифсаида. Однако уже с самого начала Христос стал готовить учеников к мысли о более широкой проповеди Евангелия. «Поднимите глаза ваши, — говорил Он, — и взгляните на нивы, как они уже побелели к жатве... Жатвы много, а работников мало»¹. Из преданных слушателей ученики должны превратиться в «ловцов человеков», в деятельных сподвижников своего Учителя.

Именно для этой цели и были избраны *Двенадцать*.

В ветхозаветной Церкви существовали «шелухим», посланники, или по-гречески *апостолы*. Они были представителями общины, развозили письма, решали спорные вопросы, собирали

* Эти слова не касаются Девы Марии, т. к. подлинный текст имеет в виду лиц мужского пола.

пожертвования, сообщали о днях праздников. По двое ходили они из города в город, обеспечивая связь между рассеянными очагами Израиля. Новозаветной Церкви тоже надлежало иметь таких апостолов.

Накануне их избрания Иисус молился всю ночь, уединившись на горе, а утром собрал учеников, чтобы поименно назвать Двенадцать и разъяснить им их миссию. Он говорил о Царстве Божиим, о новой жизни, которую оно приносит, о блаженстве призванных. В этот день поистине было положено основание Церкви-благовестницы. Она должна явиться ответом на чаяния мира.

Евангелист Матфей пишет, что незадолго до призвания Двенадцати Иисус, полный сострадания, смотрел на толпы, «которые были изнурены и полегли, как овцы без пастыря»². Апостолы пойдут к этим страждущим, неся им духовное и телесное исцеление. Каждый их день и каждый шаг огненные принадлежат только Богу и людям. Они станут вольными путниками и будут жить, подобно птицам небесным, не заботясь ни о чем. Им не нужно брать с собой ни денег, ни запасов, ни лишней одежды. Кров и хлеб они получают от тех, кто примет посланцев, ибо «трудящийся достоин пропитания своего»³.

Миссионерский поход апостолам надлежит начать с народа Господня. Время для обращения мира еще впереди; пока же Иисус заповедует:

*На путь к язычникам не идите
и в город самарянский не входите.
Идите лучше к овцам погибшим
дома Израилева.*

Даже Себе Он ставит эти границы. Израильтянам первым был дан Завет через Моисея и пророков, и поэтому они первые должны оказаться перед выбором: принять благовестие или отринуть его?

Ученикам не следует думать, что им поручено легкое дело. Многие с радостью встретят их, но еще больше появится у них противников.

*Вот Я посылаю вас, как овец посреди волков:
итак, будьте разумны, как змеи,
и бесхитростны, как голуби.
Берегитесь же людей:
ибо они предадут вас в судилища,
и в синагогах своих подвергнут вас бичеванию,
и к правителям и царям поведут вас за Меня
во свидетельство им и язычникам.
И, когда предадут вас,
не заботьтесь, как или что вам сказать,
ибо не вы будете говорить,
но Дух Отца вашего будет говорить в вас.*

*Продаст же брат брата на смерть,
и отец дитя свое;
и восстанут дети на родителей,*

*и умертвят их;
и будете ненавидимы всеми за имя Мое.
Претерпевший же до конца,
он и будет спасен...*

*И не бойтесь убивающих тело,
души же не могущих убить,
а бойтесь лучше могущего и душу и тело
погубить в геенне.*

*Не два ли воробья продаются за ассарий?
И ни один из них не упадет на землю
без воли Отца вашего.*

У вас же и волосы на голове все сочтены.

Не бойтесь же:

вы лучше многих воробьев ⁴.

Те, кто вручил себя Иисусу, освобождаются от рабства «миру сему». Господь всегда с ними. Он сделал их Своими «друзьями» с того момента, как они пошли за Ним. Царство, которое им предстоит возвещать, есть Царство Сына Человеческого. Верить Богу — значит верить Иисусу.

*Всякого, кто исповедует Меня перед людьми,
исповедую и Я перед Отцом Моим,
Который на небесах.*

*И кто отречется от Меня перед людьми,
отрекусь и Я от него перед Отцом Моим,
Который на небесах.*

Нередко бывает справедлива пословица: «Враги человеку домашние его». Пусть даже самые близкие люди будут отвращать апостолов от их служения, они должны помнить, что обрели иное, высшее родство и ему, прежде всего, должны хранить верность. «Любящий отца или мать более Меня недостойн Меня» ⁵.

Эти суровые слова, вероятно, заставили содрогнуться даже самых мужественных из апостолов, но они сумели понять их смысл, понять, что Учитель говорит лишь о том, насколько полным и окончательным обязан стать их выбор.

Если посланцы проникнутся духом Иисусовым, Он Сам будет действовать через них и в них. «Принимающий вас — Меня принимает, слушающий вас — Меня слушает» ⁶.

Апостолы Христовы получают власть примирять души с Богом.

*Как послал Меня Отец,
и Я посылаю вас...*

*Если кому отпустите грехи — отпущены им;
если на ком удержите — удержаны...*

*Что свяжете на земле — будет связано на небе,
и что разрешите — будет разрешено на небе ⁷.*

По образу Сына Человеческого ученики Его станут сеятелями Слова и целителями. Отныне их жизнь отдана служению, как жизнь их Наставника и Господа. Впоследствии апостол Павел, хотя он и не был одним из Двенадцати, засвидетельствовал это таинство «преображения во Иисуса». «Живу больше не я, но живет во мне Христос», — говорил он. «Подражайте

мне, как я Христу»⁸. И это были не слова превозношения, а призыв отдавать себя Богу и миру, как отдал себя Иисус Назарянин.

Когда Двенадцать, разделившись по двое, ушли в окрестные города, Иисус остался один. А вскоре Ему сообщили о трагедии, которая разыгралась в Махероне.

У Иоанна Крестителя был в доме тетрарха враг, уже давно добивавшийся его смерти,— Иродиада, жена Антипы. Первый раз она была замужем за его братом, которого Ирод Великий лишил наследства. Честолюбивая женщина тяготилась своим унижительным положением и мечтала о власти. Когда в 26 году Антипа гостил в доме брата, она сумела обворожить тетрарха. Тому было уже за пятьдесят, но он влюбился в родственницу и решил жениться на ней. Препятствий для этого было немало. Предстояло развестись с первой женой, дочерью союзника, набатейского царя Ареты IV. Узнав о планах Антипы, его супруга с помощью верных бедуинов бежала к отцу в Набатею. Это привело к дипломатическому разрыву с Аретой. В самой Иудее поступок Ирода вызвал единодушное осуждение: Иродиада была его племянницей и женой брата — таким образом тетрарх дважды нарушил Закон. Но правителя ничто не могло остановить.

Иоанн Креститель, еще будучи на свободе, открыто высказывался против этого кровосмесительного брака. Он не перестал упрекать Ирода и после того, как тот заточил его в крепость. Поэтому узник продолжал быть опасным для Иродиады. Она искала повода разделаться с ним, но видела, что слабохарактерный муж едва ли решится осудить и казнить Иоанна. Долгожданный случай все же представился.

Ирод справлял день своего рождения, и в махеронском дворце собралось много почетных гостей — военачальников и старейшин Галилеи. Когда пир был в разгаре, на середину зала выбежала Саломея, дочь Иродиады, и, к неописуемому восторгу всех, исполнила зажигательный сирийский танец. «Проси у меня, что хочешь!» — кричал пьяный тетрарх. Он призвал в свидетели присутствующих, что клятвенно обещает выполнить любое пожелание девушки. Саломея, посоветовавшись с матерью, повторила слова, подсказанные ей Иродиадой: «Подай мне сейчас же на блюдо... голову Иоанна Крестителя».

Лицо Антипы помрачнело. Пророк всегда внушал ему уважение, и к тому же он опасался реакции народа. Да и римляне не любили внесудебных расправ. Однако Ирод, не желая нарушить слово, данное при знатных гостях, приказал телохранителю спуститься в темницу. Скоро тот вернулся с окровавленной головой Иоанна в руках. Ее положили на блюдо, а Саломея отнесла страшный дар матери...

Так погиб «величайший из рожденных женами». Ему было немногим более тридцати лет. Успел ли он получить ответ Иисуса? Мы не знаем. Но он умер, как жил, — несгибаемым свидетелем правды Божией.

Тело пророка отдали ученикам. Похоронив его, они поспешили в Галилею сообщить о случившемся Иисусу. Иоанниты знали,

Апостолы собирают зерно.

что в последние дни мысли их наставника постоянно возвращались к Человеку из Назарета.

С тех пор Антипу стал преследовать страх. Услышав об Иисусе, он уверял окружающих, что это восстал из мертвых казненный им праведник. Когда Арета IV напал на Ирода и захватил Махерон, люди говорили, что Бог покарал тетрарха за убийство Иоанна.

Тем временем в Капернаум вернулись Двенадцать. Успех вдохновил их, и они в восторге описывали Иисусу «все, что сделали и чему научили». Однако радость их была омрачена печальной новостью. Теперь, после казни Иоанна, любой из них подвергался опасности. Тетрарх мог перейти к враждебным действиям и против новых проповедников. Учитель должен был сохранить свою зарождающуюся Церковь. «Пойдите вы,— сказал Он апостолам,— отдельно от других в пустынное место и отдохните немного». Сам же Он сел в лодку и переправился на восточный берег к границам владений Ирода Филиппа.

Вскоре за Ним последовали и ученики.

Глава девятая

«ХЛЕБ ЖИЗНИ»

Весна — лето 29 г.

172 В то время как над маленькой общиной впервые нависла реальная угроза со стороны властей, проповедь Иисуса достигла наибольшего успеха. Его постоянно сопровождали жители Галилеи и Декаполиса, Иудеи и Иорданского округа и даже Финикии. Молва о Нем «прошла по всей Сирии». Никогда раньше такие толпы не стекались к Учителю. Хотя неизвестно, сколько из этих людей вошло позднее в первую Церковь, но та весна бесспорно принесла Евангелию обильную жатву.

Когда Иисус скрылся из Капернаума, народ стал разыскивать Его. Невзирая на близость Пасхи, многие галилеяне, вместо того чтобы собираться в Иерусалим, отправились в обход озера к Вифсаиде, надеясь встретить там Учителя. И вновь Иисус увидел «овец дома Израилева», блудущих, как стадо без пастуха. Среди пустынных холмов Он казался им новым Моисеем, который поведет их по дороге свободы. «Сжалившись над ними», Иисус долго беседовал с людьми и исцелял приведенных к Нему больных...

Незаметно спустился вечер, и скоро ночь должна была окутать побережье. Ученики забеспокоились:

— Это место пустынно, и час уже поздний,— сказали они Иисусу.— Отпусти их, чтобы они пошли в окрестные деревни и селения и купили себе поесть.

— Вы дайте им поесть,— ответил Он.

— Не пойти ли нам купить хлеб динариев на двести и дать им есть?— спросил один из апостолов. Ведь община имела свои сбережения, а некоторые из пришедших, вероятно, взяли с собой деньги. Филипп, впрочем, выразил сомнение, будет ли и этого достаточно. Тогда Иисус спросил:

— Сколько у вас хлебов? Идите, посмотрите.

— Есть тут мальчик,— сказал Андрей,— и у него пять хлебов ячменных и две рыбки. Но что это для такого множества?

Вместо ответа Учитель велел им рассадить собравшихся рядами на зеленой весенней траве и, взяв хлебы, произнес над ними молитву благодарения. Торжественным жестом Он преломил их и роздал ученикам. Смущенные, они стали разносить по рядам скудную пищу, но скоро, к своему изумлению, убедились, что хватает на всех...

На первый взгляд может показаться, что Христос в этом случае как бы уступил искусителю, который некогда предлагал Ему превратить камни в хлеб. Но на самом деле в том, что Он совершил, не было компромисса. Слова «не хлебом единым жив человек» оставались в силе. Учитель хотел, чтобы толпа шла к Нему прежде всего за духовной пищей. Если люди будут искать Царства Божия, «все остальное приложится им». Предание сохранило знаменательные слова Христа: «Просите о великом, и бог даст вам сверх того и малое»¹.

Мы никогда не узнаем, как именно произошло умножение хлебов, но важно совсем не это. Накормив народ, Иисус показал, что подлинная живая вера и единение душ в благодати могут стать залогом не только небесного, но и земного благословения.

Не случайно, что это событие описано у всех четырех евангелистов, а ранние христиане любили изображать его на стенах катакомб. Мистерия праздничной трапезы братьев явилась предвосхищением Евхаристии, таинства Благодарения, которое Сын Человеческий сделал средоточием Своей Церкви.

В тот вечерний час окрестности Вифсаиды стали свидетелями первых шагов к открытому **признанию** Царства. Вера, хоть и на короткое время, казалось, победила. Лжепророк и святотатец, по мнению богословов, опасный возмутитель черни в глазах политиков, Иисус был восторженно встречен тысячами людей, которые провели с Ним предназначенные дни и участвовали в священном Преломлении хлеба.

Когда спустилась ночь и огни костров зажглись в долине, людям было трудно заснуть. Всех охватило радостное возбуждение. «Воистину Он — Пророк, который грядет в мир!» — раздавались повсюду крики. Хотя Иисус не требовал для Себя царских почестей, галилеяне были уже готовы увести Его **силой** и провозгласить своим повелителем. Их мысли приняли обычное направление. Свет Царства, евхаристический «знак» богообщения вновь заслонились ожившими иллюзиями...

Энтузиазм толпы мог передаваться ученикам, что было опаснее всех гонений Ирода. И снова нужно скрываться, бежать. Иисус не медлит ни минуты. Он приказывает Двенадцати сесть в лодку Симона и плыть вдоль берега к Вифсаиде. Не понимая причины такой поспешности, они молча повинуются, а Он, не замеченный никем, под покровом ночи, один уходит на гору, откуда в свете луны Ему видна лодка, которая борется с противным ветром.

Ученики ждали, что Иисус скоро спустится к берегу, однако Он не покидал Своего убежища. К трем часам ночи их отнесло почти на середину озера. Теперь приходилось думать только о том, чтобы лодка не опрокинулась. Внезапно апостолы увидели нечто, заставившее их вскрикнуть. Прямо среди волн двигалась фигура человека, который, как им казалось, хотел пройти мимо. Рыбаки, опенев, побросали весла. Все ужасы народных поверий припомнились им. Не предвещает ли этот призрак близкую гибель? И в этот момент из темноты раздался знакомый голос: «Это Я, не бойтесь!»...

Они еще не знали, радоваться им или страшиться, как порывистый Петр, всмотревшись во мглу, крикнул: «Господи, если это Ты, повели мне пойти к Тебе по воде!»

Что владело им? Детское любопытство? Или желание, прикоснувшись к Учителю, избавиться от страха? Скорее всего рыбак не отдавал себе отчета в своих побуждениях, когда, услышав: «иди», смело шагнул за борт. И случилось невероятное. Несколько мгновений сила веры действительно удерживала Петра на воде. Но тут же он, ощутив волны под ногами, в испуге осознал, что происходит, и начал тонуть.

— Господи, спаси меня! — отчаянно закричал Симон.

— Маловерный, почему ты усомнился? — сказал Иисус, протягивая ему руку.

Ученики лежали на дне лодки, не смея шевельнуться. Теперь они окончательно поняли: судьба связала их с Кем-то нездешним.

Никто из них не успел заметить, как лодка коснулась прибрежных камней...

Между тем утром народ, узнав, что Двенадцать отплыли одни, без Учителя, терялся в догадках и недоумевал: куда Он мог исчезнуть? Группы галилеян растерянно бродили вдоль берега. Некоторые вышли в море на лодках и перекликались с рыбаками Тивериады. Наконец кто-то подал мысль отправиться в «Его город».

И в самом деле они нашли Назарянина в Капернауме.

Какие причины побудили Его вернуться в тетрархию Антипы? Хотел ли Он еще раз попытаться найти там понимание и не потому ли медлил покинуть Галилею? Это наиболее вероятное предположение. Иисус как бы *закрывал* от Самого Себя грядущее. В этом заключался непостижимый для нас трагизм Его жизни. Пусть семена Евангелия часто падали на бесплодную почву, Сеятель продолжал трудиться «для спасения многих». По проникновенному слову русского писателя, Христос «должен был сохранять искру надежды до конца, до креста»².

В капернаумскую синагогу явились тем временем книжники из Иерусалима. На сей раз они обвиняли Иисуса не в колдовстве, а в неуважении к «преданиям старцев». Как может Он, претендующий на роль наставника, так легко относиться к обрядам, заповеданным отцам? Ведь все видели, что, садясь за стол, Его ученики не совершали ритуальных омовений.

Иисус не стал оправдываться перед ними. «Хорошо пророчествовал Исаия о вас, лицемерах, — заметил Он, — как написано:

*Этот народ устами Меня чтит,
сердце же их далеко отстоит от Меня;
но тщетно воздают Мне почитание,
уча учениям, предписаниям человеческим.*

Оставив заповедь Божию, вы держитесь предания человеческого».

Велика ли цена обрядам, если главное в законе забыто? Учитель тут же привел пример фальшивого благочестия этого рода. Нередко люди, завещавшие свое имя Храму, отказывали на этом основании в помощи родителям. Воображая, что проявили набожность, они впадали в грех против одной из первых заповедей Моисея.

Спор был прерван галилеянами, прибывшими из окрестностей Вифсаиды. Они окружили Учителя, взволнованные и удивленные:

— Равви, как Ты сюда пришел?

Но встреча с ними уже не радовала Христа.

— Истинно, истинно говорю вам, вы ищете Меня не потому, **что видели знамение**, а потому, что поели хлебов и насытились. Трудитесь не для пищи тленной, но для пищи, пребывающей в жизнь вечную, которую даст Сын Человеческий. Ибо Его запечатлел Отец, Бог.

В их душах «знамение», чудо Богоприсутствия, явленное за трапезой, потускнело в сравнении с тем, что Иисус смог накормить их в пустынном месте. Однако галилеяне все же старались уяснить, чего ждет и требует от них Учитель.

— Как нам поступать,— спросили они,— чтобы делать дела Божии?

— В том дело Божие,— был ответ,— чтобы вы верили в Того, Кого послал он.

Но разве они не верили? Разве не хотели сделать Его царем за то, что Он, подобно Моисею, дал им новую небесную манну?

— Не Моисей,— возразил Иисус,— дал вам хлеб с неба. Ибо хлеб Божий есть **Тот**, Кто сходит с неба и дает жизнь миру.

— Господин, давай нам всегда этот хлеб! — снова не поняли они. Как и женщина из Самарии, люди восприняли иносказание буквально, хотя некоторые из них могли знать, что книжники называли «хлебом» Премудрость Божию.

И тогда Иисус произнес слова, которые привели собравшихся в полное замешательство.

Я — хлеб жизни.

*Приходящий ко Мне не будет алкать,
и верующий в Меня не будет жаждать никогда...*

Отцы ваши ели в пустыне манну и умерли.

Этот хлеб с неба сходит,

чтобы человек от него вкусил и не умер...

*Хлеб, который Я дам, есть **плоть** Моя,*

которую Я даю за жизнь мира...

Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь

во Мне пребывает, и Я в нем³.

Хлеб, вода, вино символизируют пищу, необходимую для поддержания жизни тела. Трапеза же с Сыном Человеческим есть

пища духа. Через Него, Существо из плоти и крови, совершается **причастие** божественному бытию, достигается полнота Завета, соединение Творца и твари.

В день умножения хлебов народ был свидетелем и участником этого «знамения», но не устоял перед земным соблазном. Теперь же подьем той необыкновенной ночи, когда Иисуса хотели провозгласить царем, миновал. Людям показалось, что они очнулись ото сна и пришли в себя. «Не он ли Иисус, сын Иосифа, отца и мать которого мы знаем? — с сомнением спрашивали одни. — Как же он теперь говорит: «Я сошел с неба»? А другие считали себя обманутыми: «Как он может дать нам есть плоть?»

Даже учеников Его все сказанное смутило до крайности. Некоторые из них роптали: «Трудно это слово. Кто может его слушать?» Иисус пытался объяснить им, что Его речь следует понимать в духовном смысле. «Слова, которые Я сказал вам, — это дух и это жизнь. Но есть между вами такие, которые не веруют».

Евангелист Иоанн поясняет, что под «неверующими» Господь подразумевал Иуду. В самом деле, вполне возможно, что этот честолюбивый человек, убедившись, что Иисус не желает становиться царем, именно тогда пережил разочарование в своих надеждах. А как понимал он происшедшее ночью на озере? Сомнение всегда найдет ответ: сон, волшебство, игра расстроенного воображения. Вера в Иисуса надломилась, однако, не только у Иуды. Тот же евангелист сообщает, что «с этого времени многие из учеников Его оставили и больше с Ним не ходили».

— Не хотите ли и вы уйти? — спросил Иисус у Двенадцати.

Все молчали, только Петр сумел выразить общее чувство:

— Господи, к кому мы пойдем? Ты имеешь слова жизни вечной...

Ошеломленные тем, что видели и слышали, ученики как бы испытывали муки нового рождения. Многие они были еще не в состоянии вместить. Но в конце концов на кого они могли надеяться, кроме Учителя? А Он печально смотрел на Своих сбившихся в кучку последователей:

— Не Я ли вас, Двенадцать, избрал? И один из вас дьявол.

Если Иуда и вздрогнул от этих слов, то не подал вида, что они относятся к нему; остальные же замерли в ужасе.

Им было нелегко, но еще труднее было Самому Иисусу. Ему предстояло духовно пересоздать людей, разделявших многие заблуждения своей среды. Будучи избраны апостолами Царства, они все же пока оставались бесконечно далеки от Христа. Услышав Его предостережение: «Берегитесь закваски фарисейской и закваски Иродовой», они решили, что Учитель запрещает им в случае нужды принимать хлеб от Его врагов. «Неужели вы все еще не понимаете?» — огорчился Иисус.

Тем не менее Он не употребил Своей власти, не захотел совершать насилия над душами. Снова и снова Он будет наставлять их, следить за их сомнениями, ждать с неиссякаемым терпением. Им нужно будет пережить второе обращение, еще раз узнать Мессию в рабби Иешуа, но не Мессию zelотов и сует-

Иисус излечивает больных.

ной толпы, а Того, Кто есть духовная пища мира, Хлеб, дарованный небом...

Глава 6

- ¹ G. K. Chesterton. Everlasting Man. London. 1927; p. 238.
² Ин 12, 31.
³ Лк 12, 51—52; Мф 10, 34—36.
⁴ Лк 12, 49—50.
⁵ Талмуд, Авот, 1, 12; Хагига, 1; Шаббат, 10; Бава Камма, 8, 7; Сота, 14; Иома, 72. См. Вл. Соловьев. Талмуд и новейшая полемическая литература о нем.— В кн.: Вл. Соловьев. Сочинения, т. VI, с. 11 сл.
⁶ Мф 23, 3.
⁷ Мф 13, 52.
⁸ Мк 12, 34.
⁹ Мк 15, 10.
¹⁰ Мф 11, 16—19; Лк 7, 31—34.
¹¹ Берахот, 66.
¹² Ин 3; 1—10.
¹³ Мф 15, 13—14; Лк 6, 39.
¹⁴ Ин 3, 22—30.
¹⁵ Славянская версия «Войны» Флавия, 11, 7, 14—15.
¹⁶ Ин 4, 1.

Глава 7

- ¹ Мф 21, 21—22; Мк 11, 22—23.
² Мк 9, 23; ср. Ин 14, 12; Быт 1, 26; Пс 8.
³ Лк 11, 20.
⁴ Мк 16, 17—18.
⁵ Мф 17, 14—17; Мк 9, 14—29; Лк 9, 37—42; Ин 14, 12.
⁶ Ин 5, 14.
⁷ Мф 9, 20—22; Мк 5, 25—34; Лк 8, 43—48.
⁸ Четко определить границу, отделяющую обычное душевное заболевание от демонической одержимости, трудно. Однако, когда думают, что все исцеленные Христом «бесноватые» были просто душевнобольными, упускают из виду, что суть большинства психических патологий во многом остается загадкой. В них чаще всего обнаруживается гипертрофия греха (самолюбия, гордыни, замкнутости на себе), и излечение тесно связано с духовной и нравственной жизнью больного, как отмечал изобретатель инсулинового лечения Дж. Фергюсон. Важно помнить также, что в Евангелии **всякий** недуг рассматривался как проявление разрушительных сил мироздания; см. Лк 13, 11—16.
⁹ Мф 12, 43—45; Лк 11, 24—26.
¹⁰ Мф 12, 33—35. Что касается непростительной «хулы на Духа Святого», то речь здесь идет не об ошибке или заблуждении ума, а о сознательном противлении Богу. См. **Св. Афанасий Великий**. Из бесед на Евангелие от Матфея, гл. 12.
¹¹ Ин 5, 17 сл.
¹² Мф 12, 38—42; Лк 11, 29—32.
¹³ Мф 11, 2—14; Лк 7, 18—29. По мнению ряда древних комментаторов, Иоанн хотел убедить лишь **своих учеников** в мессиянстве Иисуса; см. толкования, приведенные в кн.: свящ. **С. Вишняков**. Св. великий пророк, Предтеча и Креститель Господень Иоанн. М., 1879, с. 316 сл. Однако были и такие (наприм., Тертуллиан), которые считали, что сомнения были у самого Крестителя. «Евангельский текст,— говорит о. С. Булгаков,— если не прямо противоречит, то и не дает никакого положительного основания относить вопрос Предтечи только к его ученикам, а не к нему самому» (**С. Булгаков**. Друг Жениха. Париж, УМСА, 1927, с. 128; см. также **М. З. Поснов**. Иудейство. Киев, 1906, с. 253). Косвенным подтвер-

ждением этого взгляда является тот факт, что иоанниты не присоединились к Церкви Христовой, а остались **обособленной** общиной. Часть их впоследствии переселилась в Месопотамию, где влилась в гностическую секту мандеев. См.: **В. Болотов**. Лекции по истории древней Церкви, СПб., 1910, т. 2, с. 230 сл.; J. Steinmann. St. Jean — Baptiste et la spiritualité du désert. Paris, 1956, p. 125 s.

Глава 8

¹ Ин 4, 35; Мф 9, 37—38; Лк 10, 2.

² Мф 9, 36.

³ Мф 10, 7—10; Мк 6, 7—13; Лк 1—6; 10, 4—11; ср. Мф 19, 28; Лк 22, 30. Как отмечает еп. Кассиан, «выделение Двенадцати было началом организации» (*еп. Кассиан*. Христос и первое христианское поколение, Париж. YMCA, 1950, с. 31).

⁴ Мф 10, 16 сл.; Мк 13, 9 сл.; Лк 10, 3; 12, 11; 21, 12—19.

⁵ Мф 10, 32 сл.; Мк 8, 38; Лк 12, 8—9; 14, 26—27.

⁶ Мф 10, 40; Лк 10, 16.

⁷ Ин 20, 21, 23; Мф 18, 18.

⁸ 1 Кор 11, 1; Гал 2, 20.

Глава 9

¹ Эти слова сохранились в неизвестном древнем Евангелии; см. *Климент Александрийский*. Строматы, 1, 24; *Ориген*. На Псалмы, 4, 4; *Амвросий Медиоланский*. Послания, 1, 36.

² *Д. С. Мережковский*. Иисус Неизвестный, т. 2, ч. 1, с. 167.

³ Ин 6, 35 сл.

Продолжение следует.

Господи,
ну
и денёк

ЭД МАКБЕЙН

Спросиб

(ИЗ СЕРИИ «87-Й
ПОЛИЦЕЙСКИЙ
УЧАСТОК»)

Город, изображенный в этой книге, — плод авторского воображения.
Названия районов и улиц, действующие лица вымышлены.

Только описание будничной работы полицейских детективов, методики расследования преступлений соответствует реальной жизни.

Автор

Обычный осенний день.

Зарешеченные окна дежурной комнаты 87-го полицейского участка выходили на Гровер-парк, сверкавший всеми цветами осенней листвы. Бабе лето, словно дочь индейского вождя, украшенная пестрыми перьями, щеголяло ярко-красным, оранжевым и желтым. Воздух был теплым и ласкающим, солнце сияло на безупречно голубом небе, и его лучи проникали сквозь решетку окна полосами золотого света, в котором без усталости плясали пылинки. Уличный шум просачивался сквозь открытые окна, смешиваясь с обычными звуками дежурной комнаты, создавая своеобразную и даже приятную музыку.

Как во всякой классической симфонии, в этой музыке прослеживался лейтмотив, присущий лишь полицейскому участку. Это была синкопированная мелодия телефонных звонков, составляющая полную гармонию со стуком клавиш пишущих маши-

нок и ругательствами. Вариации на тему были разнообразны: от глухих ударов кулака полицейского по животу воришки до оглушительных воплей другого полицейского, желающего узнать, куда, к черту, подевалась его шариковая ручка, въедливого монолога следователя, допрашивающего задержанного, телефонного разговора дежурного детектива с начинающей актрисой, дебютанткой шоу на Холл-авеню. Иногда в эту симфонию врывались насвистывание практиканта, доставившего послание из полицейского управления, душераздирающие стоны женщины, жалуемой на то, что ее избил муж, бормотание воды в трубах или гомерический хохот после неприличного анекдота.

Такой хохот, сопровождаемый уличным шумом октябрьского дня, приветствовал удачную шутку Мейера, которую он прибег к пятнице.

— Да, он мастер на это, — сказал Берт Клинг, — а у меня вот не получается. Не умею я рассказывать анекдоты.

— Ты многого не умеешь, — ответил Мейер, подмигивая, — но мы простим тебе небольшую неточность. Искусство рассказчика, Берт, приходит с возрастом. Такому соплику, как ты, никогда не рассказать хороший анекдот, чтобы научиться этому, нужны долгие годы.

— Иди к черту, старый пердун, — ответил Клинг.

— Он опять становится агрессивным, ты замечаешь, Коттон? Особенно когда речь заходит о его возрасте.

Коттон Хейвз отпил кофе и улыбнулся. Он был высокого роста, более шести футов, и весил сто девяносто фунтов. Голу-

бые глаза и квадратная челюсть, на подбородке — глубокая ямочка. Огненно-рыжие волосы казались еще ярче в лучах ленивого октябрьского солнца. На левом виске выделялась седая прядь — след давней ножевой раны, когда ему сбрили волосы, чтобы сделать шов, и шрам зарос уже седыми, а не рыжими волосами. Хейвз этот феномен объяснял так: «Уж очень я тогда испугался».

Улыбаясь Мейеру, Хейвз заметил:

— Молодежь всегда агрессивна, разве ты не знал?

— И ты против меня? — спросил Клинг. — Это заговор!

— Не заговор, — поправил Мейер, — а запрограммированная в нас ненависть. В этом причина всех бед в мире — слишком много ненависти. Между прочим, кто-нибудь из вас знает, под каким лозунгом будет проходить неделя борьбы с ненавистью?

— Нет, — ответил Хейвз, делая вид, что серьезно воспринимает вопрос, — а под каким?

— Смерть ненавистникам! — сказал Мейер, и в это время зазвонил телефон. Хейвз и Клинг, сидевшие молча, с опозданием засмеялись. Мейер сделал им знак не шуметь.

— Восемьдесят седьмой участок, вас слушает детектив Мейер. Что, мадам? Да, я детектив. Что? Нет, не могу сказать, что я здесь самый старший. — Пожав плечами, Мейер посмотрел на Клинга и поднял брови. — Лейтенант сейчас занят. В чем дело, мадам? Да, мадам, что? Сука, вы говорите? Да, мадам, понятно. Нет, мадам, вряд ли мы сможем удержать его дома. Это не входит в компетенцию полиции. Я понимаю. Сука... Да, мадам. Нет, мы вряд ли сможем выделить сейчас кого-нибудь. Сегодня как раз у нас не хватает людей. Что?.. Мне очень жаль, что вы так думаете, но вы понимаете...

Он замолчал и посмотрел на телефон:

— Она повесила трубку.

— В чем дело? — спросил Клинг.

— Ее дог бегаёт за соседской сукой, коккер-спаниелем. Мадам хочет, чтобы мы или заставили ее дога сидеть дома, или сделали что-нибудь с этой сукой. — Мейер пожал плечами. — Любовь, любовь, все беды от любви. Вы знаете, что такое любовь?

— Нет, а что такое любовь? — спросил Хейвз тоном паймальчика.

— На этот раз я не шучу, — заметил Мейер, — я философствую; любовь — это подавленная ненависть.

— О господи, какой циник! — вздохнул Хейвз.

— Я не циник, я философ. Никогда не принимай всерьез человека, высказывающего вслух свои мысли. Как можно испытать блестящие идеи, если не делиться ими с близкими?

Вдруг Хейвз обернулся.

За деревянным барьером, отделяющим дежурную комнату от коридора, стояла женщина, которая вошла так тихо, что никто из полицейских не услышал ее шагов. Она откашлялась, и этот звук показался таким громким, что полицейские повернулись к ней почти одновременно.

У нее были матово-черные волосы, собранные в пучок на затылке, карие глаза лихорадочно блестели, она не подвела их

и даже не покрасила губы, лицо ее было белым как мел. Казалось, она смертельно больна и только что встала с постели. На ней были черный плащ и черные туфли на босу ногу. Кожа на ногах, таких тонких, что казалось чудом, как они держат ее, была такой же мертвенно-белой. Она цепко держалась костлявыми пальцами за кожаные ручки большой черной сумки.

— Слушаю вас,— сказал Хейвз.

— Детектив Карелла здесь? — спросила женщина глухо.

— Нет,— ответил Хейвз,— я детектив Хейвз. Могу я узнать?..

— Когда он вернется? — прервала его женщина.

— Трудно сказать. У него были какие-то личные дела, потом он будет выполнять специальное поручение. Может быть, кто-нибудь из нас?..

— Я подожду.

— Возможно, вам придется ждать долго.

— У меня много времени,— ответила посетительница.

Хейвз пожал плечами:

— Хорошо, пожалуйста. Там, снаружи, есть скамья. Если вы...

— Я буду ждать здесь.— Хейвз не успел остановить ее, и женщина, толкнув дверь, вошла в дежурную комнату, направляясь к незанятым столам в центре помещения. Хейвз пошел за ней.

— Простите, мисс,— сказал он,— но посетителям не разрешается...

— Миссис,— поправила она,— миссис Фрэнк Додж.

— Простите, миссис Додж, мы пускаем сюда посетителей только по делу. Я уверен, что вы поймете...

— Я пришла по делу.— Женщина скрала тонкие бледные губы.

— Хорошо, не можете ли вы сказать мне?..

— Я жду детектива Кареллу, детектива Стива Кареллу,— повторила она. В ее голосе неожиданно прозвучала горечь.

— Если вы хотите подождать его,— терпеливо объяснял Хейвз,— то вам придется посидеть на скамье снаружи. Мне очень жаль, но это...

— Я буду ждать здесь,— упрямо сказала женщина,— и вы будете ждать.

Хейвз посмотрел на Мейера и Клинга.

— Мадам,— начал Мейер,— нам не хотелось бы проявлять грубость...

— Заткнись!

Слова женщины прозвучали как приказ, а рука ее скользнула в правый карман плаща.

— Это 38-й калибр,— сказала женщина.

Глава 1

Женщина неподвижно сидела на деревянном стуле с прямой спинкой, держа в руке револьвер 38-го калибра. Уличный шум, казалось, подчеркивал тишину, установившуюся в дежурной

комнате после ее слов. Трое детективов посмотрели сначала друг на друга, потом на женщину и неподвижный ствол револьвера.

— Положите на стол оружие,— сказала женщина.

Мужчины никак не отреагировали на ее требование.

— Положите на стол оружие,— повторила она.

— Послушайте, мадам,— сказал Мейер,— уберите эту штуку.

Мы здесь все друзья. Вы только наделаете себе неприятностей.

— А мне наплевать. Положите оружие на стол передо мной. Не пытайтесь вынуть револьверы из кобуры, или я буду стрелять прямо в живот рыжему. Быстро!

Детективы не пошевелились.

— Ладно, рыжий, молись!

Полицейские понимали, что, лишившись оружия, они окажутся совершенно беспомощными перед вооруженной женщиной. Среди них не было ни одного, кто хоть раз не стоял под дулом револьвера при исполнении своих обязанностей. Мужчины в этой комнате были полицейскими, но также людьми, которых не особенно привлекала мысль о ранней могиле. Мужчины в этой комнате были людьми, но также полицейскими, знавшими разрушительную силу 38-го калибра и понимавшими, что женщины так же способны нажать курок, как и представители сильного пола, и одна женщина с револьвером может быстро покончить с тремя полицейскими. И все же они колебались.

— Я не шучу, черт вас побери! — крикнула женщина.

Увидев, как крепко сжимает она револьвер — так, что побелели костяшки,— и как напряжен ее палец на курке, Клинг сдался первым. Не отрывая от нее глаз, он отстегнул портупею и положил ее на стол вместе с кобурой, в которой находился «Смит и Вессон». Мейер достал из кармана кобуру и положил ее рядом, Хейвз тоже отстегнул кобуру и положил ее на стол.

— Который из этих ящичков закрывается? — спросила женщина.

— Верхний,— ответил Хейвз.

— Где ключ?

— В ящичке.

Она открыла ящик, нашла ключ и положила оружие в ящик. Потом закрыла ящик, вынула ключ и положила его в карман плаща. Все это время большая черная сумка стояла у нее на коленях.

— Ну вот, вы отобрали у нас оружие. Что дальше? Чего вы хотите, мадам? — спросил Мейер.

— Я хочу убить Стива Кареллу.

— Почему?

— Не важно почему. Кто еще, кроме вас, находится сейчас в этом здании?

Мейер ответил не сразу. Женщина сидела так, что могла видеть и кабинет лейтенанта, и коридор за дежурной комнатой.

— Ну, отвечай! — приказала она.

— Только лейтенант Бирнс,— ответил Мейер. Но он сказал неправду: в техническом отделе, по ту сторону барьера, прилежно трудился над бумагами Мисколо. Следует отвлечь ее, чтобы она повернулась к коридору спиной. И тогда, если Мисколо

решил зайти в дежурную комнату, как он это делает постоянно, может быть, она поймет ситуацию и...

— Позови сюда лейтенанта,— сказала она.

Мейер пристал.

— Когда пойдешь к нему, помни, что я тебе сейчас скажу. Ты под прицелом. Одно подозрительное движение — и я стреляю. А теперь иди. Постучи в дверь и попроси лейтенанта выйти.

Мейер пересек дежурную комнату, где царило напряженное молчание. Дверь в кабинет лейтенанта была закрыта. Он постучал по матовому стеклу двери.

— Войдите,— отозвался Бирнс из кабинета.

— Пит, это я, Мейер.

— Дверь не заперта,— сказал Бирнс.

— Пит, лучше выйди сюда.

— Какого черта?

— Лучше выйди, Пит.

За дверью послышались шаги. Дверь приоткрылась. Лейтенант Питер Бирнс, крепкий, как металлический болт, просунул в щель короткую мускулистую шею и плечи.

— В чем дело, Мейер? Я занят.

— Вас хочет видеть одна женщина.

— Женщина? Где...— Он посмотрел мимо Мейера, туда, где сидела женщина, и узнал ее с первого взгляда.— Привет, Вирджиния,— сказал лейтенант, а потом увидел револьвер. Бирнс нахмурился, брови его нависли над пронизательными голубыми глазами, резко очерченное лицо потемнело. Сгорбившись, как человек, несущий на плечах тяжелую ношу, он пересек дежурную комнату, направляясь прямо туда, где сидела Вирджиния. 185 Казалось, он вот-вот схватит ее и вышвырнет в коридор.

— На что это похоже, Вирджиния?— спросил Бирнс тоном рассерженного отца, обращающегося к своей пятнадцатилетней дочери, вернувшейся слишком поздно с танцев.

— А на что это похоже, лейтенант?

— Похоже на то, что ты снятила, вот на что. На кой черт тебе пушка? Что ты делаешь с этим...

— Я убью Кареллу.

— Ради бога!— безнадежным тоном сказал Бирнс.— Ты думаешь, что этим ты поможешь своему мужу?

— Фрэнку больше ничего не поможет.

— Что это значит?

— Фрэнк вчера умер. В тюремной больнице, в Кестльвю.

— Но ты не можешь обвинять в этом Кареллу.

— Карелла отправил его в тюрьму.

— Твой муж был преступником.

— Карелла отправил его в тюрьму.

— Карелла только арестовал его. Ты не можешь...

— И убедил судейских в том, что он виновен, и давал показания на суде, и сделал все, что в его силах, чтобы засадить Фрэнка за решетку.

— Вирджиния, он...

— Фрэнк был болен! Карелла знал это! Он знал это и все же упрятал его!

— Вирджиния, ради бога, наша работа заключается в том...

— Карелла убил его! Это так же точно, как если бы он его застрелил! А теперь я убью Кареллу. Как только он войдет сюда, я убью его.

— А потом? Как ты думаешь выйти отсюда, Вирджиния? Тебе это не удастся.

Вирджиния слабо улыбнулась:

— Я выйду, не беспокойтесь.

— Ты уверена? Один выстрел в этой комнате, и все полицейские за десять миль кругом бросятся сюда.

— Меня это не волнует, лейтенант.

— Не волнует, да? Не говори глупостей, Вирджиния. Хочешь сесть на электрический стул? Этого ты хочешь?

— Мне все равно. Я не хочу жить без Фрэнка.

Бирнс долго молчал и, наконец, сказал:

— Я тебе не верю, Вирджиния.

— Чему вы не верите? Что я убью Кареллу? Что я убью каждого, кто попытается помешать мне?

— Я не верю, что ты так глупа, чтобы стрелять в меня, Вирджиния. Я уйду, Вирджиния, я возвращаюсь к себе.

— Нет, вы не уйдете!

— Уйду. Я возвращаюсь в свой кабинет, и вот почему. В этой комнате вместе со мной четверо мужчин. Ты можешь застрелить меня или кого-нибудь еще... но тебе пришлось бы действовать очень быстро и метко целиться, чтобы убить нас всех.

— Никто из вас от меня не уйдет, лейтенант.— Слабая улыбка снова появилась на губах Вирджинии.

— Хорошо, давай поспорим. Хватайте ее, парни, как только она выстрелит,— сказал Бирнс и, помолчав, продолжил:— Я иду к себе в кабинет, Вирджиния, и буду сидеть там пять минут. Когда я выйду, лучше, чтобы тебя здесь уже не было, и мы забудем об этом случае. Если ты не уйдешь, я найду способ отобрать у тебя эту штуку, изобью как следует и отправлю в камеру предварительного заключения. Теперь понятно?

— Понятно.

— Пять минут,— отрубил Бирнс, повернулся на каблуках, направился к своему кабинету, но вдруг услышал спокойный уверенный голос Вирджинии:

— Мне не понадобится стрелять в вас, лейтенант.

Бирнс не остановился.

— Мне вообще не понадобится стрелять.

Бирнс сделал еще шаг.

— У меня в сумке бутылка с нитроглицерином.

Ее слова прозвучали, как разрыв гранаты. Бирнс медленно повернулся к женщине и опустил глаза на черную сумку Вирджинии. Она наклонила ствол револьвера так, что он оказался внутри раскрытой сумки.

— Я тебе не верю, Вирджиния! — сказал Бирнс, снова повернулся и взялся за ручку двери.

— Не открывайте дверь, лейтенант,— крикнула Вирджиния,— или я выстрелю в эту бутылку, и мы все взлетим на воздух!

«Она врет,— подумал Бирнс,— откуда ей взять нитроглицерин? Господи, с ума сойти! У Мейера жена и трое детей».

Он медленно опустил руку и устало повернулся к Вирджинии Додж.

— Так-то лучше,— заметила она,— а теперь будем ждать Кареллу.

Стив Карелла нервничал.

Сидя рядом со своей женой Тедди, он чувствовал, что от волнения у него пульсируют вены на руках и сжимаются пальцы. Он был чисто выбрит, выступающие скулы и раскосые глаза придавали ему сходство с азиатом. Он сидел, крепко сжав губы. Доктор мягко улыбнулся.

— Ну что же, мистер Карелла,— сказал доктор Рендольф,— ваша жена ожидает ребенка.

Волнение мгновенно улеглось. Словно прорвалась плотина, и бурные воды схлынули, оставив лишь мутный осадок неуверенности. Но неуверенность была еще хуже. Он надеялся, что его чувства остались незамеченными. Он не хотел показывать свое беспокойство Тедди.

— Мистер Карелла,— сказал доктор,— я вижу, вас, в отличие от вашей супруги, охватили предродовые страхи. Успокойтесь. Волноваться не о чем.

Карелла кивнул, но без особой уверенности. Он живо ощущал присутствие Тедди, его Тедди, его Теодоры, девушки, которую он любил, женщины, на которой он женился. На мгновение он обернулся, чтобы взглянуть ей в лицо, обрамленное волосами, черными, как полночь, увидеть карие глаза, сияющие гордостью, слегка раскрытые молчаливые алые губы.

«Я не должен расстраивать ее»,— подумал Карелла.

И все же он не мог освободиться от сомнений.

— Хочу успокоить вас относительно некоторых вещей, мистер Карелла,— сказал доктор Рендольф.

— Вообще-то я...

— Может быть, вы беспокоитесь относительно ребенка. Возможно, вы полагаете, что если ваша жена глухонемая от рождения, то и ребенку угрожает та же опасность. Могу понять ваши опасения.

— Я...

— Но они совершенно необоснованны,— улыбнулся Рендольф.— Медицине очень многое неизвестно, но мы точно знаем, что глухота, часто врожденная, не передается по наследству. У глухих родителей обычно рождаются совершенно нормальные дети. Самый известный из таких случаев, как мне кажется,— Лон Чаней, знаменитый актер двадцатых годов. При постоянном наблюдении и хорошем уходе беременность у вашей жены пройдет совершенно нормально, и она родит нормального ребенка. У нее здоровое тело и, если вы позволите мне такую дерзость, очень красивое.

Тедди Карелла, глядя на губы доктора, покраснела. Она уже давно привыкла к тому, что ее считают красивой, как садовод

находит естественным красоту редкой розы. Но для нее все еще было неожиданным, если кто-нибудь говорил о ее внешности слишком пылко. Она прожила достаточно с этим лицом и телом, и ей было совершенно безразлично, нравится ли она чужим. Ей хотелось нравиться только одному человеку — Стиву Карелле. И теперь, восторженно предвкушая материнство и видя, что Стив принял это известие как должное, она была счастлива.

— Спасибо, доктор,— сказал Карелла.

— Не за что,— ответил тот,— счастья вам обоим. Миссис Карелла, я бы хотел встретиться с вами через несколько недель. А вы позаботьтесь о ней.

— Обязательно,— ответил Карелла, и они вышли из кабинета. В коридоре Тедди бросилась ему на шею и крепко поцеловала.

— Эй,— сказал Стив,— разве так должны вести себя беременные женщины?

Тедди кивнула, ее глаза лукаво блеснули. Резким движением темноволосой головки она показала на лифт.

— Хочешь домой, да?

Она кивнула.

— А потом?

Тедди только улыбнулась.

— Придется подождать,— сказал Карелла,— на мне висит небольшое самоубийство, которое, как считается, я в настоящий момент расследую.

Он нажал кнопку лифта.

— Я вел себя как последний дурак, верно?

Тедди покачала головой.

— Не спорь. Я волновался. За тебя и за ребенка...— Он помолчал.— У меня идея. Прежде всего, чтобы показать, как я ценю самую чудесную и плодовитую жену в городе...

Тедди улыбнулась.

— ...я предлагаю выпить. Мы выпьем за тебя, дорогая Тедди, и за ребенка.— Он крепко обнял жену.— За тебя, потому что я люблю тебя больше всего на свете. А за младенца, потому что он разделит нашу любовь.— Он поцеловал ее в кончик носа.— А потом я опять возьмусь за свое самоубийство. И это все? Нет, ни в коем случае, сегодня памятный день. Это день, когда самая красивая женщина в Соединенных Штатах, нет, в мире, нет, к чертям, во всей Вселенной, узнала, что у нее будет ребенок! Значит, так...— Он посмотрел на часы.— Я вернусь в отделение самое позднее около семи. Давай встретимся там? Я должен составить рапорт, а потом мы отправимся обедать в тихое местечко, где я смогу держать тебя за руку и целовать, когда захочу. Идет? К семи?

Тедди кивнула, счастливо улыбаясь.

— А потом домой. А потом... прилично ложиться в постель с беременной женщиной?

Тедди выразительно кивнула, показывая, что это не только прилично, но приемлемо и абсолютно необходимо.

— Я тебя люблю,— хрипловато сказал Стив.— Тебе это известно?

Ей это было известно. Она посмотрела на него, ее глаза были влажными. И тогда он сказал: «Я люблю тебя больше жизни».

Глава 2

87-й участок обслуживал девяносто тысяч человек.

Улицы здесь простирались к югу от реки Харб до парка, расположенного напротив участка. Параллельно течению реки шло шоссе, и от него начиналась первая улица, находящаяся в ведении участка, аристократическая Сильвермайн Роуд, где еще сохранились лифтеры и швейцары у дверей самых высоких зданий. Дальше к югу «аристократизм» сменялся эклектической безвкусицей торговых заведений на улице Стем, затем шли Энсли Авеню и Кальвер, с ветхими многоквартирными домами, безлюдными церквами и переполненными барами. Мезон Авеню, которую пуэрториканцы фамильярно называли «Ла Виа де Путас», а полицейские — «Шлюхин рай», находилась к югу от Кальвера, за ней следовали Гровер Авеню и парк. С юга на север этой беспокойной части города поле деятельности 87-го участка — ненадежного убежища в мутных волнах жизни — было довольно узким. В действительности оно охватывало также и парк, но только из профессиональной любезности: территория парка официально находилась в ведении двух соседних полицейских участков — 88-го и 89-го. С востока на запад поле деятельности было шире, распространяясь на 35 плотно заселенных боковых улиц. На первый взгляд территория 87-го участка казалась небольшой, особенно если не знать, как много людей здесь проживают.

Процесс иммиграции в Америку и, как следствие, процесс интеграции как нельзя яснее проявлялись на улицах 87-го участка. Население почти целиком состояло из ирландцев, итальянцев, евреев третьего поколения и недавно прибывших пуэрториканцев.

Группы старых иммигрантов не составляли городское дно, однако сама атмосфера иммигрантского гетто с ее терпимостью к нищете привлекала все новых бедняков-переселенцев. Плата за жилье вопреки всеобщему убеждению была вовсе не такой уж низкой. Она была так же высока, как и в других частях города, и, принимая во внимание, что за свои деньги жильцы получали минимум услуг, им приходилось платить ни с чем не сообразную цену. Но, как бы там ни было, даже городские трущобы могут стать домом. Осев в своих норах, жители района наклеивали картинки на облупившуюся штукатурку и устилали рваными ковриками исчерченные щелями полы. Они быстро приобретали навыки, необходимые каждому американцу, проживающему в многоквартирном доме: стучали по радиаторам, когда те не нагревались, охотились на тараканов, спасающихся бегством по полу кухни всякий раз, как включишь свет, ставили ловушки на мышей и крыс, свободно маршировавших по всей квартире, тщательно прибывали негнувшиеся стальные задвижки «от воров» к дверям квартиры.

Задачей полицейских 87-го участка было также не дать жителям района приобрести другие широко распространенные навьи-

ки обитателей городского дна — занятия различными видами преступной деятельности.

Вирджиния Додж хотела знать, сколько человек выполняют эту задачу.

— У нас шестнадцать детективов, — сказал ей Бирнс.

— Где они сейчас?

— Трое здесь.

— А остальные?

— Одни отдыхают, другие вышли проверять жалобы, несколько человек занимаются расследованием.

— Кто именно?

— Господи, тебе что, нужен весь список?

— Да.

— Послушай, Вирджиния... — Револьвер в ее руке ушел глубже в сумку. — Ладно, Коттон, дай сюда список.

Хейвз посмотрел на женщину.

— Можно встать? — спросил он.

— Давай. Не открывай никаких ящиков. А где ваше оружие, лейтенант?

— У меня нет оружия.

— Врете. Где ваш револьвер? В кабинете?

Бирнс смолчал.

— К чертовой матери! — крикнула Вирджиния. — Будем говорить прямо. Я не шучу, каждый, кто мне соврет или не делает того, что я скажу...

— Ладно, ладно, успокойся. Он у меня в ящике. — Бирнс повернулся и направился в кабинет.

— Подожди-ка, — остановила его Вирджиния. — Мы все пойдем с вами. — Она быстро подняла с колен сумку и направила дуло револьвера на полицейских. — Вперед, — приказала она, — идите за лейтенантом.

Мужчины вошли вслед за Бирнсом в его маленький кабинет, за ними протиснулась Вирджиния. Бирнс подошел к столу.

— Вынь револьвер из ящика и положи на стол, — велела она, — держи его за ствол. Если твой палец окажется возле курка, нитро...

— Ладно, ладно, — нетерпеливо пробормотал Бирнс.

Он поднял револьвер за ствол и положил на стол. Вирджиния быстро схватила револьвер и сунула в левый карман плаща.

— А теперь обратно! — приказала она.

Все гуськом прошли в дежурную комнату. Вирджиния уселась за стол, который выбрала как командный пункт, положила сумку перед собой и направила на нее 38-й калибр. — Давай список.

— Дай ей, Коттон, — сказал Бирнс.

Хейвз пошел за списком детективов, где были обозначены задания каждого на сегодняшний день. Он висел на стене у одного из окон, простой черный прямоугольник, к которому были прикреплены белые пластиковые буквы. Каждый детектив должен был вставлять в прорези свою фамилию вместо того, кого он заменял. У детективов был иной распорядок дня, чем у патрульных, которые работали пять дней по восемь часов,

а потом трое суток отдыхали. Поскольку в участке было шестнадцать детективов, они автоматически разбивались на три команды по пять человек. В этот ясный октябрьский день на прямоугольнике были обозначены имена шести детективов. Трое — Хейвз, Клинг и Мейер — находились в дежурной комнате.

— Где остальные? — спросила Вирджиния.

— Карелла повез свою жену к врачу, — ответил Бирнс.

— Как мило, — с горечью сказала Вирджиния.

— А потом он должен расследовать случай самоубийства.

— Когда он вернется?

— Не знаю.

— А примерно?

— Не имею представления. Он вернется, когда сделает все, что нужно.

— А двое других?

— Браун на подсадке. В кладовой магазина готового белья.

— Где?

— На подсадке. Если тебе больше нравится, в засаде. Он сидит там и ждет, когда ограбят магазин.

— Не морочьте мне голову, лейтенант.

— Какого черта, я не шучу. Четыре магазина готового платья в нашем районе были ограблены в дневное время. Мы полагаем, что на очереди тот магазин, куда мы отправили Брауна. Он ждет грабителя.

— Когда он вернется?

— Я думаю, после того как стемнеет, если грабитель не сунется в магазин раньше. Сколько сейчас? — Бирнс посмотрел на стенные часы. — 16.38. Он вернется примерно в шесть.

— А шестой? Виллис?

Бирнс пожал плечами.

— Он был здесь полчаса назад. Кто знает, где он.

— Я знаю, — ответил Мейер.

— Куда пошел Виллис?

— Он пошел по звонку, Пит. Ножевое ранение в Мезоне.

— Значит, он там и есть, — сказал Бирнс Вирджинии.

— А он когда вернется?

— Не знаю.

— Скоро?

— Думаю, скоро.

— Кто еще находится в здании?

— Дежурный сержант и дежурный лейтенант внизу. Ты проходила мимо них, когда шла к нам.

— Еще?

— Капитан Фрик, он считается начальником всего участка.

— Как это понимать?

— В действительности руковожу я, но официально...

— Где его кабинет?

— Внизу.

— Еще кто?

— К этому участку прикреплено 186 патрульных. Треть из них сейчас патрулируют улицы. Несколько человек сидят в участке, остальные на отдыхе.

— Что они делают в участке?

— В основном они «двадцать четвертые». — Бирнс помолчал, затем объяснил: — Они сидят на телефоне.

— Когда заступает новая смена?

— Ночью, без четверти двенадцать.

— После этого никто уже не вернется сюда? А патрульные?

— Большинство освобождаются к двенадцати, но они обычно приходят в участок, чтобы переодеться, а отсюда идут домой.

— Могут прийти сюда какие-нибудь детективы, кроме тех, кто обозначен в списке на сегодня?

— Возможно...

— Нас сменят не раньше восьми утра, Пит, — вмешался Мейер.

— Но Карелла вернется намного раньше, верно?

— Может быть.

— Да или нет?

— Не могу сказать точно. Я не обманываю тебя, Вирджиния. Не исключено, что Карелла найдет что-нибудь интересное и задержится. Я не знаю.

— Он позвонит сюда?

— Возможно.

— Если он позвонит, прикажите ему немедленно явиться в участок. Понимаете?

— Да, понимаю.

Раздался телефонный звонок, прервавший их разговор. Звук казался особенно пронзительным в наступившем молчании.

— Возьмите трубку, — приказала Вирджиния, — и никаких фокусов.

Мейер снял трубку.

— 87-й участок, вас слушает детектив Мейер. Да, Дейв, говори, я слушаю.

Внезапно он осознал, что Вирджиния Додж может услышать лишь половину его разговора с дежурным сержантом. Он терпеливо слушал, как будто ничего не случилось.

— Мейер, полчаса назад нам позвонил один парень, который услышал выстрел и крики в соседней квартире. Я отправил туда патрульную машину, и они только что мне доложили. Мадам ранена в руку, а ее приятель утверждает, что выстрел произошел случайно, когда он чистил свой револьвер. Пошлешь туда кого-нибудь из ваших?

— Конечно, по какому адресу?

— Кальвер, 33/79. Рядом с баром. Знаешь, где это?

— Знаю. Спасибо, Дейв. — Мейер положил трубку. — Звонила какая-то женщина. Дейв думает, что нам следует заняться этим звонком.

— Кто такой Дейв? — спросила Вирджиния.

— Марчисон. Дежурный сержант, — ответил Бирнс. — А в чем дело, Мейер?

— Эта женщина говорила, что кто-то пытается ворваться к ней в квартиру. Она хочет, чтобы мы тотчас же выслали детектива.

Бирнс и Мейер понимающе посмотрели друг на друга. На

такой звонок должен был отреагировать сам дежурный сержант, не беспокоя детективов, и отправить машину на место происшествия.

— Он просит, чтобы мы или отправили детектива, или связались с капитаном и узнали, что он может сделать,— объяснил Мейер.

— Хорошо, я это сделаю,— сказал Бирнс.— Ты ничего не имеешь против, Вирджиния?

— Никто не выйдет из этой комнаты,— ответила она.

— Я знаю. Поэтому я свяжусь с капитаном Фриком. Согласна?

— Давайте, только без фокусов.

— Адрес: Кальвер, 33/79,— сказал Мейер.

— Спасибо.— Бирнс набрал три цифры и стал ждать ответа.

Капитан Фрик взял трубку со второго звонка.

— Да.

— Джон, это Пит.

— А, привет, Пит. Как дела?

— Так себе, Джон. Я хочу, чтобы ты сделал мне любезность.

— А именно?

— Звонила женщина, проживающая по адресу: Кальвер, 33/79. Она говорила, что кто-то пытается ворваться к ней в квартиру. Сейчас у меня не хватает людей. Ты можешь послать туда патрульного?

— Что?

— Я знаю, это необычная просьба. Обычно мы справляемся с этим сами, но сейчас мы вроде как заняты.

— Что? — переспросил Фрик.

— Ты сможешь сделать это для меня, Джон? — Не выпуская из руки трубку, Бирнс смотрел прямо в глаза Вирджинии Додж, подозрительно косившейся на него. «Давай,— думал он,— проснись, ради бога, пошевели мозгами».

— Обычно вы справляетесь с этим сами, да? Ну и смехота! Я бы давно уже был на том свете, если бы выполнял за вас вашу работу. Что ты пристаешь ко мне с такой ерундой, Пит? Позвони дежурному сержанту и попроси его разобраться.— Фрик замолчал.— А вообще, как к тебе попала эта жалоба? Кто дежурит на телефоне?

— Ты займешься этим, Джон?

— Ты что, разыгрываешь меня, Пит? А, понял.— Фрик расхохотался.— Это твоя сегодняшняя шутка? Ладно, я попался на удочку. Как у вас там наверху?

Бирнс немного помолчал, выбирая слова, потом, глядя на Вирджинию, ответил:

— Не блестяще.

— А в чем дело? Неприятности?

— Полный набор. Почему бы тебе не подняться и не посмотреть самому?

— Подняться? Куда?

«Давай! — думал Бирнс.— Думай! Пошевели мозгами хотя бы на одну паршивую минуту в своей жизни!»

— Разве это не входит в твои обязанности? — произнес он вслух.

— Какие обязанности? Что с тобой, Пит? Ты что-то не в себе.

— Мне кажется, ты должен выяснить.

— Что выяснить? Ей-богу, ты спятил.

— Значит, я надеюсь, ты сделаешь это.— Бирнс увидел, что Вирджиния нахмурилась.

— Что сделаю?

— Поднимешься и выяснишь. Большое спасибо, Джон.

— Знаешь, я ни хрена...

Бирнс повесил трубку.

— Все в порядке? — спросила Вирджиния.

— Да.

Она задумчиво посмотрела на него.

— Ко всем этим аппаратам есть параллельные? — спросила она.

— Да,— ответил Бирнс.

— Хорошо. Я буду слушать все ваши разговоры.

Глава 4

194
—Хуже всего, что мы не можем договориться друг с другом,— думал Бирнс.— Конечно, эта проблема существовала для человечества, начиная с его возникновения, но она особенно остро ощущается именно сейчас и именно здесь. Я в своей собственной дежурке вместе с тремя опытными детективами не могу обсудить, каким образом отобрать этот револьвер и бутылку — если она действительно существует — у этой сучки. Четверо умных людей, попав в сложную ситуацию, не могут даже подумать вместе о том, как выйти из этого положения. Не могут, пока она сидит здесь с 38-м калибром в руке.

Потеряв возможность общаться с подчиненными, я потерял и власть над ними. На самом деле сейчас Вирджиния Додж командует детективами 87-го участка.

Так будет продолжаться до тех пор, пока не произойдет одно из двух:

а) или мы ее обезоруживаем;

б) или входит Стив Карелла, и она убивает его.

Есть, конечно, третья возможность. Что-нибудь испугает ее, и она всадит пулю в бутылку, и тогда мы все взлетим на воздух. Это произойдет очень быстро и громко. Взрыв будет слышен далеко, даже в 88-м участке. От него может выпасть из кровати даже комиссар полиции. Конечно, если предположить, что у нее в сумке действительно бутылка с нитроглицерином. Но мы, к сожалению, не можем вести себя так, как будто у нее ничего нет. Значит, мы должны поверить Вирджинии на слово и считать, что бутылка так же реальна, как и 38-й калибр. Тогда можно прийти к одному выводу. Мы не можем рисковать и играть в сыщиков и разбойников, потому что нитроглицерин — очень сильная штука и взрывается от малейшего толчка. Откуда она взяла бутылку с нитроглицерином? Из копилки своего мужа-медвежатника?

Но даже специалисты по сейфам, кроме скандинавов, больше не используют нитроглицерин для того, чтобы вскрывать сейфы. Он слишком непредсказуем. Я, правда, знал медвежатников,

которые применяли нитроглицерин, но они держали его в термосе из предосторожности.

Итак, она сидит здесь с бутылкой нитроглицерина в сумке. — Бирнс мрачно улыбнулся. — Ладно, представим себе, что нитроглицерин существует в действительности. Так и будем вести игру. Это все, что мы можем сделать, и это означает: никаких неосторожных движений, никаких попыток выхватить сумку. Что же делать? Ждать Кареллу? А когда он вернется? И сколько сейчас? — Бирнс посмотрел на настенные часы. — Пять часов семь минут. На улице еще совсем светло, может быть, чуть-чуть темнее, чем раньше, но через окно все еще проникает золотистый дневной свет. Интересно, знает кто-нибудь там, снаружи, что мы пляшем вокруг бутылки с этим супчиком?

Никто не знает. Даже этот тупоголовый капитан Фрик. Чтобы до него что-нибудь дошло, ему надо подпалить зад или обрушить на голову кирпичную стену. Черт возьми, как же нам из всего этого выбраться? Интересно, она курит или нет? Если курит... Постой-ка... Обдумаем все основательно. Скажем, она курит. Ладно, предположим. Так... если нам удастся заставить ее снять сумку с колен и поставить на стол. Это не так уж трудно... Где сейчас сумка?.. Все еще у нее на коленях... Любимая собачка Вирджинии Додж — бутылка с нитроглицерином... Ладно, скажем, я смогу добиться, что она поставит сумку на стол, убрать ее с дороги... Потом предложу ей закурить и зажгу для нее спичку.

Если я уроню ей на колени горящую спичку, она подскочит.

А когда она подскочит, я собью ее с ног.

Меня не так волнует 38-й калибр, волнует, конечно, — кому интересно получить пулю, — но это будет не так опасно, если мы уберем супчик. Не нужно никакого шума рядом с взрывчаткой. Мне приходилось бывать под пулями, но нитроглицерин — это другое дело. Я не хочу, чтобы меня потом отскребали от стены.

Интересно, курит она или нет?

— Как тебе жилось, Вирджиния? — спросил Бирнс.

— Можете прекратить сразу же, лейтенант.

— Что прекратить?

— Приятную беседу. Я пришла сюда не для того, чтобы слушать всякую чепуху. Я наслушалась всего в прошлый раз, когда была здесь.

— Это было очень давно, Вирджиния.

— Пять лет, три месяца и семнадцать дней, вот сколько.

— Не мы издаем законы, — мягко сказал Бирнс, — мы только следим за их соблюдением. Если кто-нибудь нарушает...

— Не надо мне лекций. Мой муж умер. Стив Карелла засадил его. Этого мне достаточно.

— Стив только задержал его. Твоего мужа судили присяжные, а приговор вынес судья.

— Но Карелла...

— Вирджиния, ты кое-что забыла.

— Что я забыла?

— Твой муж ослепил человека.

— Это был несчастный случай.

— Твой муж выстрелил в человека во время налета и лишил его зрения. Это не был несчастный случай.

— Он выстрелил потому, что этот человек стал звать полицию. А что бы вы сделали на его месте?

— Прежде всего на его месте я не совершил бы налет на заправочную станцию.

— Да? Кристально-честный лейтенант Бирнс. Мне всё известно о вашем сыночке-наркомане. Великий детектив и сын-наркоман!

— Это было очень давно, Вирджиния. Теперь у него все в порядке.

Бирнс не мог спокойно думать о том времени. Конечно, боль стала значительно слабее, чем тогда, когда он обнаружил, что его единственный сын — настоящий наркоман, увязший по уши. Наркоман, возможно, замешанный в убийстве. Это были черные дни для Питера Бирнса, время, когда он утаивал сведения от своих собственных детективов, пока, наконец, не рассказал все Стиву Карелле. Карелла едва не погиб, расследуя это щекотливое дело. И когда Карелла был ранен, наверное, никто и никогда не молился так за выздоровление ближнего, как Бирнс. Это было давно, и сейчас, думая о том времени, Бирнс чувствовал тупую боль в сердце. Сын больше не тянулся к наркотикам, дома было все в порядке. И вот сейчас Стиву Карелле, человеку, которого Бирнс считал своим вторым сыном, предстояло свидание с женщиной в черном. А женщина в черном означала для него смерть.

— Я счастлива, что с вашим сыном сейчас все в порядке, — насмешливо сказала Вирджиния, — а вот с моим мужем не все в порядке. Он умер. И, как я считаю, его убил Карелла. А теперь оставим эту чепуху, хорошо?

— Мне хотелось бы немного поговорить.

— Тогда говорите сами с собой, а меня оставьте в покое.

Бирнс сел на угол стола. Вирджиния подвинула ближе сумку, стоящую у нее на коленях, направив дуло револьвера внутрь сумки.

— Не подходите ближе, лейтенант, я вас предупреждаю.

— Скажи мне точно, чего ты хочешь, Вирджиния.

— Я уже вам сказала. Когда Карелла придет сюда, я его убью. А потом уйду. Если кто-нибудь попытается остановить меня, я брошу на пол сумку со всем ее содержимым.

— Предположим, я попытаюсь сейчас отобрать у тебя револьвер.

— На вашем месте я бы не делала этого.

— Ну, а если я попытаюсь?

— Я кое-что принимаю в расчет, лейтенант.

— Например?

— Например, то, что героев не существует. Чья жизнь для вас дороже — Кареллы или ваша собственная? Попробуйте отнять револьвер, и не исключено, что нитроглицерин взорвется прямо перед вами. Перед вами, а не перед ним. Вы спасете Кареллу, но погубите себя.

— Карелла мне очень дорог, Вирджиния. Я мог бы и умереть, чтобы спасти ему жизнь.

— Да? А насколько он дорог другим в этой комнате? Они тоже согласны умереть за него? Или за гроши, которые они получают? Проголосуйте, лейтенант, и увидите, кто из них готов пожертвовать жизнью. Ну давайте, проголосуйте.

Бирнс не хотел голосовать. Он не очень-то верил в беззаветную отвагу и героизм. Он знал, что многие в этой комнате не раз действовали отважно и героически. Но храбрость зависит от обстоятельств. Захотят ли детективы вступить в игру, когда им грозит верная смерть? Бирнс не был уверен в этом. Он почти не сомневался, что, если бы им предложили выбирать, кому остаться в живых — им или Карелле, они, вероятнее всего, выбрали бы себя. Эгоистично? Может быть. Негуманно? Возможно. Жизнь не купишь в грошовой лавочке. Это такая штука, за которую цепляются изо всех сил. И даже Бирнс, который знал Кареллу, как никто другой, и даже любил его (а это слово трудно давалось такому человеку, как он), не решился задать себе вопрос: «твоя жизнь или жизнь Кареллы» — он боялся ответа.

— Сколько тебе лет, Вирджиния?

— Какая вам разница?

— Мне хочется знать.

— Тридцать два.

Бирнс кивнул.

— Я выгляжу старше, верно?

— Немного.

— Очень много. За это тоже скажите спасибо Карелле. Вы видели когда-нибудь тюрьму Кестльвью, лейтенант? Вы видели место, куда Карелла отправил моего Фрэнка? Там не выживут и животные, не то что люди. И я жила одна, в постоянном ожидании, зная, через какие мучения должен был пройти Фрэнк. Могу я молодо выглядеть, как вы думаете? Могла я следить за собой, если все время волновалась, если у меня всегда болело за него сердце, если грызла тоска?

— Кестльвью не лучшая тюрьма в мире, но...

— Это камера пыток! — крикнула Вирджиния. — Вы когда-нибудь были в камере? Там отвратительно грязно, жарко, не продохнуть, все прогнившее и ржавое. Там воняет, лейтенант. Запах этой тюрьмы чувствуется за несколько кварталов. И они загоняют людей в эту мерзкую, душную вонь. Говорят, что Фрэнк причинял беспокойство тюремным властям. Конечно! Он был человеком, а не животным. Тогда они привесили к нему ярлык «возмутитель спокойствия».

— Да, но ты не можешь...

— А вам известно, что в Кестльвью запрещено разговаривать во время работы? Известно, что в камерах до сих пор стоят параша, параша вместо унитазов? Вы знаете, какая вонь в этих камерах? А мой Фрэнк был болен! Карелла знал это, когда арестовывал его и стал героем!

— Он не думал о том, чтобы стать героем. Он выполнял свою работу. Как ты не понимаешь этого, Вирджиния? Карелла — полицейский. Он только выполнял свой долг.

— А я выполняю свой,— глухо произнесла Вирджиния.

— Как? Ты знаешь, что таскаешь в своей паршивой сумке? Ты понимаешь, что, если выстрелишь, все полетит к чертям? Нитроглицерин не зубная паста!

— Мне все равно.

— Тебе тридцать два года, и ты готова убить человека и даже сама погибнуть ради этого!

— Мне безразлично.

— Не говори глупостей, Вирджиния!

— Я не обязана говорить ни с вами, ни с кем-нибудь еще. Я вообще не хочу говорить.— Вирджиния подалась вперед, и сумка едва не сползла с ее колен.— Я оказываю любезность, говоря с вами.

— Хорошо, не волнуйся,— сказал Бирнс, покосившись на сумку.— Успокойся. Почему бы тебе не поставить эту сумку на стол?

— Для чего?

— Ты скачешь, как мяч. Если ты не боишься, что эта штука взорвется, то я боюсь.

Вирджиния улыбнулась, осторожно сняла сумку с колен и не менее осторожно поставила ее на стол перед собой, одновременно подняв револьвер, как будто 38-й калибр и нитроглицерин были новобрачные, которые не смогли бы вынести разлuku даже на мгновение.

— Так-то лучше,— заметил Бирнс и облегченно вздохнул.— Успокойся, не нервничай.— Он помолчал.— Не хочешь закурить?

— Не хочу,— ответила Вирджиния.

Бирнс вынул из кармана пачку сигарет и небрежно подвинулся, не упуская из вида 38-й калибр, прислоненный к боку сумки. Он мысленно измерил расстояние между собой и Вирджинией, рассчитывая, насколько ему нужно будет наклониться к ней, когда он подаст ей зажженную спичку, какой рукой ударить так, чтобы она не упала прямо на сумку. Может быть, она отреагирует, нажав сразу курок? Вряд ли. Скорее отпрянет. И тогда он ее ударит.

Бирнс вытряхнул из пачки одну сигарету.

— Вот,— сказал он,— возьми.

— Нет.

— Разве ты не куришь?

— Курю. Но сейчас не хочется.

— Закури. Сигарета — лучшее успокоительное. Бери.

Он протянул ей пачку.

— А, ладно! — Вирджиния переложила револьвер в левую руку. Его дуло почти касалось сумки. Правой рукой она вынула сигарету из пачки, которую держал Бирнс.

Он полез за спичками. Руки у него дрожали. Вирджиния зажала сигарету губами, продолжая в левой руке твердо сжимать револьвер, почти касающийся ткани сумки.

Бирнс чиркнул спичкой.

В это время раздался телефонный звонок.

SHOW

Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ...

ДЕТЕКТИВ
КАРЕЛЛА
ЗДЕСЬ?

VL
90

Вирджиния вынула изо рта сигарету, бросила ее в пепельницу, стоящую на столе, переложила револьвер в правую руку и повернулась к Берту Клингу, поднявшемуся, чтобы снять трубку.

— Погоди, сынок, — приказала она, — какая это линия?

— Параллельный, линия 31, — ответил Клинг.

— Отойдите от стола, лейтенант. — Вирджиния навела на него револьвер, и Бирнс отодвинулся.

Свободной рукой она притянула к себе аппарат, внимательно осмотрела его и нажала кнопку вниз.

— Хорошо, теперь снимай трубку, — велела она и подняла трубку одновременно с Клингом.

— Восемьдесят седьмой участок. Детектив Клинг.

Клинг очень живо ощущал присутствие Вирджинии Додж, сидящей за соседним столом с трубкой в левой руке и 38-м калибром, почти касающимся середины сумки, в правой.

— Детектив Клинг? Это Мерси Снайдер.

— Кто?

— Мерси. — Голос на секунду умолк, потом нежно прошептал: — Снайдер. Мерси Снайдер. Вы меня не помните, детектив Клинг?

— Ах, да. Как дела, мисс Снайдер?

— Спасибо, хорошо. А как поживает высокий светловолосый полицейский?

— Не... плохо, спасибо.

Он посмотрел на Вирджинию. Ее бледные губы растянулись в невеселой улыбке. Она казалась бестелесной и бесполой, бледная тень смерти. Мерси Снайдер наливала живительные соки полной чашей. Голос ее трепетал и вибрировал, шепот возбуждал, и Клинг будто видел перед собой крупную женщину с огненно-рыжими волосами, которая полудежала и шезлонге, закутавшись в прозрачное negligee и кокетливо сжимая в руке телефонную трубку слоновой кости.

— Как приятно снова слышать ваш голос. Вы так спешили, когда были у меня в прошлый раз.

— У меня было назначено свидание с невестой, — холодно ответил Клинг.

— Да, знаю. Вы говорили мне. Несколько раз. — Она замолчала, потом тихо добавила: — Мне показалось, что вы тогда нервничали. Что вас расстроило, детектив Клинг?

— Пошли ее к чертовой матери, — прошептала Вирджиния Додж.

— Что вы сказали? — спросила Мерси.

— Ничего не сказал.

— Я точно слышала...

— Нет, я ничего не сказал. Я занят сейчас, мисс Снайдер. Чем могу служить?

Мерси Снайдер расхохоталась так нагло и вызывающе, что Клингу, который ни разу в жизни не слышал такого смеха,

показалось на минуту, что он, шестнадцатилетний юнец, входит в двери публичного дома на улице «Шлюхин рай».

— Прошу вас,— сказал он хрипло.— В чем дело?

— Ни в чем. Мы нашли драгоценности.

— Да? Как?

— Оказалось, не было никакого ограбления. Моя сестра взяла драгоценности с собой, когда поехала в Лас-Вегас.

— Значит, вы аннулируете жалобу, мисс Снайдер?

— Конечно, а как же? Если не было ограбления, на что мне жаловаться?

— Совершенно верно. Я очень рад, что драгоценности нашлись. Если вы направите нам заявление, свидетельствуя, что ваша сестра...

— Почему бы вам не заглянуть ко мне и не взять самому это заявление, детектив Клинг?

— Я это сделаю, мисс Снайдер. Но в этом городе ужасающее количество преступлений, и мне вряд ли удастся скоро вырваться. Спасибо за то, что позвонили. Будем ждать вашего заявления.

Он, не прощаясь, повесил трубку и отвернулся от телефона.

— Ты идеальный любовник, верно? — насмешливо сказала Вирджиния Додж, кладя трубку на место.

— Конечно, идеальный любовник,— ответил Клинг.

По правде говоря, ему было неприятно, что Вирджиния слышала его разговор с Мерси Снайдер. В свои двадцать пять лет Берт Клинг был не очень-то искушен в словесных дуэлях, приемами которых мастерски владела Мерси Снайдер. Он был высок и белокур, с широкими плечами, узкими бедрами и щеками чистого оттенка клубнички со сливками. Его можно было назвать красным, но его красота была омрачена тем, что он ее совершенно не сознавал. Клинг был помолвлен с девушкой по имени Клер Таунсенд, с которой встречался вот уже год. Его совершенно не интересовали ни Мерси Снайдер, ни ее сестра, ни бесчисленные Мерси Снайдер, сестры и компании, которые кишели в этом городе. И он был смущен тем, что Вирджиния Додж могла подумать, будто он дал какой-то повод Мерси для звонка.

Клиг понимал, что его совершенно не должны интересовать мысли такой женщины, как Вирджиния Додж, но его гордость почему-то страдала: эта дрянь будет считать, что он занимается всякими шашнями вместо того, чтобы расследовать ограбление.

Он вернулся к своему столу. Черная сумка действовала ему на нервы. А если кто-нибудь упадет на нее? Господи, надо быть ненормальной, чтобы таскать с собой сумку с нитроглицерином.

— Эта девушка...

— Да?

— Не подумайте чего-нибудь.

— А что я должна подумать? — спросила Вирджиния Додж.

— Я хочу сказать... я расследую ограбление, вот и все.

— А что ты еще можешь расследовать, сахарный барашек?

— Ничего. Оставим это. Вообще, к чему я объясняю вам?..

— А чем я хуже других?

— Ну, прежде всего я не назвал бы вас уравновешенным человеком. Не обижайтесь, миссис Додж, но законопослушные граждане не ходят по городу, размахивая револьвером и бутылью с нитроглицерином.

— Разве?

Теперь Вирджиния улыбалась, видно, получая огромное удовольствие.

— Ваш поступок не вполне нормален. Мне кажется, вы сами должны это признать. Ну хорошо, вы достали револьвер. Вы хотите убить Стива Кареллу, это ваше дело. Но нитроглицерин отдает дешевой мелодрамой, вам не кажется? Как вы смогли принести его сюда и не взорвать по дороге полгорода?

— Вот так и смогла,— ответила Вирджиния,— я шла тихонько и не виляла задом.

— Да, это точно, лучше всего ходить именно так. Особенно если у вас в сумке опасное взрывчатое вещество, верно?

Клинг обезоруживающе улыбнулся. Стенные часы показывали 5 часов 33 минуты. На улице начало темнеть. Сумерки наступали на голубое небо, смывая синеву за ярко-красной листвой деревьев в парке. Были слышны крики ребятишек, игравших в мяч, голоса женщин, которые, свесившись из окна, звали домой своих детей. Громко здоровались друг с другом мужчины у дверей баров, где они собирались, чтобы выпить пива перед ужином. Все эти звуки проникали сквозь зарешеченные окна, врываясь в тяжелую тишину, царившую в дежурной комнате полицейского участка.

— Мне нравится это время суток,— сказал Клинг.

— Правда?

— Да, всегда нравилось. Даже когда я был маленький. Приятное время. Спокойное.— Он помолчал.— Вы действительно убьете Стива?

— Да,— ответила Вирджиния.

— Я бы не стал делать этого.

— Почему?

— Ну...

— Вирджиния, ты не против, если мы включим свет?— спросил Бирнс.

— Нет. Давайте.

— Коттон, включи верхний свет. А мои люди могут снова заняться своей работой?

— Какой работой?

— Отвечать на жалобы, печатать донесения, говорить по телефону.

— Никто не будет звонить отсюда. И никто не снимет трубку, пока я не возьму параллельную.

— Хорошо. Они могут печатать? Или это тебе мешает?

— Пусть печатают, только за разными столами.

— Ладно, ребята, так и сделаем. Слушайте ее во всем, и без всяких героических поступков. Я иду тебе навстречу, Вирджиния, потому что надеюсь, что ты возьмешься за ум, пока еще не поздно.

— Не волнуйтесь, лейтенант.

— Вы знаете, он прав,— по-мальчишески наивно заметил Клинг.

— Правда?

— Конечно. Вы ничего не выиграете, миссис Додж.

— Да ну?

— Да. Ваш муж умер. Вы не поможете ему, если перебьете кучу невинных людей. И вы тоже умрете, если эта штука взорвется.

— Я любила своего мужа,— с трудом произнесла Вирджиния.

— Естественно. То есть я полагаю, что любили. Но какая вам будет польза от вашего поступка? Чего вы добиваетесь?

— Я покончу с человеком, который убил моего мужа.

— Стив? Бросьте, миссис Додж, вы же знаете, что он не убивал его.

— Неужели?

— Ладно, предположим, что он его убил. Я знаю, что это не так, и вы тоже знаете, но предположим, если вам будет от этого легче. Чего вы добьетесь, отомстив ему? — Клинг передернул плечами.— Я хочу кое-что сказать вам, миссис Додж.

— Ну?

— У меня есть девушка. Ее зовут Клер. Я всегда мечтал о такой девушке, как она. И я скоро женюсь на ней. Сейчас она веселая и жизнерадостная, но она не всегда была такой. Когда я первый раз встретил ее, она была как мертвая, и знаете почему?

— Почему?

— Она любила парня, который был убит в Корее. Она ушла в свою раковину и не желала выйти оттуда. Молодая девушка! Черт возьми, вы не намного старше ее и не желаете выйти из раковины, в которую спрятались.— Клинг покачал головой.— Она была не права, миссис Додж, как она была не права! Понимаете, она никак не могла понять, что ее парень действительно умер, не могла представить себе, что в тот момент, когда в него попала пуля, он уже перестал быть человеком, которого она любила, а стал еще одним трупом. Он умер. С этим уже ничего не поделаешь. Но она продолжала любить разложившееся мясо, покрытое червями.— Клинг замолчал и потер рукой подбородок.— Не обижайтесь, но вы поступаете так же.

— Нет, не так,— возразила Вирджиния.

— Точно так же. Вы принесли сюда запах разложения. Вы даже сами стали похожи на смерть. Вы красивая женщина, но смерть у вас в глазах и вокруг губ. Вы глупая женщина, миссис Додж, правда! Если бы вы были умная, то положили бы этот револьвер на стол и...

— Я не хочу тебя слушать,— отрезала Вирджиния.

— Вы думаете, Фрэнк хотел бы, чтобы вы так поступили? Чтобы вы ввязались в такую историю после его смерти?

— Да! Фрэнк хотел, чтобы Карелла умер. Он так говорил. Он ненавидел Кареллу.

— А вы? Вы тоже ненавидите Кареллу? Вы хотя бы знаете его?

— Мне наплевать на него. Я любила своего мужа, вот и все.

— Но ваш муж нарушил закон, когда его арестовали. Он застрелил человека. Вы хотите, чтобы Стив наградил его за это медалью? Бросьте, миссис Додж, будьте благоразумны.

— Я любила своего мужа,— бесцветным голосом повторила Вирджиния.

— Миссис Додж, я хочу вам сказать кое-что еще. Вам надо хорошенько подумать и решить, кто вы. Или вы женщина, знающая, что такое любовь, или хладнокровная дрянь, готовая взорвать к черту эту конуру. Нельзя быть и тем, и другим. Так кто же вы?

— Я женщина. Потому-то и нахожусь здесь.

— Тогда ведите себя как женщина. Положите на стол револьвер и убирайтесь отсюда, пока не заимели таких неприятностей, каких не видали за всю свою жизнь.

— Нет. Нет.

— Давайте, миссис Додж...

Вирджиния выпрямилась.

— Ладно, сынок,— сказала она,— а теперь можешь бросить эту игру.

— Что...— начал Клинг.

— Игру во взрослого голубоглазого младенца. Можешь прекратить. Не сработало.

— Я и не пытался...

— Хватит, к черту, хватит! Иди, сосунок, учи кого-нибудь другого.

— Миссис Додж, я...

— Ты кончил?

Наступила тишина. За оконными решетками было уже совсем темно. В окна, полуоткрытые, чтобы дать доступ мягкому октябрьскому воздуху, долетали вечерние звуки пока не очень оживленного уличного движения. Застучала машинка. Клинг посмотрел на стол у окна, где Мейер печатал на голубых бланках три копии очередного донесения. Он сгорбился над машинкой, ударяя по клавишам. Круглая лампа, висящая прямо над ним, озаряла мягким сиянием его лысину. Коттон Хейвз подошел к картотеке и выдвинул один из ящиков. Послышался скрип роликов. Хейвз открыл папку и стал ее перелистывать. Потом он отошел и уселся за стол у другого окна. В наступившем молчании особенно громко загудел холодильник.

— Я напрасно приставал к вам,— сказал Клинг Вирджинии.— Мне бы следовало знать, что живой человек не может разговаривать с мертвецом.

Снаружи в коридоре раздался шум. Вирджиния выпрямилась и подалась ближе к столу, за которым сидела. У Клинга мелькнула мысль, что она может бессознательно нажать на курок 38-го калибра.

— Ладно, входи, входи,— сказал мужской голос.

«Это Хел Виллис»,— подумал Клинг. Он поднял голову, глядя мимо Вирджинии, и увидел, что в дежурку входят Виллис и задержанный.

Задержанный, вернее задержанная скорее не вошла, а ворвалась в комнату, как южный ураган. Это была высокая пуэртори-

канка с крашеными светлыми волосами в малиновом жакете поверх низко вырезанной красной блузы, позволяющей видеть ее угрожающе вздымающуюся грудь. У нее была тонкая талия, прямая черная юбка тесно обтягивала полные мускулистые бедра, на ногах — красные лодочки на высоком каблуке с черным ремешком вокруг лодыжек. Золотая коронка оттеняла ослепительную белизну ее зубов. Она нарядилась по-праздничному, но не нарядилась, что подчеркивало ее красоту еще больше. У нее было овальное лицо, карие, почти черные глаза, полные губы и аристократический нос с небольшой горбинкой. Наверное, она была самой красивой и оригинальной задержанной, которую когда-либо тащили в дежурную комнату 87-го полицейского участка.

А ее действительно тащили. Ухватившись правой рукой за браслет наручников, которые были на нее надеты, Виллис тянул девицу к барьеру, отделяющему дежурную комнату от коридора, а она старалась вырвать руку и упиралась, осыпая его ругательствами, английскими и испанскими.

— Давай, кара миа,— приговаривал Виллис,— вперед, цацкела, куко лика, ради бога, не думай, что кто-нибудь тебя обидит. Вперед, либхен, прямо через эту дверцу. Привет, Берт, видал когда-нибудь такое? Привет, Пит, как тебе нравится моя задержанная? Она только что перерезала парню глотку брит...

Неожиданно Виллис замолчал.

В дежурной комнате стояла необычная тишина.

Он посмотрел сначала на лейтенанта, потом на Клинга, перевел глаза на два задних стола, где Хейвз и Мейер молча работали. Потом увидел Вирджилию Додж и 38-й калибр у нее в руке, направленный на черную сумку.

Его первым побуждением было бросить браслет наручников, за который он уцепился, и вытащить из кармана револьвер. Но импульс не сработал, потому что Вирджилия сказала:

— Заходи сюда. Не пытайся достать оружие.

Виллис и его задержанная вошли в дежурную комнату.

— Грубиян! Бруталь! — кричала девица. — Пендега! Негодай, сын грязной шлюхи!

— Заткнись,— устало посоветовал Виллис.

— Сволочь! Пинга! Грязный полицейский ублюдок.

— Заткнись, заткнись, заткнись,— почти просил Виллис.

Пуэрториканка была выше Виллиса, который едва набрал пятифунтовый минимум роста, необходимый для каждого полицейского. Наверное, он был самым миниатюрным детективом на свете, тонкокостный, с внимательными глазами спаниеля на узком лице. Но Виллис знал дзюдо не хуже, чем уголовный кодекс, и мог повалить преступника на спину быстрее, чем шестерка дюжих полицейских с большими кулаками. Увидев револьвер в руке Вирджилии Додж, он сразу представил, как ее можно обезоружить.

— Что у вас тут? — спросил он, обращаясь сразу ко всем.

— У мадам с револьвером бутылка нитроглицерина в сумке,— сказал Бирнс,— и она не прочь использовать его по назначению.

— Неплохо. С вами не соскучишься, верно?

Виллис молча посмотрел на Вирджинию.

— Можно снять пальто и шляпу, мадам?

— Сначала положи на стол револьвер.

— Мадам, вы меня пугаете до мурашек. У вас действительно в этой сумке бутылка с супчиком?

— Да, действительно.

— Я из Миссури, а у нас там все бравые парни.— Виллис сделал шаг к столу.

Клинг увидел, как Вирджиния Додж вдруг сунула свободную руку в сумку, и сжался, ожидая неизбежного, как ему казалось, взрыва. Но Вирджиния вынула руку из сумки, и в ее руке оказалась бутылка с бесцветной жидкостью. Она осторожно поставила бутылку на стол, а Виллис оглядел бутылку со всех сторон.

— Это может быть просто водичка, мадам.

— Хочешь проверить? — спросила Вирджиния.

— Я? Что вы, мадам! Разве я похож на героя?

Он подошел к столу еще на шаг. Вирджиния поставила сумку на пол. Бутылка, вмещавшая примерно пинту, блестела в ярком свете ламп, свисавших с потолка.

— Ладно, тогда положим пушку.— Виллис отстегнул кобуру с револьвером от ремня и медленно положил ее на стол. Его глаза не отрывались от бутылки.

— Похоже на представление в театре, верно? — сказал он.— Да еще с угощением. Если бы я знал, что вы устроите здесь такой торжественный прием, я бы переоделся.

Он сделал попытку засмеяться, но осекся, увидев мрачное лицо Вирджинии.

— Простите, я не знал, что здесь всеамериканский съезд гробовщиков. Что мне делать с задержанной, Пит?

— Спроси у Вирджинии.

— А, Вирджиния? — Виллис расхохотался.— Ну и ну, сегодня у нас чудная компания! Знаете, как зовут мою? Анджелика! Вирджиния и Анджелика! Вирджиния — дева и небесный ангел. Ну как, Вирджиния, что мне делать с моим ангелочком?

— Проведи ее сюда. Вели ей сесть.

— Входи, Анджелика,— сказал Виллис.— Вот тебе стул. О господи, это меня просто убивает. Она только что перерезала парню глотку от уха до уха. Настоящий ангелочек. Садись, ангел. Вот в этой бутылочке на столе нитроглицерин.

— Что? — спросила Анджелика.

— В бутылке. Нитроглицерин.

— Нитро? Вроде бомба?

— Именно, куколка.

— Бомба! — повторила Анджелика.— Мадре де лос сантос!

— Вот так,— заметил Виллис, и в его голосе послышалось что-то вроде священного ужаса.

Глава 6

Мейер Мейер, сидевший у окна и печатавший свое донесение, находился почти напротив входа, и ему было видно, как Виллис провел пуэрториканскую девицу в дежурную комнату и усадил

ее на стул с высокой спинкой. Он наблюдал, как тот снял с нее наручники и засунул их себе за пояс.

Лейтенант подошел к Виллису, обменялся с ним несколькими словами и, подбоченившись, повернулся к Анджелике. Кажется, Вирджиния Додж позволит им допросить арестованную. Как любезно с ее стороны!

Мейер Мейер снова терпеливо склонился над своим донесением. Он был уверен, что Вирджиния Додж не подойдет к его столу, чтобы проверить шедевр, над которым он мучительно корпел, и с полным основанием предполагал, что ему удастся выполнить то, что он задумал, особенно сейчас, когда в комнате взорвалась эта пуэрториканская бомба. Вирджиния Додж, казалось, была полностью поглощена девицей — ее порывистыми движениями и потоком колоритных эпитетов, срывающихся с ее уст. Мейер не сомневался в том, что он осуществит первую часть своего плана так, что этого никто не заметит.

Сомневался он лишь в том, сможет ли составить достаточно красноречивое сочинение.

У него никогда не было хороших отметок по английскому языку и литературе, и он не умел писать сочинения. Даже в юридическом колледже его работы никто не назвал бы блестящими. Каким-то чудом он все же набрал достаточное количество баллов, выдержал экзамены и в награду получил поздравление от дяди Сэма в виде любезного приглашения отслужить свой срок в Армии Соединенных Штатов. Пройдя через дерьмо и болота своей четырехлетней службы, он был демобилизован как «отслуживший с честью».

Ко времени демобилизации он решил, что не стоит тратить драгоценные годы жизни на то, чтобы завоевывать клиентов. Офисы размером с собачью конуру и гонки на машине «скорой помощи» были не для Мейера Мейера. Он поступил в полицию и женился на Саре Липкин, с которой встречался еще во время учебы в колледже. Он еще помнил дразнилку: «Не прилипали друг к другу пары так, как Мейер прилип к Липкин Саре». Дразнилка никогда ему не мешала. Он слушал, как его дразнили, и терпеливо улыбался. Все было правильно, он действительно прилип к ней, как она прилипла к его губам (Сара очень любила целоваться, и, может быть, потому он и женился на ней, вернувшись из армии).

Решение оставить профессию юриста поразило прежде всего самого Мейера, но он все же наплевал на юриспруденцию и пошел на работу в полицию. По его мнению, эти профессии были связаны между собой. Как полицейский, он тоже стоял на страже закона, делая свое дело терпеливо и добросовестно. Он стал детективом третьей степени только на восьмой год работы в полиции. Для этого тоже надо было терпение.

Теперь, терпеливо ударяя по клавишам пишущей машинки, он составлял свое послание.

— Как тебя зовут? — спросил Бирнс девицу.

— Чего?

— Как тебя зовут? Куаль эс су номбре?

— Она знает английский,— заметил Виллис.

— Не знаю я инглес! — возразила пуэрториканка.

— Она врет. По-испански она умеет только ругаться. Брось, Анджелика. Будешь нам подыгрывать, и мы тебе подыграем.

— Я не знаю, что значит «подыгрывать».

— Ах, какая невинность! — сказал Виллис. — Слушай, потаскушка, брось ты эти глупости. Не делай вид, что ты только что сошла с парохода. — Он повернулся к Бирнсу. — Она живет в этом городе почти год, Пит, и занимается главным образом проституцией.

— Я не проститутка,— возразила пуэрториканка.

— Конечно, она не проститутка. Простите, забыл. Она работала целый месяц в швейной мастерской.

— Я мастерица, вот я кто. Не проститутка.

— Ладно, ты не проститутка, пусть будет так. Ты спишь с мужчинами за деньги. Это большая разница, согласна? Пусть будет так. Ну, а почему ты перерезала глотку тому парню?

— Какому парню?

— А их было несколько? — спросил Бирнс.

— Я никому не резала глотка.

— Да? Кто же? — спросил Виллис. — Санта Клаус? А куда ты дела бритву? — Он снова повернулся к Бирнсу. — На нее натолкнулся патрульный. Но он не смог найти орудия убийства. Наверное, она бросила бритву в сток. Куда ты дела бритву?

— У меня нет бритва. Я никому не резала глотка.

— У тебя все руки в крови! Кому ты хочешь втереть очки?

— Кровь от эти наручники.

— О господи, это дохлый номер! — вздохнул Виллис.

«Вся беда в том,— думал Мейер Мейер,— что трудно найти подходящие слова. Тон должен быть спокойным, без дешевой мелодрамы и без нажима, иначе могут подумать, что это розыгрыш или творение шизофреника. Это должна быть искренняя просьба о помощи с ноткой отчаяния. Без этого никто мне не поверит и от всего этого не будет никакой пользы. Но если послание будет слишком отчаянным, тоже никто не поверит. Значит, надо быть очень осторожным».

Мейер посмотрел на внимательно слушавшую Вирджинию.

«Мне надо спешить,— подумал он,— ей может прийти в голову подойти и проверить, что я делаю».

— Ты знаешь, кому перерезала глотку? — спросил Виллис.

— Ничего не знаю.

— Тогда я открою тебе маленький секрет. Ты когда-нибудь слышала об уличной банде под названием «Арабские рыцари»?

— Нет.

— Это самая большая банда в нашем районе. Главным образом подростки. Кроме вожака банды, которому двадцать пять. Он женат, у него одна дочь. Его зовут Касым. Ты когда-нибудь слышала о человеке по имени Касым?

— Нет.

— В сказке это брат Али-Бабы, в жизни — вожак банды под названием «Арабские рыцари». Его настоящее имя — Хосе Дорена. Знаешь такого?

— Нет.

— Он очень важный человек среди блатных, этот Касым. Вообще-то он дешевка, слабак, но среди уличных банд имеет вес. Есть еще одна банда под названием «Латинская колонна», и члены этой банды вот уже несколько лет сильно не в ладах с «Арабскими рыцарями». Знаешь, какое условие перемирия поставили эти латинос?

— Нет, а какое?

— Отдать им как трофей одежду одного из «Арабских рыцарей» и покончить с Касымом.

— Кому это интересно?

— Должно быть интересно тебе, детка. Парень, которому ты перерезала горло,— это и есть Касым, Хосе Дорена.

Анджелика моргнула.

— Это точно? — спросил Бирис.

— Точно, Пит. Так вот, Анджелика, если Касым умрет, «Латинская колонна» поставит тебе в парке памятник. Но «Арабские рыцари» вряд ли одобряют твой поступок. Это куча злобных подонков, милочка, и им совсем не понравится, что ты порезала их вожака, приведет ли это к его преждевременной кончине или нет.

— Чего?

— Отдаст он концы или нет, все равно ты у них в черном списке, детка.

— Я не знала, кто он.

— Значит, это ты его порезала?

— Да. Но я не знала, кто он.

— Зачем же ты это сделала?

— Он приставал ко мне!

— Как?

— Он начал лапать меня.

— Ах, оставьте! — простонал Виллис.

— Лапал!

— Да здравствуют непорочные девственницы! — воскликнул Виллис.— Почему ты порезала его, детка? И на этот раз не рассказывай нам трогательные истории в рамке из сердечек и цветочков.

— Он хватал меня за грудь на лестнице. У входа в дом, и люди смотрели. Вот я и порезала его.

Виллис вздохнул.

Вирджиния Додж, казалось, устала от допроса. Она нервничала, но продолжала неподвижно сидеть за своим столом, держа в руке 38-й калибр. Бутылка с нитроглицерином стояла на столе перед ней.

Надо спешить, подумал Мейер, надо закончить, наконец, и действовать, не допуская ошибок. Если эта дама подойдет ко мне и увидит, чем я занимаюсь, она спустит курок и отстрелит мне полголовы. Сара должна будет сидеть положенные дни траура целую неделю. Во всем доме завесят зеркала и повернут к стене фотографии. Господи, это будет ужасно. Действуй, Мейер. Не стоит умирать в такой теплый день.

— Значит, он хватал тебя за грудь? — спросил Виллис. — За какую, правую или левую?

— Это не смешно, — ответила Анджелика, — если мужчина лапает на людях, не смешно.

— И ты полоснула его?

— Si.

— Потому что он схватил тебя за грудь, верно?

— Si.

— Твое мнение, Пит?

— Чувство собственного достоинства не зависит от профессии, — ответил Бирнс, — я ей верю.

— А по-моему, она нагло врет, — возразил Виллис, — и когда мы все проверим, то наверняка обнаружим, что она крутила целый год с этим Касымом, а когда заметила, что он положил глаз на другую девочку, резанула его бритвой. Это больше похоже на правду, а, детка?

— Нет, я не знаю этот Касым. Он просто прошел мимо меня и снахальничал. Мой тело есть мой тело. Я продаю его, когда хочу, но не для такие свиньи с грязные руки.

— Ура! Тебе действительно поставят памятник в парке. — Виллис повернулся к Бирнсу: — Как мы определим этот случай? Злонамеренное нападение?

— В каком состоянии находится Касым?

— Его отвезли в больницу. Кто знает? Весь тротуар был залит кровью. И знаешь, что меня убило, Пит? Вокруг него собралась куча детишек. Видно было, что они никак не могут решить, что делать — плакать, смеяться или кричать. Они как-то странно прыгали на месте, понимаешь, о чем я говорю? О господи, расти на этих улицах, видеть такое каждый день! Можешь себе представить?

— Держи связь с больницей, Хел, — сказал Бирнс, — оформим ее потом. Сейчас мы не можем сделать больше... — Он повернул голову туда, где сидела Вирджиния Додж.

— Хорошо. Ладно, Анджелика. Скрести ноги вместо пальцев и молись. Кто знает, может, Касым не умрет, может быть, у него есть какой-нибудь талисман.

— Надеюсь, сукин сын сгниет в могила, — ответила Анджелика.

— Добрая девочка, — сказал Виллис, потрепав ее по плечу.

Мейер вынул из пишущей машинки свое сочинение. Оно имело такой вид:

РАПОРТ

МЕСТО ПРОИСШЕСТВИЯ

Детективы 87-го полицейского участка

улица

ФАМИЛИЯ ЗАЯВИТЕЛЯ, УВЕДОМИВШЕГО О ПРОИСШЕСТВИИ

захвачены женщиной, вооруженной револьвером и имеющей при себе бутылку с нитроглицерином.

инициалы заявителя

АДРЕС ЗАЯВИТЕЛЯ

Если вы найдете эту бумагу, немедленно сообщите в полицейское управление! Номер — Центр 6—0800

улица

ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ НАЗНАЧЕН ДЕТЕКТИВ

Срочно!

ДЕТЕКТИВ 2 СТЕПЕНИ МЕЙЕР

фамилия инициалы номер удостоверения

ЗАДЕРЖАНЫ

Мейер вынул копировальную бумагу и сложил голубые бланки вместе, потом прочитал первый экземпляр. Он читал его внимательно, потому что был терпеливым человеком и хотел, чтобы все было правильно с первого раза. Второго могло уже не быть.

Окно возле стола было открыто. Наружная решетка, предохранявшая стекло от обломков кирпича, который любили швырять в окна обитатели окрестных улиц, не представляла каких-либо трудностей. Наблюдая одним глазом за Вирджинией Додж, Мейер скатал первый лист в узкий длинный цилиндр. Он лихо радочно просунул цилиндр сквозь отверстие решетки и протолкнул его наружу. Потом поднял глаза.

Вирджиния Додж не смотрела на него.

Мейер свернул второй лист и тоже протолкнул его сквозь решетку.

Он просовывал сквозь отверстие третий и последний лист, когда услышал крик Вирджинии:

— Стой, буду стрелять!

Глава 7

Мейер отпрянул от полуоткрытого окна.

Он сжался, ожидая, что сейчас раздастся выстрел и он упадет, а потом понял, что Вирджиния Додж смотрит совсем в другую сторону. Опустив плечи и вытянув вперед руку с ре-

вольвером, она вышла из-за стола, оставив бутылку с нитроглицерином, и подошла к барьеру.

По другую сторону барьера застыл Алф Мисколо.

Он стоял, слегка открыв рот, ко лбу прилипли курчавые черные волосы, голубые подтяжки натянулись на тяжелых плечах, рукава рубашки были закатаны, открывая мускулистые руки. Лицо его не выражало ничего, кроме безграничного удивления. Он вышел из своей комнаты, где весь день обливался потом над бумагами, подошел к барьеру, крикнул: «Эй, кто из вас уже освободился?» И вдруг увидел, что навстречу ему идет женщина с 38-м калибром в руке.

Он повернулся и хотел бежать, но она завопила: «Стой! Буду стрелять!» Алф остановился и повернулся к ней, но сразу же стал сомневаться, правильно ли он поступил.

Мисколо не был трусом. Это был опытный полицейский, временно исполнявший канцелярскую работу. Он научился метко стрелять еще в полицейской академии и теперь горячо желал, чтобы его револьвер был у него в руке, а не в одном из ящиков картотеки в техническом отделе.

Женщина, стоявшая у барьера, явно была ненормальной стервой. Мисколо приходилось и раньше видеть такие лица, поэтому он подумал, что благоразумнее остановиться. К тому же в комнате были и другие. Господи, неужто она хочет всех перестрелять?

Мисколо постоял в нерешительности еще минуту.

У него была жена и взрослый сын, который служил в авиации. Мисколо не хотел, чтобы его жена стала вдовой полицейского, погибшего при исполнении служебных обязанностей, и обивала порог полицейского управления, хлопоча о помощи. Господи, у этой бабы вид сумасшедшей. Что если она внезапно придет в бешенство и начнет стрелять?

Он повернулся и побежал по коридору.

Вирджиния Додж тщательно прицелилась и нажала на курок. Она выстрелила один раз.

Пуля попала Мисколо в спину, немного левее позвоночника. Удар повернул его на триста шестьдесят градусов и бросил на дверь мужского туалета. Минуту он стоял, цепляясь за дверь, потом медленно сполз на пол.

Бутылка с нитроглицерином на столе не взорвалась.

Загадочное убийство в запертой изнутри комнате — такого в реальной жизни не бывает.

Стив Карелла, во-первых, чувствовал это инстинктом постоянного читателя детективных романов с загадочными убийствами и, во-вторых, знал это, как полицейский по призванию.

И вот сейчас он расследует самоубийство, которое произошло в комнате без окон, и — что еще хуже — самоубийца, по всей видимости, повесился, заперев вначале дверь изнутри. Для того, чтобы взломать дверь и войти в комнату, понадобились усилия трех сильных мужчин. По крайней мере так ему сказали вчера, когда он ознакомился с обстоятельствами дела.

Возможно, это действительно самоубийство, говорил себе Карелла. Полиция должна расследовать все случаи самоубийства

так же, как и убийства, но это лишь формальность. Возможно, это действительно самоубийство, какого черта, почему я всегда думаю о людях только плохое?

Беда в том, что эти парни выглядят так, будто способны напасть на слепую старушку и вырезать ей сердце. К тому же старик оставил немалое состояние, которое будет разделено между сыновьями. Не исключена возможность, что один из сыновей или все вместе и с общего согласия решили покончить со стариком и получить свои денежки, не дожидаясь естественного хода событий. Адвокат, который вел дела покойного, сказал вчера во время разговора с Кареллой, что старик завещал разделить «между возлюбленными сыновьями» после его смерти 750 000 наличными. Немалый соблазн. Не говоря уже о Скотт Индастриз Инкорпорейтед и других предприятиях, разбросанных по всей стране. Убийства, без сомнения, совершались и по меньшему поводу.

Но, конечно, это было самоубийство.

Почему бы не свернуть расследование и не покончить с этим? Он должен встретиться с Тедди в участке в семь — да, ребята, у меня будет ребенок, что вы на это скажете, — и он, конечно, не успеет прийти туда вовремя, если будет шастать по этому мрачному старому особняку и превращать в убийство явный случай самоубийства. Сегодня он будет угощать Тедди самыми изысканными блюдами и дорогим вином! Сегодня она будет королевой, и он достанет для нее все, что она пожелает.

Господи, как я люблю ее, сказал себе Карелла.

Надо кончать поскорее с этим делом, чтобы встретиться с Тедди вовремя. Между прочим, сколько сейчас? Он посмотрел на часы — 5.45. У него есть еще немного времени, чтобы поработать как следует. Хотя тут и не пахнет самоубийством... пахнет, не пахнет, вряд ли запах помогал когда-нибудь расследовать дело. И все-таки здесь и не пахнет самоубийством.

Замшелый, старый особняк был аномалией этого района. Построенный в 90-х годах XIX века, плотно прилипший к речному берегу, с окнами, занавешенными темными жалюзи, с покатою крышей, с треугольными фронтонами, придававшими дому странный угловатый вид, особняк находился на расстоянии неполных трех миль от моста Хамилтон Бридж, но у Стива было такое ощущение, будто их отделяло три столетия. Время, казалось, обтекало этот мрачный дом, раскорячившийся на берегу Гарба и отделенный от людей заржавевшей чугунной оградой. Владение Скотта. Он помнит начало вчерашнего вызова:

«Это Роджер... Из владения Скотта. Мистер Скотт повесился».

Роджер был лакеем в доме Скоттов, и Карелла сразу же отвел его кандидатуру как подозреваемого. Лакеи никогда не убивают своих господ, ни в реальной жизни, ни в детективах. Кроме всего прочего, он был потрясен смертью хозяина больше, чем все другие обитатели дома. Да, надо признать, старик был не особенно приятным зрелищем, смерть от удущья не украсила его.

Кареллу провели в общую кладовую, переоборудованную в ма-

ленький кабинет, хотя в доме был просторный кабинет на первом этаже. Три сына покойного — Алан, Марк и Дэвид — отошли от двери кабинета, когда Карелла приблизился к ней, словно им внушало ужас страшное зрелище мертвого отца и все, что находилось в этой комнате. Дверная рама была разбита. Щепки разного размера и разнообразной формы лежали в коридоре за дверью. Лом, которым взламывали дверь, был прислонен к стене с наружной стороны.

Дверь в коридор открывалась наружу. Она легко поддалась, когда Карелла потянул ее на себя. Он сразу заметил, что внутренний запор, обыкновенная стальная задвижка, был сорван при взламывании двери, она висела на одном шурупе.

— Тело лежало как раз напротив двери, свернувшись в ком, — объяснял Алан. — На шее у старика еще была веревочная петля, хотя мы обрезали веревку, на которой он висел, сразу же, как вошли в комнату.

Мы должны были снять его, чтобы войти. Замок мы отбили ломом, но и после этого не могли открыть дверь. Понимаете, отец привязал один конец веревки к дверной ручке перед тем, как... перед тем, как повесился. Потом перебросил веревку через потолочную балку... ну и получилось так, что, когда мы сломали замок, его тело своим весом держало дверь, и она не открывалась. Мы приоткрыли ее ломом и перед тем, как войти, обрезали веревку.

— Кто обрезал веревку? — спросил Карелла.

— Я, — ответил Алан.

— Откуда вы узнали, что к двери привязана веревка?

— Когда мы просунули лом, то увидели в щель... увидели старика, который висел в петле. Я с трудом протиснулся в отверстие и обрезал веревку складным ножом.

Стоя посреди комнаты, где повесился человек, Карелла старался представить себе и понять, как все случилось. Конечно, тело увезли еще вчера, но все прочее осталось без изменений.

В комнате не было окон.

В ней не было никаких потайных ходов или раздвижных панелей. Вчера он произвел самый тщательный осмотр. Стены, пол и потолок были крепки, как плотина Боулдер Дем, построенная во времена, когда все сооружалось на века.

Значит, сказал себе Карелла, проникнуть в эту комнату можно только через дверь.

А дверь была заперта.

Изнутри.

Значит, это — самоубийство.

Старик действительно привязал один конец веревки к дверной ручке, перекинул веревку через потолочную балку, взобрался на стул, накинул на шею петлю и спрыгнул со стола. Шея у него не была сломана. Он умер сравнительно медленно, от удушья.

И, конечно, тяжесть тела не давала двери открыться, несмотря на старания его сыновей. Но одна только тяжесть тела не смогла бы противостоять усилиям трех сильных мужчин. Карелла проверил это вчера в лаборатории. Сэм Гроссман, ведав-

ший лабораторией, все точно просчитал, используя и математические методы, и различные приспособления. Если бы дверь не была заперта изнутри, братья вполне смогли бы открыть ее.

Нет, дверь была заперта.

Имелись также вещественные доказательства того, что дверь была заперта изнутри. Если бы задвижка не была закреплена в металлической скобе, замок остался бы цел, когда дверь открывали ломом.

— Мы не могли обойтись без лома, — сказал Алан. — Мы изо всех сил тянули дверь к себе, пока Марк не догадался, что дверь заперта изнутри, и тогда он пошел в гараж за ломом. Мы просунули его в дверь и сорвали замок.

— А потом?

— Потом Марк подошел вплотную к двери и снова попытался открыть ее. Он не мог понять, почему она не открывается. Мы сорвали засов. Потом нам пришлось еще раз взять лом, чтобы открыть дверь. И тогда... и тогда мы увидели отца. Остальное вы знаете.

Итак, дверь была закрыта.

Это — самоубийство.

А может быть, и нет.

Что делать? Кажется, подобный случай описан в одном из романов Джона Диксона Карра. Послать ему запрос, что ли?

Карелла устало спустился по лестнице на первый этаж мимо кучи щепок, валявшихся в проходе за дверью.

Кристин Скотт ждала его в маленькой гостиной, выходящей на берег Гарба. Какие невероятные имена у этих людей, подумал Карелла, они словно вынырнули из какой-нибудь паршивой английской мелодрамы, все стараются внушить доверие, и этот старик действительно покончил с собой. Какого черта я напрасно трачу время, допрашивая всех подряд и обнюхивая со всех сторон заплесневелую конуру без окон?

— Детектив Карелла? — спросила Кристин.

Она казалась бесцветной на фоне ярко-красных и оранжевых листьев деревьев, которые росли на берегу реки. У нее были красивые пепельные волосы, отливающие серебром, но придававшие ей вид альбиноса. Глаза имели такой пастельно-голубой оттенок, что, казалось, вообще не имели цвета. Она не накрасила губы. На ней было белое платье, на шее — недорогие бусы из светлого камня.

— Миссис Скотт, — сказал Карелла, — как вы себя чувствуете сегодня?

— Мне лучше, спасибо. Это мое любимое место. Здесь я впервые увидела старика, когда Дэвид привел меня в этот дом.

Она замолчала. Взгляд светло-голубых глаз остановился на Карелле.

— Как вы думаете, почему он покончил с собой, детектив Карелла?

— Не знаю, миссис Скотт, — ответил Карелла. — Где ваш супруг?

— Дэвид? В своей комнате. Он никак не может прийти в себя.

— А его братья?

— Где-то в доме. Знаете, это очень большой дом. Старик построил его перед своей свадьбой, в 1896 году. Он стоил семьдесят пять тысяч долларов. Вы видели его брачные покои на втором этаже?

— Нет.

— Они великолепны. Высокие ореховые панели, мраморные столики, ванная, отделанная золотом. Чудесные окна и балкон с видом на реку. В нашем городе осталось немного таких домов.

Миссис Скотт закинула ногу на ногу, и Карелла, посмотрев на нее, подумал: «У нее красивые ноги. Настоящие американские ноги. Безупречно стройные. Упругие полные икры и тонкие лодыжки, и туфли за 57 долларов. Может, ее муженек прикончил своего старика?»

— Выпьете что-нибудь, детектив Карелла? Это разрешается?

Карелла улыбнулся:

— Но не одобряется.

— А все же не запрещено?

— Иногда можно.

— Я позвоню Роджеру.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, миссис Скотт. Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов.

— О? — Кристина казалась удивленной. Она высоко подняла брови, и Карелла заметил, что они у нее черные. Как же быть с пепельными волосами? Крашенные? Наверное. Пепельные волосы и черные брови — невозможная комбинация! Да и вся она какая-то неестественная. Миссис Кристина Скотт, которая только что вышла из английской комедии нравов.

— Каких вопросов?

— Относительно того, что случилось вчера.

— Да?

— Расскажите мне.

— Меня не было дома, я гуляла. Я люблю гулять по берегу реки. И погода была такая великолепная, такой теплый воздух, столько света...

— А потом?

— Я увидела, как Марк выбежал из дома и бросился к гаражу. По его лицу поняла: что-то случилось. Я подбежала к гаражу как раз в тот момент, когда он выходил с ломом в руке, и спросила: «В чем дело?»

— И что он ответил?

— Он сказал: «Отец заперся в кладовой и не отвечает. Мы хотим взломать дверь». Вот и все.

— А потом?

— Потом он побежал обратно к дому, и я за ним. Дэвид и Алан были наверху, за дверью маленького кабинета. Он был там, хотя, понимаете, у него есть очень большой и красивый кабинет внизу.

— Он часто находился в кладовой?

— Да. Мне кажется, это было его убежищем. Он держал там свои любимые книги и музыкальные записи. Убежище.

— Он имел привычку запирает дверь?

- Да.
- Он всегда задвигал засов, когда заходил туда?
- Да, насколько я знаю. Я часто приходила к нему в эту комнату, чтобы позвать к обеду или что-нибудь сообщить, и дверь каждый раз была заперта.
- Что произошло, когда вы с Марком поднялись наверх?
- Ну... Алан сказал, что дверь, очевидно, заперта, они пытаются открыть ее и взламывают замок.
- Он волновался?
- Конечно. Они стучали в дверь и страшно шумели, но отец не отвечал. А вы бы не беспокоились?
- Что? Ах, да, конечно, я стал бы беспокоиться. Ну, а потом?
- Они засунули лом между дверью и рамой и сорвали замок. Марк попытался открыть дверь, но она не открывалась. Тогда они потянули изо всех сил и увидели... увидели...
- Что отец повесился, верно?
- Да.— почти прошептала Кристин.— Да, верно.
- Кто первый заметил его?
- Я заметила. Я стояла немного поодаль, когда они приоткрыли дверь. Мне была видна в щель комната, и я увидела... это... это тело, которое висело там на веревке, и я... и поняла, что это отец, и закричала. Алан вынул из кармана складной нож, просунул руку внутрь и перерезал веревку.
- И тогда дверь открылась легко, не так ли?
- Да.
- Что было потом?
- Они позвали Роджера и велели позвонить в полицию.
- Что-нибудь трогали в комнате?
- Нет. Даже к отцу не прикоснулись.
- Никто не подошел к вашему тестю?
- Они подошли, но не касались его. Было ясно, что он умер. Дэвид сказал, что его, наверное, не нужно трогать.
- Почему же?
- Ну, потому что он уже умер. Он... я полагаю, он думал, что придет полиция...
- Но он сразу понял, что его отец покончил с собой, верно?
- Да... да, я думаю.
- Но почему он предупредил остальных, чтобы они не прикасались к телу?
- Не могу вам сказать,— коротко ответила Кристин. Карелла откашлялся.
- Вы представляете, сколько стоил ваш тесть, миссис Скотт?
- Стоил? Что вы имеете в виду?
- Какой у него был капитал? Сколько денег?
- Нет. Не имею представления.
- Но вы должны кое-что знать. Вам, конечно, известно, что он был очень богатым человеком.
- Да, конечно, это мне известно.
- Но неизвестно, насколько богатым, верно?
- Да.
- Знаете ли вы, что он завещал разделить поровну между тремя сыновьями 750 тысяч? Не говоря уже о Скотт Индастриз

Инкорпорейтед и многих других предприятиях. Это вы знали?

— Нет, я не... — Кристин остановилась. — На что вы намекаете, детектив Карелла?

— Наменяю? Ни на что. Я констатирую факт наследования, вот и все. Вы считаете, что в этом заключается какой-то намек?

— В этом — нет.

— Вы уверены?

— Да, черт вас побери, из того, что вы говорите, можно сделать вывод, что кто-то намеренно... Вы это имеете в виду?

— Это вы делаете выводы, миссис Скотт, а не я.

— Идите вы к черту, мистер Карелла, — сказала Кристин Скотт.

— Ммм, — ответил Карелла.

— Вы забываете об одной мелочи, Карелла.

— Например?

— Мой тесть был найден мертвым в комнате без окон, и дверь была заперта изнутри. Может быть, вы сможете мне объяснить, как ваши слова об убийстве...

— Это ваши слова, миссис Скотт.

— ...об убийстве согласуются с очевидными фактами? Неужели все детективы бессознательно стараются всех измазать в грязи? В этом заключается ваша работа, мистер Карелла? Копаться в грязи?

— Моя работа — это защита закона и раскрытие преступлений.

— Здесь не было совершено никакого преступления. И не нарушен никакой закон.

— По законам нашего штата, — ответил Карелла, — самоубийство тоже считается преступлением.

— Значит, вы подтверждаете, что это самоубийство?

— Внешне это выглядит именно так. Однако очень часто «типичное самоубийство» оказывается убийством. Вы ведь не будете возражать, если я расследую все как полагается?

— Я возражаю только против вашей крайней невоспитанности. К тому же помните, что я вам сказала.

— Что именно?

— Что он был найден в комнате без окон, запертой изнутри. Не забывайте об этом, мистер Карелла.

— Если бы я мог это забыть, миссис Скотт! — горячо ответил Карелла.

Глава 8

Альф Мисколо скорчился у двери мужской уборной.

Всего полминуты назад в него попала пуля 38-го калибра. Люди в дежурной комнате застыли, словно выстрел парализовал их и лишил дара речи. В воздухе, мутном от серо-голубого дыма, тяжело висел запах карбида. Вирджиния Додж, чей силуэт четко вырисовывался на фоне этого дыма, внезапно предстала как вполне реальная и определенная опасность. Когда Коттон Хейвз выбежал из-за своего углового стола, она резко отвернулась от барьера и приказала:

— Назад!
— Там раненый! — возразил Хейвз, толкая дверцу барьера.
— Вернись, или ты будешь следующим! — крикнула Вирджиния.

— Иди к чертям! — ответил Хейвз и побежал к двери туалета, где лежал Мисколо.

Пуля прошла сквозь спину Мисколо аккуратно, как иголка сквозь ткань. Взорвавшись у выходного отверстия, она вырвала под ключицей кусок размером с бейсбольный мяч. Мисколо был без сознания и дышал с трудом.

— Внеси его сюда, — сказала Вирджиния.

— Его нельзя трогать, — ответил Хейвз, — ради бога, он...

— Ладно, герой, — выдавила из себя Вирджиния, — сейчас взлетишь на воздух.

Она вернулась к столу, размахивая револьвером.

— Внеси его сюда, Коттон, — сказал Бирнс.

— Пит, если мы тронем его, он может...

— Это приказ! Делай, как я говорю!

Хейвз, прищурившись, повернулся к лейтенанту.

— Слушаю, сэр. — Он даже не пытался скрыть свою злость.

Поднять Мисколо, плотного и тяжелого, особенно теперь, когда он был без сознания, оказалось нелегким делом. Хейвз принес раненого в комнату.

— Положи его на пол так, чтобы его нельзя было увидеть из коридора, — сказала Вирджиния и повернулась к Бирнсу: — Если кто-нибудь войдет, скажите, что револьвер выстрелил случайно. Никто не пострадал.

— Мы должны вызвать к нему врача, — возразил Хейвз.

— Мы никого к нему не вызовем, — отрезала Вирджиния.

— Он же...

— Положи его на пол, рыжий. За картотекой. И быстро.

Хейвз понес Мисколо за картотеку и осторожно опустил его на пол. Вирджиния молча села за стол, положив сумку перед бутылкой с нитроглицерином и держа револьвер так, что его не было видно из-за сумки.

— Не забудьте, лейтенант, — прошептала она, когда Дейв Марчисон, дежурный сержант, отдуваясь, остановился перед барьером. Дейву было за пятьдесят, это был плотный мужчина, который не любил подниматься по ступенькам, поэтому посещал детективов на втором этаже только в случае крайней необходимости.

— Эй, лейтенант, что это была за чертовщина? Похоже на выстрел.

— Да, — не очень уверенно ответил Бирнс, — это и был выстрел.

— Что-нибудь...

— Просто разрядился револьвер. Случайно, беспокоиться не о чем. Никто не... никто не пострадал.

— О господи, я напугался до смерти. Вы уверены, что все в порядке?

— Да. Да. Все в порядке.

Марчисон с любопытством посмотрел на лейтенанта, потом обвел глазами дежурную комнату. Он долго рассматривал Вирджинию Додж и Анджелику Гомес, которая сидела, скрестив стройные ноги.

— Полно народу, начальник, а?

— Да, сегодня у нас тесновато, Дейв.

Марчисон продолжал с любопытством глядеть на лейтенанта.

— Ну ладно,— наконец сказал он, пожав плечами,— раз все в порядке, пока, Пит.

Когда сержант отвернулся, Бирнс тихо произнес:

— Срочно!

— А?

Бирнс слегка улыбнулся и ничего не ответил.

— Ладно, пока,— повторил Марчисон и нерешительно пошел по коридору.

В дежурной комнате стояла тишина. Были слышны тяжелые шаги Марчисона, спускавшегося на первый этаж по металлическим ступеням.

— У нас есть индивидуальные пакеты? — спросил Хейвз, склонившись над Мисколо.

— Должен быть один,— ответил Виллис,— в нашем мусорном столе.

Он быстро подошел к столу, стоявшему в углу комнаты, в ящики которого детективы совали всякую всячину. Стол был завален объявлениями о розыске, циркулярами из полицейского управления и донесениями. В ящиках находились две пустые кобуры, коробки со скрепками, пустой термос, краска для снятия отпечатков пальцев, различные карточки, фишки и прочие вещи, которые трудно внести в какой-нибудь реестр. Виллис порылся в одном из ящиков, нашел пакет и передал его Хейвзу, который тем временем разорвал воротник рубашки Мисколо.

— О господи,— сказал Виллис,— крови, как из заколотой свиньи.

— Это сука! — ответил Хейвз, надеясь, что Вирджиния Додж услышит его. Со всей осторожностью, на которую был способен, он сделал повязку.

— У тебя есть что-нибудь подложить ему под голову?

— Возьми мой пиджак,— сказал Виллис. Сняв пиджак, он свернул его так, что получилось нечто вроде подушки, и почти нежно подложил под голову Мисколо.

Бирнс подошел к ним:

— Ну как?

— Ничего, нужен врач.

— Как его вызвать?

— Поговори с ней.

— Это все без толку.

— Какого черта, ты здесь старший!

— Разве?

— А что, не так?

— Вирджиния Додж вбила клин в мое старшинство и расколола его пополам. Пока она сидит здесь с этой проклятой бутылкой, я ничего не могу поделать. Ты хочешь, чтобы все мы погибли? Этого ты хочешь?

— Я хочу, чтобы к раненому позвали врача,— ответил Хейвз.
— Никаких врачей! — крикнула Вирджиния с другого конца комнаты.— И не думайте об этом! Никаких врачей!

— Понятно? — спросил Бирнс.

— Понятно,— ответил Хейвз.

— Не будь героем, Коттон. Здесь речь идет не только о твоей жизни.

— Я не настаиваю, Пит, но какая у нас гарантия, что она не взорвет свою игрушку, как только появится Стив? И какое мы имеем право приносить Стива в жертву нашему эгоистическому желанию остаться в живых любой ценой?

— А, по-твоему, лучше принести в жертву всех, кто сейчас в этой комнате, ради того, чтобы спасти Стива?

— Прекратите разговоры,— приказала Вирджиния,— пройдите на другой конец комнаты, лейтенант! Ты, коротышка, туда! А рыжий — в угол.

Все разошлись. Анджелика Гомес наблюдала за ними с улыбкой, явно забавляясь. Она поднялась — ее узкая юбка натянулась, подчеркивая линию бедер,— и подошла, немного раскачиваясь, к Вирджинии Додж, которая неподвижно сидела за столом со своим револьвером и бутылкой... Хейвз наблюдал за ними. Он смотрел на них отчасти потому, что страшно разозлился на шефа, и лихорадочно искал какое-нибудь средство убрать Вирджинию Додж. Но он не мог отвести глаз от Анджелики Гомес еще и потому, что пуэрториканская девица была самым красивым существом женского пола, которое ему довелось видеть с незапамятных времен.

Он не мог сказать с полной уверенностью, что интересует его больше — круглые ягодицы Анджелики или бутылка на столе. Он фантазировал не только относительно нитроглицерина, но и относительно того, насколько взрывчатой может оказаться эта крашенная блондинка, и с каждой минутой Анджелика Гомес казалась ему все более привлекательной. Ее движения были экономны и гармоничны. Тонкие лодыжки плавно переходили в стройные икры и полные бедра, тонкий овал лица и чистая линия шеи гармонировали с аристократическим носом. Она в совершенстве владела своим телом и словно не сознавала свою редкую красоту. Смотреть на нее было одно удовольствие. «Эта женщина перерезала горло человеку,— напомнил себе Хейвз,— хорошая девочка».

— Эй, это бомба, правда? — спросила Анджелика Вирджинию.

— Садись и не приставай ко мне,— ответила та.

— Не надо быть такая нервная. Я только спросила вопрос.

— Да, в этой бутылке нитроглицерин.

— Вы ее будете взрывать?

— Да, если надо будет.

— Зачем?

— Заткнись. Не задавай глупых вопросов.

— У вас есть револьвер тоже, да?

— У меня два револьвера,— ответила Вирджиния.— Один в руке, другой в кармане плаща. И еще несколько в этом

ящике.— Она указала на ящик стола, куда положила оружие детективов, прибавив к ним револьвер Виллиса.

— Я думаю, вы серьезная, да?

— Да, я совершенно серьезна.

— Эй, послушайте, отпустите меня, а?

— О чем ты говоришь?

— Отпустите меня, и я уйду отсюда. Сейчас вы здесь главные всех, правда? Вы слушали, что говорит этот парень раньше, правда? Он говорит, вы вставили клин, правда? Хорошо. Я уйду, Хорошо?

— Ты останешься здесь, миланка,— твердо произнесла Вирджиния.

— Пор ке? Зачем?

— Потому что если ты выйдешь отсюда, то станешь болтать. А если разболтаешь кому не следует, все мои планы летят к чертям.

— Кому разболтаю? Не буду говорить никто. Сразу уеду из чертов город. Может, вернусь Пуэрто-Рико. На самолет. Я перерезала глотку этот парень, слышишь? Теперь эти сопляки будут мне отомстить. И одно утро я просыпаюсь мертвая, правда? Давай, как тебя, Кармен, отпусти.

— Ты останешься,— сказала Вирджиния.

— Кармен, не...

— Останешься,— повторила Вирджиния.

— Ну, а если я выйти? Если я просто выйти?

— Получишь то же, что и тот легавый.

— Ох, ну и стерва! — сказала Анджелика, вернулась к своему стулу и уселась, скрестив ноги. Поймала взгляд Хейвза, улыбнулась ему и сразу же натянула юбку пониже.

Вообще-то Хейвз не изучал ее ноги. Ему пришла в голову мысль. Он придумал план, состоящий из двух частей, и первая часть плана — если его удастся выполнить — должна быть выполнена именно там, где сидела пуэрториканская девица. Суть идеи заключалась в том, что в ход пускались два металлических предмета. Хейвз был почти уверен, что один из них подействует немедленно, а для второго понадобится некоторое время, если это вообще сработает. Идея показалась Хейвзу блестящей, и, завороченный ею, он устал в пространстве. Случайно его взгляд сфокусировался на ногах Анджелики.

И теперь, используя тот факт, что Анджелика находится поблизости от одного из предметов, и понимая, что Вирджинию Додж следует отвлечь перед исполнением первой части плана, он пробрался к Анджелике и достал из кармана пачку сигарет.

— Закуришь?

Анджелика взяла предложенную сигарету. «Мучас грасиас. Большое спасибо», — сказала она, поднесла сигарету к губам и посмотрела в лицо Хейвзу.

— Правятся ноги, парень?

— Да, красивые ноги,— согласился Хейвз.

— Чертовски красивые ноги, еще бы! Не так часто увидишь такая ноги. Муй буэно, очень хорошо моя ноги.

— Муй. Очень,— снова согласился Хейвз.

— Хочешь увидеть все остальное?

«Если телефон зазвонит,— размышлял Хейвз,— Вирджиния поднимет трубку. Она теперь слушает все разговоры и ни за что не пропустит ни одного, тем более что это может быть Карелла. И если ее внимание будет отвлечено, у меня хватит времени выполнить то, что я задумал,— пустить машину в ход, чтобы все подготовить. Предположим, она будет действовать импульсивно, как все люди, когда они... ладно, я слишком много предполагаю. Но все же есть надежда. Ну давай, телефон, звони!»

— Я спросила вопрос,— перебила его мысли Анджелика.

— Какой вопрос?

— Хочешь увидеть остальной?

— Это было бы очень мило.

Хейвз, не отрываясь, смотрел на телефон. Он припомнил, что обычно телефон звонил со злобной настойчивостью каждые тридцать секунд. Всегда кто-нибудь докладывал о нападениях и избиениях, о драках, ножевых ранениях, о кражах и ограблениях и о тысяче других правонарушений и преступлений, которые ежедневно совершались в районе. Почему же теперь телефон молчит? Кто отменил на сегодня все происшествия? Не нужно нам таких каникул, когда Стив вот-вот угодит в ловушку, когда у Мисколо хлещет кровь из дыры размером в мою голову, когда эта сука сидит здесь со своим бутылем и аккуратным маленьким 38-м калибром.

— Это будет чертовски мило,— сказала Анджелика,— и все настоящий. Ты видишь моя грудь?

— Вижу.

Ну, телефон, звони!

— Это мой настоящий грудь,— говорила Анджелика,— нет бюстгалтер, я не ношу бюстгалтер. Верить?

— Верю.

— Я тебе покажу.

— Не надо. Я и так верю.

— Как насчет это?

— Насчет чего?

— Ты говоришь другим и отпускаешь меня. Позже приходишь гости, а?

Хейвз покачал головой:

— Никак нельзя.

— Почему нельзя? Анджелика — это что-то!

— Анджелика — это что-то,— согласился Хейвз.

— Ну?

— Первое. Ты видишь эту женщину, которая там сидит?

— Si.

— Она никого не выпустит отсюда. Понятно?

— Si. Когда она уйдет?

— Если она когда-нибудь уйдет. И, кроме того, я все равно не смогу отпустить тебя, потому что тот человек, который стоит у стены, это лейтенант, начальник над всеми детективами. Если я отпущу тебя, он может меня уволить или отправить в тюрьму. Анджелика кивнула.

— Не пожалеешь, Анджелика — стоящий товар, можешь меня поверить.

— Я тебе верю.

Хейвз не хотел возвращаться на свое место, потому что должен был находиться рядом с Анджеликой, когда зазвонит телефон, если он вообще зазвонит. В то же время он почувствовал, что их разговор зашел в тупик и больше не о чем говорить. Тогда он задал вечный вопрос:

— Когда ты стала проституткой?

— Я не проститутка, правда.

— Брось, Анджелика, — сказал он ворчливо.

— Ну хорошо, иногда. Но только чтобы покупать красивый платя. Я красиво одеваюсь, правда?

— Да, конечно.

— Послушай, приходи ко мне гости, а? Займемся этим самым.

— Милая моя, там, куда ты попадешь, занимаются только изготовлением номерных знаков.

— Чего? — спросила она, и в это время раздался телефонный звонок.

Этот звук застал Хейвза врасплох. Он автоматически повернулся и чуть не протянул руку к стене, но потом вспомнил, что должен ждать, пока Вирджиния возьмет трубку, и увидел, как Бирнс пересек комнату, направляясь к ближайшему столу, на котором стоял телефонный аппарат.

Телефон пронзительно звенел в дежурной комнате.

Вирджиния переложила револьвер в левую руку. Правой подняла трубку и кивнула Бирнсу.

— Восемьдесят седьмой участок. Лейтенант Бирнс.

— Вот это здорово, теперь уже начальство сидит у телефона? — сказал голос в трубке.

Хейвз сделал шаг назад и прислонился к стене. Вирджиния Додж сидела вполоборота к нему, так что он не мог поднять руку. Потом она повернулась на своем стуле так, что оказалась к нему спиной. Хейвз быстро поднял руку.

— Кто говорит? — спросил Бирнс.

— Это Сэм Гроссман из лаборатории. Кто еще может быть?

Термостат был прикреплен к стене. Хейвз обхватил его одной рукой и быстрым движением кисти поставил стрелку на крайнее деление.

В один из самых теплых октябрьских дней температура в дежурной комнате должна была вскоре подняться до 98 градусов по Фаренгейту.

Глава 9

Сэм Гроссман был детективом, лейтенантом и очень аккуратным человеком. Другой, менее дотошный начальник криминалистической лаборатории, отложил бы этот звонок до утра. Кроме всего прочего, было уже без трех минут шесть, и Гроссмана ждало дома семейство, которое не хотело обедать без него. Но

Сэм Гроссман верил в то, что лабораторные исследования так же важны для раскрытия преступления, как и работа детектива, и считал, что они должны идти рука об руку. Сэм никогда не упускал возможности доказать своим коллегам, которые часто круглые сутки были на ногах, проводя расследование, что лаборатория нужна детективу, как воздух, и к ней надо обращаться как можно чаще.

— Мы закончили с телом, Пит,— сказал Сэм.

— С каким телом?

— Старик. Джефферсон Скотт.

— Ах, да.

— Над этим делом работает Карелла? — спросил Гроссман.

— Да.

Бирнс посмотрел на противоположный конец комнаты, где сидела Вирджиния Додж. Услышав имя Кареллы, она выпрямилась и очень внимательно прислушивалась к разговору.

— Карелла — мастер своего дела,— заметил Гроссман,— он сейчас в доме Скотта?

— Я не знаю, где он,— ответил Бирнс.— Может быть. А что?

— Если он еще там, хорошо бы связаться с ним.

— А почему, Сэм?

— Причина смерти определена как удушье. Ты знаком с этим делом, Пит?

— Я читал донесение Кареллы.

— Старик был найден висящим в петле. Шея не сломана, никаких признаков насилия. Удушье. Похоже на самоубийство. Помнишь, у нас было недавно дело Эрнандеса — тоже казалось, что парень повесился, а на самом деле это было отравление героином. Помнишь?

— Да.

— Здесь у нас другое. Старик действительно умер от удушья.

— Да?

— Но удушье произошло не от петли. Он не повесился.

— А что случилось?

— Мы подробно обсудили это с нашим врачом, Пит, и мы совершенно уверены, что не ошиблись. Повреждения на шее старика показывают, что его задушили руками, а потом уже накинута петля на шею. Имеются также повреждения кожи, произведенные петлей, но большинство оставлено руками. Мы пытались снять с кожи отпечатки пальцев, но не смогли. Нам не всегда удается снять отпечатки пальцев с кожи...

— Значит, вы думаете, что Скотт был убит?

— Да,— невыразительно ответил Гроссман.— Кроме того, мы сделали несколько анализов той веревки, на которой он висел. То же, что и в случае с этим парнем Эрнандесом. Направление волокон веревки показывает, что старик не спрыгнул со стула, как это казалось на первый взгляд. Его повесили. Это убийство, Пит. Совершенно бесспорно.

— Ладно, большое спасибо, Сэм.

— Если вы думаете, что Карелла еще там, я свяжусь с ним немедленно.

— Я не знаю, где он сейчас,— сказал Бирнс.

— Если он еще не ушел оттуда, ему следует знать, что кто-то в этом доме — убийца, с очень большими руками.

Дэвид Скотт сидел, сжав руки у себя на коленях. Квадратные плоские кисти были покрыты тонкими бронзовыми волосами, которые курчавились на пальцах. За его спиной, далеко на реке, буксиры бросали в небо жалобные вечерние гудки.

Было 6.10.

Перед ним сидел детектив Стив Карелла.

— Когда-нибудь ссорились со стариком? — спросил Карелла.

— А что?

— Мне бы хотелось знать.

— Кристин кое-что рассказала мне о вас и ваших подозрениях, мистер Карелла.

— Правда?

— У нас с женой нет друг от друга секретов. Она сказала, что ваши мысли идут в направлении, которое я, со своей стороны, никак не могу одобрить.

— Мне очень жаль, мистер Скотт, что я не заслужил вашего одобрения. Но надеюсь, убийства вы тоже не одобряете.

— Именно это я имел в виду, мистер Карелла. И мне бы хотелось сказать вам вот что. Мы Скотты, а не какие-нибудь паршивые иностранцы из трущоб Калвер-авеню. Я не обязан сидеть здесь и выслушивать ваши ни с чем не сообразные обвинения, потому что у Скоттов имеются юристы, способные справиться с медлолобыми детективами. Итак, если вы не возражаете, я сейчас же вызову одного из этих юристов...

— Сядьте, мистер Скотт!

— Что?..

— Сядьте и сбавьте тон. Если вам кажется, что следует позвать одного из ваших юристов, о которых вы упомянули, вы прекрасно сможете сделать это в трущобной дежурной комнате 87-го участка, куда мы приведем вас, вашу жену, ваших братьев и всех прочих, кто находился в доме в тот момент, когда ваш отец повесился, как вы утверждаете.

— Вы не можете...

— Я могу, и я это сделаю, если нужно. А теперь сядьте.

— Я...

— Сядьте.

Дэвид Скотт сел.

— Вот так-то лучше. Я не утверждаю, что ваш отец не покончил с собой, мистер Скотт. Может быть, все было так, как вы говорите. Самоубийцы не всегда оставляют записки, так что, возможно, ваш отец действительно повесился. Но из того, что я узнал от Роджера...

— Роджер — это лишь лакей, который...

— Роджер сказал мне, что ваш отец был очень веселым и жизнерадостным человеком, богатым человеком, на которого работала гигантская корпорация с предприятиями в шестнадцать из сорока восьми штатов. Он был вдовцом в течение двенадцати лет, так что мы не можем предположить, что самоубийство было вызвано угрызениями совести из-за покойной

жены. Короче, он казался счастливым человеком, которому было для чего жить. А сейчас скажите, почему такой человек, как он, захотел свести счеты с жизнью.

— Этого я не могу сказать. У отца не было привычки исповедоваться передо мной.

— Да? Вы никогда с ним не говорили?

— Ну, конечно, я говорил с ним. Но по душам никогда. Отец был очень скрытным.

— Вы любили его?

— Конечно! Господи, это же мой отец!

— Согласно современной психиатрии, это может быть достаточной причиной для ненависти.

— Я посещал психоаналитика целых три года, мистер Карелла, и хорошо знаком с современной психиатрией. Но я не могу сказать, что ненавидел отца, и, конечно, не имею отношения к его смерти.

— Возвращаясь к старому вопросу... Вы ссорились с ним?

— Конечно. У детей постоянно бывают небольшие расхождения с родителями, не так ли?

— Вы когда-нибудь были в том кабинете наверху?

— Да.

— А вчера днем?

— Нет.

— Точно?

— Да, пока мы не увидели, что дверь заперта.

— Кто первый увидел это?

— Алан. Он поднялся наверх за стариком, но тот не ответил. Алан потянул к себе дверь, но она оказалась заперта. Тогда он позвал остальных.

— Как он узнал, что дверь заперта?

— Она не поддавалась. Ни на дюйм. Мы все по очереди пытались открыть ее, но это никому не удавалось. Тогда мы потянули дверь все вместе, но ничего не помогло. Ясно, что она была заперта изнутри. Если вы намекаете, с деликатностью бульдозера, на то, что здесь что-то нечисто, я надеюсь, вы не забудете об этом факте. Невозможно, чтобы кто-нибудь из нас убил отца, вышел из комнаты и запер ее изнутри. Абсолютно невозможно.

— Откуда вы знаете?

— Дверь очень плотно прилегает к раме. Между ними нет ни малейшего зазора.

— Вы, кажется, весьма тщательно изучили этот вопрос.

— Я занялся этим только после того, как обнаружилось, что отец умер. Должен признать, у меня мелькнула мысль, что отец убит кем-то. Разумеется, не членом семьи, а кем-то, понимаете? Но потом я понял, что никто не мог бы сделать этого, потому что, выйдя из комнаты, нельзя было запереть дверь. Внутренний засов мог закрыть только сам отец. Значит, убийство исключается.

— Мистер Скотт, — сказал Карелла, — можно просунуть сквозь зазор между дверью и рамой крепкий и тонкий шнур?

— Почему вы спрашиваете?

— Если накинуть на рукоятку засова кусок шнура, потом вывести концы наружу и закрыть дверь, то можно задвинуть запор и втянуть шнур. И все это можно проделать снаружи.

— В данном случае это было бы невозможно. Конечно, такой наблюдательный детектив, как вы, должен был бы заметить.

— Что заметить?

— В верхнем коридоре всегда сильный сквозняк — дует из окна в холле. Когда отец приспособил под кабинет эту кладовую, в ней сначала было очень неуютно. Тогда он велел оббить дверь и раму, как иногда оббивают наружную дверь.

— Как это?

— Металлическая полоса вокруг двери и металлический желоб вокруг рамы. Полоса вплотную входит в желоб, так что дверь закрывается почти герметически.

— Думаю, не так плотно, чтобы нельзя было просунуть тонкий шнур.

— Может быть, мистер Карелла, но дело не в этом.

— В чем же?

— Из-за этих металлических полос дверь закрывалась с трудом. Надо было тянуть ее на себя изо всей силы и налегать всем весом — а у отца был немалый вес, — и потом уже задвигать запор, фактически задвигать его в скобу, прибитую к дверной раме. Вы понимаете, к чему я говорю это?

— Да. Если дверь запиралась с таким трудом, то было бы невозможно просунуть задвижку в скобу из коридора с помощью шнура. Я понял, что вы имеете в виду.

— Итак, предположим, что я ненавидел своего отца, жаждал получить свою долю наследства. Предположим, что все мы желали его смерти. Но что делать с закрытой дверью? С дверью, запереть которую можно было только с огромным трудом и лишь изнутри. Никакой шнур не помог бы запереть эту дверь снаружи, и перед этим неопровержимым фактом даже вы должны будете признать, что мой отец покончил жизнь самоубийством.

Карелла тяжело вздохнул.

Магазины закрывались в шесть, и Тедди Карелла бродила по улицам, размышляя, стоит ли зайти в кафе и выпить чашку кофе. Стив обещал роскошный пир, и ей не хотелось, чтобы чашка кофе спутала его планы.

Стояла чудесная, теплая погода, необычная для октября. Октябрь — ее любимый месяц, даже когда погода капризничает.

«Может быть, я пристрастна, — думала Тедди, — но этот месяц — настоящий праздник для глаз. Пусть у меня никуда не годные уши — это звучит как-то самоуничижительно, почти по-китайски, — но зато зоркие глаза, вбирающие в себя все краски осени.

Интересно, как я буду выглядеть в платье для беременных. Ужасно.

Я потолстею.

А Стив не разлюбит меня?

Конечно, нет, что за глупые мысли. Только потому, что женщина раздувается и становится похожей на пузырь, теряет

У ВАС ЕСТЬ
ПОЛИЦЕЙСКИЙ
ПО ИМЕНИ
МЕЙЕР ?

талию и приобретает всяческие груди и толстый зад и...

Господи, Стив меня возненавидит!

Нет. Не разлюбит. Любовь терпелива и великодушна, любовь — это добро. Интересно, как я буду относиться к Стиву, если он вдруг станет весить восемь тысяч фунтов?

Господи, я буду любить его, даже если он будет весить десять тысяч фунтов. Но ему нравится моя фигура и, может быть... Я сделаю все, что в моих силах, сяду на диету и буду следить за своим весом, и я позвоню лейтенанту Бирнсу, попрошу его, чтобы он посылал по вызову к хорошеньким вдовушкам только холостяков.

Решено, никакого кофе. Может быть, в самом кофе не так уж много калорий, но зато в сахаре... Никакого кофе. Я похожу и буду любоваться на витрины, это полезно для фигуры.

Или, может быть, пойти прямо в участок?

Может, Карелла вернется немного раньше, чем думал. Я сделаю ему сюрприз. Да, я так и сделаю. Пойду к нему на работу и подожду его.

Может быть, он обрадуется, когда войдет в дежурку и увидит меня».

230
Человек шел по улице с опущенной головой. Ветра не было, по крайней мере сильного, воздух словно ласкал легкими прикосновениями, но человек тащился с опущенной головой, потому что никогда не чувствовал себя человеком в этом городе, никогда не был самим собой. Он старался держать голову пониже, втягивая ее как можно больше в плечи, словно черепаха, ожидающая неизбежного удара.

Человек был хорошо одет. Твидовый костюм, аккуратный синий галстук приколот к белой рубашке тонкой золотой булавкой, на ногах — темно-синие носки и черные туфли. Он знал, что выглядит точно так же, как любой другой прохожий, но казался сам себе нереальным, чужим. Человек шел, засунув руки глубоко в карманы и опустив голову.

Поскольку он смотрел себе под ноги, то заметил лист голубой бумаги, лежащей на тротуаре. И так как ему некуда было особенно спешить в этом враждебном городе, заставлявшем чувствовать себя ничтожеством, он поднял бумагу и стал изучать ее, пробегая по строчкам любопытными карими глазами.

Голубой лист бумаги был первым экземпляром шедевра, сочиненного Мейером, который он пустил по ветру, просунув сквозь решетку окна на втором этаже полицейского участка № 87. Остальных двух экземпляров на тротуаре не было. Лежал только один голубой лист бумаги, и человек, изучив его, подошел к большой уличной урне, установленной прямо под лампой угла дома. На урне было написано: «Соблюдайте чистоту в нашем городе».

Человек скомкал послание Мейера и бросил его в урну. Потом сунул руки в карманы, опустил голову и продолжал путь по враждебному городу.

Имя этого человека было Хуан Альверра, и он прибыл всего три месяца назад из Пуэрто-Рико. Никто в этом городе не

позаботился о том, чтобы научить Хуана английскому языку, которым пользовался Мейер, трудясь над своим сочинением.

Хуан Альверра умел читать и писать только по-испански.

Глава 10

Коттон Хейвз закрыл одно окно, затем второе. С улицы словно напирал душный мрак, просачиваясь сквозь решетку за стеклом. Свисающие с потолка шесть лампочек, которые включались одним выключателем, находившимся у самого барьера возле вешалки, слабо защищали от натиска темноты. В дежурной комнате установилась напряженная тишина, тишина ожидания.

Анджелика Гомес сидела, положив ногу на ногу и нетерпеливо покачивая носком модной лодочки на высоком каблуке.

Она сняла жакет и повесила его на спинку стула. Ворот блузы разошелся, еще больше открывая ничем не стесненную грудь. Она думала о своем — может быть, о человеке по имени Касым, которому она перерезала глотку и чьи друзья имели право отомстить ей; может быть, о безжалостном законе; возможно, об острове в Карибском море, где живут простые люди, где всегда сияет солнце и где она работала на сахарных плантациях во время сбора тростника и по ночам пила ром под звуки гитары, доносившейся с черных бархатных холмов.

За столом сидела Вирджиния Додж, одетая во все черное — черное платье, черный плащ и черные туфли. Даже ее бесформенная кожаная сумка была черная. В руке — вороненая сталь револьвера. Перед ней — бесцветная маслянистая жидкость, готовая взорваться от малейшего толчка. Пальцы Вирджинии отбивали дробь на столе. Ее карие глаза беспокойно шныряли по комнате, словно птицы, бьющиеся об оконное стекло, и постоянно возвращались к барьеру в ожидании детектива, который послал на смерть ее мужа.

На полу, за высокими металлическими ящиками картотеки, лежал Алф Мисколо, полицейский клерк. Он был без сознания, дышал с трудом и не сознавал, что, может быть, умирает. Ему казалось, что он снова стал ребенком и подносит к карнавалному костру кипу бумаги, чтобы костер разгорелся еще ярче на самой середине улицы. Ему казалось, что он счастлив.

Коттон Хейвз спрашивал себя, поднялась ли температура в комнате.

Это трудно было определить. Сам Хейвз сильно потел, но он всегда потел, когда нервничал. Он не понимал до конца, что решил Бирнс. Может, пожертвовать Кареллой, чтобы его остальные подчиненные остались в живых. Но Хейвз никак не мог примириться с этим. Ему не приходилось много потеть, когда он служил в 30-м участке. Участок находился в фешенебельном районе, и, по правде говоря, Хейвз не очень-то радовался переводу в 87-й участок. Это произошло в июне, а теперь был октябрь, — несчастные четыре месяца, а он уже чувствовал себя частью 87-го участка, работал вместе со всеми, всех знал,

и его очень беспокоила судьба одного из полицейских 87-го участка по имени Стив Карелла.

Может быть, лейтенант был прав.

Хейвз сделал для себя открытие: 87-й участок находился в странном районе, и в нем работали странные люди. Он отнесся крайне враждебно к своему переводу, не желая иметь дела с трущобами и их обитателями, заранее считая детективов 87-го участка безнадежными циниками, утратившими всяческие иллюзии и идеалы. Но очень быстро убедился в противном.

Он понял, что в трущобах живут обычные люди. Им хотелось любви, хотелось уважения, и не всегда стены трущобы были звериной клеткой. Хейвз узнал все это от своих товарищей, и был крайне удивлен, когда понял, что люди, работающие в 87-м участке, руководствуются принципами, нисколько не снижавшими эффективности их борьбы за соблюдение закона, — человечностью и честностью. Когда нужно, они проявляли жестокость, но старались понять того, кто нарушил закон. По их мнению, житель трущоб необязательно преступник. Вор был вором, но оставался человеком. Человечность и честность. Эти принципы, казалось, не очень подходили людям, ежедневно встречающимся лицом к лицу с насилием и внезапной смертью.

И вот теперь, в этой комнате, люди столкнулись с ситуацией, которая никак не согласовывалась ни с человечностью, ни с логикой. Вирджиния Додж сидела за столом, ожидая свою жертву, как воплощение алогичности и бесчеловечности.

Может быть, Вирджиния Додж по-своему была права. Око за око, зуб за зуб — разве не так сказано в Библии? Отец Хейвза был религиозным человеком и назвал сына в честь Коттона Мезера, воинствующего пуританского священника, ярого охотника за ведьмами.

Джеремия Хейвз не мог согласиться с тем, что суды над ведьмами в Селеме были порождением врожденных суеверных страхов, зависти и желания отомстить за мелкие обиды. Он не считал Коттона Мезера виновным в том, что лихорадочная охота за ведьмами в Селеме приняла характер массового психоза.

И вот теперь в роли охотника за ведьмами выступает Вирджиния Додж. Она жаждет мести. Стив Карелла нанес ей непоправимый вред, отправив ее супруга в тюрьму, где тот скончался. Может быть, блаженной памяти преподобный Перрис в 1692 году счел, что жители Селема нанесли ему подобный же вред, когда торговались относительно того, сколько дров ему понадобится на зиму. Может быть, преподобный Перрис совершенно бессознательно подбросил дров в костры, на которых сжигали ведьм, давая против них показания, чтобы отомстить мелочным горожанам. Но в поведении Вирджинии Додж не было и намек на то, что она действует бессознательно. Она пришла сюда, чтобы убить Кареллу, чтобы утолить жажду мести.

«Интересно, стало у нас жарче?» — подумал Хейвз, оглядел комнату и увидел, что Виллис развязывает галстук. Коттон надеялся, что, если температура в комнате действительно повысилась, никто не скажет об этом и никто не пойдет к термостату,

чтобы переставить его стрелку на нормальный уровень.

Прислонившись к стене у вешалки, лейтенант Бирнс смотрел на Хейвза, прищурившись.

Единственным, кто заметил, что Хейвз перевел стрелку термостата, был Бирнс. Во время разговора с Гроссманом он увидел, как Хейвз быстро шагнул к стене и взялся за термостат. Позже он наблюдал за Хейвзом, когда тот закрывал окна, и понял: у него что-то на уме, его действия не случайны, а связаны между собой.

Бирнс старался понять, в чем заключается план Хейвза.

Он видел действия Хейвза, но был совершенно уверен, что никто, кроме него, не заметил этого. Хейвз явно рассчитывал, что духота в комнате поможет ему осуществить его план. Кто первый покажется на духоту? Берт Клинг уже снял пиджак и вытирал пот со лба. Виллис развязал галстук. Анджелика Гомес задрала юбку, открыв колени, будто сидела на скамейке в парке, обдуваемая речным ветерком.

Кто первый скажет: «Здесь жарко, как в пекле»?

Прежде всего, для чего Хейвзу понадобилась жара?

Бирнс надеялся, что план Хейвза не авантюра.

Но тут же подумал, что всякий план будет авантюрой, пока на столе стоит бутылка с нитроглицерином.

Берт Клинг начал потеть...

Он чуть было не подошел к окну, чтобы открыть его, но тут же вспомнил одну вещь.

Ведь Коттон недавно подходил к окну, чтобы его закрыть!

Кажется, он видел, как Коттон...

Ведь температура в комнате контролируется термостатом. Кто перевел стрелку? Коттон?

Может быть, у него есть план?

Может, есть, а может, нет. Во всяком случае, Берт Клинг скорее растает и превратится в лужу на деревянном полу дежурной комнаты, чем откроет окно. Он ждал с любопытством и потел все сильнее.

Хел Виллис хотел было сказать о том, как жарко стало в комнате, но тут заметил, что рубашка Берта Клинга промокла от пота. Закрыв на минуту глаза, Берт провел рукой по лбу и стряхнул на пол капли пота.

Внезапно Хел Виллис понял, что в комнате стало жарко не случайно.

Он попытался поймать взгляд Клинга, но ничего не прочел в его глазах.

Чувствуя, что нижнее белье начинает прилипать к телу, Хел стал ерзать на стуле, пытаясь устроиться поудобнее.

Мейер Мейер вытер капли пота на верхней губе.

Жарко, как в пекле, подумал он, интересно, нашел кто-нибудь мои бумажки? Почему никто не выключит этот проклятый термостат? Мейер посмотрел на аппарат. Коттон Хейвз стоял у стены, и его глаза не отрывались от Вирджинии Додж. Он был похож на часового, охраняющего что-то важное.

«Эй, Коттон,— подумал Мейер,— опусти немного руку и поверни этот проклятый термостат».

Он чуть не произнес эти слова вслух.

Но потом снова стал думать, нашел ли кто-нибудь его записки.

Думая об этом, совершенно отвлекся от жары и стал про себя читать древнюю еврейскую молитву.

Анджелика Гомес расставила ноги и закрыла глаза. В комнате было очень жарко. Она опустила веки и представила себе, что загорает на плоском камне где-нибудь в горах. В Пуэрто-Рико она часто взбиралась высоко в горы по тропинкам, древним, как само время, почти скрытым пышной тропической растительностью, находила скрытую среди деревьев поляну, сплошь заросшую папоротником. На этой поляне обязательно лежал плоский камень, и тогда Анджелика раздевалась и подставляла тело попелуям солнца.

Она рассеянно подумала: почему на улицах этого города так мало солнца?

Охваченная истомой, она не открывала глаза, чувствуя, как жара оболочивает ее. Представляя себе родной остров, она наслаждалась жарой и надеялась, что никто не станет открывать окно.

Раздался телефонный звонок.

Сидя за своим столом, Вирджиния Додж, у которой на лбу блестели капельки пота, кивнула Клингу. Клинг поднял трубку.

— 87-й участок, детектив Клинг.

— Привет. Карелла на месте?

— Кто говорит?

— Этчисон, из лаборатории. Где Карелла?

— Вышел. Передать ему что-нибудь?

— Да, я думаю. Как, вы говорите, ваше имя?

— Берт Клинг.

— Мне кажется, я вас не знаю.

— Какая разница?

— Мне хочется знать, с кем я имею дело. Так вот, относительно дела этого Скотта.

— Да?

— Сэм Гроссман попросил меня изучить несколько фотографий. Дверную раму.

— Да?

— Вы знакомы с этой дверной рамой?

— Карелла мне кое-что рассказывал о ней. Если у вас есть что-нибудь новое, я передам ему.

— К чему такая спешка? Вы что, не любите разговаривать?

— Обожаю. Но мы немного заняты сегодня.

— Я люблю разговаривать,— сказал Этчисон,— немного разгоняет скуку. Вы бы посидели, как я, целый день в обществе пробирок, фотографий и люминесцентных ламп, нюхали бы с утра до вечера тряпки, пахнущие кровью, гноем и мочой, тогда бы не возражали против небольшого разговора.

- Ах, как мне жаль вас. Так что же с этой дверной рамой?
- Сейчас я должен быть дома, а вместо этого целый день увеличивал фотографии, пытаюсь помочь вам, остолопам. И вот какую благодарность я получаю.
- Я пошлю вам свое старое белье, чтобы вы могли сделать анализ на метки. Идет?
- Очень смешно. Но только, чтобы это было нестираное белье, к какому мы привыкли. Чтобы оно воняло кровью, гноем и...
- Понятно. Картина ясна.
- Как, вы сказали, ваше имя?
- Берг Клинг.
- Вы комик, а, Клинг?
- Фирма «Клинг и Коган», никогда не слышали?
- Нет.
- Птичьи трели, чечетка и комическая скороговорка. Мы ставим сцены из народной жизни — бар мицве и ирландские свадьбы. Неужели не знаете фирму «Клинг и Коган»?
- Нет, Я должен принять это как остроумную шутку?
- Я веду светскую беседу. Вы этого желали, верно?
- Премного обязан. Когда-нибудь вы придете к нам, попросите оказать любезность, и я брошу вам мешок с вашим собственным грязным бельем.
- Так что там насчет дверной рамы?
- Может быть, не стоит говорить. Попотейте сами.
- Пожалуйста, сделайте любезность.
- Конечно, а потом Сэм намылит мне шею. Что у них с этим Кареллой? Можно подумать, что он его зять или родственник, так он старается.
- Стив его папочка, — ответил Клинг. — Они привязаны друг к другу, как любящие отец и сын.
- В трубке долго молчали, наконец Этчисон произнес нарочито невыразительным тоном:
- Ради блага фирмы будем надеяться, что Коган остроумнее вас. Ну, желаете получить информацию?
- Я жду.
- Ладно. Я увеличил фотографии и внимательно рассмотрел их. На дверной раме изнутри есть следы, там, где запор висел на одном шурупе, якобы сорванный, когда те парни взламывали ломом дверь.
- Так, продолжайте.
- Похоже на то, что кто-то сорвал запор изнутри с помощью долота и отвертки.
- Что вы хотите этим сказать?
- Я хочу сказать, что запор не был сорван ломом снаружи. Есть доказательства, что его сорвали изнутри. На дверной раме полно вмятин. Парень, который сделал это, видно, очень спешил.
- Значит, вы утверждаете, что дверь не была заперта изнутри.
- Именно это я и говорю.
- Почему же они не смогли ее открыть?

— Вопрос на все сто долларов, мистер Клинг. Почему три здоровых парня не могли открыть незапертую дверь? Мы думали, что ее, вероятно, держало тело, которое висело на веревке, привязанной к дверной ручке. Но они могли свободно открыть дверь, несмотря на тело, в крайнем случае лопнула бы веревка. Значит, дело было не так.

— А как?

— Я скажу вам, что делать.

— Да?

— Спросите Когана.

Клинг повесил трубку. То же сделала Вирджиния Додж.

— Можно как-нибудь связаться с Кареллой? — спросила она.

— Не знаю. Вряд ли, — ответил Бирнс, хотя это было неправдой.

— Разве он не должен получить информацию?

— Должен.

— Почему же вы не позвоните ему и не передадите то, что узнали?

— Потому что я не знаю, где он.

— Разве он не у этих Скоттов? Там, где совершено убийство?

— Не исключено. Но если он допрашивает подозреваемых, то может быть где угодно...

— Почему не позвонить Скоттам?

— Для чего?

— Если он там, я хочу, чтобы вы приказали ему немедленно вернуться в участок. Здесь страшно жарко, и я устала ждать.

— Не думаю, что он там, — быстро отреагировал Бирнс, — кроме того, если я вызову его, он заподозрит какой-то подвох.

— Почему он это заподозрит?

— Потому что убийство должно расследоваться в первую очередь.

Вирджиния несколько секунд обдумывала его слова: «Хотела бы я знать, врете вы, или нет». Но больше не просила Бирнса звонить Скоттам.

Дейв Марчисон сидел в комнате для посетителей за высоким столом, похожим на алтарь правосудия, за которым восседает судья. К столу было прикреплено объявление, призывающее всех посетителей остановиться и сказать, по какому делу они пришли. Дейв Марчисон смотрел на улицу сквозь открытую дверь участка.

Был чудесный вечер, и Марчисон думал о том, чем занимаются обычные граждане в такой вечер. Гуляют парочками по парку? Занимаются любовью при открытых окнах? Или играют в бинго, ма-джонг и другие игры?

В любом случае они не сидели за столом, отвечая на телефонные звонки.

Марчисон пытался восстановить в памяти разговор.

Он поднялся наверх посмотреть, что там за шум, и шеф объяснил: «Револьвер выстрелил случайно». Тогда он сказал что-то вроде: «Ладно, если все хорошо...» И шеф ответил: «Да, все в порядке». А потом было важное, надо вспомнить точно. Он

сказал лейтенанту: «Ладно, если все в порядке, пока, Пит». А Бирнс ответил: «Срочно!»

Это был очень странный ответ для шефа, потому что у полицейских «Срочно!» означает «Немедленно сообщить».

Что же он мог немедленно сообщить шефу, если уже стоял прямо перед ним?

У лейтенанта была какая-то странная, застывшая улыбка.

Срочно.

Немедленно сообщить.

Что он имел в виду? Или просто шутил?

А если он что-то хотел сказать, то что именно? Немедленно сообщить. Кому немедленно сообщить? Или немедленно сообщить что-нибудь? Что сообщить?

Что выстрелил револьвер?

Но шеф сказал, что это произошло случайно, и все там выглядело, как всегда. Может быть, лейтенант хотел, чтобы он сообщил о случайном выстреле? Так, что ли?

Нет, это было полной бессмыслицей. Случайный выстрел в дежурной комнате был не на пользу лейтенанту, и, конечно, он не хотел бы, чтобы об этом сообщали.

«О господи, я делаю из мухи слона,— подумал Марчисон.— Лейтенант просто веселил свою публику, а я ломаю голову над тем, что означала эта шутка. Мне надо было бы работать наверху, вот что. Хорошим бы я был детективом, если бы пытался всякий раз размышлять над глупыми шутками лейтенанта! Это все бабье лето. Лучше бы я вернулся в Ирландию и целовал ирландских девчонок».

Срочно.

Немедленно сообщить.

Пульз перед Марчисоном вспыхнул зеленым светом. Докладывал один из патрульных. Он нажал кнопку и сказал:

— Восемьдесят седьмой участок. Сержант Марчисон. А, привет, лысый. Да. Ладно, приятно слышать. Танцуй дальше.

«На западном фронте все спокойно»,— подумал Марчисон и выключил сигнал.

«Срочно»,— опять вспомнил он.

Вирджиния Додж внезапно поднялась.

— Все туда,— приказала она,— на эту сторону комнаты. Побыстрее, лейтенант, отойдите от вешалки.

Анджелика вздрогнула, встала, поправила юбку и отошла к зарешеченному окну. Хейвз оставил свой пост у термостата и присоединился к ней. Бирнс отошел от вешалки.

— Револьвер направлен на нитро,— сказала Вирджиния,— так что без всяких фокусов.

«Хорошо!»— подумал Хейвз.— Она не только страдает от жары, но беспокоится, как бы не взорвался нитроглицерин. Господи, хоть бы сработало. Первая часть, кажется, уже есть. Я надеюсь».

Вирджиния отошла к вешалке и быстро сбросила плащ с левого плеча, держа револьвер, направленный на бутылку, в правой руке. Потом она переложила оружие в левую руку, сбросила

плащ с правого плеча и, не поворачиваясь, повесила его на крючок.

— Здесь жарко, как в пекле,— сказала она.— Может, кто-нибудь поставит термостат на нормальную температуру?

— Сейчас,— отозвался Хейвз и, улыбаясь, направился к термостату.

Он посмотрел на другой конец комнаты, где бесформенный плащ Вирджинии висел рядом с плащом и шляпой Виллиса.

В левом кармане черного одеяния Вирджинии находился пистолет, который она взяла в кабинете Бирнса.

Глава 11

«Удивительно, как просто все сошло,— подумал Хейвз.— Если бы все в жизни было так легко, каждый в этом мире имел бы свое личное розовое облако, на котором мог бы витать над землей».

Но сам факт, что Вирджиния так быстро сняла пальто, расставшись с револьвером, вселил сомнение в душу Хейвза. Он не был суеверным, но скептически относился к слишком уж благоприятному ходу событий. Может быть, успешное осуществление первой части плана было плохой приметой для второй части?

Револьвер теперь был там, где он планировал,— в кармане плаща, висевшего на вешалке у стены. Недалеко от вешалки, у барьера, был выключатель для всего верхнего света. План Хейвза заключался в том, что он пройдет к висевшей на стене у выключателя доске циркуляров, якобы для того, чтобы проверить лиц, на которых был объявлен розыск, и потом — когда представится возможность — выключит свет и достанет из кармана плаща Вирджинии пистолет Бирнса. Он не будет стрелять сразу, ему не нужна дуэль на пистолетах, особенно когда на столе перед Вирджинией стоит бутылка. Он будет держать пистолет у себя и выстрелит только тогда, когда представится возможность сделать это без нежелательных последствий.

Хейвз не представлял себе, как подобный план может провалиться. Кроме верхнего света, в комнате не было других ламп. Один щелчок — и темнота. Это займет не более трех секунд — он выхватит пистолет из кармана, спрячет его и снова включит свет.

Выстрелит Вирджиния за эти три секунды?

Вряд ли.

Если она даже выстрелит, то в комнате будет совершенно темно, и она, вероятнее всего, промахнется.

«Да, риск немалый,— сказал себе Хейвз.— Ей даже не надо стрелять. Она может просто смахнуть бутылку со стола рукой,— и для всех наступит вечное блаженство».

Но Хейвз рассчитывал еще на одну вещь — ему поможет нормальная человеческая реакция на внезапную темноту. В неразберихе Вирджиния может подумать, что свет потух из-за какой-то неполадки. Она не будет стрелять и не сбросит бутылку

до тех пор, пока не поймет, в чем дело. Но в это время свет уже будет гореть снова, Хейвз найдет какую-нибудь отговорку и скажет, что выключил свет нечаянно.

Это должна быть убедительная отговорка. А может быть, необязательно? Если свет тут же загорится и все будет так, как прежде, она примет любое алиби? Интересно, вспомнит ли она, что у нее в кармане был пистолет? Если вспомнит, тогда придется палить, невзирая на нитро. По крайней мере они оба будут вооружены.

Хейвз снова перебрал в уме все детали. Подойти к доске циркуляров, сделать вид, что занялся бумагами, повернуть выключатель, выхватить пистолет...

Погоди-ка.

Есть еще один выключатель для тех же лампочек в дальнем конце коридора, сразу же у металлической лестницы. Он включает свет одновременно в коридоре и дежурной комнате, чтобы, поднявшись на второй этаж, не идти в полной темноте по коридору. Хейвз размышлял, не следует ли придумать что-нибудь и со вторым выключателем, чтобы быть полностью уверенным. Очевидно, в этом не было необходимости, так как выключатели работали независимо друг от друга.

«Ладно,— сказал он себе,— начнем».

И направился к доске циркуляров.

— Эй!

Хейвз остановился. Анджелика Гомес положила руку ему на локоть.

— Есть сигарета?

— Конечно,— ответил Хейвз, вынул из кармана пачку и достал сигарету. Анджелика взяла ее, приклеила к нижней губе и ждала. Хейвз зажег спичку и поднес к сигарете.

— Мучас грасиас,— сказала Анджелика,— у вас хорошая манера. Это самая важная вещь.

— Да.— Хейвз хотел отойти от нее, но она схватила его за рукав.

— Знаете что?

— Что?

— Я ненавижу этот город. Знаете почему?

— Нет, почему?

— Нет хорошая манера. Эта правда.

— Ну, грубость есть всюду.

Хейвз опять хотел отойти, но Анджелика спросила:

— Зачем вы спешите?

На этот раз Вирджиния Додж отвернулась от стола и подозрительно посмотрела на Хейвза.

— Я не спешу,— ответил он.

— Тогда садитесь,— предложила Анджелика,— давайте поговорить. В этот город никто не имеет время поговорить. На мой остров не так. На остров каждый имеет время на всякий вещь.

Хейвз знал, что ему делать. Вирджиния Додж не отрывала от него взгляда. Стараясь показать, что не спешит, он пододвинул стул и сел. Небрежно, может быть, слишком небрежно, вынул из пачки еще одну сигарету и закурил. Он делал вид, что совершен-

но не замечает Вирджинию, что его интересует только приятное общество Анджелики Гомес. Выпуская дым из сигареты, он думал: «Интересно, когда она вспомнит, что оставила пистолет в кармане плаща?»

— Откуда у вас седой волос? — спросила Анджелика.

Хейвз бессознательно пригладил прядь над левым виском.

— Меня однажды ударили ножом, а потом выросли седые волосы.

— Где вас ударили ножом?

— Это длинная история.

— Я имею время.

«Но я не имею», — подумал Хейвз и увидел, что Вирджиния все еще смотрит на него. «Может быть, она что-то подозревает?» — Хейвз почувствовал в желудке тяжесть, словно проглотил тягучий отвар. Ему хотелось шумно вздохнуть, закричать, ударить кулаком по стене. Вместо этого он заставил себя продолжить разговор, хотя ни на минуту не забывал о пистолете.

— Я расследовал дело о грабеже, — начал Хейвз. — Когда я пришел в квартиру, у женщины, которую ограбили, была истерика, а когда я уходил, она была страшно напугана. Я хотел выйти на улицу и послать к ней патрульного, но не дошел до улицы. Тот парень бросился на меня с ножом.

— Это был грабитель?

— Нет, и это самое смешное. Это был начальник охраны того дома. Он услышал ее крики и побегал вверх по лестнице, так как думал, что к ней вернулся грабитель. В холле было темно, и когда он увидел меня, то сразу напал. Я страшно разозлился и как следует избил его. Но он к тому времени успел проделать дырку у меня в голове.

— А потом?

— Потом мне побрили голову, чтобы добраться до раны. И когда волосы выросли, они были уже седые. Вот и все.

— Тот парень угодил в тюрьму?

— Нет. Он был действительно уверен, что я грабитель.

Анджелика замолчала.

— А я пойду в тюрьму?

— Да. Наверное.

Опять наступило молчание. Хейвз хотел отойти от Анджелики, но Вирджиния все еще смотрела на него. Он увидел в глазах Анджелики грусть, пробивающуюся сквозь жесткое выражение, из-за которого она казалась старше своих лет.

— Что привело тебя на материк? — спросил Хейвз, чтобы как-то поддержать разговор.

Анджелика, не задумываясь, ответила:

— Самолет «Пан-Америкэн».

— Нет, нет, я имел в виду...

— А, вы хотели узнать...

Анджелика расхохоталась, и внезапно ее лицо потеряло жесткость. Она откинула голову, и на минуту ее крашенные светлые волосы показались такими же естественными, как и смех. Легкие морщинки на лбу и у рта разгладились, и осталась лишь естественная и яркая красота — привилегия, дарованная ей

при рождении, которую не смог отнять даже этот город. Но скоро смех умолк. Веселье сползло с лица, как прозрачное покрывало, рассыпавшееся в прах. И жесткость опять покрыла толстым слоем лака ее красоту.

— Я пришла сюда, потому что я всегда голодная,— сказала она.— В Пуэрто-Рико очень бедные. Я получала письмо от двоюродная сестра. Приезжай город, приезжай город. Я приехала. Очень легко. Самолетный кампания дают займы. Есть люди дают займы динеро. Потом им отдаю с процентами. Я приехала. Я приехала здесь в январе. Очень холодный здесь, нельзя даже подумать. Я знала, здесь есть зима, но не подумала, что такой холодный.

— А где ты остановилась, Анджелика?

— Я остановилась сначала на месте, его называют «теплый кровать». Знаете, что это такое?

— Нет. А что?

— Вы думаете, что-то грязный, но это не так. «Теплый кровать» — это место, где люди могут спать по очереди, как смена, компренде? Как будто одна комната снимают три человека. Ты приходишь спать, потом уходишь. Потом следующий приходит спать, потом уходит. Одна квартира снимают три человека. Очень хитрые, много динеро. Выгодно. Хозяину, не нам.

Анджелика невесело улыбнулась.

— Я была там, пока весь день ушел, а потом пошла жить, где двоюродная сестра. Потом я поняла, что стала — как вы говорите — обаза. Обаза. Когда что-то мешает жить.

— Обуза,— поправил Хейвз.

— Si. Обаза. И тогда я нашла мужчину и пошла жить с ним.

— Кто он был?

— А, просто мужчина. Не совсем плохой, не имел дела полиция. Но я не живу с ним, потому что он бил меня один раз, а это я не люблю. Так я ушла. Иногда стала спать с другие мужчины, но только когда совсем нет деньги.

Она замолчала.

— Я скажу вам что-то.

— Что?

— В Пуэрто-Рико я была красивая девушка. Здесь я тоже красивая, но дешева. Понимаете? Я иду на улица, и мужчины думают: «Я буду спать с эта девушка». В Пуэрто-Рико есть уважение. Совсем не так, как здесь.

— Как это?

— В Пуэрто-Рико девушка идет на улица, мужчины смотрят и радуются, приятно видеть. Девушка может немного вилять задом, мужчины любят, им нравится. И немного смеются, я хочу сказать, от всего сердца, без злорадия. Здесь... нет. Здесь всегда думают: «Дешевый шляха. Пута». Я ненавижу эта город.

— Ну, ты...

— Я не виновата, что не так хорошо знаю английский. Я учила испанский. Я знаю настоящий испанский, очень литературный испанский, очень хороший школа. Но испанский здесь не годится. Если говорите здесь по-испански, тогда вы иностранец. Но это и моя страна тоже, нет? Я тоже американка, нет?

Пуэрто-Рико тоже есть Америка. Но испанский здесь нехорошо. Кто говорит по-испански, это означает пута. Я ненавижу этот город.

— Анджелика...

— Знаете что? Я хочу вернуться остров. Я хочу вернуться и никогда не уехать больше. Я говорю вам. Там я бедный, но там я Анджелика Гомес. Я знаю, кто я такой. И в целый мир нет больше, нет другой Анджелика Гомес. Только я. А здесь я никто, только грязный пуэрториканский дрянь.

— Не для всех,— сказал Хейвз.

Анджелика покачала головой.

— У меня будет большая неприятности сейчас, нет?

— Да, очень большие неприятности.

— Si. И что со мной будет сейчас? Я пойду в тюрьму, а? Может быть хуже, если этот Касым умрет, а? А почему я порезала его? Хотите знать, почему я порезала? Потому что он забывает одна вещь. Он забывает то, что все забывают в этот город. Он забывает, что я — это я, Анджелика Гомес, и все, что я имею,— это мой собственность, и никто не может трогать, пока я не скажу трогать. Это я. Это мой собственность. Почему не могут оставить человек в покое?

Казалось, она вот-вот расплчется. Хейвз потянулся к ней и хотел взять ее за руку, но она затрясла головой изо всех сил. Хейвз убрал руку.

— Простите,— сказала Анджелика,— я не буду плакать. В этот город быстро учишься, что от плакать нет польза, совсем нет польза.— Она кивнула.— Простите. Оставьте меня. Пор фавор. Пожалуйста. Оставьте. Пожалуйста.

Хейвз встал. Вирджиния Додж опять занялась бутылкой. Он небрежно прошел к доске циркуляров и встал у стены недалеко от выключателя. Так же небрежно достал из заднего кармана блокнот и стал делать записи.

Мальчики начали развлекаться раньше, чем обычно.

Сейчас было только 6.25, но они вышли на улицу в половине четвертого, после скучной лекции по антропологии. В пятницу вечером, когда кончилась трудная неделя, в течение которой они томились на уроках, делая никому не нужные записи, мальчики были просто обязаны выпить, как настоящие мужчины.

Они начали с пива в клубе колледжа, расположенного через улицу от главного здания. Но какой-то глупый новичок, которому было поручено неделю назад закупить провизию, забыл пополнить запасы спиртного, исчезавшие быстрее всего. Так получилось, что в холодильнике остались всего две дюжины банок пива, и пришлось искать утешения в другом месте. Мальчики были вынуждены покинуть свою привычную уютную нору и отправиться на поиски освежающей жидкости в город.

Они вышли из клуба, одетые в форму, обличающую их принадлежность к ученому сословию. На них были брюки с ремнями, затянутыми сзади, складки на брюках были тщательно смяты, а отвороты отрезаны. Поверх брюк были белые рубашки на пуговицах, а вокруг ворота рубашек повязаны яркие

шелковые галстуки с большим узлом, заколотые золотыми булавами.

К тому времени, когда гуляки подошли к третьему бару, они едва держались на ногах.

— Когда-нибудь,— сказал Сэмми Хорн,— я приду на этот проклятый урок антропологии и сорву блузку с мисс Амалио. Потом я прочту лекцию о брачном ритуале «хомо сапиенс».

— Неужели кто-нибудь решится сорвать блузку с мисс Амалио?— спросил Баки Рейнолдс.

— Я, вот кто,— возразил Сэмми.— И я прочту лекцию о брачном...

— У него только секс на уме,— сказал Джим Мак Кейд.— Только и звонит об этом.

— Правильно!— выразительно подтвердил Сэмми.— На сто процентов!

— Мисс Амалио,— сказал Баки, пытаюсь ясно выговаривать слова, что давалось ему с большим трудом,— всегда поражала мое воображение, и я воспринимал ее только как сушеную заразу. По правде говоря, Сэмюэл, я крайне удивлен, что ты питаешь относительно нее черные замыслы. Я искренне и глубоко удивлен твоим порочным образом мыслей.

— Иди ко всем чертям,— ответил Сэмми.

— Один только секс на уме,— повторил Джим.

— Я скажу вам кое-что,— заметил Сэмми, глядя серьезно блестящими голубыми глазами сквозь очки с простыми стеклами в солидной черной оправе.— В тихом омуте черти водятся. Тихая вода, знаете ли,— это серьезно, это божеская правда, клянусь, чем хотите.

— Мисс Амалио,— ответил Баки, пытаюсь четко произнести это имя, хотя у него заплетался язык,— это не тихая вода, это стоячая вода. И я был зара... я хочу сказать — поражен, когда узнал, что ты, Сэмюэл Хорн, можешь даже в мыслях...

— Могу,— подтвердил Сэмми.

— Это непристойно.— Баки наклонил коротко остриженную белокурую голову, мрачно кивнул и испустил тяжкие вздохи.— Неприлично.— Он снова вздохнул.— Но, по правде говоря, я бы сам не прочь урвать кусочек этого добра, знаешь? В ней есть что-то иностранное, сексуальное, хотя ей, наверное, четыре тысячи лет.

— Ей не больше тридцати,— возразил Сэмми,— спорю на членство в клубе Фи Бета Каппа.

— Ты еще не член Фи Бета Каппа.

— Верно, но когда-нибудь буду. Всякий нормальный американский парень знает, что членство в Фи Бета Каппа — это ключ к вратам рая. Поэтому я смогу спорить на членство в этом клубе и даже готов выдать секрет тайного рукопожатия членов этого клуба, если мисс Амалио хоть на день старше тридцати.

— Она итальянка,— сказал Джим, витавший в невесомости. Когда Джим был пьян, его лицо расплзлось. Казалось, оно отделялось от тела и висело в пространстве без всякой поддержки. Глаза вылезали из орбит. Губы двигались без напряжения мускулов, сами собой.

— Она действительно итальянка,— сказал Баки,— ее зовут Серафина.

— Откуда ты знаешь?

— Это напечатано на программе ее занятий. Серафина Амалио. Красиво.

— Но как скучно, о господи! — сказал Джим.

— У нее очень упругая грудь,— заметил Сэмми.

— Очень. Упругая,— согласился Баки.

— У испанских девочек упругие груди,— сказал Джим, возникший в поле зрения с левой стороны.— Тоже.

— За Серафину Амалио,— провозгласил Баки, поднимая стакан.

— И за испанских девочек,— добавил Джим.— Тоже.

— И за упругую грудь.

— И за стройные ножки.

— И за чистые зубы.

— За пепсодент — лучшую в мире зубную пасту!

Все выпили.

— Я знаю, где найти испанских девочек,— сказал Сэмми Хорн.

— Где?

— На другом конце города.

— На каком конце?

— На улице, которая называется Мэзон Авеню. Знаешь такую?

— Нет.

— Это на другом конце. Там можно найти испанских девочек с упругой грудью, стройными ножками и чистыми зубами.— Сэмми кивнул.— Джентльмены, время решать. Который час, Баки, старая перечница?

— Шесть двадцать пять,— ответил Баки, глядя на часы.— И три четверти минуты. Когда услышите звон, будет шесть двадцать шесть.— Он помолчал.— Бом!

— Поздновато, парни,— сказал Сэмми.— позже, чем мы думали, парни. О господи, парни, когда-нибудь нас мобилизуют. Что тогда? Мы отправимся ко всем чертям, парни, пролить собственную кровь на чужой земле.

— О господи! — Баки был полон жалости к себе.

— Ну так что?.. Будем мы ждать, пока мисс Амалио снимет свою блузку, в чем я сильно сомневаюсь? Вряд ли она это сделает, несмотря на упругость своей замечательной груди. Или мы отправимся на тот конец города к дивной улице под названием Мэзон Авеню исследовать неведомые земли, не подвергаясь опасности военных действий? Как вы думаете, парни?

Мальчики молчали, погруженные в раздумье.

— Ну, решайте,— сказал Сэмми.— Это может оказаться лучшим временем в нашей жизни.

— Ну что ж, пойдем переспим с испанскими девочками,— сказал Баки.

Стоя у доски циркуляров, поближе к выключателю, Хейвз чертил бессмысленные значки в блокноте, ожидая момента для

атаки. Его рука скользнула вниз, к пластиковому выключателю. Наступила темнота, внезапная темнота, заполнившая комнату.

— Что за черт?.. — начала Вирджиния, потом замолчала, и в комнате снова наступила тишина.

«Плащ», — подумал Хейвз.

Быстро!

Его пальцы скользнули по грубому материалу плаща, вниз, к карману, нащупали тяжесть пистолета, он сунул руку в разрез, чтобы схватить револьвер...

И вдруг с невообразимой, ослепительной яркостью зажегся свет.

Глава 12

Хейвз чувствовал себя, как ребенок, которого застали в тот момент, когда он запустил руку в коробку с печеньем.

Он не сразу сообразил, что вызвало столь ослепительную иллюминацию, но потом понял, что кто-то зажег свет и что его рука находится в кармане плаща Вирджинии, не доставая нескольких дюймов до пистолета. Удивительно, время словно перестало существовать с тех пор, как стало светло. Он знал, что время течет с небывалой скоростью, и понимал — от того, что он сделает за несколько ближайших секунд, будет зависеть жизнь или смерть всех, кто находится в этой комнате, и все же не мог преодолеть ощущения, что время остановилось.

Прошло, казалось, целых три года, прежде чем он принял решение быстро повернуться к Вирджинии с оружием в руке.

Он сжал пальцы вокруг рукоятки пистолета в темных недрах кармана, и это заняло еще двенадцать лет. Хейвз почти выхватил пистолет, когда увидел Артура Брауна, который быстро шел по коридору, удивленно подняв брови. Примерно через сто лет он решил крикнуть:

— Уходи, Артур! Беги!

Но было уже поздно, потому что Артур открыл дверцу барьера и вошел в дежурную комнату. Доставать пистолет тоже было поздно — время вступило в свои права, оно словно вытекло в канализационную трубу. Был только угрожающе холодный голос Вирджинии Додж, который прорезал тишину, установившуюся в комнате.

— Не доставай пушку, рыжий! Я целюсь прямо в бутылку!

Хейвз замер. Внезапно он подумал: «А что там, в бутылке? Действительно нитроглицерин?»

Потом эта мысль исчезла так же внезапно, как и появилась. Он не мог рисковать. Разжав пальцы, Хейвз повернулся к Вирджинии.

Артур Браун стоял у самой дверцы, раскрыв рот.

— Что?..

— Заткнись! — прервала его Вирджиния. — Входи сюда!

— Что?..

Лицо Брауна выражало безграничное удивление. Просидев весь день в кладовой магазина готового платья, он вернулся

в участок и поднялся по металлической лестнице, ведущей на второй этаж, что делал уже тысячу раз с тех пор, как стал работать в 87-м участке. Увидев, что в коридоре нет света, он бессознательно потянулся к выключателю у лестницы и включил свет. Первое, что он увидел, был Коттон Хейвз, засунувший руку в карман женского плаща, висевшего на крючке. А потом... женщину с револьвером.

— Ну-ка, подойди сюда, рыжий! — приказала Вирджиния. Хейвз молча подошел к ней.

— Ты очень умный, верно, сволочь?

— Я...

Рука, державшая револьвер, быстро поднялась и с неожиданной силой нанесла удар. Хейвз уголок глаза уловил блеск стального дула, почувствовал резкую боль, когда металл врезался ему в щеку, и прикрыл лицо руками, ожидая нового удара. Но его не было. Он отнял руки от щеки и посмотрел на пальцы. Они были в крови.

— Больше никаких фокусов, рыжий, понятно? — ледяным тоном сказала Вирджиния.

— Понятно.

— А теперь убирайся. Туда, на ту сторону. А ты, — повернулась она к Брауну, — входи. Быстро!

Браун прошел дальше. Он уже понял ситуацию и больше не удивлялся.

Вирджиния, держа в левой руке бутылку с нитроглицерином, а в правой — револьвер, направилась к вешалке. Она шла быстро, спотыкаясь, плечи нервно дергались, движения бедер и ног были резкими и лишенными всякой женственности, словно кто-то толкал ее сзади. Глядя, как Вирджиния пересекает комнату, Хейвз все больше убеждался в том, что жидкость в ее левой руке вовсе не нитроглицерин, как она утверждала. Правда, нитроглицерин — капризная штука. Иногда он взрывается. Другой раз...

Он размышлял: «Нитро? Или вода?»

Вирджиния быстро достала пистолет Бирнса из кармана своего плаща, вернулась к столу, поставила на него бутылку, открыла ящик стола и бросила пистолет в ящик.

— Так, а теперь ты, — обратилась она к Брауну, — давай сюда пушку.

Браун не пошевелился.

— В этой бутылке на столе нитроглицерин, — спокойно сказала Вирджиния. — Давай сюда револьвер.

Браун посмотрел на Бирнса.

— Отдай, Арги, — посоветовал Бирнс. — Здесь она командует.

— Во что она играет? — поинтересовался Браун.

— Во что я играю, это не твое дело, — резко сказала Вирджиния. — Закрой рот и давай свою пушку.

— Да, суровая дама. — Браун подошел к столу, внимательно глядя на Вирджинию. Он не отрывал от нее глаз, когда на ощупь отстегивал кобуру, пытаясь понять, какие чувства она к нему испытывает. Браун обычно умел распознавать ненависть за тысячу шагов и мгновенно ощущал, в каком случае цвет его

кожи определит характер отношений между ним и тем человеком, на которого смотрит и с которым говорит. Артур Браун был негром. Он был также очень нетерпеливым человеком. Ему пришлось довольно рано убедиться в том, что случайное совпадение цвета его кожи с фамилией Браун-Коричневый лишь увеличивает его бремя, «бремя черного человека». Он всегда с нетерпением ожидал неизбежной оговорки, неосторожного выражения, и сейчас его нетерпение достигло предела. Но на лице Вирджинии Додж нельзя было прочесть никаких чувств.

Она положила револьвер Брауна в ящик стола.

— Ну, а теперь пройди туда, на ту сторону комнаты.

— Можно сначала доложить лейтенанту? — спросил Браун.

— Лейтенант, — позвала Вирджиния, — идите сюда!

Бирс подошел к столу.

— Он хочет что-то доложить. Докладывайте здесь, мистер, чтобы я могла вас слышать.

— Ну, как там? — спросил Бирс.

— Полный ноль. Из этого ничего не выйдет, Пит.

— Почему не выйдет?

— Я вышел оттуда, потом заглянул в лавку купить пачку сигарет.

— Ну?

— Мы поговорили с хозяином. В их районе было много краж. Больше всего в магазинах готового платья.

— Ну?

— Но он сказал мне, что кражи скоро прекратятся. Знаете, почему?

— Почему?

— Потому что в том магазине через улицу сидит в кладовой легавый и ждет, пока туда сунется грабитель. Вот что мне сказал тот парень в лавке.

— Понятно.

— Если он знает, то это известно каждому молочному торговцу на этой улице. А если знают лавочники, то в курсе и все покупатели. Можешь не сомневаться, вор тоже все знает. Из этого ничего не выйдет, Пит. Нам нужно придумать что-нибудь другое.

— Вы кончили?

— Кончили.

— Хорошо. Теперь перейдите на другой конец комнаты.

Бирс отошел от стола. Браун стоял в нерешительности.

— Ты слышишь меня?

— Слышу.

— Тогда иди!

— Для чего вам револьвер и нитро, мадам? — спросил Браун. — Мне хочется узнать, что вам здесь нужно? Для чего все это?

— Я пришла сюда, чтобы убить Стива Кареллу.

— Бутылкой с супчиком?

— Нет, выстрелом из револьвера. Нитро — это моя страховка.

Браун кивнул.

— Нитроглицерин настоящий?

— Настоящий.

— Как это проверить?

— Никак. Или хочешь попытаться привязать колокольчик на хвост коту, чтобы мыши слышали, как он идет? Из них не нашлось ни одного храбреца, готового пожертвовать собой.—
Вирджиния улыбнулась.

Браун улыбнулся в ответ.

— Нет, спасибо, мадам. Я просто спросил. Убьете Стива? Почему, что он вам сделал? Оштрафовал за стоянку в неподобающем месте?

— Это не смешно,— ответила Вирджиния. Она уже не улыбалась.

— Я и не думал, что смешно. А кто эта красотка? Ваша партнерша?

— У меня нет партнеров,— ответила Вирджиния, и Брауну показалось, что на минуту она закрыла глаза.— Это задержанная.

— А разве мы все не задержанные? — Браун снова улыбнулся, но Вирджиния сжала губы.

Хел Виллис подошел к столу:

— Послушайте,— сказал он,— Мисколо очень плохо. Может, вы разрешите нам позвать врача?

— Нет,— ответила Вирджиния.

— Ради бога, он может умереть. Послушайте, вам нужен Карелла, верно? Какой смысл в том, чтобы невинный человек...

— Никаких врачей,— отрезала Вирджиния.

— Почему? — спросил Бирнс, подходя к столу.— Вы можете задержать его здесь после того, как он сделает перевязку, как задержали всех нас. Какая вам разница?

— Никаких врачей,— повторила она.

Хейвз медленно двинулся к столу. Сами того не сознавая, четверо полицейских стали так, как обычно стояли, допрашивая подозреваемых. Хейвз, Бирнс и Браун — перед столом, Виллис — справа от него. Вирджиния продолжала сидеть, подвинув поближе к себе бутылку с нитроглицерином и держа револьвер 38-го калибра.

— Предположим, я возьму трубку и вызову врача,— начал Хейвз.

— Я убью тебя.

— Не бойтесь, что эта штука взорвется? — спросил Виллис.

— Нет.

— А вы немного нервничали, когда сюда вошел Марчисон, верно?

— Заткнись, рыжий! Ты уже достаточно себя показал.

— Достаточно, чтобы застрелить меня? — поинтересовался

Хейвз.

— Да.

— И вызвать взрыв? — добавил Браун.

— И еще один визит с первого этажа?

— Вы не можете допустить этого, Вирджиния, верно?

— Могу! Если кто-нибудь войдет, все полетит к чертям!

— А как же Карелла? Если вы взорвете всех нас, то Карелла

останется жив. Вам же нужен Карелла, верно?

— Да, но...

— Тогда как же вы можете взорвать ваш нитроглицерин?

— Как вы можете допустить еще один выстрел?

— Вы не можете застрелить никого из нас, верно? Это слишком рискованно.

— Отойдите, — сказала Вирджиния, — все.

— Чего вы боитесь, Вирджиния?

— Револьвер у вас, а не у нас.

— Вы можете выстрелить?

— Или вы уже боитесь стрелять?

Хейвз обошел стол с левой стороны, оказавшись поближе к Вирджинии.

— Назад! — крикнула она.

Виллис стал обходить стол справа, и Вирджиния резко повернулась, целясь в него. В это время Хейвз встал между ней и стоявшей на столе бутылкой. Вирджиния на секунду убрала левую руку со стола, немного отставила стул и стала подниматься. В тот же момент Виллис, видя, что она уже не держит бутылку, и зная, что встающий со стула человек находится в неустойчивом положении, изо всей силы ударил Вирджинию ногой в лодыжку. Одновременно Хейвз толкнул ее, так что она окончательно потеряла равновесие и, наклонившись вправо, грохнулась на пол. Пальцы правой руки разжались, револьвер скользнул по полу, сделал несколько поворотов и внезапно остановился.

Виллис нагнулся, чтобы взять револьвер.

Он вытянул руку, и Хейвз задержал дыхание, потому что они наконец-то избавились от этой ненормальной суки.

Но Виллис завозил от боли. Трехфутовый кинжал из кожи и металла пригвоздил его руку к полу.

Глава 13

Черная юбка туго натянулась, когда Анджелика резким движением вытянула ногу. Юбка подчеркивала полноту бедра, свободно свисала у колена и там внезапно кончалась, скрывая стройную икру и тонкую лодыжку, вокруг которой обвивался черный ремешок. Под ремешком была кожаная красивая лодочка на высоком каблуке, остром, как стилет. И этот каблук впился в руку Виллиса.

Анджелика убрала ногу и быстро опустилась на колени, чтобы поднять револьвер. Она подобрала юбку на коленях, схватила револьвер и, сверкая глазами, прицелилась в лейтенанта Бирнса, протянувшего руку к бутылке.

— Не трогай! — крикнула она.

Бирнс замер.

— Все отойдите от стола. Все! Назад! Назад!

Они стали отходить, отступая перед новой угрозой, еще более опасной, чем первая. Анджелика Гомес перерезала горло человеку, и, насколько им было известно, он к этому времени был уже мертв. Ее должен был покарать закон, ей могла отомстить

уличная банда, и в глазах ее была отрешенность отчаяния. Анджелика Гомес хотела сыграть свою роль, и горе тому, кто окажется у нее на пути.

Она поднялась с пола, крепко держа револьвер.

— Я буду отсюда уходить. Пусть никто не пробует меня помешать.

Вирджиния Додж была уже на ногах. Она повернулась к Анджелике и, улыбаясь, сказала ей:

— Молодец! Отдай мне револьвер.

Анджелика не сразу поняла ее. Она с любопытством посмотрела на Вирджинию:

— Ты сумасшедшая? Я ухожу. Сейчас.

— Знаю. Отдай мне револьвер. Я прикрою тебя. Пока ты не уйдешь.

— Почему я должна отдавать тебе револьвер?

— О боже, ты что, на их стороне? Этих сволочей, которые хотят отправить тебя за решетку?

— Зачем я должна делать тебе любезность? Я раньше просила тебя отпустить меня, но ты сказала «нет». Теперь ты хочешь револьвер. Ты сумасшедшая.

— Хорошо, я объясню тебе. Если ты возьмешь этот револьвер с собой, они нападут на меня, как только ты выйдешь из этой комнаты. А это значит, что через четыре секунды они сядут на телефон и натравят на тебя всю проклятую полицию. Если ты отдашь мне пушку, я задержу их. Они будут сидеть здесь. Никаких телефонных звонков. Никаких полицейских машин. Никто не будет искать тебя, ты свободна.

Анджелика задумалась.

— Отдай револьвер,— повторила Вирджиния и подошла поближе к Анджелике. Та, выгнув спину, широко расставив ноги, застыла в позе тигрицы, приготовившейся к прыжку, рука, сжимающая револьвер, слегка дрожала. Вирджиния подошла ближе.

— Отдай его мне,— повторила она.

— Ты будешь задержан их?— спросила Анджелика.— Они будут оставаться здесь?

— Да.

— Подойди тогда близко.

Вирджиния подошла к ней.

— Дай руку,— сказала Анджелика.

Вирджиния вытянула руку, и Анджелика положила ей в ладонь револьвер.

— Я иду сейчас. Ты держи их здесь. Я буду свободная. Свободная,— повторила она.

Она отвернулась от Вирджинии, но успела сделать только один шаг. Вирджиния подняла руку и изо всей силы обрушила револьвер на голову Анджелики Гомес. Та упала на пол, а Вирджиния, перешагнув через нее, быстро пошла к столу.

— Кто-нибудь еще думает, что я шучу?

Когда Карелла поднимался по лестнице на второй этаж, Роджер, лакей, служивший Джефферсону Скотту более двадца-

ти лет, подметал коридор. Этот высокий худощавый человек, почти лысый, с венчиком седых прядей вокруг головы, выметал деревянные прямоугольники, квадраты, треугольники и шепки, образовавшиеся в результате разрушительной работы лома. Щетка методически двигалась в тонких, ловких пальцах, сметая в совок весь этот мусор.

— Убираете? — любезным тоном спросил Карелла.

— Да, — ответил Роджер. — Да, сэр. Мистер Скотт любил, чтобы всюду было чисто.

— Вы хорошо знали старика?

— Я долго работал у него, очень долго.

— Вы к нему хорошо относились?

— Он был хороший человек. Я очень хорошо к нему относился.

— У него когда-нибудь были неприятности с сыновьями?

— Неприятности, сэр?

— Ну, вы знаете. Споры. Серьезные ссоры. Кто-нибудь из них угрожал ему?

— Время от времени они спорили, сэр, но никогда не было серьезной ссоры. И никогда не было угроз. Нет, сэр.

— А как насчет невестки? Старик не был против, когда Дэвид привел ее в дом?

— Нет, сэр. Она очень понравилась мистеру Скотту. Он часто говорил, что хотел бы, чтобы и другие его сыновья нашли себе таких хороших жен.

— Понятно. — Карелла помолчал. — Ладно. Большое спасибо. Я хотел бы еще раз осмотреть комнату, может быть, найдется что-нибудь интересное.

— Да, сэр. — Роджер не торопился уходить. Он стоял со щеткой в одной руке и совком в другой, словно ждал чего-то.

— Да? — спросил Карелла.

— Сэр, мы обычно обедаем в семь часов. Сейчас шесть тридцать, и мне хотелось бы узнать... сэр, вы отобедаете с нами?

Карелла посмотрел на часы. Было 6.37.

— Нет, — ответил он, — по правде говоря, я должен быть в участке к семи. Моя жена будет ждать меня там. Нет, спасибо. Никаких обедов. — Он остановился и неизвестно почему сказал: — У нас будет ребенок. То есть у моей жены.

— Да, сэр, — ответил Роджер и улыбнулся.

— Вот так. — Карелла тоже улыбнулся.

Они стояли в полумраке, улыбаясь друг другу.

— Ну ладно, — вздохнул Карелла, — за работу.

— Да, сэр.

Карелла вошел в комнату. Он слышал, как за дверью Роджер шаркал по коридору. «Итак, парни, мы опять здесь, — думал Карелла. — Вот Стив Карелла, который явился в уютную кладовую, где веселые прожигатели жизни танцевали под звуки классического трио «Танец смерти Скотта». — «Какую мелодию они играют, Людвик?» — «Ах, да, это «Вальс висельника» — любимый старый венский вальс».

Давай работай, старый Стив. Что, у тебя уже не хватает шариков? Осмотрим как следует эту комнату, потом доставим

себе удовольствие и зададим еще несколько вопросов, на этом кончим и завернем покупку, ладно?

Комната.

Окон нет. Конечно, никаких чертовых окон.

Никаких потайных дверей или панелей.

Джефферсона Скотта нашли здесь висющим на веревке около десяти футов от двери, с опрокинутым стулом у ног.

Веревка была перекинута через эту балку и привязана к дверной ручке.

Дверь открывалась наружу в коридор.

Один только вес Скотта не мог держать дверь.

Значит, дверь была заперта, раз ее не могли открыть три дюжих молодца, о господи, какие крупные парни эти Скотты!

Дверь не могла быть заперта снаружи. Чтобы закрыть дверь и просунуть задвижку в скобу, требовалось приложить немалые усилия. Значит, не могло быть никаких шнурков и прочей чепухи, о которой мы постоянно читаем в детективных романах.

Ломом сорвали запор с дверной рамы, чтобы открыть дверь и снять Скотта с веревки, на которой он висел.

Таковы факты.

Если бы здесь был Шерлок Холмс...

Но его не было.

Здесь только я. Стив Карелла. Я хороший детектив, но не могу ни в чем разобраться.

Ну-ка, посмотрим.

Он подошел к двери и внимательно осмотрел распахавшийся шуруп. Дверная рама была вся в отметилах, лом поработал на славу. Старый Роджер смел столько обрубков и шепок, что можно было бы открыть мастерскую зубочисток. Карелла закрыл дверь. Она действительно была обита железными полосами, и, конечно, надо было крепко захлопнуть эту проклятую дверь, а потом сильно тянуть к себе, чтобы закрыть как следует. Он вышел из комнаты, закрыл за собой дверь и нагнулся.

Между нижним краем двери и порогом комнаты было расстояние в полдюйма. Карелла засунул пальцы под дверь. Он чувствовал под пальцами металлическую полосу, которой была обита дверь. Полоса была прибита примерно на четверть дюйма отступая от наружной стороны двери. Карелла снова открыл дверь. Такая же полоса была прибита к порогу, немного дальше, чтобы дверь плотнее примыкала к раме. Он опять закрыл дверь. И опять провел пальцами между дверью и порогом. В одном месте в металле было что-то вроде вмятины, но Карелла не был полностью уверен в этом. И все же казалось, по крайней мере на ощупь, что в одной точке имеется длинная острая вмятина в форме зубца. Его пальцы скользили по металлу: гладко, гладко, вот! Вот оно. Небольшое резкое углубление.

— Что-нибудь потеряли? — спросил голос у него за спиной.

Карелла повернул голову. Марк Скотт был очень высоким и таким же светловолосым, как его брат Дэвид. У него был твердый плоский лоб и твердый плоский нос. Резко скошенные вниз скулы нарушали скучную правильность остальных черт. Губы довольно толстые, глаза серые, но в полутемном коридоре

казались почти бесцветными и прозрачными под светлыми толстыми бровями.

Карелла поднялся и отряхнул пыль с колен.

— Нет,— сказал он любезно,— ничего не потерял. Но, в определенном смысле, пытаюсь кое-что найти.

— Что бы это могло быть? — произнес с улыбкой Марк.

— О, я не знаю. Может быть, путь в эту комнату.

— Под дверь? — спросил Марк, все еще улыбаясь.— Надо быть очень худощавым, вам не кажется?

— Конечно, конечно,— ответил Карелла, открыл дверь и вошел. Марк пошел за ним.

Карелла тронул пальцем висящий шуруп, так что он стал качаться.

— Мне сказали, что этот замок запирался с большим трудом. Это правда?

— Да. Надо было потянуть дверь на себя изо всей силы, только тогда можно задвинуть засов. Я говорил отцу, чтобы он сменил замок, но он считал, что этот замок его устраивает, позволяет поупражняться, ведь ему больше негде делать это.— Марк снова улыбнулся. У него была приятная улыбка: полные губы открывали ослепительный ряд зубов.

— Как сильно надо было тянуть дверь?

— Простите?

— Чтобы задвинуть засов.

— О, очень сильно.

— Как вам кажется, если веревка была привязана к дверной ручке, хватило бы веса вашего отца, чтобы задвинуть засов?

— Хватило, чтобы не дать двери открыться, но чтобы задвинуть этот засов, нужно было тянуть дверь на себя с большой силой. Вы, наверное, думаете, что кто-нибудь запер дверь снаружи? С помощью шнура или чего-то вроде этого?

Карелла вздохнул:

— Да, я примерно так и думал.

— Невозможно. Спросите любого из моих братьев. Спросите Кристина. Спросите Роджера. Замок был очень тугой. Отец должен был сменить его, обязательно. Мы говорили об этом много раз.

— Вы когда-нибудь ссорились?

— С отцом? Боже милостивый, конечно, нет. Я поклялся никогда не спорить с ним. По крайней мере после того, как мне исполнилось четырнадцать. Помню, именно в это время я принял такое решение, и оно стоило мне больших усилий.

— «Великое решение Скотта». Прямо как в кино.

— Что? О, да,— согласился Марк с улыбкой.— Когда мне было четырнадцать лет, я понял, что нет никакой пользы спорить с отцом. С того времени мы всегда ладили друг с другом.

— Вплоть до настоящего времени, а?

— Да.

— Кто обнаружил, что дверь заперта?

— Алан.

— А кто пошел за ломом?

— Я.

- Для чего?
- Чтобы взломать дверь. Мы звали отца, но он не отвечал.
- И лом помог?
- Да. Конечно, помог.
- Кто пробовал открыть дверь после того, как вы применили лом?
- Я.
- И на этот раз она открылась?
- Нет. Тело было очень тяжелым. Но мы смогли немного приоткрыть дверь, снова с помощью лома. Алан просунул руку в щель и перерезал веревку.
- Кто-нибудь из вас просовывал лом под дверь? — спросил Карелла.
- Под дверь?
- Да. Здесь. У порога.
- Нет. Зачем?
- Не имею представления. Вы много получаете, мистер Скотт?
- Что?
- Вы работаете?
- Ну, я...
- Да или нет?
- Я прохожу практику на одном заводе. Готовлюсь занять ответственную должность. Отец был убежден, что администраторы должны пройти всю служебную лестницу снизу доверху.
- Вы были согласны с ним?
- Да. Конечно.
- Где вы... проходите практику?
- На заводе в Нью-Джерси.
- Как долго?
- Шесть месяцев.
- Сколько вам лет, мистер Скотт?
- Двадцать семь.
- А чем вы занимались до того, как поступили на тот завод в Нью-Джерси?
- Несколько лет я пробыл в Италии.
- Чем занимались?
- Развлекался. Когда умерла мать, она оставила мне немного денег. Я решил истратить их после окончания колледжа.
- Когда это было?
- Мне исполнилось тогда двадцать два года.
- И с тех пор вы все время находились в Италии?
- Нет. Правительство нарушило мои планы. Еще до окончания колледжа мне пришлось два года прослужить в армии.
- А потом вы поехали в Италию, верно?
- Да.
- К тому времени вам было двадцать четыре года?
- Да.
- Сколько денег у вас было?
- Мать оставила мне тридцать тысяч.
- Почему вы вернулись из Италии?
- У меня кончились деньги.

— Вы истратили тридцать тысяч долларов за три года? В Италии?

— Да.

— Истратить такую кучу денег в Италии! Многовато!

— Разве?

— Я хочу сказать, что вы жили на широкую ногу.

— Я всегда жил на широкую ногу, мистер Карелла,— сказал Марк, широко улыбаясь.

— А что это за должность, в которой вы практикуетесь?

— Администратор по торговым делам.

— Без всяких почетных званий и титулов?

— Просто администратор по торговым делам.

— Сколько платят на такой должности?

— Наш отец не хотел баловать своих детей,— ответил Марк.— Он понимал, что его дела пойдут кувырком, если он просто поставит своих сыновей на высокооплачиваемые должности, не научив их как следует бизнесу.

— Сколько вы получаете, проходя практику?

— Пятнадцать тысяч.

— Понятно. И вы жили на широкую ногу. Десять кусков в год, да еще в Италии! Понятно.

— Это минимальная плата, мистер Карелла. Отец имел намерение полностью передать Скотт Индастриз своим сыновьям.

— Да, его завещание, несомненно, подтвердит это намерение. Вы знакомы с его завещанием, мистер Скотт?

— Все мы знакомы. Отец не делал из него тайны.

— Понятно.

— Скажите, мистер Карелла, вы думаете, что я убил собственного отца?

— А вы убили его, мистер Скотт?

— Нет.

— Он покончил с собой, верно, мистер Скотт?

— Да, верно.— Марк замолчал.— Или вы думаете, что я влез в комнату через щель?

Глава 14

Вот он — город. Открытый для поздних развлечений, одетый в блестящий черный атлас ночи с ярко-красной оторочкой огней, с гирляндой алмазов в волосах. Квадраты витрин заведений, открытых круглые сутки, мерцающий в темноте наздо звездам светлый туман в воздухе у невероятно далекого горизонта. Город словно красotka с ослепительным ожерельем на стройной шее — красный и зеленый свет транспортных магистралей, янтарь уличных фонарей, ослепительное сияние люминесцентных ламп на Дитовернер Авеню. Круглые мясистые плечи красотки колышутся в такт ночной музыке, эта музыка заставляет взволнованно вздыматься ее полные груди: мрачная и таинственная музыка, просачивающаяся из стриптизных подвальчиков Изолы, пробивающая себе путь с математической точностью из прохладных бистро, рассыпающаяся причудливыми ритмами из ночных клубов.

Шоссейные дороги сияют, как реки, отражением разноцветных огней, сжимаются на перекрестках, словно тонкая талия, потом расходятся, как широкие бедра, на юг и на север. Они распрямляются, будто стройные ноги, чьи лодыжки закованы в браслеты неоновых огней, и становятся все уже, как узкие следы модных туфель на высоких каблуках, идущих по мокрому асфальту.

Вот он — город.

Это красотка, возбужденная ночными звуками, впитывающая ветер раскрытыми губами; она мчится в пространстве, и глаза ее горят лихорадочным возбуждением. Она прижимает к груди вечер, словно боится навеки упустить его. Город — это женщина, прекрасная женщина, хранящая жизнь в своем лоне и предательство в сердце, женщина-искусительница, держащая за спиной кинжал в длинных белых пальцах, женщина-утешительница, поющая давно забытые мелодии в обдуваемых ветром бетонных каньонах. Женщина, которая любит и ненавидит, женщина, которую познало восемь миллионов, насладившихся ее телом со страстью, смешанной с отвращением.

Восемь миллионов!

Джефффри Темблин был издателем.

Он издавал учебники. Этим рэкетом он занимался тридцать два года и теперь, когда ему исполнилось пятьдесят семь лет, считал себя опытным парнем, которому известны все ходы и выходы в издательском рэжете.

Джефффри Темблин никогда не употреблял выражение «издательское дело», для него существовало только слово «рэкет», и он страстно ненавидел свою работу. Самым противным делом для него было издавать книги по математике. Он их терпеть не мог. Его нелюбовь ко всем математическим дисциплинам зародилась, очевидно, еще в средней школе, когда старый зануда по фамилии Фенензел преподавал ему геометрию. В семнадцать лет Джефффри не мог решить, что он ненавидит сильнее — геометрию или физиономию доктора Фенензела. Теперь, сорок лет спустя, его ненависть достигла чудовищных размеров и распространилась на всю математику вообще, а также на всех, кто преподавал или изучал математику. Стереометрия, аналитическая геометрия, алгебра, дифференциальное исчисление и даже простые и десятичные дроби входили в сферу этого чувства.

Но самое ужасное заключалось в том, что его фирма издавала множество учебников по математике. Именно поэтому у Джефффри Темблина была не одна, а три язвы желудка.

«В один прекрасный день, — думал Темблин, — я перестану издавать учебники вообще, и особенно учебники математики. Я буду выпускать в свет тонкие книжки стихов и критику. Фирма «Темблин букс» будет издавать только высокохудожественные книги. Больше никаких: «Если предположить, что X равен 10, Y равен 12, чему будет равно A ?» Больше никаких:

«Логарифм с равен логарифму a , следовательно...» Больше никаких язв.

Стихи. Красивые тоненькие томики стихов. Ах, это было бы чудесно. Я перееду в пригород и оттуда буду руководить фирмой. Больше не будет спешки и суеты. Не будет самоуверенных редакторов, выпускников Гарварда со значком Фи Бета Каппа на лацкане пиджака. Не будет вечно недовольных художников, которые чертят треугольники, мечтая изображать обнаженную натуру. Не будет маразматических профессоров, которые приносят в дрожащих руках свои проклятые нудные сочинения. Только красивые тоненькие томики стихов, написанных тоненькими золотоволосыми девушками. Ах!»

Джеффри жил на Силвермайн Роу, на самом краю района, который обслуживался 87-м полицейским участком. Каждый вечер он возвращался домой из своего издательства, расположенного на Холл Авеню в центральной части Изолы, и шел пешком целый квартал к северу, к станции метро. Он доезжал до шестнадцатой улицы, выходил из метро и снова шел пешком домой по улицам, которые были когда-то красивыми и достаточно элитарными. Теперь все прежние обитатели куда-то ушли, все хорошее постепенно уходит, и в этом виновата математика. Современный мир все сводит к простейшим формулам, больше не осталось никакой реальности, кроме математической. Бесконечность в степени $икс$ равняется взрыву водородной бомбы. Мир погибнет не от огня, он рассыплется в математические символы.

Сейчас даже улицы воняют. Загаженные пустыри, кучи мусора, который выбрасывают прямо из окон, уличные банды в ярких шелковых куртках, совершающие убийства, пока спит полиция, все гангстеры, которых больше интересует примитивная математика криворядов, чем человеческая порядочность. Поэзия! Куда девалась в этом мире поэзия?

«Сегодня я буду идти парком», — решил он и почувствовал приятное возбуждение.

Он шел быстро, размышляя о поэзии и замечая математическую точность зеленых окружностей — ламп, горевших над дверью полицейского участка, расположенного через улицу, — 87. Цифры. Всегда только цифры.

Перед ним шло четверо подростков. Малолетние преступники, гангстеры? Нет, они похожи больше на учеников колледжа, будущие ядерные физики и математики. Что они делают здесь, в этой части города? Подумай, они еще поют. Я пел когда-нибудь? Погодите, встретитесь лицом к лицу с непреклонной реальностью плюсов и минусов! Пускай поют, а мы слушаем...

Джеффри Темблин внезапно остановился.

Подождав его ботинка прилипла к тротуару. Сделав гримасу, он отодрал подошву, поднял ногу и осмотрел низ ботинка: жевательная резинка! Черт возьми, когда это люди научатся быть аккуратными и не бросать жевательную резинку на тротуар, где на нее можно наступить?

Ругаясь сквозь зубы, Джеффри осмотрелся в поисках кусочка бумаги, от всего сердца желая, чтобы у него под руками оказалось одно из упражнений, составленных доктором Феннзелом.

Он заметил лист голубой бумаги, лежавший у самой обочины, и, прыгая на одной ноге, подобрал его. Он даже не посмотрел на этот лист. По всей вероятности, это какой-нибудь старый счет одного из здешних супермаркетов, где обозначены товары, цены, цены, цифры и еще раз цифры, — куда только девалась в этом мире поэзия?

Скомкав голубой лист, он со злостью оттирал подошву от жевательной резинки. Потом, чувствуя себя снова чистым и аккуратным, он сжал бумагу в математически правильный шар и бросил в кювет.

Больше она ничего не заслуживала.

Послание Мейера Мейера составило бы необычно тонкий томик стихов.

— Солнце сияет и шлет нам привет, — пел Сэмми. — Радостным хором встречаем рассвет.

— Встречаем, встречаем, встречаем рассвет, — подхватил Баки.

— А как дальше?

— Встречаем, встречаем, встречаем рассвет, — повторил Баки.

— Давайте споем гимн нашего колледжа, — предложил Джим.

— К матери гимны всех колледжей, — сказал Сэмми. — Давайте споем «Русалка Минни».

— Я не знаю слов.

— Кому нужны слова? Важны не слова, а эмоция.

— Слушайте, слушайте, — сказал Баки.

— Слова — это не более чем слова, — философски заметил Сэмми. — Если они не исходят отсюда. Прямо отсюда. — И он приложил руку к сердцу.

— Где эта Мезон Авенно? — поинтересовался Джим. — Где все эти испанские курочки?

— Дальше по улице. К северу отсюда. Не говори так громко. Вон там полицейский участок.

— Я ненавижу легавых, — сказал Джим.

— Я тоже, — поддержал его Баки.

— Я ни разу не встречал легавого, который не был бы насквозь сукиным сыном и сволочью, — заметил Джим.

— И я тоже, — поддержал его Баки.

— Я ненавижу летчиков, — сказал Сэмми.

— Я тоже ненавижу летчиков, — согласился Баки. — Но я ненавижу и легавых.

— Особенно я ненавижу летчиков реактивных самолетов, — добавил Сэмми.

— О, и я тоже особенно, — сказал Баки, — но легавых я тоже ненавижу.

Я ДОЛЖНА ПРЕДУПРЕДИТЬ ЕГО

Х-А-А-А-

— Вы еще под мухой? — спросил Джим. — А я под мухой, и это замечательно. Где эти испанские девочки?

— Дальше по улице, дальше, имей терпение.

— Что это такое? — спросил Баки.

— Что?

— Вот этот голубой лист бумаги. Вон там.

— Что? — Сэмми повернулся в ту сторону. — Это лист голубой бумаги. А что ты думаешь?

— Не знаю, — ответил Баки. — А ты что думаешь?

Они пошли дальше, мимо второго экземпляра послания Мейера.

— Я думаю, это письмо от глубоко несчастной незамужней старой переносицы. Она пишет своему воображаемому любовнику на голубой бумаге.

— Прекрасно, — сказал Баки. Они пошли дальше.

— А что это, по-твоему?

— Это извещение о рождении ребенка у парня, который хотел мальчика, но случайно родилась девочка. По ошибке ему прислали извещение не на розовой, а на голубой бумаге.

— Еще лучше, — заметил Сэмми, — а ты что скажешь, Джим?

— Я под мухой, — ответил Джим.

— Понятно, но что ты думаешь об этой голубой бумажке?

Они продолжали идти и прошли уже почти полквартала.

— Я думаю, это кусок голубой туалетной бумаги, — вдруг сказал Джим.

Баки остановился:

— Давай проверим.

— А?

— Подойдем посмотрим.

— Бросьте, бросьте, — сказал Джим, — не будем зря тратить время. Нас ждут испанские девочки.

— Это займет не больше минуты, — возразил Баки и повернул назад за куском бумаги. Джим схватил его за руку.

— Слушай, не будь психом, пошли дальше.

— Он прав, — согласился Сэмми. — Кому интересно, что это за дрянь?

— Мне, — ответил Баки, вырвал руку, быстро повернулся и побежал назад. Его товарищи видели, как он поднял бумагу.

— Ненормальный псих, — сказал Джим, — задерживает нас.

— Да, — согласился Сэмми.

Стоя на том месте, где лежала бумага, Баки читал ее. Внезапно он бросился бежать по направлению к мальчикам.

Тедди Карелла посмотрела на часы.

Было 6.45.

Она подошла к краю тротуара, подозвала такси и села в машину сразу же, как только та остановилась.

— Куда, мадам? — спросил шофер.

Тедди вынула из сумочки карандаш, полоску бумаги, быстро написала: «87-й полицейский участок, Гровер Авеню», и отдала бумагу водителю.

Анджелика Гомес села и потрясла головой.

Она ту же натянула юбку, поставила локти на поднятые колени и снова потрясла головой, потом осмотрелась с недоумевающим видом, как человек, проснувшийся в незнакомой гостинице.

Она вспомнила.

Анджелика провела пальцами по затылку. Там, где Вирджиния ударила ее рукоятью револьвера, вздулась огромная шишка. Она тронула ее и поморщилась от боли, которая щупальцами ползла во все стороны, горячо пульсируя, усиливая чувство разочарования и бессильного гнева. Анжелика поднялась с пола, стряхнула пыль с черной юбки и бросила на Вирджинию Додж взгляд, которым можно было бы убить целую армию.

И в этот момент она задумалась, была ли жидкость в этой бутылке действительно нитроглицерином.

Коттон Хейвз потрогал щеку, где острая сталь сорвала кожу. Рана была довольно болезненной. Он приложил к щеке холодный влажный платок.

И он в десятый раз подумал: правда ли, что эта бесцветная жидкость в бутылке — нитроглицерин?

Стив Карелла, думала она.

Я убью Стива Кареллу. Я застрелю эту проклятую сволочь и буду спокойно смотреть, как он умирает, а они не посмеют тронуть меня, потому что боятся моей бутылки.

Я поступаю правильно.

Это единственное, что я могу сделать.

Простое уравнение, думала она, жизнь равна жизни.

Жизнь Кареллы за жизнь Фрэнка. Вот что такое справедливость.

Раньше Вирджиния Додж никогда не задумывалась о справедливости. Ее девичья фамилия была Мак Колей, мать ее была ирландкой, а отец шотландцем. Семья жила в Калмз Пойнт у подножия знаменитого моста, соединяющего эту часть города с Изолой. Даже сейчас она вспоминала этот мост с приятным чувством. Девочкой она играла в его тени, и мост был чудесным сооружением, открывавшим доступ к самым дальним краям земли. Однажды ей приснилось, что она перешла мост и попала в земли, сверкающие алмазами и рубинами. Когда-нибудь она пройдет по этому мосту до самого неба, и там будут люди в тюрбанах, караваны верблюдов и храмы с блестящими золочеными кровлями.

Она перешла мост и попала прямо в объятия Фрэнка Доджа.

В глазах полицейских Фрэнк Додж был подонком. В четырнадцать лет его арестовали за нападение на старика в Гровер Парк. По закону он был несовершеннолетним и отделался тем, что его пожурили и завели на него карточку. Между четырнадцатью и семнадцатью годами его ловили на мелких шалостях, и каждый раз возраст, адвокат и младенчески невинные голубые глаза спасали от тюрьмы. В девятнадцать он совершил первый

налет. На этот раз он уже был совершеннолетним, и его голубые глаза, потеряв младенческую невинность, приобрели вполне взрослую жестокость. Его сунули в каталажку в Бейли Айленд. Вирджиния встретила его сразу после освобождения.

Для Вирджинии Фрэнк Додж не был подонком.

Он был человеком в тюрбане из сказок «1001 ночи», который вел караван верхом на длинноногом верблюде, он был вратами заколдованных стран, с кончиков его пальцев струились алмазы и рубины, он предназначался для нее судьбой.

Список его преступлений был такой же длинный, как правая рука Вирджинии, но Фрэнк Додж был ее первой и единственной любовью, а с любовью не спорят.

В сентябре 1953 года Фрэнк Додж совершил налет на запра-вочную станцию. Служащий станции позвал на помощь, и случилось так, что детектив по имени Стив Карелла, который был в тот день свободен и ехал к себе домой в Риверхед, услышал крик и подъехал к станции, но Фрэнк успел выстрелить в служащего и лишить его зрения. Карелла применил захват, и Фрэнк Додж угодил в тюрьму, на этот раз в Кестльвю, где с преступниками не шутят. Уже в первые дни обнаружилось, что Фрэнк Додж далеко не идеальный заключенный. Он постоянно скандалил и с надзирателями, и с заключенными, «качал права» и нарушал правила, по правде говоря, порядком устаревшие. Он пытался добиться освобождения под залог, но всякий раз неудачно. И его письма жене, тщательно прочитывавшиеся тюремным начальством, становились все более отчаянными.

262 Когда Фрэнк Додж отбывал второй год своего срока, обнаружилось, что он болен туберкулезом. Его перевели в тюремную больницу. Вчера Вирджиния узнала, что Фрэнк умер.

Сегодня Вирджиния сидела в 87-м полицейском участке с револьвером и бутылью и ждала человека, который убил Фрэнка. Она несколько не сомневалась в том, что в гибели ее мужа виновен Стив Карелла. Если бы она не верила в это совершенно искренне, то никогда бы не решилась на подобное.

Интересно, что ее план оказался удачным. Они все боялись, действительно боялись. Это доставляло ей величайшее удовлетворение. Она не могла выразить свои чувства, не могла объяснить, почему избрала именно Стива Кареллу, чтобы отомстить обществу, почему решила бросить вызов закону и его защитникам в форме. По правде говоря, она могла бы просто подождать Кареллу внизу и выстрелить ему в спину, когда он пройдет мимо.

Да, это было проще.

Она могла бы сделать это. Не было никакой необходимости в мелодраматических заявлениях, не стоило устраивать суд над защитниками закона и решать, жить или умереть этим людям, которые отняли у нее все, что ей было дорого.

Вирджиния сидела за столом, думая о своем покойном муже. Пальцы ее крепко сжимали рукоять револьвера. Бутылка, стоявшая перед ней на столе, отражала свет ярких ламп, свисавших с потолка.

Вирджиния мрачно улыбнулась.

Они гадают, действительно ли эта жидкость в бутылке — нитроглицерин, подумала она.

— Что ты думаешь по этому поводу? — спросил Баки.

— Я думаю, что это куча дерьма, — ответил Джим. — Пошли за испанскими девочками.

— Нет, подожди минуту, — возразил Баки, — не спеша, подожди одну минуту.

— Слушай, — сказал Джим. — Тебе хочется поиграть в сыщиков и разбойников, хорошо, играй. Я хочу пойти за испанскими девочками. Я хочу найти эту Мезон Авеню. Я хочу прикорнуть на чьей-нибудь большой и мягкой груди. Господи, я хочу с кем-нибудь переспать, понятно?

— Ладно, это может подождать. Предположим, что это настоящее?

— Да нет, — раздраженно ответил Сэмми.

— Совершенно верно, — подтвердил Джим.

— Откуда ты знаешь? — спросил Баки.

Глаза Сэмми сверкнули за стеклами солидных очков.

— Прежде всего каждый, кто посмотрит на эту штуку, сразу же увидит, что все это чушь, — сказал он. — «Рапорт отдела детективов» — что это за дерьмо?

— А? — спросил Баки.

— О господи, Баки, я тебя очень прошу, пошевели мозгами. «Рапорт отдела детективов». Ха! Тебе известно, что это такое?

— Что?

— Это штука, которую отправляют знакомым, и они посылают подарки, что-нибудь вроде игрушечного пистолета или свистка, чтобы ночью будить всех соседей.

— Мне кажется, тут все в законе, — сказал Баки.

— Кажется, да? Здесь где-нибудь напечатано название города? А? Скажи мне.

— Нет, но...

— И когда ты только вырастешь, Баки? — поинтересовался Джим. — Это такая же штука, какую ты получил от Роджерса, только там было написано: «Рапорт космического отдела» и к пистолетке был приложен игрушечный дезинтегратор и декодер.

— Ну, а сам текст?

— А что текст? — возразил Сэмми. — Посмотри на него — женщина с револьвером и бутылкой нитроглицерина! Ну и ну!

— А что тут такого?

— Совершенно невероятно, — заявил Сэмми. — Скажи мне, если эта ненормальная дамочка сидит у них с револьвером и бутылкой нитроглицерина, как смог этот детектив, как его там, напечатать рапорт и выбросить его на улицу, а? Невероятно, Баки. Совершенно невероятно.

— А мне кажется, что все тут законно, — упрямо сказал Баки.

— Послушай... — начал Джим, но Сэмми прервал его:

— Давай я, Джимбо!

— А мне кажется, что тут все законно, — упрямо повторил Баки.

— Эта штука подписана? — спросил Сэмми. — Ты видишь где-нибудь подпись?

— Конечно, — ответил Баки. — Детектив второй степени Мейер Мейер.

— Это напечатано. А подписано?

— Нет.

— Ну и...

— Ну и что?

— Послушай, ты будешь корпеть над этим всю ночь?

— Нет, но...

— Для чего мы сюда пришли?

— Ну...

— Чтобы играть в космический патруль с игрушечным дезинтегратором Ролджерса?

— Нет, но...

— Чтобы тратить время, размышляя над посланием, которое какой-нибудь парнишка отпечатал на пишущей машинке своего старшего брата, когда играл в сыщиков и разбойников?

— Нет, но...

— Я задам тебе один простой вопрос, парень, — сказал Сэмми. — Самый простой. И я хочу от тебя самого простого ответа. Идет?

— Конечно, но мне кажется, тут все закономерно...

— Ты пришел сюда для чего? Чтобы переспать с девочкой, да или нет?

— Да.

— Ну..?

— Ну...

— Давай выбрось это. Пошли. Ночь только началась. — Сэмми ухмыльнулся. — Ну, пошли, парень. Что скажешь? Как насчет того, чтобы бросить бумагу и идти с нами? Идет?

Баки размышлял некоторое время.

Потом он сказал:

— Вы идите без меня. Я вас догоню. Я хочу позвонить по этому номеру.

— О, ради святого Будды! — сказал Сэмми.

В 6.55 в дежурной комнате раздался телефонный звонок.

Хел Виллис посмотрел на Вирджинию и, когда она кивнула ему, взял трубку.

— Восемьдесят седьмой участок, — сказал он. — Говорит детектив Виллис.

— Одну секунду, — сказал голос на другом конце провода. Было слышно, как тот же голос говорит кому-то, очевидно, находящемуся в той же комнате: — Откуда мне знать? Отдай это ребятам Банко. Господи, да к чему нам дело о карманных кражах? Рилей, ты самый большой дурак из всех, с которыми мне приходилось работать. Я говорю по телефону, ты что, не можешь подождать одну паршивую минуту? — Затем голос вернулся: — Алло?

— Алло? — переспросил Виллис.

Вирджиния за своим столом на другом конце комнаты смотрела на него и слушала разговор.

- С кем я говорю? — спросил голос.
- Говорит Хел Виллис.
- Вы детектив?
- Да.
- Это 87-й участок?
- Да.
- Так. Значит, тут какой-то розыгрыш.
- А?

— Это Майк Салливан из Главного полицейского управления. Нам позвонили несколько минут назад... секунду... — На другом конце провода послышалось шуршание бумаги. — Нам звонили в 6.49. Звонил студент колледжа. Сказал, что подобрал на улице бланк донесения, на котором была напечатана просьба о помощи. Что-то относительно девицы с бутылкой нитро. Знаете что-нибудь об этом?

Вирджиния Додж неестественно выпрямилась на стуле. Револьвер почти коснулся горлышка бутылки. Со своего места Виллис видел, как дрожат ее руки.

— Нитро? — спросил Виллис, не отрывая глаз от рук Вирджинии. Он был почти уверен, что дуло револьвера вот-вот коснется стекла.

— Да. Нитроглицерин. Как насчет этого?

— Нет, — ответил Виллис, — у нас... у нас ничего такого нет.

— Да, так я и думал. Но тот парень назвал свое имя и все прочие данные, так что казалось правдоподобным. Ну ладно, бывает. Я подумал, что, во всяком случае, стоит проверить. Никогда не мешает проверить. — Салливан добродушно засмеялся.

— Верно, — сказал Виллис, лихорадочно пытаясь как-то намекнуть Салливану, что послание соответствует действительности, кто бы ни составил его. — Конечно, никогда не мешает проверить. — Говоря это, он не переставал смотреть на револьвер в трясающейся руке Вирджинии.

Салливан снова рассмеялся:

— Никогда не знаешь, где встретишь какого-нибудь психа с бомбой, а, Виллис? — И он рассмеялся еще громче.

— Да, никогда... никогда не знаешь.

— Конечно, — внезапно смех в трубке замер, — между прочим, у вас есть полицейский по имени Мейер?

Виллис молчал. Неужели это послание составил Мейер? Интересно, есть ли там его подпись? Если он скажет «да», сможет ли Салливан понять, в чем дело? Если же он скажет «нет», станет ли Салливан проверять по списку работников 87-го участка? А Мейер...

— Вы еще на проводе? — спросил Салливан.

— Что? Ах, да.

— У нас иногда шалит телефон, — пояснил Салливан, — я подумал, что нарушилась связь.

— Нет, я слушаю, — ответил Виллис.

— Так. Ну, как там насчет Мейера?

— Да. У нас есть Мейер.

— Детектив второй степени?

— Да.

— Интересно,— сказал Салливан.— Этот парень сказал, что послание подписано детективом второй степени Мейером. Очень интересно.

— Да.

— И этот Мейер сейчас у вас?

— Да.

— Это действительно интересно,— сказал Салливан.— Ну ладно, никогда не мешает проверить. Что? Ради бога, Рилей, разве ты не видишь, что я на телефоне? Мне надо идти, Виллис. Не волнуйтесь, ладно? Приятно было поговорить с вами.

И он повесил трубку.

Виллис сделал то же самое.

Вирджиния медленно положила трубку на рычаг, взяла со стола бутылку с нитроглицерином и подошла к столу у окна, за которым сидел Мейер.

Она не сказала ни слова, поставила бутылку на стол перед Мейером, занесла руку с револьвером и ударила его по лицу, разбив губы. Мейер прикрыл лицо руками, но вынужден был опустить их под ударами револьвера, парализовавшими его кисти, а Вирджиния все била его по глазам, по лысой голове, разбив нос и раскрывавив рот.

Ее остановившиеся глаза неестественно блестели.

Она наносила удары револьвером, словно рукоятью плетки, злобно, жестоко, метя в самые уязвимые места, пока Мейер, потеряв сознание и истекая кровью, не упал головой на стол, едва не столкнув на пол бутылку с нитроглицерином.

Вирджиния подхватила бутылку и холодно посмотрела на Мейера.

Потом она вернулась к своему столу.

Глава 16

— Я ненавижу этого старого осла и рад, что он сдох,— сказал Алан Скотт.

Он больше не был тем скромным молодым джентльменом, потрясенным смертью отца, каким был вчера, когда Карелла впервые встретился с ним. Они стояли в оружейной комнате старого дома на первом этаже, где стены были увешаны охотничьими трофеями — головами убитых зверей и оленьими рогами. Голова весьма свирепого тигра висела на стене как раз позади Алана, и выражение его лица сегодня, составляя разительный контраст с его вчерашней томной бледностью, было таким же, как у этого хищника.

— Сильно сказано, мистер Скотт.

— Не очень. Он был злобной и мстительной сволочью. Со своей Скотт Индастриз Инкорпорейтед он погубил больше людей, чем у меня пальцев на руках. Почему я должен любить его? Вы ведь не выросли в доме промышленного магната?

— Нет,— ответил Карелла,— я вырос в доме итальянского иммигранта, простого пекаря.

— Вы ничего не потеряли, можете мне поверить. Конечно, старик не мог делать всего, что ему хотелось бы, но та власть, которая у него была, окончательно его испортила. Для меня он был чем-то вроде злокачественной опухоли, от которой гниет все кругом. Мой папа. Дорогой старый папочка. Проклятая сволочь.

— Вчера, мне кажется, вы были очень расстроены из-за его смерти.

— Меня расстроил сам факт смерти. Смерть — это всегда шок. Но я не любил его, можете мне поверить.

— Вы ненавидели до такой степени, что могли убить его?

— Да. Мог бы убить. Но я не убивал. Возможно, я сделал бы это рано или поздно. Но это не моих рук дело. И поэтому я хочу быть совершенно откровенным с вами. Мне ни к чему оказаться втянутым в дело, к которому я не имею никакого отношения. Вы подозреваете убийство, верно? Иначе вы не крутились бы здесь так долго.

— Ну...

— Бросьте, мистер Карелла. Давайте будем честными друг с другом. Вы знаете, что этого грязного старика убили.

— Я ничего не знаю определенно, — сказал Карелла. — Он был найден в запертой комнате, мистер Скотт. По правде говоря, это очень похоже на самоубийство.

— Конечно. Но мы оба знаем, что это не было самоубийство, верно? В этой проклятой семейке найдутся умники, по сравнению с которыми Гудини покажется младенцем. Не поддавайтесь гипнозу запертой комнаты. Если кто-нибудь очень сильно хотел, чтобы старик умер, он нашел бы способ убрать его. И сделать все так, чтобы это выглядело как самоубийство.

— Кто, например?

— Например, я, — сказал Алан. — Если бы я действительно решил убить его, я нашел бы способ, не беспокоясь. Кто-то опередил меня, вот и все.

— Кто?

— Вам нужны подозреваемые? В вашем распоряжении вся семейка.

— Марк?

— Конечно. Почему бы не Марк? Старик издевался над ним всю жизнь. С четырнадцати лет Марк ни разу не поссорился с ним. Ненависть копилась у него в душе, пока он улыбался папочке. А чего стоит последняя пощечина! Старик отправил Марка в крысиную нору в Нью-Джерси, где он проходил эту несчастную практику, и он принят в фирму на великолепное жалование в пятнадцать тысяч долларов в год! Сын босса! Этот сволочный старик больше платит своим конторским служащим.

— Вы преувеличиваете, — сказал Карелла.

— Хорошо, я преувеличиваю. Но не думайте, что Марку нравилось, как поступает с ним этот сукин сын. Ему нисколько не нравилось, и у Дэвида тоже были причины покончить с дорогим папочкой.

— Например?

— Например, прекрасная Кристин.

— О чем вы говорите, мистер Скотт?

— А как вам кажется?

— Вы имеете в виду...

— Конечно. Слушайте, я хочу вести с вами честную игру. Можете мне поверить, я ненавижу так сильно, что могу разделить с кем-нибудь свою ненависть. И я не хочу, чтобы мне свернули шею за то, что кто-то прикончил кого-то, даже по заслугам.

— Значит, ваш отец...

— Мой отец был похотливой старой жабой, он удерживал Кристин в своем доме угрозой, что не будет давать Дэвиду ни пенни, если они переедут от него. Точка. Неприятно, но факт.

— Весьма неприятно. А Кристин?

— Попробуйте поговорить с ней. Айсберг. Может быть, ей нравился этот расклад, кто знает? Во всяком случае, она хорошо знала, кто намазывает ей масло на бутерброд, можете мне поверить.

— Может быть, вы договорились, мистер Скотт, и сделали это вместе. Есть такая возможность?

— Эта семейка не может договориться даже сыграть партию в бридж, — ответил Алан. — Удивительно, как мы смогли вместе открыть эту дверь. Вы знаете слово «общность»? Так вот, девиз Скоттов — «апартеид». Может быть, что-то изменится теперь, когда он умер, но я сомневаюсь.

— Значит, вы полагаете, что кто-то в этом доме — один из ваших братьев или Кристин — убил вашего отца?

— Да. Это мое мнение.

— Через запертую дверь?

— Через запертый банковский сейф, если угодно, через стену в шесть дюймов толщиной. Там, где есть желание, найдется и способ.

— А тут было желание, и еще какое!

Алан Скотт улыбнулся.

— Я скажу вам кое-что, детектив Карелла. Если вы будете вести расследование, исходя из наличия мотива, то сойдете с ума. В этом столетнем особняке мы накопили столько мотивов, что ими можно взорвать весь наш город.

— А как вы считаете, мистер Скотт, я должен вести расследование?

— Я бы попытался понять, как неизвестный ухитрился повесить старого мерзавца сквозь запертую дверь. Представьте себе, как это было сделано, и вы узнаете, кто это сделал. Я только предполагаю, мистер Карелла.

— И, конечно, это самая легкая часть работы детектива, — заметил Карелла. — Я уйду. Мне больше здесь нечего делать сегодня.

— Вы вернетесь завтра?

— Может быть. Если что-нибудь придет в голову.

— А если не придет?

— Значит, назовем это самоубийством. У нас есть мотивы, как вы сами сказали, много мотивов. И у нас есть орудие убийства. Чего у нас нет, молодой человек, так это возможности.

Я не гений, мистер Скотт. Я просто рабочая лошадь. Если мы все же будем сомневаться в том, что это самоубийство, мы поместим ваш случай в разряд открытых дел,— пожал плечами Карелла.

— Вы не производите такого впечатления, мистер Карелла.

— Какого впечатления?

— Впечатления человека, который легко сдается.

Карелла долго смотрел на него.

— Не путайте открытое дело с невостребованным письмом,— сказал он наконец,— спокойной ночи, мистер Скотт.

Когда в семь часов две минуты Тедди Карелла вошла в дежурную комнату, Питер Бирнс подумал, что у него сейчас будет сердечный припадок. Он видел, как Тедди шла по коридору, и сначала не мог поверить своим глазам, но потом узнал стройную фигуру и гордую походку жены Стива Кареллы. Он быстро направился к барьере.

— Что вы делаете? — спросила Вирджиния.

— Кто-то идет сюда,— ответил Бирнс и замолчал. Он не хотел, чтобы Вирджиния узнала, что это жена Кареллы. Бирнс видел, что Вирджиния Додж становилась все более нервной и раздражительной с того момента, как избила Мейера, и боялся, что Вирджиния сделает то же самое с Тедди, если узнает, кто она такая. В углу комнаты Хейвз пытался оказать помощь Мейеру, лицо которого было глубоко рассечено. Кусок нижней губы, разбитой как раз посредине острой сталью револьверного дула, свисал на подбородок. Хейвз терпеливо обрабатывал раны и порезы йодом, время от времени приговаривая: «Спокойно, Мейер, спокойно». Его голос звучал приглушенно, словно он, как нитроглицерин, вот-вот взорвется.

— Да, мисс? — сказал Бирнс.

Тедди внезапно остановилась с внешней стороны барьера, удивленно глядя на него. Если она правильно прочла по движению губ слова лейтенанта...

— Что я могу сделать для вас, мисс?

Тедди моргнула.

— Войдите сюда, вы! — крикнула Вирджиния. Тедди со своего места не могла видеть ее и, естественно, не «слышала» ее слов. Тедди ждала, что Бирнс объяснит, какую шутку он хотел сыграть с ней, но его лицо оставалось неподвижным и серьезным. Потом он сказал:

— Не хотите ли войти, мисс?

И Тедди, еще более заинтригованная и удивленная, вошла в комнату.

Она сразу же увидела Вирджинию Додж и инстинктивно поняла, что Бирнс пытается защитить ее от этой женщины.

— Садитесь,— сказала Вирджиния,— делайте, как я вам говорю, и с вами ничего не случится. Что вам здесь надо?

Тедди не ответила, потому что не могла сделать этого.

— Вы слышите меня? Что вы здесь делаете?

Тедди беспомощно покачала головой.

— Что с ней такое? — нетерпеливо спросила Вирджиния. — Вы будете отвечать или нет?

— Не пугайтесь, мисс, — сказал Бирнс. — Ничего с вами не случится, если...

Он замолчал и повернулся к Вирджинии.

— Я думаю... я думаю, она глухонемая.

— Подойдите сюда, — велела Вирджиния, и Тедди подошла к ней. Их глаза встретились. — Вы слышите меня?

Тедди провела пальцем по губам.

— Вы читаете по губам?

Тедди кивнула.

— Но вы не можете говорить?

Тедди снова кивнула.

Вирджиния подсунула Тедди лист бумаги, взяла карандаш и бросила его через стол.

— Вот вам бумага и карандаш. Напишите, что вам здесь надо.

Тедди быстро написала на листе «Ограбление» и протянула бумагу Вирджинии.

— Ммм, — сказала Вирджиния. — Тут дела еще почище, детка. Садись.

Она повернулась к Бирнсу: «Какая красотка, верно?» Это были ее первые добрые слова с тех пор, как она вошла в эту комнату.

Тедди уселась.

— Как тебя зовут? — спросила Вирджиния. — Подойди сюда и напиши свое имя.

Бирнс едва не бросился к Тедди, чтобы перехватить ее, но она уже подошла к столу. Тедди взяла карандаш, быстро написала «Марсия» и остановилась. Фамилия не приходила в голову. Отчаявшись придумать что-нибудь, она написала свою девичью фамилию «Френклин».

— Марсия Френклин, — прочла Вирджиния. — Красивое имя. Ты красивая девушка, Марсия, тебе это известно? Ты ведь умеешь читать по губам?

Тедди кивнула.

— Тебе понятно, что я говорю?

Тедди снова кивнула.

— Ты очень красивая. Не беспокойся, я тебе ничего не сделаю. Мне нужен только один человек, и я больше никого не трону, если мне не будут мешать... Ты любила когда-нибудь, Марсия?

— Да, — кивнула головой Тедди.

— Тогда ты знаешь, что это такое. Любить. Так вот, Марсия, один человек убил того, кого я любила. И теперь я убью его. А что бы ты сделала на моем месте?

Тедди стояла неподвижно.

— Ты бы сделала то же. Я знаю, ты бы поступила так же. Ты очень красивая, Марсия. Я когда-то была красивой, пока они не отобрали его у меня. Женщине нужен мужчина. Мой умер. И я убью того, кто виноват в этом. Я убью эту проклятую сволочь Стива Кареллу,

Слова Вирджинии словно ударили Тедди, как пущенный изо всей силы бейсбольный мяч. Она покачнулась и закусилась губу. Вирджиния удивленно посмотрела на нее:

— Прости, детка, я не хотела ругаться. Но я... это было...— Она покачала головой.

Тедди побледнела. Она продолжала стоять, крепко закусив губы, глядя на револьвер в руке женщины, сидящей за столом, и ее первым побуждением было броситься на револьвер. Тедди посмотрела на стенные часы. Уже 7.08. Она повернулась к Вирджинии и шагнула вперед.

— Мисс,— сказал Бирнс,— в этой бутылке на столе нитроглицерин.— Он остановился.— Я хочу сказать, что любое неосторожное движение может привести к взрыву. И многим придется плохо.

Их глаза встретились. Тедди кивнула.

Она отвернулась от Вирджинии и Бирнса и, пройдя через всю комнату, села на стул лицом к барьеру, надеясь, что лейтенант не заметил, как глаза ее наполнились слезами.

Глава 17

Часы показывали 7.10.

Тедди думала только об одном: «Я должна его предупредить».

Методически, с регулярностью исправного механизма, часы прожевывали время, глотали его, выплевывали переваренные секунды. Часы были старые, и их тиканье было слышно всем, кроме Тедди. Тик-так, и старые часы глотали секунду за секундой, пока те не складывались в минуты, и стрелки передвигались с шелчком, который звучал очень громко в тишине дежурной комнаты.

7.11...

7.12...

«Я должна предупредить его,— думала Тедди. Она уже отказалась от мысли напасть на Вирджинию и теперь мечтала только о том, чтобы предупредить Стива.— Я вижу весь коридор со своего места и даже верхнюю ступеньку металлической лестницы, по которой поднимаются наверх с первого этажа. Если бы я могла слышать, я узнала бы его шаги раньше, чем он покажется в коридоре, потому что я знаю его походку. Я представляла себе тысячу раз, как это должно звучать. Мужественно, но легко, его движения полны кошачьей грации. Я узнала бы его по звуку шагов, если бы только могла слышать.

Но я глухонемая и не смогу криком предупредить его, когда он пойдет по коридору. Я могу только побежать к нему. Она не взорвет бутылку, особенно если ей станет ясно, что Стив уже здесь, в участке, где она может убить его. Ей нужен нитроглицерин как гарантия, что ее не задержат, когда она будет уходить. Я побегу и заслоню его, он не должен умереть.

А ребенок?

Ребенок. Это еще не ребенок, а зародыш, искорка жизни. Стив не должен умереть. Пусть умру я. И ребенок. Но не Стив.

Я побегу к нему. Как только увижу его, я побегу к нему, и пусть она стреляет. Пусть она застрелит меня. Но не Стива.

Когда он появится, я побегу к нему и прикрою. Когда он появится...»

Часы показывали 7.13.

Это не может быть нитроглицерин, думал Хейвз.

А может быть, да?

Нет, этого не может быть.

Этого не может быть. Она обращается с ним, как с водой, она так небрежно держит бутылку, как держала бы бутылку с водой; она не была бы так неосторожна, если бы эта штука могла действительно взорваться.

Это не нитроглицерин.

«Погоди-ка,— сказал он себе,— погоди минуту, не будем выдавать желаемое за действительное.

Я очень хочу, чтобы жидкость оказалась водой. Я хочу этого потому, что первый раз в жизни готов избить женщину до полусмерти. Я готов броситься через всю комнату,— наплевать мне на ее револьвер,— ударить ее так, чтобы она повалилась на задницу, и бить до тех пор, пока она не потеряет сознание. Вот чего мне хочется сейчас, и к черту все рыцарские чувства, потому что мне так хочется. Я знаю, что бить женщин некрасиво, но Вирджиния Додж уже перестала быть женщиной, она превратилась в нечто неодушевленное, непохожее на человеческое существо, так что я не считаю ее женщиной, и обращаться с ней буду соответственно.

Она — Вирджиния Додж.

И я ненавижу ее.

Я не думал, что способен на такие сильные чувства, но она возбудила их во мне, сделала меня способным испытывать глубокую ненависть и злобу. Я ненавижу ее и ненавижу себя за это, отчего моя злость становится еще сильнее. Вирджиния Додж превратила меня в зверя, ослепленного причиненной ему болью. И самое интересное, что это даже не моя боль. Щека не считается, меня раньше били сильнее. Но то, что она сделала с Мисколо, с Анджеликой и с Мейером, я не могу простить и не могу оправдать ни чувствами, ни разумом. Эту боль причинил неодушевленный предмет по имени Вирджиния Додж живым человеческим существам, которые не сделали ничего плохого этому предмету. Они просто находились в одной комнате с ним, и он использовал их, превратив в ничто.

Вот почему я ненавижу так сильно.

Я ненавижу, потому что я... и все прочие в этой комнате... позволили этой дряни так унижить нас, лишить человеческого облика, человеческого достоинства, дарованного богом, и когда мы подчинились ей, то все, и я в том числе, стали просто кучей дерьма.

Я здесь, Вирджиния Додж.

Меня зовут Коттон Хейвз, и я стопроцентный белый американец, протестант, воспитанный богобоязненными родителями, которые научили меня отличать правду от лжи, обращаться

с женщинами вежливо и по-рыцарски, а ты превратила меня в дикого зверя, живущего по закону джунглей, ненавидящего тебя, готового убивать.

Жидкость в этой бутылке не может быть нитроглицерином.

Вот что я думаю, Вирджиния Додж.

Или по крайней мере что я хочу думать. Я еще не уверил себя в этом. Но я стараюсь сделать это, Вирджиния, я очень сильно стараюсь. Мне не надо уверять себя, что я тебя ненавижу. Ненависти во мне уже много и становится все больше. Берегись, Вирджиния Додж, скоро я скажу себе с полной уверенностью, что твоя бутылка с нитроглицерином — большой блеф.

Берегись, Вирджиния, потому что я убью тебя».

Ответ пришел к нему неожиданно.

Иногда так бывает.

Карелла оставил Алана Скотта в старом особняке, прошел через молчаливый дом, где царил тишина, как бывает всегда, когда в доме смерть, вошел в холл с хрустальными канделябрами и резным зеркалом. Он взял свою шляпу со столика с мраморным верхом, стоявшего перед зеркалом, думая о том, почему он сегодня надел шляпу, которую носил очень редко. Потом вспомнил, что вчера еще был без шляпы, и понял, что богатство обладает свойством внушать какую-то робость даже такому человеку, как он.

Нельзя быть нетерпимым, подумал он, мы не можем обвинять богачей в том, что им не пришлось испытать экзотическую отрешенность бедности.

Мрачно улыбаясь, он посмотрел в зеркало, надел на голову шляпу и открыл тяжелую входную дверь орехового дерева. Кругом было темно. На другом конце дорожки, ведущей к дому, горела одна лампа. Пахло горящим деревом.

Карелла смотрел на дорогу, думая об осени, смолистом дыме от горящего дерева и тлеющих листьев и о том, как приятно видеть кусок сельской жизни в самом центре города. Как хорошо жить за городом и жечь опавшие осенние листья! Он оглянулся и посмотрел через плечо, туда, где находился гараж. На фоне звездного неба выделялась человеческая фигура, гигантский силуэт, очевидно, один из братьев. У его ног горел небольшой костер, от которого шел смолистый дым. Один из великолепных братьев, Скотт, жег опавшие листья. Такое занятие больше подходило Роджеру или управляющему, неужели во владениях Скотта не было управляющего? Ах, какая жалость, нет управляющего, который бы жег...

Тогда-то и пришла к нему эта мысль.

Дым от горящего дерева.

Дерево.

И один из братьев сам развел костер.

Дерево, дерево! О господи, дерево, конечно!

Карелла быстро повернулся и зашагал назад по направлению к гаражу.

«Как закрыть дверь? — думал он, и догадка, становясь все

янее, вызвала широкую, почти идиотскую улыбку.— Как закрыть дверь снаружи, чтобы казалось, что она заперта изнутри?

Прежде всего надо сорвать с дверной рамы задвижку так, чтобы, когда дверь будет взломана, задвижка казалась оторванной в то время, как взламывали дверь. Это первое, что было сделано, и это полностью объясняет следы на внутренней стороне дверной рамы. Разве лом мог бы проникнуть так далеко внутрь? О чем ты думал, Карелла, идиот?

Значит, сначала надо сорвать задвижку.

Старик уже задушен и лежит на полу, в то время как убийца возится с задвижкой, осторожно отрывая ее от рамы, чтобы она висела на одном шурупе. Позже она будет казаться действительно сорванной в то время, как взламывали дверь.

Потом на шею старика накидывается петля, один конец веревки забрасывается за балку, и убийца тянет его, чтобы он висел, на несколько футов не доставая до пола. Он очень тяжелый, но убийца такого же сложения, и адреналин, проходя по телу, прибавляет ему силы. К тому же надо поднять старика всего на несколько футов. Потом он поворачивается к двери и привязывает веревку к дверной ручке.

Старик висит на веревке на другом конце комнаты.

Убийца приоткрывает дверь. Это не очень трудно. Ему надо приоткрыть ее лишь настолько, чтобы проскользнуть сквозь щель в коридор. Теперь он выходит, и тяжесть старика тянет дверь, так что она закрывается снова. Внутри на дверной раме задвижка висит на одном шурупе.

Убийца в коридоре, и теперь перед ним новая задача: сделать так, чтобы дверь казалась запертой, чтобы он и его братья не могли открыть ее даже все вместе.

Как же решить эту задачу?

Использовать одно из древнейших приспособлений, известных человечеству.

Кто мог это сделать?

Им мог быть только тот, кто первым открыл дверь, первый, кто подошел достаточно близко, чтобы...

— Кто здесь? — спросил голос.

— Марк Скотт? — спросил, в свою очередь, Карелла.

— Да. А кто это?

— Я. Карелла.

Марк подошел ближе к костру. Дым поднимался, заслоняя его лицо. Огонь, уже догорающий, бросал дрожащие блики на его плоский лоб и скошенные скулы.

— Я думал, что вы давно ушли, — сказал Марк. В руках он держал тяжелую кочергу, которой помешивал тлеющие головни; огонь вспыхнул с новой силой, осветив желтыми бликами его лицо.

— Нет, я еще здесь.

— Что вам надо? — спросил Марк.

— Вас, — коротко ответил Карелла.

— Не понимаю.

— Вы пойдете со мной, Марк.

— Почему?

— Потому что вы убили своего отца.

— Не будьте дураком.

— Я считаю, что был очень умным,— ответил Карелла.— Вы сожгли его?

— Что я сжег? О чем вы говорите?

— Я говорю о том, как вы заперли дверь снаружи.

— У этой двери нет наружного замка, — спокойно сказал Марк.

— То, что вы использовали, было не хуже замка. И чем сильнее нажимать на него, тем он становился эффективнее, тем крепче закрывалась дверь.

— О чем вы говорите? — повторил Марк.

— Я имею в виду клин, — сказал Карелла, — простой деревянный треугольник. Клин...

— Не понимаю.

— Прекрасно понимаете. Клин. Простой треугольный кусок дерева, который вы загнали под дверь узким концом вперед. Всякий нажим на дверь извне заставлял дверь плотнее закрываться.

— Вы сошли с ума. Мы должны были взломать эту дверь ломом. Она была заперта изнутри. Она...

— Дверь держал ваш деревянный клин, оставивший, между прочим, вмятину внизу, на металлической полосе, которой оббиты края двери и дверная рама. Лом только наломал кучу щепок. Потом вы подошли к двери. Вы, Марк. Вы подошли, стали возиться с дверной ручкой и выбили клин из-под низа двери, так что дверь теперь была открыта — заходи, кто хочет. Потом, конечно, вы и ваши братья смогли войти, хотя ваш отец продолжал висеть, привязанный к дверной ручке.

— Это смешно, — сказал Марк, — откуда вы...

— Я увидел, как Роджер выметал щепки. Бесформенные куски дерева и ваш клин. Хороший камуфляж — эти щепки. Они горят в вашем костре? Щепки? И клин?

Марк Скотт ничего не ответил. Он поднял руку раньше, чем Карелла кончил говорить, замахнулся кочергой и нанес удар, словно бил бейсбольной ракеткой, к чему Карелла бы совершенно не готов. Удар пришелся ниже подбородка, от острых железных зубцов остались глубокие царапины. Закружилась голова. Марк снова замахнулся. Карелла, покачнувшись, шагнул вперед, вытянув руки, и тяжелое железо упало на его правую руку, ниже запястья.

Рука повисла, потеряв чувствительность. Карелла попытался поднять ее и достать свой револьвер, лежавший в правом брючном кармане, но рука не слушалась его. Он проклинал свою беспомощность, заметил, что кочерга опять поднимается для следующего удара, и понял, что этот удар будет для него последним и отправит его напрямик в мутные воды Гарба.

Он нагнулся, нырнул под руку Марка, и кочерга ударила по пустому месту. Тогда Карелла выбросил левую руку и схватил Марка за неплотно завязанный узел галстука. Марк, потеряв равновесие из-за своего неудачного удара, быстро откинулся

назад, а Карелла бросился вперед, толкнул великана, одновременно туго натянув его галстук.

Марк упал, уронил кочергу и раскинул руки, чтобы смягчить падение. Карелла упал на него, понимая, что ему следует всячески избегать контакта с руками Марка, которые уже однажды задушили человека.

Отчаянно барахтаясь, они молча катались по земле, приближаясь к костру. Марк старался схватить Кареллу за горло, но Карелла не выпускал из рук галстука Марка, затягивая его на шее, как петлю. Они прокатились по еще горячим углям костра, от которых полетели искры на жухлую траву, и почти потушили его. Карелла отпустил галстук, вскочил на ноги и, поскольку его правая рука бездействовала, а левой он не умел как следует пользоваться, отступил, ударив Марка ногой в левое плечо так, что тот повалился на землю, несколько раз перевернувшись.

Карелла подбежал к нему.

Он наносил удары снова и снова, пользуясь ногами с точностью боксера. Потом извернулся изо всех сил и, достав из правого брючного кармана револьвер, направил на Марка 38-й калибр, зажав его в кулаке.

— Ладно, вставайте,— приказал он.

— Я ненавижу его,— сказал Марк.— Я ненавижу его с тех пор, как научился ходить. Я желал ему смерти с того дня, как мне исполнилось четырнадцать лет.

— Вы получили то, чего хотели. Вставайте.

Марк поднялся.

— Куда мы идем? — спросил он.

— В участок,— ответил Карелла.— Там будет более мирная обстановка.

Глава 18

— Где же он? — нетерпеливо спросила Вирджиния Додж, подняла голову и посмотрела на стенные часы.— Почти 7.30. Разве он не должен вернуться в участок и доложить?

— Должен,— ответил Бирнс.

— Куда же он провалился? — Она ударила кулаком левой руки по столу.

Хейвз внимательно смотрел на нее. Бутылка покачнулась. Врыва не было. «Это вода,— подумал Хейвз.— К чертовой матери, это ведь вода!»

— Тебе когда-нибудь приходилось ждать, Марсия? — спросила Вирджиния.— Мне кажется, я сидела в этой комнате всю жизнь.

Тедди смотрела на нее без всякого выражения.

— Ты проклятый сука,— сказала Анджелика Гомес,— тебе надо ждать черта в ад, грязный сука.

— Она сердится,— Вирджиния улыбнулась,— испанский лук сердится. Успокойся, чикита, подумай только, твое имя появится завтра в газете.

— И твое имя тоже,— ответила Анджелика,— и, может быть, в колонка «умерший».

— Очень сомневаюсь.— Лицо Вирджинии стало мрачным.— Газеты будут... — Она остановилась.— Газеты,— повторила она, и на этот раз ее слова прозвучали так, будто она сделала какое-то открытие...

Хейвз, внимательно наблюдавший за Вирджинией, увидел, что она старается что-то припомнить.

— Я помню, что читала статью о Карелле в одной газете. Там говорилось, что его жена...— она замолчала,— что его жена глухонемая.— Вирджиния посмотрела на Тедди.— Что скажешь, Марсия Френклин? Как насчет этого?

Тедди сидела неподвижно.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Вирджиния, поднимаясь.

Тедди покачала головой.

— Ты Марсия Френклин и пришла сюда, чтобы сообщить об ограблении? Или ты миссис Стив Карелла? Кто ты? Отвечай!

Тедди опять покачала головой.

Вирджиния выпрямилась. Она смотрела только на Тедди. Наконец перед ней человек, который, как она была уверена теперь, имеет прямое отношение к Карелле. Если эта женщина действительно жена Кареллы, она может, наконец, хоть в какой-то степени утолить жажду мести. По лицу Вирджинии было видно, что она приняла решение. Губы сжались в жесткую складку, глаза лихорадочно блестели — сказывались долгие часы нетерпеливого ожидания. Вирджиния подошла к Тедди и крикнула:

— Отвечай!

Она отошла от стола, не обращая больше внимания на бутылку, вплотную приблизилась к Тедди и встала перед ней, словно черный призрак — воплощение возмездия.

Выврав сумочку из рук Тедди, она резким движением открыла ее. Бирнс, Клинг и Виллис стояли справа от Тедди, у вешалки. Мисколо, который еще не пришел в себя, лежал на полу за шкафами картотеки. Мейер и Хейвз были позади Вирджинии, но Мейер находился в полубессознательном состоянии.

Вирджиния быстро обшарила сумочку Тедди и сразу нашла то, что искала. Она взяла карточку и прочитала ее вслух.

«Миссис Стефен Карелла, 837 Дартмут Роуд, Риверхед. В случае необходимости позвонить...» Она остановилась.

— Миссис Стефен Карелла. Прелестно, миссис Стефен Карелла.

Она подошла к Тедди еще на шаг. Хейвз, дрожа от злости, смотрел на нее и внушал себе: «Это не нитро, это не нитро, это не нитро...»

— Ах ты, красотка,— сказала Вирджиния,— ах ты, выхоленная ухоженная красотка. У тебя есть твой хахаль, верно? У тебя есть он и все на свете, и ты красивая, верно? Ты, красивая сука, посмотри на меня! Смотри на меня!

«Я брошусь на нее,— подумала Тедди.— Вот сейчас, когда она далеко от стола. Я сейчас брошусь на нее, она выстрелит, ее схватят, и все будет кончено. Ну, сейчас!»

Но она сидела неподвижно.

— Раньше я тоже была красивая,— говорила Вирджиния,— до того, как они упрятали Фрэнка за решетку. Ты знаешь, сколько мне лет? Мне всего тридцать два. Я молодая. Я молодая женщина, а выгляжу как дряхлая старуха, верно? Похожа на смерть, как сказал один из ваших. Да, я похожа на смерть, потому что твой муж отнял у меня моего Фрэнка. Твой муж — сука. Мне хочется изорвать в клочья твою физиономию! Изорвать, изуродовать тебя за то, что вы сделали со мной! Слышишь, ты, сучонка!

Она подошла поближе, и Хейвз понял, что сейчас она поднимет револьвер для удара.

Он еще раз сказал себе: «В этой бутылке нет никакого нитроглицерина», — и громко крикнул: «Стой!»

Вирджиния Додж повернулась к нему, придвинулась к столу, загоразивая путь Бирису и другим.

— Отойди от нее,— сказал Хейвз.

— Что? — спросила Вирджиния, словно не поверила своим ушам.

— Ты слышала, что я сказал. Отойди от нее. Не смей ее трогать!

— Ты что, приказываешь мне?

— Да! — крикнул Хейвз.— Да, я тебе приказываю! Что вы на это скажете, миссис Додж? Что скажете, а? Я приказываю вам! Какой-то паршивый человек приказывает самому богу. Отойдите от этой женщины. Если ты тронешь ее...

— Что тогда будет? — Голос Вирджинии был по-прежнему повелительным, она держалась уверенно, но рука, державшая револьвер, дрожала крупной дрожью.

— Тогда я убью вас, миссис Додж,— спокойно ответил Хейвз.— вот что будет, миссис Додж. Я убью вас.

Он сделал шаг к Вирджинии.

— Стой! — крикнула Вирджиния.

— Нет, миссис Додж. Я хочу сказать вам кое-что. Я больше не боюсь того клина, который вы вбили в нашу совесть, я не боюсь вашего пузырька. И знаете, почему? Потому что в нем нет ничего, кроме прозрачной водички, миссис Додж, а я не боюсь воды. Я пью воду! Могу выпить целый галлон!

— Коттон,— предупреждающе сказал Бирис,— не будь...

— Не подходи.— Вирджиния задыхалась. Револьвер дрожал все сильнее.

— А почему не подходить? Потому что вы выстрелите в меня? Ладно, черт вас возьми, стреляйте! Но вам придется стрелять много раз, потому что одной пули будет недостаточно! Я пойду прямо на вас, миссис Додж, отниму у вас револьвер и засуну его вам в глотку! Я иду, миссис Додж, вы слышите меня?

— Стой! Стой на месте! — завопила Вирджиния.— Нитро...

— Нет никакого нитро! — Хейвз двинулся к Вирджинии. Стоя слева от нее, Бирис сделал знак Тедди, и она медленно двинулась к тем, кто стоял у барьера. Казалось, Вирджиния не заметила этого. Она смотрела только на Хейвза, и рука ее тряслась.

— Я иду, миссис Додж,— продолжал Хейвз.— Поэтому лучше стреляйте сейчас, если вы собираетесь это сделать...

И Вирджиния выстрелила.

Выстрел остановил Хейвза. Но он стоял неподвижно только одно мгновение, как останавливается человек, когда слышит внезапный резкий шум. Пуля пролетела за целую милю от него, и он снова начал наступление, двигаясь к Вирджинии через всю комнату. Он видел, как Бирнс провел Тедди за барьер и почти вытолкнул в коридор. Другие не двигались. Находясь на достаточно большом расстоянии от бутылки с нитроглицерином, они, тем не менее, застыли на своих местах, ожидая неизбежного взрыва.

— В чём дело? — спросил Хейвз.— Первые шалют до такой степени, что трудно прицелиться? Или слишком дрожат руки?

Вирджиния отступила к столу. На этот раз Хейвз твердо знал, что она выстрелит. Он сделал шаг в сторону прежде, чем Вирджиния нажала на курок, и снова пуля пролетела мимо. Хейвз улыбнулся и крикнул:

— Прекрасно, миссис Додж! Сейчас сюда явится вся городская полиция!

— Нитро... — сказала Вирджиния, еще дальше отступая к столу.

— Что за нитро? Нет никакого нитро!

— Я скину бутылку на...

И Хейвз сделал прыжок. На этот раз он услышал, как пуля просвистела у головы. Он схватил Вирджинию за правую руку как раз в тот момент, когда она прицелилась в бутылку на столе, туго сжал ее запястье, а она со звериной силой старалась вырваться и достать бутылку другой рукой.

Хейвз высоко поднял ее руку и ударил об стол, чтобы выбить из ее пальцев револьвер. Бутылка скользнула к краю стола.

Он снова ударил ее руку об стол, пальцы Вирджинии разжались, и револьвер упал на пол.

Она бешено извернулась, едва не выскользнув у него из рук, и в последнем отчаянном рывке, распластавшись поперек стола, бросилась к бутылке, стоявшей у самого края. Ей удалось вырвать руку, и тогда Хейвз плотно обхватил ее и потянул изо всей силы назад от стола, схватив ее одной рукой за платье и подняв другую, сжатую в кулак, чтобы нанести удар, который, без сомнения, сломал бы ей шею.

Но удара не последовало.

Хейвз медленно опустил руку, чувствуя, что не может ее ударить. Он только толкнул Вирджинию подальше, на другой конец комнаты. «Ах ты, сука!» — сказал он и нагнулся, чтобы подобрать револьвер.

Мейер с трудом поднял свою многострадальную голову.

— Что... что случилось? — спросил он.

— Все кончено,— ответил Хейвз.

Бирнс подошел к телефону:

— Дейв, давай сюда взрывников! Быстро!

— Взрыв...

- Ты слышал, что я сказал?
— Слушаюсь, сэр,— ответил Марчисон.

Из больницы позвонили в 7.53, после того как взрывники со всеми предосторожностями унесли бутылку. Бирнс взял трубку.

— Восемьдесят седьмой участок,— сказал он.— Лейтенант Бирнс.

— Говорит доктор Нельсон. Меня просили позвонить относительно того, в каком состоянии находится жертва нападения, Хосе Дорена. Он будет жить. Бритва прошла на расстоянии примерно четверти дюйма от артерии. Он немного побудет у нас, но выйдет здоровеньким.— Нельсон помолчал.— Хотите узнать еще что-нибудь?

- Нет. Спасибо.
— Не за что.— Нельсон повесил трубку.

Бирнс повернулся к Анджелике.

— Тебе повезло,— сказал он,— Касым остался жив, ты везучая.

Анджелика подняла на лейтенанта грустные глаза и сказала:
— Неужели?

Марчисон подошел к ней.

— Пойдем, милашка, у нас есть для тебя комнатка внизу.

Он поднял Анджелику со стула и подошел к Вирджинии, которая была прикована к радиатору.

— А, значит, это ты подняла скандал? — спросил он.

— Чтоб ты сдох,— ответила она.

— У тебя есть ключ от наручников, Пит? — спросил Марчисон и покачал головой.— О господи, Пит, почему ты не сказал мне? Я ведь сидел там все это время. Я хочу сказать... — Он замолчал, когда Бирнс подал ему ключ, и, казалось, что-то припомнил.— Эй, ты это имел в виду, когда сказал «Срочно!»?

Бирнс устало кивнул.

— Именно это я имел в виду.

— Да,— пробормотал Марчисон.— Черт меня возьми.— Он грубо поднял Вирджинию со стула.— Пошли, подарочек к празднику! — сказал он и повел обеих женщин вниз. По коридору навстречу им шел Клинг.

— Мы увезли Мисколо.— сообщил Клинг.— Остальное в руках господа бога. Мейеру тоже пришлось прокатиться. Доктор считает, что ему надо наложить швы на лицо. Конечно, а, Пит?

— Да, конечно,— ответил Бирнс.

В коридоре послышался шум. Стив Карелла провел Марка Скотта за барьер и сказал:

— Садись, Скотт. Туда. Привет, Пит. Привет, Коттон. Вот наш милый мальчик. Задушил собственного... Тедди! Дорогая, я забыл про тебя. Ты ждала...

Он замолчал, потому что Тедди бросилась к нему и прижалась так сильно, что едва не сбила с ног.

— Кажется, мы все ждали тебя,— сказал Бирнс.

— Да? Очень приятно. Чем дольше ждешь, тем больше любишь.— Карелла взял Тедди за руку.— Прости, что я опоздал, детка. Но дело начало проясняться, и я...

Тедди тронула его шею, где на царапинах застыла кровь.

— Ах да, это от кочерги. Послушай, я напечатаю донесение, а потом уж мы уйдем. Пит, я даю моей супруге обед, и посмей только сказать, что не позволяешь. У нас будет ребенок.

— Поздравляю.

— Что-то не вижу энтузиазма. Дорогая, я напечатаю донесение, и мы уходим. Я умираю с голода, так что могу съесть целую лошадь. Пит, этот парень обвиняется в убийстве. Где машинка? Что-нибудь интересное случилось, пока меня не...?

Раздался телефонный звонок.

— Я отвечаю.— Карелла взял трубку.— Восемьдесят седьмой участок, Карелла.

— Карелла, это Леви из отдела взрывников.

— Да, привет, Леви. Как дела?

— Неплохо, а как ты?

— Нормально. В чем дело?

— Я хочу доложить об этой бутылке.

— Какой бутылке?

— Мы забрали тут у вас бутылку.

— Да? Ну, так что ты можешь сказать о ней?

Карелла слушал, иногда вставляя в разговор «ага» и «да». Потом сказал:— Ладно, Леви, спасибо за труды,— и повесил трубку. Он подвинул к себе стул, достал из ящика стола три бланка донесений, два листа копировальной бумаги и заложил это в машинку.

— Это был Леви,— сообщил он.— От взрывников. Кто-нибудь давал ему бутылку?

— Да,— ответил Хейвз.

— Он звонил, чтобы сообщить о результатах.

Хейвз встал и подошел к Карелле.

— Что он сказал?

— Он сказал, это действительно был он.

— Действительно был он?

— Леви так сказал. Они взорвали его за городом. Взрыв был такой силы, что хватило бы на все Главное Управление.

— Это действительно был он,— невыразительно сказал Хейвз.

— Да.— Карелла начал печатать донесение.— Кто был? — рассеянно переспросил он.

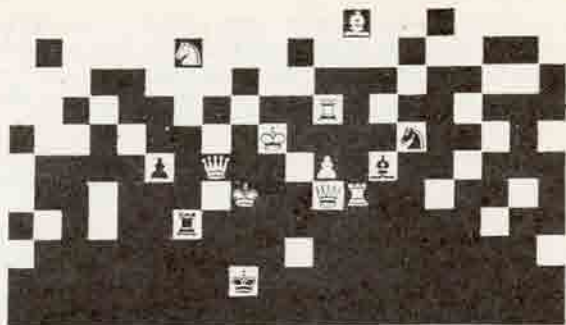
— Нитроглицерин,— ответил Хейвз и опустился на стул.

Он был похож на человека, которого сбил паровоз.

— Господи,— вздохнул Карелла,— ну и денек!

И стал изо всей силы бить по клавишам.

**Перевод с английского
БЕТСИ ШИДФАР, РАМИНА ШИДФАРА.**

Под редакцией
гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

**Конкурс
шахматных
зрудитов**

282

В далеком Нью-Йорке стартует очередной матч на первенство мира по шахматам. На протяжении шести последних лет менялось лишь место проведения соревнований, соперники оставались прежними: Гарри Каспаров и Анатолий Карпов! Это уже пятый поединок на высшем уровне между двумя выдающимися советскими шахматистами. Несмотря на то, что экс-чемпиону мира Карпову не удалось до сих пор выиграть ни одного матча у Каспарова, все единоборства между ними протекали в упорнейшей борьбе. Думается, и этот матч не будет исключением.

Предлагаем читателям «Смены» принять участие в «Конкурсе шахматных зрудитов». Участникам конкурса необходимо ответить на следующие вопросы:

1. Кто завоюет чемпионский титул?
2. С каким счетом завершится матч?
3. Найти сильнейшие продолжения в приведенных позициях из партий, сыгранных между Каспаровым и Карповым в предыдущих матчах.

Победителей конкурса, правильно ответивших на все вопросы, ждут специальные призы журнала «Смена».

КАСПАРОВ ПРОТИВ КАРПОВА

I

Ход белых
III

Ход белых
V

Ход белых

II

Ход черных
IV

Ход черных
VI

Ход черных

Ответы следует присылать только на открытках (без конвертов) с пометкой «Конкурс шахматных эрудитов». Последний срок (по почтовому штемпелю) — 15 ноября. На открытке необходимо указать фамилию, имя и отчество, возраст и профессию, домашний адрес.

КОНКУРС КРОССВОРДИСТОВ

Все читатели, кто не только прислал домашнюю работу, но и оценил первое задание, назвали его интересным, дающим простор поискам. Они же единодушно отметили, что в бочку меда влита не просто ложка, а целое ведро дегтя: номер «Смены» с заданием получили кто в марте, кто даже в апреле, что очень усложнило конкурсную работу. В оправдание можем сказать одно: не редакция виновата, что номера журнала приходят к читателю с таким большим опозданием...

Многие из участников конкурса — наши старые знакомые. К сожалению, на этот раз опыт не помог пробиться к победе. Видимо, сказалась спешка, из-за которой большинство читателей в той или иной степени нарушали правила для кроссвордистов, хотя к ним прямо отсылали условия первого задания. Наиболее грубое из нарушений: загадывание однокоренных слов и слов во множественном числе при обычном толковании. Но много и других погрешностей.

Практически все участники неверно начисляли себе очки. Так что жюри пришлось все пересчитывать заново. Оказывается, многие не знают, что личные имена — это не фамилии, не названия, а именно имена: Андрей, Валентин, Жорж, Степан, Тодор. Все же фамилии и названия — имена собственные (в широком смысле личные имена лингвистически тоже имена собственные). Некоторые читатели начисляли себе очки за слова, относящиеся к русской жизни, но без всякой связи с Парижем. Немало встречается слов, за ухо притянутых к Парижу. Скажем, уголь — топливо, которое применяют и в Париже. Самым сложным для жюри было выделить слова, якобы относящиеся к Парижу. Приведем характерный пример. Загадан отец как Яковлев по отношению к Герцену, жившему в Париже. На самом деле при таком определении слово «отец» к Парижу никакого отношения не имеет. Вот если бы был загадан «сын», тогда другое дело.

Больше всех очков набрала инженер-автомобилист из города Торез Донецкой области Ольга Кошкер — 273. Ее кроссворд мы печатаем в этом номере. Второе место с 203 очками занял Павел Галактионов из Ленинграда. Им обоим будут высланы дипломы. Редакция предоставит каждому из них право напечатать в журнале вне очереди один обычный кроссворд.

Дипломами «Смены» награждены также Б. Болсуновский из Караганды, А. Косарев из Полоцка Витебской области, М. Пехарева из Риги, А. Романив из Гомеля и С. Федоров из Борзи Читинской области.

От души поздравляем победителей и благодарим всех участников конкурса.

Будем признательны всем читателям, кто придумает и пришлет в редакцию интересные задания для новых конкурсов кроссвордистов.

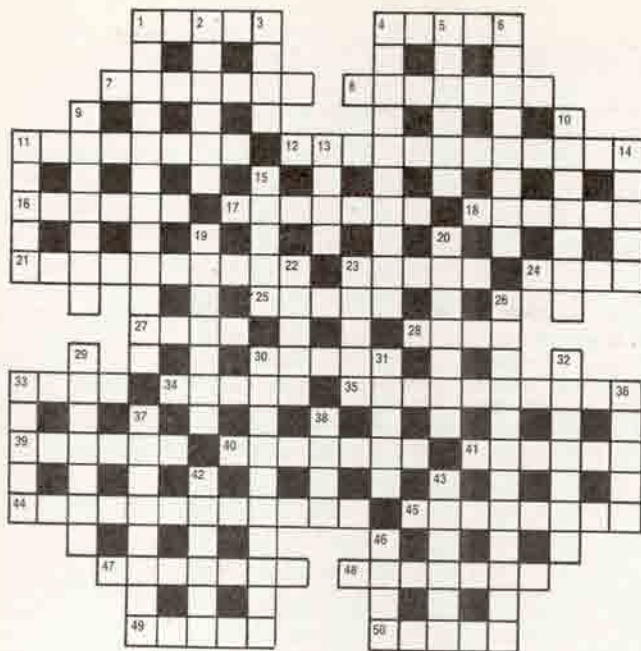
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

1. Герцог. 6. Романс.
10. Олово 12. Толстой. 13. Зимовка.
14. Якана. 17. Чехи.
20. Гном. 21. Дебелость. 22. Айва.
25. Юкон. 27. Каир.
28. ...милорд.
29. Ехор. 31. Идея.
32. Иванов. 33. Баян.
34. Пяст. 37. Альд.
40. Фильдекос. 41. Шукка. 42. Укор. 44. Закуп. 48. Хламида.
49. Шенберг. 50. Розга. 51. Элегия.
52. Валаам.

По вертикали:

2. Евлахов. 3. Цата.
4. Гойя. 5. Лоза.
6. Роза. 7. Момс.
8. Нивяник. 9...штучка. 11. Жасмин.
15. Клей. 16. Ниобий.
18. Медитация.
19. Строганов.
23. Йахья. 24. Акрит.
25. Юдина. 26. Олень.
30. ...борьба...
34. Пищуха. 35. Саксаул. 36. Перу.
38. Лексема. 39. Дорога. 43. Ринг.
44. Заря. 45. Коза.
46. Пшав. 47. Енол.

КРОССВОРД
Составила
О. КОШКЕР

По горизонтали:

1. Бельгиец, один из граждан Парижской коммуны, к которому обратился с письмом бывший в то время в Париже русский революционер П. Лавров. 4. Соавтор О. Лозанна, водевиль которых о докторе А. Герцен назвал торжеством П. Лавассора — парижского комика. 7. П. Лавров — ... народничества, с которым в Париже возобновил прерванную знакомство И. Тургенев. 8. Часть оформления сцены, выполненной Л. Бакстом по эскизу В. Серова для балета Н. Римского-Корсакова «Шехерезада». Поставлен в русский сезон 1911 года в Париже. 11. Немецкий композитор, произведения которого часто играла И. Арманд в Париже. 12. Хореографический номер, показанный в первый русский сезон в Париже под названием «Пир», хотя никакого пира на сцене не было. 16. Каждое из двух животных, подаренных Л. Пастером Н. Гамалее при его отъезде из Парижа в Одессу. 17. Чувство, с которым А. Герцен впервые въехал в Париж. 18. Неотъемлемая часть речей писателя Д. Мережковского, которыми он блистал в Париже после эмиграции. 21. Ю. Мартов как член правого крыла меньшевизма, с которым В. И. Ленин боролся на пленуме ЦК РСДРП в январе 1910 года в Париже. 23. Место, где С. Дягилев в Париже хранил костюмы к опере М. Мусоргского «Борис Годунов». 24. Композиция «В мастерской художника» отразила парижские впечатления К. Коровина. Музыкальный инструмент в руках натурщицы на этом полотне. 25. Судно, на котором Петр Первый проплыл под парижскими мостами по Сене в 1717 году. 27. Солдат колониальных войск, голодный

Дорогие читатели!
Срок работы над вторым заданием конкурса кроссвордистов продлевается до 1 ноября. Итоги заданий будут подведены в одном из первых номеров будущего года.

ми глазами уставившийся на витрину съестной лавки (из парижских наблюдений М. Вовчок). 28. Самый популярный в Париже при жизни импрессионист. 30. Очаг, к которому из-за нехватки угля русский военный агент в Париже А. Игнатьев приделал чугунок. 33. С. Эфрон, муж М. Цветаевой, уехавший из Парижа в белую армию, — по характеристике И. Эренбурга. 34. Животное в балете М. Равеля «Дафнис и Хлоя», поставленном в русский сезон 1912 года. 35. Место сбора русской эмиграции в Париже, названное именем И. Тургенева. 39. «Я нечувствительно делаю препорядочный... что для меня теперь необходимо. Мне даже смешно, как подумаю, что я пишу «Мертвых душ» в Париже (из письма Н. Гоголя В. Жуковскому от 12 ноября 1836 года). 40. Русский юрист, посещавший литературные вечера у И. Тургенева в Париже. 41. Образ жизни, о котором сделала сообщение писательница Тэффи в 1927 году на заседании «Зеленой лампы» — кружка русских эмигрантов в Париже. 44. Жанр, в котором написана книга И. Одоевцевой «На берегах Сены». 45. Ипостась М. Бакунина, бывавшего в парижском салоне графини Салиас де Турнемир. 47. Выполненная А. Бенуа икона как необходимый предмет крестного хода в опере М. Мусоргского «Борис Годунов», поставленной в Париже С. Дягилевым. 48. Знак различия в форменной одежде, где А. Игнатьев носил орден Почетного легиона, врученного ему генералом Ж. Жоффром. 49. Ненаглядная... — роль В. Фокиной в балете И. Стравинского «Жар-птица», поставленном в русский сезон 1910 года. 50. Горизонтальный символ пассивности, женственности, или вертикальный — активности, мужественности в «Первой абстрактной акварели» В. Кандинского, хранящейся в Париже.

По вертикали:

1. Соратник В. И. Ленина, помогавший И. Арманд организовать партийную школу в Лонжюмо.
2. Каждый из экспонатов пушкинской коллекции жившего в Париже С. Лифаря, по его определению.
3. Рекламный газ, с каждым приездом И. Эренбурга в Париж горевший все ярче и ярче.
4. Теория, в тайны которой П. Прудона в Париже посвящал М. Бакунин.
5. «...тьмы» — пьеса Л. Толстого, поставленная в 1888 году парижским Свободным театром.
6. Русский генерал, корпус которого взял 30 марта 1814 года укрепления Роменвиль и Бельвиль и вошел в Париж.
7. Сооружение бани на берегу Сены в Париже по требованию Петра Первого — как процесс.
8. Специальность кармелитского монаха Себастьяна, показывавшего Петру Первому разные опыты.
9. Цинковый предмет, бывший в 1884 году вместе с кроватью и сундуком скромным парижским имущественным М. Бакунина.
10. Партийный псевдоним И. Дубровинского. Так его называла Н. Крупская, у которой он питался в 1908 году, живя в Париже.
11. Поэт-дадаист, с которым В. Маяковский в ноябре 1929 года встретился в Париже у художника Р. Делоне.
12. Дипломатический ранг И. Симелина, способствовавшего бегству королевской семьи из Парижа. Екатерина II одобрила его деятельность.
13. Женская одежда, поразившая парижан в опере М. Мусоргского «Борис Годунов» в 1908 году.
14. Московская примадонна, исполнившая глав-

ную роль в балете Н. Черепнина «Павильон Армиды» в русский сезон 1909 года. 22. Жанр «Сестер», написанных А. Толстым в Париже. 23. Парижский драматург, которого презирал А. Герцен, хотя и ставил его выше В. Гюго. 26. Массовое шествие 13 июня 1849 года в Париже. В нем участвовал А. Герцен. 29. Цветок из декорации к поставленному в Париже балету М. Равеля «Дафнис и Хлоя». Выполнен Л. Бакстом. 30. Жанр изобразительного искусства, в котором О. Домье и Ш. Филипон рисовали обывателя Робера Макзара. Их произведения в парижском журнале «Шаривари» А. Герцен назвал «великими, иногда гениально верными». 31. Венгерский дирижер, участник русского сезона 1907 года. 32. Итальянский город, где был изготовлен хрусталь для люстры в парижской квартире А. Игнатьева. 33. Русский фотограф, парижская знаменитость, в ателье которого В. Сосинский сделал снимки А. Куприна, А. Ремизова, М. Цветаевой. 36. Страсть, с какой поэт Г. Адамович проиграл деньги, данные ему теткой для покупки квартиры в Париже. 37. Пьеса И. Тургенева, написанная в Париже. 38. Картина Каррьера на парижской выставке 1901 года, о которой тепло отозвался С. Дягилев. 42. Наука, которой посвятил выступление на Международной электрической выставке в Париже в 1881 году А. Столетов. 43. Важное химическое открытие Н. Зинина. Отдел, с ним связанный, был самым посещаемым на Всемирной промышленной выставке в 1867 году в Париже. 46. Предмет в руке тамбурмажора, открывающего «Парад 14 июля» — национальный праздник, установленный в память штурма Бастилии революционным народом.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

4. Хлебь. 8. Гаага.
11. Шаири. 12. Иппон.
13. Рамси. 14. Сукре
(в Эквадоре). 15. Ди-
нас. 16. Француз. 19.
Татаи. 20. Манко. 23.
...океан... 24. Юранд.
25. Талер. 28. Шенок.
32. Цыганка. (цыга-
ночка). 36. Жерех. 37.
Унион. 38. Пилав. 39.
Адоба. 40. Хинин. 41.
Варан. 42. Маныч.

По вертикали:

1. Эгисф. 2. Шалка.
3. Чанец. 4. Харитон.
5. Лиана. 6. Ярмат. 7.
Бисса. 9. Алуре. 10.
Горно. 17. Умора. 18.
Закал. 21. ...невец. 22.
Кадры. 24. Юткевич.
26. Панда. 27. Скоба.
29. Ежиха. 30. Нелин.
31. ...Ораны... 33. Гуа-
ва (гуайява). 34. Нио-
ро. 35. Ананд.

ТВОРЧЕСКО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

«КАТАРСИС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ ФИЛЬМ

«КЛЕЩ»

Авторы сценария, режиссеры **Б. КИЛИБАЕВ** и **А. БАРАНОВ**, оператор **Н. КИРИЕНКОВ** уверены в успехе фильма,

ПОТОМУ ЧТО:

— Абдрашид **АБДРАХМАНОВ**, известный боксер, блестяще сыграл главную роль сыщика Клеца. Мужеством, твердой уверенностью в себе, умением отстоять свою честь и человеческое достоинство, безграничным мужским обаянием — этими качествами, привлекающими зрителей в фильмах, но во многом утраченными людьми в жизни, отличается простой следователь, вступивший в борьбу со своими коррумпированными коллегами;

ПОТОМУ ЧТО:

— Виктор **ИВАНОВ** и руководимая им группа каскадеров выполнили уникальные трюки, невообразимые погони, невероятные крушения с беспримерным мастерством и бесстрашием. Недаром на фестивале каскадеров в Тулузе эта группа получила специальный приз за мужество;

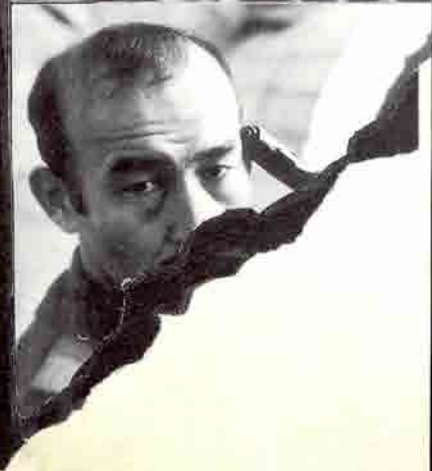
ПОТОМУ ЧТО:

— фильм смонтирован новым оригинальным клиповым способом.

Копию фильма «Клещ» и видеокассеты можно приобрести, направив заявки по адресу:

**480117, Алма-Ата,
проспект Аль-Фараби, 16.
ТПО «КАТАРСИС».**

«КАТАРСИС» — объединение молодых кинематографистов. Приглашаем к творческому сотрудничеству всех, кто мечтает о воплощении своих киноидей в кинофильмы.

МУЗЫКАЛЬНАЯ АНТЕННА ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

АНДРЕЙ РАЗИН

ИНДЕКС 70820. 70 коп.